

СИМВОЛЫ

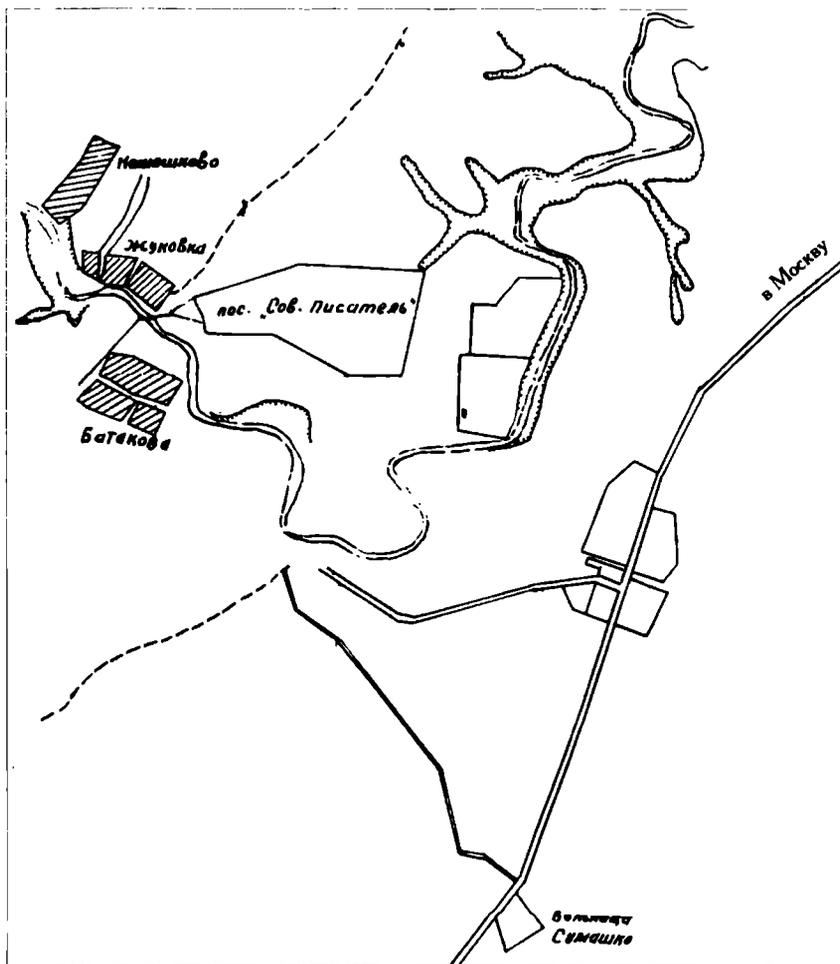

ВРЕМЕНИ

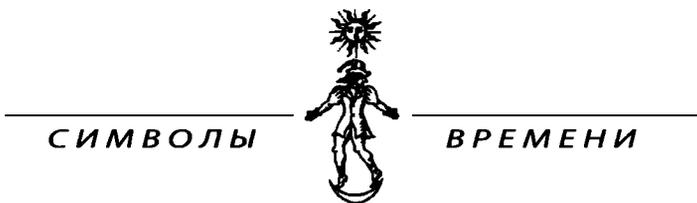
АЛЕКСАНДР
ГАНУЛИЧ

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
«СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ»

Участок карты Калининского района Московской области

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

Александр Ганулич

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ»

Москва
АГРАФ
2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г 19

Оформление *Л. Митич*

Г 19 **Александр Ганулич. Взлет и падение «Советского писателя».** — М.: Аграф, 2013. — 384 с. (Серия «Символы времени»). — ISBN 978-5-7784-0443-4

Поселок писателей Красная Пахра явление уникальное, прежде всего потому, что объединял проживавших там замечательных людей: писателей, поэтов, сценаристов, драматургов, художников, композиторов, музыкантов, кинорежиссеров. Их имена в свое время знала вся страна. Сейчас они остались в памяти старшего поколения. Задача этой книги пробудить интерес к тем деятелям культуры, которыми можно и нужно гордиться стране в наше изменчивое время.

В книге четыре главы посвящены общей истории поселка, которая началась в 1952 году, и двадцать глав — это очерки о его жителях. Обо всех обитателях поселка написать невозможно, поэтому автору пришлось отобрать из них всего двадцать. О тех, кому не посвящены отдельные очерки, можно прочитать в главах, рассказывающих об общей истории поселка, в которой было много юмористического, но хватало и драматизма, а порой и трагизма.

Константин Симонов и Александр Твардовский, Роман Кармен и Михаил Ромм, Зиновий Гердт и Эльдар Рязанов — вот некоторые из героев этой книги.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-7784-0443-4

©Ганулич А.А., 2013
©Издательство «Аграф», 2013

РОЖДЕНИЕ (1952–1961)

Советская власть почти с самого своего рождения трепетно относилась к писателям. Они были призваны цементировать чудовищную и непрерывно увеличивающуюся пропасть. Пропасть, которая обнаружилась между светлыми и привлекательными идеями социализма и жестоким, античеловеческим, уродливым строем, который получился при попытке реализации сладкой утопии. При советской власти писатели заняли исключительное положение, многие вошли в высшие органы власти: в Верховный совет страны и в ЦК КПСС. История до того знала только один пример такого влияния деятелей культуры на общество: великих греческих трагиков Эсхила, Еврипида и Софокла.

Впервые сталинская идея вознесения советских писателей над толпой при одновременном полном контроле их мыслей и творчества была реализована в 1934 году в подмосковном поселке Переделкино. Историю возникновения того поселка можно слышать в разных интерпретациях. Одна из наиболее привлекательных изложена в книге Владимира Карпова «Жили-были писатели в Переделкино». «После возвращения Максима Горького с Капри в Россию в 1931 году сам великий и ужасный горец задал классику пролетарской литературы следующий вопрос: “А как живут писатели за границей, Алексей Максимович?” — “На дачах живут, Иосиф Виссарионович, уезжают от городской суеты”. — “А у наших писателей дачи есть?” — “Нет, Иосиф Виссарионович”. — “Не хорошо. Надо, чтобы были дачи и у наших советских писателей. Пришлите мне список человек на сорок-пятьдесят самых достойных”».

И дело закрутилось. Со сварами и скандалами были отобраны достойные. В 1934 году возник писательский поселок Переделкино по Киевскому шоссе совсем близко от Москвы. Гордость избранных и зависть обойденных писателей блистательно отразил Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите», где привилегированный поселок был назван Перельгино.

Дачи в Переделкино были государственными, построенными за счет средств бюджета Советского государства. Писателям они сдавались в аренду, как правило, пожизненную, если конкретный творец чего-нибудь антисоветского не отчебучит. Когда же очередной литератор умирал, то его родственники имели право пользоваться дачей всего полгода. Потом их безжалостно и бесцеремонно из нее выкидывали.

Тем самым государство получило отличный рычаг управления творчеством советских классиков литературы.

Героизм и победный порыв Великой отечественной войны родили плеяду новых талантливых писателей, поэтов, журналистов. Достаточно назвать Константина Симонова, Романа Кармена, Маргариту Алигер. Были также обиженные литераторы, которые опоздали к дележке сладкого пирога под названием Переделкино: Семен Кирсанов, поэт и военный корреспондент ряда газет, Иосиф Прут, известный драматург и сценарист, Самуил Бологин, поэт и переводчик, и другие. Таким образом, вопрос о создании нового поселка писателей после окончания войны вполне созрел.

К чаяниям советских писателей, уставших от войны и от городского шума, прислушался Совет Министров СССР, который 2 августа 1948 года издал Распоряжение № 10828 «О выделении Союзу советских писателей СССР земельного участка площадью 25 га в квартале № 80 Десеневского лесничества Краснопахорского лесхоза». На распоряжении стояла подпись Иосифа Сталина. Однако, в отличие от поселка Переделкино, новый поселок должен был возникнуть на совсем иных принципах: в виде дачно-строительного кооператива. Это означало, что желающие войти в кооператив должны были не только являться членами Союза советских писателей, но внести вступительный взнос и строить дачи за свой счет. Нужно вспомнить, что страна лежала в руинах, состоятельных людей, тем более творческих профессий, можно было пересчитать по пальцам. Этим и объясняется, что первые желающие стать членами кооператива стали появляться только к 1951 году, несмотря на то

что в Литфонде и Доме писателей висели объявления об организации кооператива и о приглашении в него всех желающих.

Когда же были подобраны первые 18 человек, согласившихся стать первопроходцами дачного кооперативного строительства, выяснилось, что срок действия Распоряжения Совета Министров СССР истек, и Московское областное управление лесного хозяйства потребовало дополнительного указания правительства. Без промедления в Совет Министров СССР была отправлена просьба о пролонгации действия Распоряжения от 1948 года. Бумага была подписана Заместителем Генерального секретаря Союза Советских писателей СССР Константином Симоновым и Секретарем Правления Союза Советских писателей СССР Анатолием Софроновым. Залп столь тяжелой артиллерии удался, и на свет появилось новое Распоряжение Совета Министров СССР № 10056-р от 28 апреля 1952 года, в котором разрешалось в виде исключения сохранить за Союзом советских писателей СССР земельный участок площадью 25 га. Теперь уже писателям отступить было некуда.

Участок был расположен замечательно, хотя тогда казалось, что очень далеко от Москвы: в двух километрах от Калужского шоссе и в пяти минутах хода от берега реки Десны. С севера и востока участок соседствовал с почти девственным лесом, с юга с территорией дома отдыха Минмашстроя. Западная часть территории выходила на поле колхоза имени Тимирязева. Дальше на западе находились деревеньки Жуковка и Батаково. От военного поселка, расположенного на 36 километре Калужского шоссе, до его южных границ почти доходила дорога-бетонка, соединяющая шоссе с домом отдыха.

Речушка Десна упиралась чуть ниже по течению в плотину Троицкой камвольной фабрики, что позволяло поддерживать в ней высокий уровень воды. В ней можно было купаться и даже плавать на весельных лодках. Русло реки было красивейшим. Берега, поросшие лиственными лесами, островки, крутые повороты, темные воды, к концу летнего сезона зарастающие желтыми кувшинками и белыми лилиями. Особенно величественной река представляла в период золотой осени: на островах и по берегам реки можно было любоваться всеми оттенками зеленого, желтого, бурого, красного цветов. Грехом было не распорядиться по-хозяйски такой красотой. И министр строительства предприятий машиностроения СССР Николай Александрович Дыгай этим богатством распорядился. У излучины

на высоком берегу возникло большое и красивое здание в стиле позднего классицизма с колоннами и чудесной лестницей, спускающейся к самой воде. На островке перед этим зданием были построены беседки из шести колонн с полусферическими крышами. С берегами этот островок соединяли мостики. Самым красивым и запоминающимся был подвесной мост, выполненный по типу моста через Москву-реку, соединяющего Крымскую и Фрунзенскую набережные. Хотя он был в десятки раз меньше своего старшего брата, но у местных жителей носил гордое название Крымский мост. Дыгай успел построить еще здание Дома культуры в таком же псевдоклассическом стиле и разбить парк с липовыми аллеями и статуей вождя всех народов на высоком постаменте. Правда, работникам министерства, которое было переименовано в Министерство строительства, пользоваться Домом отдыха довелось недолго. Никита Сергеевич Хрущев передал весь комплекс Мосгорздраву, который превратил его в детский кардиологический санаторий. Но совсем из этих благословенных мест Дыгай не ушел. Министерство выбило землю поблизости, и там в самом начале 1960-х возникло стандартное невыразительное здание однодневного Дома отдыха или профилактория. Когда же Николай Александрович перешел на работу в Моссовет, он организовал дачный поселок на том месте, где в его бытность министром стояли домики обслуживающего персонала Дома отдыха, то есть вплотную к южной границе поселка писателей.

Хорошее представление о красоте этих мест давал видовой фильм «Золотая осень». В нем, помимо буйных осенних красок, была запечатлена актриса Мария Ладынина, по совместительству жена знаменитого режиссера Ивана Пырьева. По фильму она играла на рояле как раз в центральном зале дыгаевского Дома отдыха. Не случайно в своих воспоминаниях драматург Виктор Розов назвал это место «современным Кусково или Шереметьево».

Но вернемся к истории поселка. В том же 1952 году, 25 июля, увидело свет еще одно распоряжение Совета Министров СССР № 18819-р. В нем разрешалось на выделенном участке земли организовать дачно-строительный кооператив «Советский писатель» для строительства 50 дач за счет собственных средств кооператива. Это был новый шаг развития форм собственности, используемой привилегированной частью общества – литераторами. От государственной собственности в Перedelкино

сделан рывок к кооперативной собственности в поселке Красная Пахра. Именно такое название неофициально закрепилось за новым оазисом писательской жизни.

Между тем, первые члены кооператива подбирались с большим трудом. Из упомянутых 18 кандидатов реально внесли вступительный взнос в размере 4000 рублей к 14 октября 1952 года только десять человек, включая М. Алигер, С. Болотина, М. Матусовского, К. Симонова, С. Кирсанова, И. Прута и некоторых других. Именно они стали законными членами-учредителями кооператива и были зарегистрированы в Московском Совете. Впрочем, желание вступить в кооператив выразил и еще целый ряд писателей. Вступительный взнос равнялся четырем средним заработным платам в стране того времени. Первым председателем Правления кооператива был избран Иосиф Леонидович Прут.

Поначалу на территории кооператива, помимо территории под дачи, планировались участки общего пользования: торговая палатка, 2-3 спортплощадки, хозяйственный участок с конторой и сторожкой, пожарный сарай, участок для трансформаторной подстанции, стоянка для автомобилей. Кроме того, из площади кооператива выделялся участок для проведения высоковольтной линии электропередач. Жизнь очень быстро начала вносить свои коррективы в первоначальные планы. Линия электропередач в итоге прошла вне территории поселка, а ДСК заключил договор с домом отдыха Минстроя о совместном использовании имеющейся у тех трансформаторной подстанции. От спортплощадок все дружно отказались, в поселке так и не возникла торговая палатка за все почти что шестьдесят лет его существования, хотя ее строительство обсуждалось неоднократно. На высвободившиеся территории сразу же принимались новые члены кооператива, причем часто с нарушениями, которые неизменно вскрывались многочисленными проверяющими комиссиями. Однако, нарушения были не столь серьезными, чтобы делать оргвыводы, а Правление ДСК быстро исправляло выявленные недостатки.

Поселок начинался с дорог. От бетонки, ведущей с Калужского шоссе, прорубили просеку до южной границы поселка, затем просеку по центральной части писательской территории, предназначенную для прокладки высоковольтной линии электропередач, а потом и по остальным частям поселка согласно планировке. По просекам строили дороги, вначале грунтовые, потом насыпные, а, в конце концов, асфальтированные.

Исторически первой была оформлена дорога вдоль южной границы поселка. Она получила название «Южная аллея». В ее центре находился единственный заасфальтированный пятачок, где можно было поставить автомобиль. «Центральная аллея» шла по просеке высоковольтной линии. Северо-западная граница поселка стала именоваться «Восточной аллеей», что говорило о понимании писателями трудного положения Страны Советов в мире: Западной аллеи в поселке не было. По ходатайству Правления ДСК «Советский писатель» 12 июля 1958 года эти названия были закреплены решением Исполкомом Троицкого поселкового Совета.

Жителям Южной аллеи поначалу везло больше других. Они получили первую дорогу в поселке, их дачи первыми были подключены к электрической сети. Да и добраться до них было проще. Члены кооператива, их родственники и гости добирались до конца бетонки пешком или на редких тогда автомобилях, переобувались в высокие резиновые сапоги и бодро брели к выделенным им участкам. До остановки «36 км» на Калужском шоссе ходил автобус. Железной дороги в этом направлении не было. В те времена это было большим недостатком, но когда у всех обитателей поселка появились автомобили, это превратилось в достоинство. Калужское направление не было столь густо заселено, как многие другие зоны Подмосковья. Автомобилей почти ни у кого не было. Те редкие счастливицы, что все-таки владели этим чудом техники, обычно не отказывали своим соседям по поселку забрать их из Москвы и довезти до Красной Пахры.

Большую часть территории поселка занимал лес. Деревья вдоль просек и на площадях, предназначенных к строительству дач, выкорчевывали выделенной лесхозом техникой. Западная часть поселка, напротив, располагалась на открытом поле, будущие владельцы этих участков были вынуждены засаживать их деревьями. Большим недостатком поселка было то, что он стоял на суглинистых почвах. Это вызывало повышенную влажность, трудности прохода и проезда по дорогам в распутицу. Этим объяснялось и то, что лес преимущественно состоял из елей, но встречались и лиственные деревья: березы, сосны, клены и дубки. Плодородный слой почвы был очень тонким. Это означало, что всем членам кооператива, пожелавшим заняться садоводством и цветоводством, приходилось завозить на свои участки чернозем, песок и навоз и перемешивать все

это с землей. Работа была тяжелейшая, но приносила впоследствии плоды, и в прямом и в переносном смысле. Зато грибов на участках было видимо-невидимо. Белые, подберезовики, подосиновики исчислялись сотнями. Ходить в лес по грибы было совершенно бессмысленно.

Изначально водопровода в поселке, естественно, не было. Вода на участки доставлялась водовозом Петей с помощью спокойного гнедого мерина по кличке Руслан. Дети членов кооператива с удовольствием общались с Русланом. Особую активность проявлял Ваня Дыховичный, впоследствии известный актер и кинорежиссер. Руслан был собственностью кооператива. От его услуг отказались только в 1959 году, когда водопровод подтянули ко всем дачам поселка. Петя был уволен, а Руслан и запасы сена были проданы одному из ближайших колхозов.

Одним из первых дел писатели справедливо посчитали возведение заборов вокруг своих участков. Сплошные заборы возводить запрещалось, да и стоили они дорого. Как правило, заборы состояли из редкого штакетника, сетки-рабицы или даже из подручных средств типа плетня. Часть участков находилась на лесистых территориях, часть на колхозном поле, а часть на месте молодой поросли, быстро возникшей на месте вырубок военных лет. Так что заботы у дачников были разными. Кто-то выкорчевывал ели, кто-то высаживал садовые и лиственные деревья, кто-то вырубал мелкий лесок, который как назло был очень плотным.

Строительство обычно начиналось с возведения небольших домиков в наиболее удаленных уголках участков, которые получили название времянок. Времянки были разными, кто во что горазд. Обычно они содержали две малюсенькие комнатки и терраску. Отапливались времянки дровяными печками, на которых можно было также приготовить немудреную еду или вскипятить воду в чайнике. Зимой в них было жить, конечно, невозможно, но с апреля по ноябрь они четко выполняли свои функции. Попадались и более солидные времянки в виде щитовых финских домиков. Они были побольше, часто со вторым этажом, обшиты изнутри вагонкой — вполне приемлемые дачки.

В 1955 году в поселке появился некто Георгий Вениаминович Пропер. Несмотря на то что он имел временную прописку, а трудовая книжка у него отсутствовала, он был принят на работу в кооператив в качестве управляющего. К себе товарищ Пропер очень располагал, рассказывал, что до того он работал в районах

Крайнего Севера страны. Возможно, это так и было. Только вот в каком качестве? В поселке он развернул бурную деятельность, уговаривая наивных писателей сдавать деньги на строительство времянок.

— Вы подумайте, как это будет здорово: вы будете уже жить во времянке и смотреть из окон, как будут расти стены ваших солидных дач, — этим аргументом он смог привлечь довольно приличные средства, после чего благополучно скрылся. Однако, в тот раз наша доблестная милиция сработала оперативно, Пропера быстро разыскали, арестовали и осудили. Правда, на очень небольшой срок. В октябре 1957 года он освободился и вновь появился в поселке. Наверное, это чисто русская черта: тебя один раз обманули, а ты снова поверил мошеннику. На этом играли успешно впоследствии деятели типа Сергея Мавроди из «МММ» и Валентины Соловьевой из «Властелины». Его наняли в качестве частного подрядчика члены кооператива Матуссовский, Александрова, Антокольский и некоторые другие. Опомнились они только через два года. Тогда выяснилось, что их строения потребовали слишком большого количества строительных материалов, а у Георгия Вениаминовича в одном из ближайшем селений по соседству появился двухэтажный домик.

Вообще, поселок стал привлекать внимание жуликов и асоциальных элементов с самого начала своего существования. Через несколько лет после случая с Пропером со всей кассой ДСК скроется тогдашний бухгалтер. Проявлением «классовой борьбы» будут регулярные ограбления дач обычно в зимний период, когда жители в них отсутствовали. Свою лепту вносили и военнослужащие ближайшего военного городка, которые устраивали периодические налеты на сады писателей. Очень распространенной была кража цветов с участков жителей поселка, причем часто варварская, с выдергиванием луковиц. Председатели ДСК вынуждены были периодически просить защиты у начальника гарнизона, начальника Московского областного управления милиции, начальника Краснопахорского отделения милиции. В ответ начальники включали территорию поселка в зону патрулирования своими работниками, но реальных результатов это не давало.

Приходилось бороться и со своими ближайшими соседями. Дом отдыха Минмаша не слишком долго терпел езду по своей территории автомобилей писателей, тем более что поток грузо-

вых машин, следующих на дачи, рос. Они поставили шлагбаум и будку с охраной на повороте с Калужского шоссе, которое шло к ним и, соответственно, к писателям. Дело дошло до того, что, как вспоминает писатель Николай Жданов, «роженицу, колхозницу, которую переправляли на санях в больницу, тоже задержали у этого шлагбаума и заставили добираться далеко и в объезд». Этот случай особенно возмутил Михаила Ромма, который славился своей отзывчивостью к проблемам простых людей. Захватив с собой Жданова, Ромм пришел в здание ЦК партии и изложил суть проблемы. Жданов вспоминает, что «в ЦК нас успокаивал молодой человек, и в отношении к Ромму сквозили одновременно почтительное отношение к личности и совершенно искреннее изумленное недоумение, что, дескать, ТАКОЙ человек кипит и волнуется по столь обыденному и не такому уж важному поводу». Тем не менее, нужный звонок из ЦК в Дом отдыха последовал, что вызвало прекращение постоянных распрей у дальнего шлагбаума.

Между тем, пусть трудно и с издержками, но дачи в поселке постепенно росли. Члены кооператива могли выбирать из трех вариантов проектов дачных строений. Первый — небольшой финский щитовой дом с тремя комнатами, кухней, санузлом и верандой общей площадью около 50 квадратных метров. Второй — кирпичное строение с мансардным этажом с пятью-шестью комнатами, кухней, верандой, солярием, санузлом, иногда с гаражом. Общая площадь строения достигала 200 квадратных метров. Имелся еще и промежуточный вариант. Члены кооператива выбирали вариант, исходя из своих средств и вкусов. Правда, нередко им навязывали дома большего размера. Первые дачи в поселке возникли в противоположных углах. На Южной аллее выросла дача Семена Кирсанова, который смог еще и добиться изменения типового проекта: его дом был снабжен колоннадой и выглядел как старинная подмосковная усадьба. Почти в то же время закончили строительство своих дач в разных концах Восточной аллеи кинорежиссер Михаил Ромм и академик Виктор Виноградов.

Затем готовые строения стали появляться как грибы из-под земли после дождя. Писатели стали с удовольствием обживать свои хоромы. Трудно преувеличить гордость, которую испытывал какой-нибудь член кооператива, когда заканчивал строительство и отделку своего жилища.

На торжество приглашались ближайшие соседи и друзья счастливица.

Владимир Абрамович Дыховичный, драматург и поэт, ведущий в известнейшем писательском дуэте Дыховичный-Слободской, завершил отделку своей дачи. Осталось поставить один маленький штрих: в самой большой комнате повесить люстру. В те времена это было не так просто. Владимир Абрамович с женой Александрой Иосифовной хотели повесить под потолком нечто выдающееся – большое, хрустальное, итрающее сотнями зеркальных бликов. Были задействованы друзья, которые вывели Дыховичного на один из центральных комиссионных магазинов Москвы. Наконец, из магазина позвонили: «Приезжайте, кое-что есть по вашему заказу». Дыховичные помчались в комиссионку. «О чудо», – только и сказала Александра Иосифовна. На массивном бронзовом основании крепились бесчисленные хрустальные подвески. Между собой их основания соединялись опять-таки хрустальными бусами. Но главным украшением этого произведения искусства был плафон, который подвешивался снизу и оттенял все хрустальные каскады люстры. «Берем», – прошептала Александра Иосифовна, даже не советуясь с рядом стоящим с открытым ртом мужем. Нужная сумма и солидное вознаграждение сразу же перекочевали из кармана Владимира Абрамовича в карман продавца.

– Не посоветуете ли какого-нибудь опытного мастера, чтобы повесил люстру у нас на даче? – поинтересовался у довольного продавца счастливый драматург.

– Конечно, Владимир Абрамович, нет проблем. У нас есть специалист, которого мы привлекаем в сложных случаях. Он и разберет люстру, и промоет все хрустальные элементы, и повесит ее, куда скажете.

Через несколько минут Дыховичный уже договаривался со специалистом. По счастью, тот оказался свободным, и через час приехал в комиссионный магазин. Была найдена подходящая тара, мастер быстро и умело разобрал хрустальное чудо, завернул каждый элемент в газетную бумагу и сложил все в деревянный ящик. Он даже вытащил этот ящик на улицу и помог потрузить его в машину. В багажник разобранный ящик не влезло, и его аккуратно расположили на заднем сидении.

В ближайший выходной день мастер прибыл на дачу. Владимир Абрамович встретил его на автобусной остановке и до-

вез до дачи. Ящик с люстрой уже его дождался посреди самой большой комнаты дачи Дыховичных. Мастер потребовал лестницу, снял пиджак, надел синий халат и забрался на деревянную стремянку. Дело пошло споро. Он закрепил на вбитом в потолок солидном крюке бронзовое основание люстры и начал ловко подвешивать к нему бусы и подвески, которые подавала ему из ящика привлеченная к процессу домработница. Осталось только закрепить плафон. Что в этот момент произошло, осталось только гадать. То ли качнулась стремянка, то ли пальцы мастера уже устали, но он не удержал плафон. Тот выскользнул из рук, сверкнул всеми цветами радуги, рухнул на деревянный пол и раскололся на сотни хрустальных осколков. Несколько секунд стояла гробовая тишина. Потрясенные хозяева, трепетно взиравшие на процесс сборки люстры из кресел, потеряли на несколько секунд дар речи. Мастер, осознав, что произошло непоправимое, вихрем скатился со стремянки, внимательно посмотрел на груды хрустальных осколков и взглянул на супружескую пару:

— Что я еще могу для вас сделать?

На этом заканчивается одна из легенд поселка, которыми он за шестьдесят лет существования оброс с ног до головы.

На период строительства в поселке появились десятки мастеров-работяг, часть которых даже осталась в Красной Пахре и после окончания основных строек: работы для них хватало. Легендарной личностью был Коля-жестяник по фамилии Луковкин, иначе Колька Тепленький, прозванный так из-за своей пагубной привычки. Он был маленьким, сухоньким, вечно навеселе, но виртуозным мастером. Основной его специализацией были колпаки на трубы, чтобы в них не затекала дождевая вода и не валился снег. Довольно сложные развертки Коля не вычерчивал, а резал прямо по металлу на глаз. Потом сгибал в нужных местах, фиксировал молотком, и водружал готовый колпак на трубу. Тот сидел как влитой. Иногда Коля давал волю своей фантазии, например, на даче у гроссмейстера Котова колпак был украшен шахматным конем.

Как-то раз Тепленький появился у Сергея Петровича Антонова с жалобой:

- Беда, Петрович, беда!
- Что такое, Коля?
- Дружки в ухо дали!
- Больно?
- Не, не больно...

- А что?
- Так, ребята издеваются. Говорят в правое ухо, которым я не слышу!
- А что говорят?
- Спрашивают, не хочу ли я выпить...

Антонову осталось только искренне посочувствовать Тепленькому.

В те годы городские жители страны Советов были лишены, по меньшей мере, двух естественных человеческих достояний: собственности вообще и земли в частности. Нужно вспомнить, что в трудные послевоенные годы у части жителей поселка не было отдельной квартиры в Москве, только комната-две в коммунальной квартире. А здесь... Раздолье, много больших комнат на двух этажах, участок, заросший лесом, из-за чего летом даже соседские дачи не видно. Делай, что хочешь. Отдельвай свое жилище в соответствии со своими вкусами и финансовыми возможностями, сажай на участке цветы, яблони и вишни, кусты смородины и крыжовника, малины, выращивай клубнику и огурцы, картошку, в конце концов. Жителями поселка быстро овладевало всепоглощающее чувство собственности. Они в одночасье становились хозяевами своей жизни. Могли ложиться спать, когда хотели, а вставать после полудня. Но большинство из них обладало такой внутренней организацией и дисциплиной, что с раннего утра садились за свои письменные столы, отрываясь от них только на завтрак и обед.

Тяга к земле у части писателей также проявилась очень остро. Большинство высадили садовые деревья, кусты смородины, крыжовника и малины, разбили небольшие огороды. Но находились отдельные жители поселка, которые занимались цветоводством почти профессионально. Виктор Розов, Олег Писаржевский, жены Михаила Ромма и Ильи Кремлева выращивали красивейшие цветы, приглашали к себе на участок соседей, чтобы те полюбовались их цветочными достижениями. Писаржевский даже получил от Правления ДСК разрешение на строительство на своем участке оранжереи в обмен на обещание помочь в тонком деле цветоводства всем желающим жителям поселка. Розы, тюльпаны, нарциссы, пионы всех оттенков, флоксы, анютины глазки, гиацинты, настурции и маргаритки и, в особенности, гладиолусы от белых до почти черных стали визитной карточкой наиболее продвинутых в цветочном отношении участков.

Одновременно с переездом в новые шикарные дачи члены кооператива освободили свои временки. В те времена местная власть строго контролировала количество строений на участке. На одном участке должно было находиться одно жилое помещение. Можно было надеяться получить разрешение на строительство гаража, но не более того. Что делать с построенными временками? Сносить? Творческая писательская мысль, умноженная на консультации юристов и специалистов по кооперативам, нашла выход из сложившегося положения. Что нужно писателю для успешной и безотрывной работы? Правильно, библиотека. Там можно расположить справочники и энциклопедии, подшивки газет и журналов, книги классиков и конкурентов, черновики собственных рукописей. Помещение нежилое, но важное, просто необходимое для писателей. Композиторы и художники могли хранить там свои ноты и картины, опять-таки все обосновано. Короче говоря, все дружно оформили свои временки как библиотеки или архивы.

Однако становилось обидно, что вполне приличное жилое помещение простаивало. Сейчас уже трудно установить, кто из членов кооператива стал первым сдавать временку под жилье другим семьям. Как правило, вначале это были близкие хозяину люди, друзья, причем лица творческих профессий. Например, писатель Климентий Минц сдал свою временку главному режиссеру Московского мюзик-холла Александру Конникову, а писатель Жданов – писателю Виктору Драгунскому, автору «Денискиных рассказов» и отцу означенного Дениски. Отдел контроля за ДСК и ЖСК Мосжилуправления был успокоен соответствующими ходатайствами Правления. В дальнейшем временки у членов кооператива снимали и далекие от культуры и искусства лица.

Наличие временок запустило и еще один процесс развития поселка. Принять нового члена кооператива можно было только при наличии на участке строения. Оно было собственностью писателя или музыканта. Землей безраздельно владело государство, поэтому нельзя было просто разделить участок пополам и продать часть новому члену ДСК. Продать можно было только свою собственность, то есть строение. Временки в этом процессе стали ощутимым подспорьем. Правда, нужно было вначале вернуть им статус жилого помещения, но затем можно было получить хорошие деньги.

Первые примеры такого увеличения числа пайщиков кооператива появились в конце 1959 года. Вначале Константин Симонов продал пристройку к своей даче и часть участка Абраму Юрьевичу Долинскому, архитектору и строителю, который очень много сделал для поселка в целом и для Симонова в особенности. Его сын, тогда еще маленький Володя, сейчас превратился в очень известного и популярного актера Владимира Долинского. Второй пример – это дирижер Кирилл Кондрашин, став членом кооператива, он уступил гараж и часть участка своему другу знаменитому пианисту Эмилю Гиллельсу.

Налаживалась инфраструктура поселка. Члены кооператива получили воду от централизованного водопровода. Были полностью протянуты линии электропередач. Дороги совершили довольно быстрое преобразование от грунтовых к асфальтированным. Первыми смогли отказаться при приезде на свои участки от резиновых сапог жители Южной аллеи, что вызвало у них вполне объяснимую гордость и зависть жителей других аллей.

В дачах были проведены системы водяного отопления. Нагрев трубопроводов отопления и подачи горячей воды производился от водогрейных котлов, которые топились углем. В этом для обитателей поселка таились две серьезные трудности.

Первая состояла в том, что в котлы дважды в день нужно было подбрасывать уголь и выгребать из них шлак. Это делало необходимым постоянное проживание на даче либо дальних родственников членов кооператива, либо чаще домашних работников. Все они приехали в Московскую область из отдаленных областей средней России и даже Сибири. Своего жилья у них не было, поэтому они с удовольствием жили на дачах, присматривали за ними, топили, убирали, занимались огородами и садами.

Они были прописаны на площади конторы ДСК, что строго контролировали местные органы власти. Обычно их звали по имени, а так как имена часто повторялись, то присваивали им фамилии хозяев тех дач, в которых они жили, например Аня Крепс или Нюра Котова. Их наличие, впрочем, не всегда избавляло от необходимости нанимать истопников. В поселке появилось несколько представителей этой профессии, часто это были семейные пары. Истопники и домработницы тщательно следили за тем, чтобы котлы не погасли. Растапливать их было трудно. Конечно, можно было на зиму слить воду из системы отопления и заглушить котел, но на подобные экс-

перименты мало кто решался. Дом очень быстро отсыревал, вздыбливались полы, отставали от стен обои, сыпалась с потолка штукатурка. Только в самые жаркие летние дни угольные котлы тушили.

На участках размещались небольшие сарайчики, в которые один раз в год завозили уголь, а образовавшимся шлаком посыпали дорожки, излишки шлака рассыпали вдоль заборов.

Именно с углем была связана вторая проблема отопления. Этот самый уголь где-то нужно было доставать. В условиях победившего социализма уголь частное лицо купить не могло никакими силами. Из воспоминаний Виктора Розова: «Уголь в то время выдавался пайками, да еще этот паек надо было вовремя получить. Сначала талон на Большой Бронной, а потом хлопоты по доставке». Но и этот тернистый путь далеко не все жители поселка могли успешно пройти. И тем не менее, котлы в дачах не выключались. Правдами и неправдами, за взятки и по знакомству писатели выбивали у государственных структур уголь, который по бумагам предназначался для каких-либо вполне легальных котельных, но до них не доходил, а привозился в поселок. Все это было на грани, а часто и за гранью криминала, но иного выхода родное советское государство частникам не оставляло.

Газ в поселок завозили в виде баллонов, и он использовался только для газовых плит, на которых готовили еду. Баллоны устанавливались снаружи у стены кухни в специальном металлическом ящике, куда влезали два баллона и редукционная аппаратура для понижения давления газа. Ящик в обязательном порядке запирался на замок. Баллоны с газом, в отличие от угля, можно было купить официально. Можно было обменять пустые на полные, отстояв огромную очередь в соответствующем загородном пункте.

Канализацию каждый член кооператива устраивал на своем участке самостоятельно. Она состояла из двух ям. Первая из них соединялась с дачным туалетом канализационной трубой. В нее попадали и твердые фракции жизнедеятельности человека и вода. Жители пристально следили, чтобы гости не кидали в толчки бумажки, вату и марлю, предшественников женских прикладок, дабы не засорить канализацию.

Писательский труд не давал стабильного заработка. Авторы жили на гонорары от издания их произведений, а гарантировать их постоянство никто не мог. Этим объяснялись те случаи, когда строительство дач замораживалось, более того,

иногда даже не было средств на оплату членских взносов кооперативу. Тогда Правление было вынуждено даже направлять исполнительные листы по месту работы должников. В большинстве случаев такая угроза срабатывала, и должники гасили свои задолженности. В число должников попадали даже самые известные писатели.

Этим обстоятельством отчасти было вызвано то, что в члены кооператива стали принимать не только членов Союза советских писателей СССР, но и известных композиторов, музыкантов, художников, режиссеров. Часть членов кооператива, которые были в числе его учредителей, не смогли дальше нести бремя финансирования строительства и продали свои паи. Членами кооператива стали композитор Дмитрий Кабалевский, дирижер Кирилл Кондрашин, пианист Эмиль Гилельс, художник Орест Верейский, шахматист гроссмейстер Александр Котов. Пришли в поселок и новые писатели, произведения которых становились все более популярными: Григорий Бакланов, Олег Писаржевский, Алексей Каплер, Юрий Нагибин, Евгений Воробьев, Сергей Антонов, Михаил Маклярский.

Не оставляло государство деятелей искусств без своего бдительного ока. Одним из членов кооператива стал полковник КГБ Георгий Шнюков, имеющий к писательству весьма опосредованное отношение. Зато детский писатель Юрий Яковлев по совместительству также являлся полковником КГБ.

Жизнь обитателей поселка до конца трудно было понять без учета тех процессов истории и социальной политики, которые имели место в советской стране. Хотя Иосиф Сталин сыграл положительную роль в появлении ДСК «Советский писатель», но он очень вовремя оставил белый свет. Ранние годы развития поселка связаны с разоблачением культа личности Сталина, с началом хрущевской оттепели, периодом относительной свободы общества. В соседнем парке Дома отдыха Минмашстроя, где стоял памятник советско-грузинскому вождю еще в начале освоения территории поселка, с 1956 года остался только сиротливый постамент. Скульптурное изображение вождя долго валялось на клумбе рядом с ним, олицетворяя верную линию партии. Вначале постамент был покрыт гранитной плиткой, но очень скоро жители окрестных деревень нашли ей более полезное применение. В отличие от Переделкина, где попадались в тридцатые-сороковые годы пустые дачи разоблаченных вра-

гов народа, Красную Пахру практически миновала эта участь. Здесь преследователи и преследуемые жили по соседству.

Возьмем, к примеру, Михаила (он же Исидор) Борисовича Маклярского. Родился он в 1909 году в Одессе в семье портного. Однако, довольно рано в нем проявились совсем другие способности, не связанные с искусством кройки и шитья. В 1927 году вступил в ряды ОГПУ, да так и шел по этой линии, набираясь опыта и знаний. В 1932 году он окончил юридический факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте, оставлен при кафедре. Через два года переведен в Москву сотрудником секретно-политического и контрразведывательного отделов Главного управления ГБ НКВД, однако, 1 мая 1937 года Маклярский сам был арестован по обвинению в причастности к троцкистской организации. По каким-то причинам ему повезло, и уже в августе он был освобожден за недоказанностью обвинения, и его даже вернули на службу. Во время войны способности Михаила Маклярского развернулись в полной мере. Его назначают главой одного из отделений управления НКВД, ведавшего действиями разведывательных и диверсионных групп на оккупированных территориях. На счету этого отделения ликвидация Вильгельма Кубе, гаулейтера Белоруссии, организация радиоигр с немецкой разведкой. Войну он закончил в чине полковника госбезопасности и был уволен в запас. В мирной жизни Маклярский занялся литературой и написал пьесу о разведчиках «Подвиг остается неизвестным». По ней сняли ставший знаменитым фильм «Подвиг разведчика». Михаил Маклярский был одним из авторов сценария этого фильма. Он по сути открыл детективный жанр в советском киноискусстве. В 1947 году фильм вышел на экраны, стал необыкновенно популярным во многом из-за блестящей игры Павла Кадочникова, а на следующий год принес своим создателям Сталинскую премию. Вторую Сталинскую премию Маклярский получил за сценарий еще одного фильма о разведчиках — «Секретная миссия» — три года спустя.

Но злоключения разведчика на этом не прекратились. Сталин начал свою антисемитскую кампанию делом еврейского антифашистского комитета, потом последовало дело врачей-вредителей и, наконец, разоблачение «сионистского заговора в МГБ». Министр государственной безопасности Виктор Абакумов в 1951 году был снят со своего поста, арестован и обвинен в организации «сионистского заговора в МГБ». Через полгода

арестовали и Маклярского. Он оказался очень удобной фигурой для обвинения в сионистском заговоре. Припомнили его гэбистское прошлое, связали его литературную деятельность с еврейским антифашистским комитетом, «назначили» ближайшим сподвижником Абакумова. Парадокс состоял в том, что именно из-за неприязни к нему Абакумова Маклярский был уволен после войны из органов. Кроме того, министр госбезопасности не простил Михаилу Борисовичу то, что фильм «Подвиг разведчика» вышел на экраны страны, несмотря на возражения главного советского гэбиста.

Под пытками Маклярский дал нужные показания. В частности, оговорил своего близкого знакомого Льва Шейнина. Лев Шейнин был очень заметной фигурой в довоенной Советской прокуратуре. Автор популярных тогда «Записок следователя» Лев Шейнин совместно с недоброй памяти Вышинским, Генеральным Прокурором СССР, составлял обвинительное заключение по делу о покушении на С. М. Кирова в 1934 году. На следующий год он подписывает приговор Каменеву, Зиновьеву и еще семнадцати их сторонникам. Начальник следственного отдела Прокуратуры СССР был арестован, на недолгое время оказался в лагерях, но быстро был отправлен в Москву, где и был освобожден. Затем у него оказалась масса свободного времени для успешного писательского труда. В 1951 году он также оказался в числе арестованных по делу Абакумова. Он, впрочем, не отстал от своего коллеги, следователи выбили из него компрометирующие Маклярского показания. Друзей оправдывает только то, что в подвалах Лубянки за редким исключением все давали «признательные» показания. К их чести нужно отнести то, что после своего освобождения, последовавшего после смерти «вождя» в 1953 году, они продолжали поддерживать дружеские отношения и простили друг другу оговоры. В 1957 году они даже стали соавторами сценария вышедшего в 1957 году на экраны фильма «Ночной патруль».

После освобождения Маклярский продолжил свое литературное творчество и вступил в члены ДСК «Советский писатель» в Красной Пахре. Заработанных средств ему вполне хватало на постройку большой дачи. В 1958—1959 годах он даже был председателем Правления кооператива.

В 1961 году он продал свою дачу все тому же Льву Романовичу Шейнину.

Неподалеку от него жили Николай Эрдман и Владимир Масс,

авторы сценария фильма «Веселые ребята». В 1933 году они были вместе арестованы, их фамилии были сняты из титров знаменитой кинокартины. Только в 1941 году на имя директора МХАТ Ивана Москвина (театр был эвакуирован в Саратов, где с ним сотрудничал Эрдман) пришло письмо, подписанное Берией, с предложением Эрдману стать автором сценариев концертов ансамбля песни и пляски НКВД. По этому письму Эрдмана отправили в Москву, где он стал автором сценариев ко многим популярным фильмам и мультфильмам, успешно работал с театром на Таганке. Война помогла выйти на свободу и другу и соавтору Эрдмана Владимиру Массу. В 1942–1943 годах он руководил фронтовым театром Московского военного округа, затем вместе со своим соавтором Михаилом Червинским написал множество замечательных пьес и сценариев к фильмам. Такие противоположности, как Шейнин с одной стороны, Эрдман и Масс с другой стороны, могли существовать в одном поселке.

Поселок почти сразу стал и площадкой дружбы и общения следующего поколения пахринцев: детей членов кооператива. Сохранились очень трогательные воспоминания Саши Кармена, сына Романа Лазаревича, о начале дружбы с Андреем Мироновым и Владимиром Долинским. Мария Миронова со своим мужем Александром Менакером со строительством своей маленькой дачи немного запоздали и снимали на лето дачу у Червинского, ближайшего соседа Романа Кармена. Саша с Андреем познакомились на встрече Нового 1957 года на даче Дыховичных и сразу прониклись взаимной симпатией. Андрей летом того года поступал в Щукинское училище, иной судьбы для него ни он, ни родители не видели. Друзья, а помимо Саши, в компанию входили Андрей Кеменов, Рома Шейнин, Володя Долинский, Ваня Дыховичный, делали все от них зависящее, чтобы не мешать поступлению Миронова в училище, то есть давали ему несколько свободных часов для подготовки. Способности Миронова были видны уже тогда. Александр Кармен вспоминает, что «Андрей, действительно, был артистом “от Бога”. Да он и не мог быть иным. Ведь он с пелёнок вращался в этой среде, его окружала элита нашей культуры, нашего театра, эстрады, кино. Он вырос на этой благодатной, плодородной почве, в этом климате». Но и Володя Долинский проявил свои способности комика уже в то время. Кармен: «А я вспоминал, как он, тогда вроде бы толстенький и неуклюжий,

“вставлял перо” всем нам, доказывая, что может не хуже любого, в том числе и Андрея, и танцевать, и декламировать стихи, и даже петь, и лучше всех бесстрашно нырять в реку с высокого моста, и наравне со всеми дурачиться, забавляя всех нас и себя самого. “Бодя, — помню, то и дело восклицал Андрей, корчась от хохота после очередной выходки Володи, — вы убиваете меня!” Да, “Бодя” Долинский тоже был прирождённым артистом».

Конечно, состав членов кооператива постоянно менялся на протяжении всей жизни поселка Красная Пахра, но к 1961 году поселок сложился, обзавелся всей необходимой инфраструктурой, включая прямую дорогу к поселку Ватутинки на Калужском шоссе, и был готов вступить в период поздней оттепели в СССР.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ (1915–1979)

Если задаться вопросом, а кому все же в наибольшей степени обязан ДСК «Советский писатель» на Калужском шоссе, то ответ будет очевидным – Константину Симонову. И рождением, и развитием, и расцветом – замечательному советскому поэту, писателю, журналисту – Симонову! Но при этом трудно найти жителя поселка Красная Пахра, который превосходил бы Симонова в загадочности, противоречивости, непредсказуемости. Начиная с рождения и даже после смерти!

Кирилл Михайлович Симонов родился в Петербурге. Его матерью была Александра Леонидовна Оболенская, княжеского рода, происходившего от самого Рюрика. Отец – из мелких дворян, но дослужившийся за годы Первой мировой войны до генерал-майоров – Михаил Агафангелович Симонов. Будущий писатель и поэт при рождении был наречен Кириллом, но, как-то балуясь опасной бритвой, порезал себе язык и обнаружил, что «р» и «л», из которых преимущественно состояло его имя, он произносить практически не может и взял себе псевдоним Константин. Его отец Михаил, как писал Симонов в биографиях, пал на фронтах мировой войны, но более поздние источники утверждали, что он эмигрировал из страны Советов в Польшу, где и погиб то ли в 1920, то ли в 1922. Нужно отдать должное прозорливости матери Кирилла: с четырех лет мальчика воспитывал полковник Красной армии Александр Григорьевич Иванишев, второй муж княжны Александры. В любом случае, на будущем поэте с детства уже лежали такие пятна, что трудно было рассчитывать на его успешную жизнь и судьбу.

Поначалу Симонов хотел стать дипломатом, но дальновидная мать быстро убедила его, что с подобной биографией лучше выбрать что-нибудь попроще. Этому выбору способствовали и частые переводы отчима из одного гарнизона в другой: то Ростов, то Саратов. После семилетки Кирилл пошел учиться на токаря в Саратовский фабзавуч точной механики. Очень скоро поэт убедился, насколько права была его матушка. К этому времени его родственники Оболенские либо уехали из Советского Союза, либо были репрессированы.

В 1931 году семья переехала в Москву, жила достаточно бедно, Кирилл продолжал работать токарем, хотя и начал писать стихи. Физическим трудом он зарабатывал и деньги и рабочий стаж, который ему очень пригодился через два года при поступлении в Литературный институт имени Максима Горького в поэтический семинар Павла Антокольского.

Первые полтора года он продолжал работать токарем, что давало ему некоторые преимущества: как молодому рабочему, например, ему дали командировку на строительство Беломорканала, в результате чего появилась поэма «Павел Черный».

В 1934 году были опубликованы первые фрагменты из его поэмы «Беломорцы» в сборнике начинающих поэтов «Смотри сил». Там он уже публиковался под именем Константин Симонов.

По окончании института он женился на своей однокласснице, учившейся двумя годами позже на редакторском факультете, хрупкой, остроумной и ироничной Евгении Ласкиной, родной сестре писателя Бориса Савельевича Ласкина.

Уже тогда он поражал своих сокурсников и знакомых работоспособностью. Это и заставило его сокурсницу Маргариту Алигер написать поэту Владимиру Луговскому: «Костя Симонов выдал еще одну поэму “Детство” — первую часть трилогии. Ему не надо, как нам с тобой, ждать “общего” настроения, взрываться в небо, носиться с какими-то даже еще не строчками, а вздохами и задыханиями, которым суждено стать стихами. Если в его творчестве и участвуют активно какие-нибудь нервы, то только седалищные, я не завижусь ему в этом. Мне сладко мучиться, сладко дуреть от подступающих стихов».

Сразу после окончания Литературного института Симонов поступает в аспирантуру традиционного для писателей тех лет МИФЛИ, но почти вслед за этим получает назначение военным поэтом в газету «Героическая красноармейская» на

Халкин-Гол. Фронтовая работа легко пересилила аспирантуру. На Халкин-Голе Константин Симонов знакомится с двумя личностями, сыгравшими громадное значение в его дальнейшей биографии: с молодым, но уже знаменитым кавалеристом Георгием Жуковым и журналистом и редактором Давидом Ортенбергом. Здесь Симонов из способного литератора превратился в солдата и поэта. В 1939 году рождается и первый ребенок Константина Симонова — Алексей, ныне писатель, кинорежиссер и правозащитник. Но непродолжительный брак с Ласкиной распадается. Тому есть веская причина. Имя причины — Валентина Серова.

Советский Союз тех лет не мог бы долго просуществовать без многочисленных легенд, которые до известной степени скрашивали ту ужасающую действительность, в которой жили советские люди. К одной из таких легенд принадлежала и актриса Валентина Серова.

Валентина Половикова, именно такой была фамилия Серовой в девичестве, настолько была влюблена в театр, что даже прибавила себе два года, чтобы поступить в Центральный техникум театрального искусства, откуда уже через год ее взяли в Театр рабочей молодежи (ТРАМ, потом Ленком). Трудно сегодня оценивать ее актерские способности, но то, что она была красавицей, бесспорно. Сейчас бы ее, конечно же, назвали секс-символом советского искусства. Ее первым мужем была другая легенда СССР летчик-испытатель Анатолий Серов, Герой Советского Союза и герой Гражданской войны в Испании.

1939 год был отмечен для Серовой двумя рождениями: сына Анатолия и Всесоюзной славы после демонстрации фильма «Девушка с характером». Но почему-то судьба не бывает просто щедрой, зачастую она требует за свои подарки суровую расплату: в том же году комбриг Серов разбился вместе с летчицей Полиной Осипенко при освоении «слепых» полетов на курсах повышения квалификации командующего состава.

Тем временем, еще до начала Великой Отечественной войны, Константин Симонов успевает написать две пьесы, поставленные на сцене Театра имени Ленинского Комсомола, включая знаковую «Парень из нашего города», окончить курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии и получить воинское звание интенданта второго ранга.

Было естественным для автора Театра Ленинского Комсомола посещать и другие спектакли театра. 25-летнего красавца

Константина Симонова часто видят с букетом цветов в первом ряду на спектакле «Зыковы» по пьесе Максима Горького, где в главной роли играла Валентина Серова. После спектакля букет вручался ей.

Симонов окончательно потерял голову.

Константин Михайлович умом понимал, что никакие литературные достижения, никакие букеты не приблизят его к образу Героя Советского Союза, но поделаться с собой ничего не мог. Он уходит от Ласкиной, и вся страна следит за развивающимся на ее глазах романом. Но вот беда: если Серова и питала какие-то чувства к поэту, то они существенно уступали силе его любви к актрисе.

Но началась война. «Кому война, а кому мать родна». Не было бы войны, не было бы больших поэтов Твардовского, Симонова, Матусовского, замечательных писателей Бондарева, Бакланова, не было бы кинооператора Кармена, да еще и много-много кого.

С первых военных дней Симонов едет на Западный фронт, но до газеты, в которую назначен военным корреспондентом, не добирается. Через три недели после начала войны он оказывается под Могилевом в расположении 388-го стрелкового полка, буквально вгрызшегося в землю и не думающего об отступлении. Потом сотни раз он в памяти возвращался к этому Буйничскому полю в своих стихах, романах, здесь он завещал развеять после смерти свой прах.

Потом сотни военных репортажей, проникновенных стихов, узнаваемых образов.

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Майор привез мальчишку на лафете», и главное «Жди меня» с посвящением «В. С.». Он пишет его в конце 1941 года. По легенде, изложенной его дочерью Марией, оно написано в один присест на даче Льва Кассиля в Переделкино. Публиковать его Константин Михайлович не собирался, считал слишком личным. Но когда один из его друзей сказал, что «Жди меня» — это главное лекарство на фронте от тоски по жене, когда стало ясно, что стихотворение переписывают от руки, заучивают наизусть, Симонов отдал его в печать. В декабре 1941 года его публикует газета «Правда», а в 1943 году режиссер Александр Столпер снимает одноименный фильм с Серовой в главной роли. Впрочем, если фильм смог сблизить на всю жизнь автора сценария

с режиссером, то между Симоновым и Серовой такого чуда не произошло.

Константин Михайлович создает себе имидж. Раскуривание трубки, неторопливое грассирование, постоянно задумчивое выражение лица, рассказы о том, как он выжил в совершенно невероятных обстоятельствах, «просто ты умела ждать как никто другой» – вот ответ Серовой, которая в действительности ждать не умела да и не хотела.

В конце 1942 года, покада Симонов находился на фронте, у Серовой случился бурный роман с генералом Константином Рокоссовским, когда тот лежал в лазарете, организованном в помещениях Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Дело, в общем-то, житейское, время военное. Но было несколько обстоятельств, которые вывели его за рамки привычного. Серова делала свой роман публичным. По воспоминаниям актрисы Инны Макаровой, она заключила пари со своим партнером по театру актером Павлом Шпригфельдом, что «ровно в пять часов, минута в минуту, под ее окнами остановится правительственный “ЗИМ”, из него выйдет военный, который в течение нескольких минут простоит под ее окнами по стойке “смирно”. “Думаю, ты узнаешь его в лицо”. С этими словами она отодвинула штору, и Паша увидел, как к тротуару подъезжает лакированный лимузин, из него выходит представительный высокий мужчина, который, как и пообещала Серова, не сдвинулся с места, а только стоял и глядел на ее окна. Паша успел рассмотреть маршальские погоны и долгий печальный взгляд из-под лакированного козырька. Рокоссовский!»

Но у Сталина зрели далеко идущие планы относительно звездной пары Симонов-Серова. Он решил вмешаться в развитие событий. Отвлекаясь от анекдотов, которые услужливая молва вложила в рот вождя относительно Рокоссовского и Серовой, вполне достаточным оказалось напомнить генералу, что у него есть жена и дочь.

Валентина Васильевна наконец согласилась стать женой Константина Михайловича в 1943 году, но чувств это ей не добавило. У Симонова не сложились отношения с ее сыном, тоже Анатолием Серовым. Он настоял на том, чтобы мальчика отправили в интернат на Урал, откуда он вышел через несколько лет законченным алкоголиком и уголовником.

А карьера Константина Михайловича складывалась исключительно успешно. Симонов за 8 военных и послевоенных лет

шесть раз становился лауреатом Сталинской премии. Выдающийся результат!

С началом войны Симонов работает военным корреспондентом в газетах «Боевое знамя», «Красная звезда», дослужился до полковника. Побывал на всех фронтах, прошел по землям Болгарии, Румынии, Югославии, Польши и Германии, был свидетелем боев за Берлин.

Последний год, который нужно признать для Серовой успешным, стал 1946. По воспоминаниям Инны Макаровой: «1946 год еще больше упрочил ее славу и положение среди первых советских звезд... Летом она побывала с Симоновым в Париже. У нее есть дом в Переделкине и роскошная квартира на улице Горького, где жизнь поставлена на широкую ногу — две домработницы, серебристый трофейный “Виллис” с открытым верхом, который она водит сама, шумные застолья, которые собирают “всю Москву”. Ее имя и союз с Симоновым, как и полагается, окружены молвой, разноречивыми слухами, сплетнями. Оба они слишком заметные и яркие люди, чтобы оставаться в тени. Говорят, что он влюблен в нее уже не так, как прежде. Говорят, что у нее были романы и он об этом знает...».

Почти сразу после Победы пара была отправлена в Париж, чтобы на волне популярности Советского Союза попытаться привлечь нескольких писателей из первой волны эмиграции. Красавица Серова произвела нужное впечатление на семидесятилетнего классика Ивана Бунина. Симонов потратил много времени на то, чтобы убедить Бунина, что его место в России. Но Валентина Васильевна уже крепко выпивала, а в таком состоянии становилась неуправляемой. Вроде бы она сказала влюбчивому лауреату Нобелевской премии, что он сошел с ума, если решил вернуться в СССР. Кончилось тем, что классик остался к своему счастью в Париже, а супружеская пара уехала в Москву со скандалом. Здесь уже пагубной привычке Серовой ничто помешать не могло, тем более, что в творческом плане актриса быстро катилась вниз по наклонной плоскости. Правда, в 1946 году она все же стала Заслуженной артисткой РСФСР и лауреатом Сталинской премии за небольшую роль в фильме «Глинка», но это уже выглядело скорее подачкой, чем заслугой. Брак звездной пары формально еще продлился десять лет.

Тем временем Симонов поднялся на самые вершины советской писательской карьерной лестницы. В послевоенные годы

первым секретарем и председателем правления Союза писателей СССР был Александр Фадеев. Константин Михайлович в 1946 году был избран его заместителем. В развитии очередной сталинской кампании, борьбы с безродными космополитами, Союзу Писателей СССР предстояло сыграть одну из главных ролей. То, что дело будет грязным, стало ясным с самого начала. В конце января 1949 года в газете «Правда» была опубликована программная статья под названием «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Мало того, что ее писали сотрудники «Правды» Вадим Кожевников и Давид Заславский, но им в помощь были приданы Александр Фадеев, Константин Симонов и Анатолий Софронов, а редактировал и придумал статье «острое» название сам Иосиф Сталин. Критиками-космополитами оказались личности с характерными еврейскими фамилиями: Гурвич, Юзовский, Варшавский, Борщаговский и т. д. Это послужило эффектом «спускового крючка». Советские газеты и журналы боролись за право выступить с осуждением очередной группы «космополитов». В большинстве случаев обвинение в космополитизме сопровождалось лишением работы и «судом чести», реже арестом, но и арестованных, по данным Ильи Эренбурга, до марта 1953 года накопилось 431 евреев — представителей литературы и искусства.

С высоты сегодняшнего дня нужно признать, что хотя Александр Фадеев обладал средними литературными способностями, но это компенсировалось потрясающим политическим чутьем. В разгар кампании он в очередной раз вовремя запил, освободив себя таким способом от ответственности. У него было два официальных заместителя: Анатолий Софронов и Константин Симонов. По версии сына Симонова, видного журналиста и правозащитника, у отца выбор был сужен до крайности: выбор между грязью и подлостью. Отдать инициативу Софронову, который буквально рвался расправиться с полутора десятками своих личных врагов, это — подлость. Выступить самому — грязь, но так он хотя бы мог выбирать, кого еще можно спасти. Он спас Александра Борщаговского, свою бывшую супругу Евгению, еще с десятков евреев, хотя бы потому, что антисемитом никогда не был, но свое имя запятнал для истории, сожалея об этом безмерно.

Быть может, этими поступками и объясняется завещание Константина Симонова после смерти развеять его прах над Буйничским полем под Могилевым. Якобы здесь писатель

впервые понял, что имеется шанс, что страна войну не проиграет. Не слишком верится. А вот как извинения за свои ошибки, совершенные при жизни, более правдоподобно.

С конца 1940-х годов писатель меняет формат своих произведений. От стихотворений он постепенно отходит к романам, сценариям, пьесам. Пьеса и фильм «Русский вопрос», романы «Дым отечества», «Товарищи по оружию», фильмы «Второй караван», «Бессмертный гарнизон» — вот далеко не полный перечень произведений того периода. Плюс колоссальная организаторская работа. В 1946—1950 годах Симонов — главный редактор журнала «Новый мир», в 1950—1953 годах — главный редактор «Литературной газеты». Вот так, все время вверх и вверх до 1953 года, до смерти Сталина:

Нет слов таких, чтоб ими описать
Всю нетерпимость горя и печали.
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин.

Но это еще простительно, сотни писателей и поэтов шли в этом же потоке. Кто заметнее, кто скромнее, в силу своего таланта и совести. А далее — грубая ошибка.

После смерти Сталина Константин Михайлович был уверен, что Хрущев продолжит сталинский курс, слишком велики, он считал, заслуги Иосифа Виссарионовича в великой победе советского народа. Он не уловил вовремя, что Никита Сергеевич взял решительный курс на разоблачение культа личности вождя. Когда же грянул XX съезд КПСС, расставивший все необходимые акценты в оценке деятельности Сталина, он попытался быть «святей папы римского» и опубликовал в 1956 году в журнале «Новый мир», который тогда возглавлял, несколько очень острых произведений. Можно упомянуть роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказ Даниила Гранина «Собственное мнение».

В 1957 году перед Политбюро, куда входили Молотов, Косыгин, Каганович, Маленков, Никита Сергеевич, который наверняка не читал критикуемых им произведений, выступил с очень резкой критикой главных редакторов толстых журналов и, в частности, Симонова. Гранин вспоминает о том уважении, которое испытывали молодые писатели к фронтовому поэту и писателю, которое только возросло после публикации критических произведений. Хрущев призвал Симонова к ответу на одной из встреч с творческой интеллигенцией.

«Начал Константин Симонов с того, что признал свою ошибку, осудил публикацию романа Дудинцева и моего рассказа, то есть как бы отрекся от нас, затем проникновенно обратился к Хрущеву:

— Вы знаете, Никита Сергеевич, как я вел себя в годы войны, я не раз бывал на самом переднем крае, ничего не боялся, и, если надо будет, я сумею подтвердить свою преданность партии и правительству.

И он с чувством приложил руку к сердцу. Думаю, что все это было искренне, но мне стало стыдно. Надо отдать должное Хрущеву, он сказал:

— Неужели, товарищ Симонов, нам надо снова начинать войну, чтобы вы доказали свою верность?

Раздался смех, Симонов принужденно смеялся вместе со всеми».

Это не помогло, через год Симонов был снят с большинства руководящих должностей и отправлен по сути дела в ссылку в Ташкент в качестве корреспондента газеты «Правда» по Средней Азии.

Однако, этому предшествовало несколько событий, важных для нашего повествования.

Симонов, наконец, развелся с Валентиной Серовой. Любви там не было уже давно, умер «главный конструктор» звездного романа, да и материальное благополучие Константина Симонова сильно пошатнулось.

Симонов начал строительство большой дачи в Красной Пахре, был вынужден отказаться от дома в Переделкино, оставил квартиру на улице Горького Серовой.

В 1957 году Константин Михайлович женится на Ларисе Алексеевне Жадовой-Гудзенко. Ее отца, генерала, служаку и антисемита, угораздило родиться с фамилией Жидов. Командовал Алексей Жидов 66-й армией, которая действовала на фронте осенью 1942 года вполне достойно, что и вызвало решение Сталина о переименовании ее в 5 гвардейскую. Однако, генерал Рокоссовский, в чей фронт входила армия Жидова, не преминул довести до сведения генерала, что Иосифу Виссарионовичу не нравится его фамилия. Срок на решение вопроса Верховный дал щедрый — до утра. Генерал посоветовался со своими сослуживцами. Один из них и посоветовал заменить в фамилии всего одну букву: «и» на «а». В своем следующем донесении бравый генерал просил командующего фронтом Рокоссовского читать

впредь его фамилию «Жадов». Через день ему вручили резолюцию Верховного: «Очень хорошо. И. Сталин». Однако, бравого генерала ждало еще одно испытание. Любимая дочка Лариса вышла замуж за поэта-фронтовика Семена Гудзенко. Помните, «Нас никто не жалел, ведь и мы никого не жалели?». Беда состояла в том, что Гудзенко был евреем. Ушел добровольцем на фронт, да и умер он от фронтовых ран в 1953 году, оставив дочку Катю.

Семен Гудзенко был личным другом Симонова. Через четыре года Константин Михайлович женился на его вдове и удочерил Катю. Очень скоро Ларисе Алексеевне довелось доказать Симонову свою преданность и любовь. Она уехала с ним в Ташкент, хотя условия жизни писателя в столице солнечного Узбекистана были далеки от московских и больше напоминали жизнь в студенческом общежитии.

Тем временем строительство дачи в Пахре к 1959 году было завершено. Писатель с новой семьей в Ташкенте, обильная река гонораров превратилась в скромный ручеек, а со строителями нужно расплачиваться. Тут в голову Константину Михайловичу приходит счастливая идея, правда, создавшая на десятилетия вперед опасный прецедент. Он предлагает прорабу строительства дачи Абраму Юрьевичу Долинскому три небольшие комнаты от дачи, а, главное, довольно обширную часть участка, двенадцать соток. Согласие найдено, правда, еще понадобились авторитет и связи Симонова, чтобы договоренность провести согласно жестким юридическим и организационным правилам, по которым существовал поселок. Тем не менее, когда семья Симонова в конце 1960 года переехала в Москву, дача в Красной Пахре была полностью готова к жилью. Вскоре кряжистый силуэт Константина Михайловича появился на аллеях Красной Пахры, мощный, с неизменной суковатой палкой. Подрастали его девочки. Вторая, Саша, была совсем маленькой, родилась в 1959 году.

Зимой 1961 года в поселке появился и Генрих Боровик. У него тоже подрастали малыши, а общие интересы сблизили соседей, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении.

Генрих Боровик хорошо помнит лето 1961 года – двадцатилетие начала войны. Он только что переехал в поселок Красная Пахра, тогда еще снимал небольшую дачку. С Константином Симоновым был знаком до этого через редакцию журнала

«Огонек», где тогда работал, а Константин Михайлович частенько туда заглядывал. Вдруг от Симонова последовало довольно необычное предложение: «Давай съездим в Брест, а возвращаться будем оттуда вместе. Женю Воробьева я уже уговорил». Евгений Захарович Воробьев был ближайшим другом Симонова, соседом по поселку, почти ко всем книгам которого Константин Михайлович написал либо предисловия, либо послесловия.

Из Бреста возвращались на машине. Боровик сидел на переднем сидении рядом с водителем. Симонов с Воробьевым расположились на заднем сидении. Константин Михайлович дал Генриху свои дневники, которые еще не были опубликованы. Тот их читал и одновременно сравнивал с картинками за окошком автомобиля. В то время разразилась полемика в советской литературе, что это не дневники, а «истерика» начала войны. Особенно в этом преуспел журналист Юрий Жуков, тогда Председатель нашего комитета защиты мира. Автомобиль ехал точно по тем местам, которые были описаны в симоновских дневниках. Иногда он просил шофера остановиться, все выходили из машины, Симонов рассказывал подробности. Если бы речь не шла о самых драматических днях войны, можно было бы сказать, что это было очаровательно. Но это было абсолютно убедительно и как-то по-дружески. Ни разу он не упомянул своего оппонента, но Генриху казалось, что Константин Михайлович спорит именно с ним. Ему было интересно показать Боровику, тогда еще молодому парню, как оно было на самом деле.

Маршрут проходил среди воинских частей, с которыми Симонов заранее договорился о выступлениях. Выступал он блестяще, вспоминал о войне в этих краях, читал свои стихи. Там его принимали как родного, как брата. Иногда он специально делал вид, что забыл какую-нибудь строчку, и зал напоминал ему ее. Для него это было очень приятно, да и Боровик понял, какое значение имеет Симонов для простых солдат.

Через несколько лет Генрих Авиэрович смог до какой-то степени отблагодарить Константина Михайловича. В 1966 году он был отправлен в Нью-Йорк от Агентства Печати Новости, и вскоре в США прибыл Симонов. Его специально поселили в гостинице рядом с нашим корпунктом. Боровик его пригласил домой вместе с чуть ли не всеми нашими корреспондентами. Он произвел на них прекрасное впечатление. Не потому, что был

знаменитым писателем и поэтом, в потому, что был замечательным корреспондентом, да и просто хорошим человеком. Генрих ему устроил встречу с Уильямом Авереллом Гарриманом, видным промышленником и дипломатом, послом по особым поручениям. Когда встреча закончилась, Константин Михайлович сообщил Боровику, что пошел записывать впечатления от нее. Тот тоже не стал терять времени. Потом сравнили, у Симонова оказалось записано на страничку больше, причем не о том, какие у после глаза, а именно о сути беседы.

В Красной Пахре кабинет Симонова находился на втором этаже рядом с большим окном. Крышка стола была большая, очень простая, скорее всего из фанеры. Большую часть времени она пустовала. Это было связано со своеобразным творческим методом Симонова. По большей части Симонов диктовал.

У Симонова было несколько самодельных столов, очень похожих друг на друга, которые стояли в Москве на улице Черняховского, 4 и 2, на даче в Красной Пахре, на даче в Гульрипше. Крышки были сделаны из светлой фанеры и имели большие полукруглые вырезы в тех местах, где он сидел. Перед ним лежал блокнот, испещренный записями, которые он обязательно предварительно делал.

Симонов писал с литературными секретарями. Они работали с ним десятки лет и в совершенстве владели стенографией и машинописью. Самой известной и любимой была Нина Павловна Гордон. Потом она печатала надиктованный материал, и только после этого Константин Михайлович занимался правкой текста. По воспоминаниям дочери одной из его литературных секретарей: «Константин Михайлович диктовал медленно. Прежде чем произнести фразу, проговаривал ее шепотом, как бы проверяя на слух. В середине фразы задумывался, долго молча ходил по комнате, иногда жестикулировал. Мама боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть его мысль».

Этот метод, разумеется, касался только прозаических текстов. Стихи он записывал в блокнот, стихи диктовать было невозможно. Для Симонова очень большое значение имели условия, в которых ему приходилось работать. Как-то он признался Боровику:

— Генрих, не могу писать, когда мама приезжает. Она носится колесом по двум этажам из одной комнаты в другую. Я начинаю отвлекаться, нервничать.

Работал он только утром, но помногу. После ужина с неизменным коньячком, часов в 7-8, выходил в аллеи на прогулки. Кроме поселка, очень любил гулять по лесу, ходить вечером на речку. Любовался природой, которая действительно очень щедро наградила берега вдоль соседней речки Десны.

Очень любил ходить в кинотеатр соседнего Дома отдыха, если там демонстрировали хорошие фильмы.

К своим шести Сталинским премиям Симонов добавил еще и Ленинскую в 1974 году за фильм «Живые и мертвые».

Велика была роль Симонова в возвращении читателю романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, который с большими сокращениями, но все же был опубликован в журнале «Москва» в 1966 году. Благодаря Симонову советские читатели получили и роман Хемингуэя «По ком звонит колокол», повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка», пьесы Артура Миллера и Юджина О'Нила. Он восстановил истину в отношении Лили Брик, которую решено было вычеркнуть из жизни Владимира Маяковского.

У Симонова были потрясающие архивы, очень обширные и содержащиеся в исключительном порядке. Говорят, что у Константина Михайловича не было ни одного письма, на которое он бы не ответил. Архивы в десятках томов хранятся в ЦГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства) и носят общее название «Все сделанное». Сотни людей начали писать свои военные мемуары после благосклонно оцененных им «проб пера». Он пытался решить множество проблем бывших фронтовиков на самом разном уровне: квартиры, больницы, не полученные награды.

Особое значение имеют надиктованные незадолго до смерти в феврале-апреле 1979 года «Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине». Хотя эти тексты не подвергались авторской правке, — Симонов просто не успел, — но они свидетельствуют о громадном пути, который он прошел в оценке значения Сталина для Советского Союза.

Константин Симонов умер 28 августа 1979 года. Два дня власти не знали, как поступить. Проще всего было бы, как обычно, выделить место на Новодевичьем кладбище, но существовало завещание Симонова: развеять его прах и кормить-поить писателей в его честь в ЦДЛ бесплатно.

Отношение к Симонову могло быть разным, но всем стало ясно, что ушел большой писатель!

РОМАН КАРМЕН (1906–1978)

Роман Лазаревич Кармен из тех людей, которые сами себя сделали. Он пассионарий, в котором талант помножен на бесстрашие. Такое сочетание заставляло его лезть в самое пекло на фронтах многочисленных войн и горячих точек, где ему довелось побывать. Хотя слово «довелось» совершенно неправильное по отношению к Кармену. До которых он «дорвался» — вот так, пожалуй, точнее.

Маленький Рима родился в Одессе в семье писателя и журналиста Лазаря Корнмана, который писал под псевдонимом Кармен. Еще до революции он принял сторону большевиков, за что заслужил и одобрение, и осуждение своих коллег. Друзья — Корней Чуковский, Владимир Жаботинский, Валентин Катаев и другие — его в этом поддерживают, величают «одесским Горьким», «защитником униженных и оскорбленных», а вот Иван Бунин простить ему коммунистические убеждения не может. Лазарь дарит сыну его первый фотоаппарат «Кодак», на котором Рима запечатлевает отца. Когда в город приходят денкиныцы, Лазаря Осиповича арестовывает контрразведка. От последствий пребывания в белогвардейских застенках он не может оправиться до самой смерти, которая последовала в 1920 году. Его семья оказалась в крайне тяжелом положении, но друзья издали сборник его рассказов, отдали весь гонорар вдове, что и позволило семье перебраться в Москву. Здесь Рима учится на рабфаке и подрабатывает, помогая матери. Продает газеты, работает подручным в гараже, даже устраивается приемником в ломбарде. И снимает, снимает на свой «Кодак».

В 1923 году Михаил Кольцов возрождает популярный жур-

нал «Огонек». В редакцию приходят способные журналисты и фотокорреспонденты. Мама Романа подрабатывает в редакции перепечаткой, она и приводит к Кольцову сына. Тот, стесняясь, показывает главному редактору свои снимки. Неожиданно для юноши руководители редакции разглядели в его дилетантских работах талант и без долгих разговоров выдали ему редакционное удостоверение. Вот отцовский «Кодак» и пригодился. Вскоре «Огонек» публикует его первый профессиональный снимок. Кармен учится у замечательных фотокорреспондентов К. Кузнецова, А. Шайхета, В. Савельева, которые считали главной целью фотографии наглядную агитацию и пропаганду.

Но он идет дальше, вырабатывает собственный стиль и художественное видение кадра. Его снимки не только становятся агитацией, но передают атмосферу, мысль, идею. При этом он признает, что «документальная съемка не может не быть пропагандистским искусством, не может быть вне тенденции».

Кармен постоянно ищет интересные темы и необычные ракурсы. Он забирается на крыши высотных домов и башни строительных кранов, снимает похороны Ленина, приезд в Москву Максима Горького, делает посмертные фотографии Сергея Есенина, фотопортреты Алексея Толстого и Михаила Пришвина. Уже тогда проявляется синтетический характер его творческого дара: он одинаково успешно справляется с фотопортретом и фоторепортажем, становится одним из родоначальников этого жанра.

В тот же период Роман Кармен начинает писать очерки и заметки, сопровождая их фотографиями. Потом это ему серьезно поможет в сочетании работы сценариста, режиссера и оператора. Он постигает технические стороны фотографического искусства, например, правильное освещение, ракурс, но больше внимания уделяет людям в кадре, их действиям. «Для меня очень важны ярко схваченные моменты жизни», — писал он. Уже тогда он умело сочетал репортажные кадры с постановочными, но сделанными столь мастерски, что отличить их было невозможно.

Желание передать «историю в кадре» естественно привело к тому, что Кармену стало тесно в рамках одного статичного кадра. Его влекла возможность снимать движение, динамику, живые человеческие эмоции. Он стал завидовать коллегам-кинооператорам, с которыми сталкивался на съемках. В итоге

решение было принято, и Роман Кармен поступил на операторский факультет Государственного института кинематографии. Потом он напишет: «И это было правильное решение, потому что великолепные мастера фотографии и педагоги, работавшие тогда в институте, особенно в области изобразительного искусства, мне много дали...»

В 1932 году Кармен становится дипломированным кинодокументалистом, начинает работать на Центральной студии документальных фильмов и мотаться по стране: его героями становятся строители Магнитки, покорители Каракумов, спасенные челюскинцы. Но Всесоюзную известность ему приносит война в Испании. Там уже работает его друг и учитель Михаил Кольцов, Роман рвется на войну, овеянную романтикой благодаря его репортажам. Кармен написал письмо лично Сталину с просьбой послать в Испанию именно «советского кинооператора». Через пару недель его вызвал начальник Главного управления кинематографии Борис Шумяцкий: «Летите в Испанию!». Вместе с коллегой Борисом Макасеевым в воюющую страну они попали через Париж. Приехали во фронтовой город Ирун, засняли пронзительные по экспрессии кадры, как интернационалисты отбиваются от авиации и артиллерии старенькими винтовками, как им помогают крестьяне с охотничьими двустволками, запечатлели пожилую женщину с охотничьим ружьем, всю в черном. На следующий день — обратно в Париж, чтобы передать в Москву отснятый материал. Через два дня на экранах Москвы уже демонстрировался фильм «Выпуск № 1. К событиям в Испании».

Потом снова Испания уже вместе с писателем Ильей Эренбургом, оборона Мадрида, Кармен — единственный оператор, оставшийся на стороне республиканцев: все остальные перебежали к франкистам, чтобы заснять их триумфальный вход в столицу. Там же он знакомится и заводит дружбу на всю жизнь с Эрнестом Хемингуэем.

Таланты Кармена в полной мере раскрылись во время Великой Отечественной войны. Вот когда пригодились его отвага и бесшабашность. Рисковать жизнью приходилось каждую минуту во время съемок сражений. Не случайно на фронте погиб каждый четвертый кинооператор. Когда вокруг шел бой, и солдаты могли, по крайней мере, отстреливаться или прятать голову за бруствер, оператор должен был снимать, и был по сути дела безоружен. Его руки были заняты тяжелой каме-

рой, и пистолетом в кобуре он воспользоваться никак не мог. Сам Кармен написал в своих записках: «Работали мы камерой “Аймо” — теперь музейная редкость. Тридцатиметровая кассета — всего минута экранного времени. А чего стоило перезарядить камеру в бою, оберегать ее при этом от пыли, от песка. И чтобы ни один осколок не попал в тебя или, не дай бог, в твою кинокамеру».

На 23-й день войны в разбитых вражеской авиацией Великих Луках военные связисты соединили его с Москвой. Сообщение было короткое: «У тебя сын родился!» Вслед за тем прогремел взрыв, посыпалась с потолка блиндажа земля, связь прервалась. Командующий 16-й армией, оборонявшей Москву, генерал Рокоссовский тихо сказал Роману: «Если три дня не продержимся, будет плохо». Они продержались.

А Кармена фронтовая судьба забросила в осажденный Ленинград. Чудом он проехал в город по льду Ладоги, которая обстреливалась немецкой артиллерией. Более того, чтобы запечатлеть эти драматические моменты на камеру, оператор несколько раз мчался на «Виллисе» по «дороге жизни» туда и обратно. Говорят, что много лет спустя к Кармену подошел незнакомый мужчина: «Разрешите, я пожму вашу руку, вы всегда были для меня эталоном мужества». Это был легендарный разведчик Рудольф Абель. Из Ленинграда Романа Лазаревича с киноматериалами — его и ленинградских коллег — вывозили на транспортном самолете в сопровождении истребителей. Советское руководство совершенно справедливо оценивало показ фильма «Оборона Ленинграда» ничуть не ниже военных побед.

В конце 1942 года Кармен снова встречается с генералом Рокоссовским, но уже под Сталинградом. Пользуясь своим давним знакомством с военачальником, он просит того: «Константин Константинович, помогите снять пленение фельдмаршала Паулюса». Тот смеется: «А вы сначала помогите нам взять Паулюса». Когда фельдмаршала пленили, Кармен был единственным оператором, присутствовавшим на встрече двух военачальников, победителя и побежденного.

Роман Лазаревич об опасности не думал. Однажды он ехал со штабом наступающей танковой армии на своем «виллисе». Штаб остановился на краю какой-то деревушки, и оператор решил воспользоваться удобным моментом, чтобы перезарядить пленку. Процесс это был довольно долгий. Оператор засовывал обе руки в черный мешок и там вслепую крутил пленку

с бобины на бобину. Естественно, что в этот момент он совершенно беззащитен, с ним можно делать все что угодно. Пока он сидел и мотал пленку, раздалась команда двигаться дальше. Все вскочили, попрыгали на танки, моторы заревели, и штаб армии ушел вперед, а майор Кармен остался доматывать пленку. Рядом с ним только его водитель Ванечка. В этот момент из подвала дома выходят двенадцать немцев в касках и с автоматами и встают напротив оператора. При всем своем мужестве он задрожал: что он может сделать один и с руками, засунутыми в мешок? Даже до пистолета не дотянешься. Вдруг эти немцы, рассмотрев офицерские погоны Кармена, побросали оружие, подняли вверх руки и дружно сдались беззащитному оператору.

Кармен был одним из первых советских журналистов, вошедших в Берлин, снимал исторические кадры подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии из-за спины маршала Жукова, запечатлел для истории Нюрнбергский процесс.

Почему Кармена не репрессировали? Ведь несколько раз казалось, что это вот-вот случится. Когда в 1938 году был отозван из Испании и исчез Михаил Кольцов, Роман Лазаревич понял, что снаряды ложатся рядом. Он предпочел судьбу не искушать. Надолго уезжал в сложные киноэкспедиции. После Испании на целый год вызвался поехать в Китай «к Чан Кай Ши», снимал сопротивление китайцев японским оккупантам, подружился там с Мао Цзедуном и его женой Цзян Цин. Потом во время поисков летчика Леваневского на Севере несколько месяцев зимовал на Земле Франца Иосифа, снимал спасение ледового парохода «Г. Седов». Иными словами, он как бы «убегал» от репрессий, косивших в те годы многих, в том числе и тех, с кем он был связан. Может быть, ему помогла многолетняя дружба с Василием Сталиным и Светланой Аллилуевой, хотя многих и это не могло спасти от ареста.

Говорят, что Кармену везло с женщинами и не везло с женами. Он был красив, храбр, овеян славой и легендами, женщины его любили. Но образ его жизни, связанный с постоянными длительными командировками, опасностями и неопределенностью, делал его к счастливой семейной жизни не вполне приспособленным. Первая жена, Марианна, дочь Емельяна Ярославского, видного революционера, ушла от Кармена к успешному дипломату. Про вторую, красавицу Нину Орлову, ходили слухи, что в нее страстно влюблен Василий Сталин, что

от безнадежной любви к ней он и начал пить. А уж разговоры и сплетен про это по Москве ходило больше, чем достаточно. Кармен развелся с ней только много лет спустя. Их сын Александр вспоминает, что отец попросил свозить его на ее могилу за пять лет до своей смерти. Потом сказал ему: «Она была в моей жизни единственной любимой женщиной. Все остальное — стечение обстоятельств». А последняя жена, Майя Овчинникова, бросила Романа Лазаревича в труднейший период его работы над фильмом «Неизвестная война», ушла к писателю Василию Аксенову.

О покупке дачи Кармен начал задумываться после войны, но довольно долго эта мечта не могла реализоваться. Сначала не было свободных участков, к тому же Роман Лазаревич постоянно пропадал в командировках, мотался по всему миру. Да и с деньгами было очень туго. Считалось, что Кармен очень богатый человек: заграничные командировки, гонорары, Сталинские премии, но он на самом деле жил в долг. Получал премию или гонорар за фильм и раздавал долги, потом опять оказывался без средств. К тому же за документальные фильмы платили гораздо меньше, чем за художественные. По счастью, к середине 1950-х у Романа Лазаревича скопились кое-какие средства. Он получил Сталинскую премию за фильм «Советский Туркменистан», гонорары за ленты «Повесть о нефтяниках Каспия», «Вьетнам» и «Джавахарлал Неру». Это совпало по времени с организацией ДСК «Советский писатель». Кармен появился в Красной Пахре в 1955 году, когда основное строительство дач уже началось. Однако, не все участки были к тому моменту распределены, и Роману Лазаревичу довольно неожиданно достался самый большой по площади, весь заросший березами. Именно обилие берез стало главным аргументом выбора участка. По березам знаменитый кинооператор сходил с ума. «Мои березки», — так он нежно говорил о своих деревьях.

Из трех вариантов домов Кармен выбрал самый маленький и скромный — деревянный финский домик из трех небольших комнаток. Как и большинство других дачников, семья Карменов начала со строительства временки: словно игрушечного домика, в котором можно было жить только в теплое время года.

Основные тяготы строительства легли на плечи жены — Нины. Она жила во временке до самых холодов, чтобы контролировать ход строительства. Какое-то время семья снимала

номер в соседнем Доме отдыха Минспецмонтажстроя. Жили там втроем: Роман Лазаревич с Ниной и их пятнадцатилетний сын Саша.

Когда строительство основного дома было завершено, на долю Нины выпало возделывание грядок и кустов. Это была тяжелая физическая работа. Овощи и клубнику приходилось сажать, пропалывать, поливать, подрезать клубничные усы. Ее терпения хватило на два года, потом она занялась цветами, в основном тюльпанами и гладиолусами.

Роман Лазаревич взял на себя добывание в питомниках фруктовых деревьев и кустов элитных сортов. Он очень быстро оброс нужными связями, у него появились хорошие знакомые по этой линии. Они искренне радовались, когда Кармен к ним приезжал:

– Роман Лазаревич, вот у нас только что появилось нечто уникальное. Элита. Возьмите обязательно хоть пару кустиков.

Кармен привозил на дачу кусты черной смородины, крыжовника, маленькие деревца яблонь, вишни и груши, кусты клубники. Его энтузиазм в эти моменты был столь велик, что он собственноручно сажал эти драгоценности в землю, начинал их окучивать и поливать. Потом эти заботы неизменно переползали на плечи жены. Временами она говорила:

– Все, мне этого хватит до гробовой доски!

Конечно, она продолжала следить за некоторыми кустиками, но уже так, между делом. Роман Лазаревич к ней подлизывался, привозил помимо фруктовых кустов и цветочные кустики, сирень, жасмин – тоже, между прочим, элитных сортов.

По-настоящему он любил возиться со своими березками. Росли они очень густо, их следовало прореживать. Делал это он в основном сам, нанимая помощников только на самые большие объемы работ. Деревца он аккуратно спиливал, корчевал пеньки. Из полученного материала сам мастерил садовые столики, скамеечки со спинками, стульчики. Эта работа отвлекала его от московских забот, давала ему необходимый отдых. Особую радость доставляло Кармену наблюдать, как умело прореженные деревца быстро росли ввысь, становились толще и крепче.

Кармен просыпался с рассветом, как только птицы начинали петь. Когда все остальные домочадцы вставали, он уже давно сидел за маленьким столиком, печатал на машинке. Иногда вначале делал для себя ручкой пометки на маленьких бумаж-

ках, но потом всегда перепечатывал на машинке. Обязательно печатал план дел на день. У него была потрясающая работоспособность, он мог сидеть за столом допоздна, до самой ночи. Даже если он не занимался конкретной работой, то делал записи в дневнике. Дневники он вел всю жизнь.

Кабинета как такового у него не было, трудно было его выделить в трех комнатах, но это его совершенно не волновало. За свою жизнь, полную опасных путешествий, он привык к спартанским условиям работы. Пишущая машинка у него была компактного типа, он все время возил ее с собой в машине. Ее очень легко было пристроить на самом маленьком столике.

Мечтой жизни Романа Лазаревича в плане комфорта было иметь камин. Выложить его в существующих комнатах было невозможно, вся дача могла легко сгореть. Но вот однажды у Кармена появились какие-то деньги, и он пристроил к даче крытую террасу. Она была очень большой, размером чуть ли не со всю остальную дачу. Он ее отделал вагонкой, тогда дорогим и дефицитным материалом. В середине террасы росло дерево. Пилить его Кармен пожалел и сделал сложные конструкции в полу и в крыше, сквозь которые это дерево и проходило. Главная гордость Романа Лазаревича, камин, отлично вписался у одной из стен этой потрясающей террасы. Дачная жизнь сразу же переместилась на террасу.

Своим камином Кармен чрезвычайно гордился. Его сын вспоминает, что отец ему как-то сказал:

— Вот теперь могу спокойно заняться мемуарами. Буду сидеть здесь зимними вечерами и наговаривать на диктофон воспоминания обо всём прожитом и увиденном.

Кармен умел потрясающе обживать помещения. У него была масса памятных вещей, сувениров, фотографий, картин, которые он размещал на стенах с неизменным вкусом.

Свое место на стене террасы занял громадный фотопортрет Мао Цзедуна, который Роман Лазаревич сделал в Пекине. Когда гости удивлялись, для чего он его держит на самом красивом месте, Рима улыбался и отвечал:

— Вы ничего не понимаете. Когда придут китайцы, я выйду с ним на улицу и отмажу кстати всех вас, моих недалеких друзей.

Отношения с Китаем тогда были крайне напряженными, поэтому друзья делали вид, что ему верят.

Рядом висела эмалированная табличка с названием знаменитой берлинской улицы «Унтер-ден-Линден». Кое-где эмаль

была отбита то ли пулями, то ли осколками снарядов и напоминала о том, что Кармен был первым советским кинооператором, вошедшим с нашими войсками в Берлин.

Под сувениры были приспособлены и стены небольшого холла. Здесь висели многочисленные фотографии и картины, подаренные Кармену друзьями, маракасы, привезенные с Кубы, охотничье ружье то ли из Испании, то ли из Германии. Однажды в дачу залезли воры и, естественно, все ценные предметы вынесли. Ружье в первую очередь. Может быть, большой стоимостью они не обладали, но были дороги Кармену как память.

Дача, участок, его березки, природа, вкусный лесной воздух, не сравнимый с московским, подпитывали Романа Лазаревича. При первой возможности он уезжал из Москвы, благо машин на загородных трассах тогда было немного, и погружался в дачную жизнь, работал в саду, на участке, гулял по тихим пахринским аллеям. Наутро он был полностью готов к новым делам и заботам.

Вот как вспоминает Александр Кармен о своем общении с отцом на даче: «Однажды, будучи в отпуске, я приехал к нему на уикэнд. Общались урывками: он часами сидел за пишущей машинкой, изредка прерываясь только на то, чтобы размять спину, пройтись под его любимыми белоствольными, перекинуться со мной парой слов — и обратно к столу.

Утром в понедельник мы встали пораньше. Как всегда, он опередил меня часа на полтора, уже успел что-то настучать на машинке, приготовил завтрак. Садимся в автомобиль, я говорю: «Батя, дай-ка я отвезу тебя. Зачем тебе тратить силы?» Не отвечая, он молча сел за руль: «Закрой ворота, поехали!» И, как говорится, утёр мне нос: мчался со скоростью 100—120 километров в час. Гаишники, стоявшие по этой трассе, как я понял, все были ему знакомы и только вежливо отдавали честь. И он примчал нас в город за рекордное время. С его стороны это был жест! Я был в восторге и не скрывал восхищения. Ему это льстило. Но, глядя на него, я также видел, как по мере приближения к Москве, минута за минутой, буквально на глазах он увядает, а ведь ещё минут двадцать назад выглядел посвежевшим и отдохнувшим, подзарядившимся энергией от своей земли. Тогда-то я, наверное, впервые почувствовал, что силы моего старика на исходе».

Кармен был потрясающе красив. Тонкие и одновременно

мужественные черты лица, необыкновенная уверенность в себе человека, пережившего в десятки раз больше, чем приходится на среднестатистического мужчину. Он рано поседел, но эта седина его только облагородила. Был поджарым, держал спортивную форму. Из всех видов спорта любил бегать по пахринскому лесу на лыжах. Но для этого его должно было посетить соответствующее настроение, голова должна была быть свободна от забот. Если он знал, что на завтра ему предстоят сложные встречи, лекции, работа, то как-то было не до лыж.

В нем совершенно не было заносчивости. Всем соседям по поселку, даже мальчишкам, он представлялся Римой, а не Романом Лазаревичем. И сам называл своих друзей-соседей уменьшительно-ласкательными прозвищами: Генришок, Юлька. Он искренне радовался успехам своих молодых друзей Генриха Боровика и Юлиана Семенова, которых он очень поддерживал в начале их успешных творческих путей.

Кармен очень близко дружил с Алексеем Каплером. В их судьбе было много общего. Они и внешне немного походили друг на друга: седые солидные красавцы.

«Когда Каплер после освобождения приехал в Москву, — вспоминает Александр Кармен, — я лежал дома больной, бабушка тоже уехала ненадолго к своей сестре, которая тоже заболела. Перед уходом отец сказал: “Приедет красивый седой дядя, отдашь ему вот это и это”. Речь шла о свитере, пачке денег и красивом твидовом пальто, которое отец надевал всего один раз.

И в самом деле этот “красивый дядя” пришел.

— Санька, это ты такой вымахал?

— Извините, мне надо лечь.

— Конечно, иди, иди, ложись.

— Они уехали, но кое-что вам оставили.

Он осмотрел родительские дары, даже прослезился:

— Они с ума сошли».

Естественно, их дружба продолжилась в поселке Красная Пахра с новой силой.

Очень тесно дружил Кармен со своим соседом по Москве и по даче и с коллегой Михаилом Роммом. Они жили в доме «киношников» на Большой Полянке, где в разные годы обитали Дзига Вертов, Николай Баталов, Иван Пырьев, Рошаль, Дзиган, Борис и Галина Волчек.

Когда Ромм сделал свой фильм «Обыкновенный фашизм», Кармен посмотрел его и сказал сыну:

— Пойду Мише поклонюсь!

Когда вернулся, радостно сообщил:

— Мне Ромм свой метод подарил: авторские комментарии режиссера. Спросил меня, а почему ты им не пользуешься? Ты же можешь отлично комментировать.

Этот совет Ромма Роман Лазаревич запомнил и даже применил в фильме «Гренада, Гренада, Гренада моя» о советских добровольцах в Испании, который сделал вместе с Константином Симоновым.

Роман Лазаревич был чрезвычайно гостеприимным человеком. В этом отношении дача открывала для него необыкновенные возможности, которыми он умело пользовался. В те годы, чтобы вывезти иностранца из Москвы, требовалось разрешение соответствующих органов. Кармен на это плевал, возил и возил куда хотел, объясняя это просто и доходчиво:

— Я приезжаю, скажем, во Францию. Меня принимают по высшему разряду в каких-то загородных дворцах, а я что, не могу этим ответить?

Когда он снимал фильм «Пылающий континент» о революционном движении в Латинской Америке, пригласил к себе огромную группу молодых коммунистов. Приехали на дачу, играли на гитарах, Кармен жарил шашлыки. Глаза у ребят горели каким-то незамутненным огнем высоких идей. Остались потрясающие фотографии от этой встречи.

Точно так же он приглашал к себе своих студентов или съемочную группу очередного фильма. Когда делали фильм «Великая Отечественная», на дачу приехало два десятка человек. Кармен был счастлив, всем старался уделить внимание, жарил шашлыки, а на предложение помочь говорил:

— Нет, я сам.

Наконец, это почетное право отобрал у него его близкий друг, директор картины Володя Марон:

— Нет, Рима, вот тут я сам!

— Ладно, только тебе.

Роман Лазаревич дружил со многими своими коллегами из других стран. Искренне радовался успехам своего друга кубинца Сантьяго Альвареса, автора фильма «Забятая война» о войне американцев в Лаосе. Соперничал с Йорисом Ивенсом, видным голландским документалистом, спорил с ним, кто луч-

ше снимет фильм о Кубе, о Чили. И похоже, что в этом трудном соревновании Кармен побеждал.

Кармена обожал Фидель Кастро, который в открытую говорил, что он самый желанный для него гость из Советского Союза.

Кармена неоднократно обвиняли в постановочном характере многих его кадров, в излишней жестокости его съемок. Он первым начал снимать трупы погибших в Испании. О нем ходила злая сплетня, что, войдя в освобожденный Волоколамск, наши солдаты первым делом сняли трупы казненных, а Кармен якобы распорядился повесить их обратно, чтобы запечатлеть на киноплёнку. В «Повести о нефтяниках Каспия» такими кадрами являлись моменты, когда нефтяной фонтан начинает бить из-под земли, и счастливые нефтяники купаются в нефти. Был инсценирован, а точнее реконструирован с помощью комбинированных съемок, эпизод страшной аварии на морских нефтепромыслах. Отход от чистой документалистики? Однако, так мастер добивался необыкновенной выразительности всего фильма, заострял идею, синтезировал в одной ленте разные виды искусства.

Много лет Кармен преподавал в своем родном ВГИКе. Заведовал кафедрой режиссуры документального кино. Среди его учеников Тенгиз Семенов и Игорь Григорьев, лауреаты Ленинской премии и заслуженные деятели искусств Российской Федерации, Владимир Двинский и многие другие. Ученики издали книгу «Карменовцы» о первых выпускниках семинара Романа Лазаревича.

Трудно найти другого, столь обласканного советской властью деятеля документального кино. Трижды лауреат Сталинской премии, Лауреат Ленинской и Государственной премий, народный артист СССР, Герой Социалистического труда. Но при этом каждую свою премию, каждое звание он добывал тяжелым трудом, часто буквально сражаясь с руководителями советского кино, которые не всегда его жаловали.

Роман Лазаревич умер за две недели до премьеры своего выдающегося фильма, отмеченного в итоге Ленинской премией, — «Великая Отечественная», — который во всем мире шел под названием «Неизвестная война». Но сколько ударов, сколько боев с руководством ему пришлось выдержать. Начиная от борьбы за приглашение ведущим фильма знаменитого американского актера Берта Ланкастера и заканчивая прямым обвинением

Епишева, начальника Главного политуправления Советской Армии, в том, что фильм сделан в угоду империализму. Кармену удалось включить в фильм многие до тех пор неизвестные кадры, по-новому взглянуть на наши успехи и поражения. Вот что вспоминает ученик и коллега Кармена Тенгиз Семенов: «Однажды, когда мы начали делать фильм “Неизвестная война”, Роман Лазаревич мне говорит: “Слушай, а ты что-нибудь знаешь о том, как немецкие антифашисты бежали к нам, а потом мы в 39-м году подписали договор и передавали их обратно? Гестапо стояло с той стороны станции, и мы их отдавали туда. Ты это знаешь?” Я не знал. Он задумался и сказал: “Наверное, нам это рассказать не удастся. Но поскольку мы делаем эту картину с американцами, можем многое рассказать из того, что до этого никто не мог”. Я думаю, мы действительно многое сумели рассказать. “Неизвестная война” – это великий памятник Роману Лазаревичу Кармену».

МИХАИЛ РОММ (1901–1971)

Легенда советского киноискусства Михаил Ильич Ромм родился в Иркутске в 1901 году в семье врача Ильи Ромма, посланного в Сибирь из Вильно за свою революционную деятельность. Точная дата рождения будущего кинорежиссера до сих пор обсуждается, хотя в 2007 году в книге метрик Иркутской синагоги была найдена запись «8 февраля в семье лекаря Ильи Монесовича Ромма и жены его Терезии Исааковны родился сын и наречено ему имя Михаил». Мама Михаила Терезия Исааковна происходила из семьи интеллигентов, очень любила театр и передала любовь к разным видам искусств своим детям. Через несколько лет семья возвращается в Вильно, а потом перебирается в Москву, где Миша учится в гимназии Кирпичниковой, после окончания которой поступает в скульптурную мастерскую А. С. Голубкиной. Но время было революционное, поэтому окончить мастерскую ему не удалось. Зато он едет в составе продовольственной экспедиции реквизировать излишки хлеба у крестьян Тульской и Орловской губерний. Идет гражданская война, и Михаила мобилизуют в Красную армию, где он служит связистом до 1921 года. После демобилизации Ромм продолжает обучение на скульптора во ВХУТЕМАСе у С. Т. Коненкова и А. М. Лавинского. Одновременно с этим пишет стихи и прозу, детские и исторические романы, переводит с французского, работает в газете. После окончания мастерских скульптором так и не становится, увлекается театром, пишет сценарии и ни в одной области успеха не добивается. Потом новый калейдоскоп увлечений: командирские курсы, их окончание в чине лейтенанта, решение стать кинорежиссером.

Но этой профессии нигде не учат: слишком молодой вид искусства. Михаил Ромм устраивается внештатным сотрудником в Институт методов школьной работы. По четыре часа в день он бесплатно изучает реакцию детей младшего возраста на кинокартины и за это получает возможность «вертеть в руках пленку, просматривать любые картины за монтажным столом или на маленьком экране и вообще возиться с ними как угодно, даже вырезать куски, а потом вставлять их обратно». Он препарировал таким образом лучшие фильмы того времени «В доках Нью-Йорка», «Чикаго», «Парижанка», «Броненосец Потемкин» и наизусть заучивает кадры. Это занятие и было его школой: он овладевал приемами мастерства лучших кинорежиссеров мира.

Ромм продолжает писать сценарии и самостоятельно и в соавторстве с более опытными партнерами, но без всякого успеха. Ни по одному из них так и не поставили фильма. Именно такая сложная творческая судьба заставила его прийти к выводу, что в кинематограф в те годы шли только неудачники, шли случайно, в основном из смежных творческих профессий. Про себя он напишет следующее: «Я был неудачником. Я поздно догадался заняться кинематографической деятельностью: мне было 28 лет, когда я получил первый гонорар за детскую короткометражку, написанную в соавторстве еще с тремя лицами. До этого я занимался всеми видами искусства, кроме балета и игры на тромбоне».

В 1931 году Михаил Ромм поступает ассистентом режиссера на киностудию «Союзкино» (нынешний «Мосфильм»), а через два года ставит свою первую картину.

Студия предложила начинающему режиссеру очень сложную задачу: поставить немую картину, чтобы в ней было занято «не свыше десяти дешевых актеров, не более пяти простых декораций, ни одной массовки и со сметой, не превышающей ста пятидесяти тысяч». Чтобы выполнить все эти требования Ромм решает ставить фильм по рассказу Ги де Мопассана «Пышка», сам за две недели пишет сценарий очень близко к тексту. В 1934 году фильм выходит на экраны страны. Он стал последним немым художественным фильмом в Советском Союзе. В нем впервые играли в кино блистательные, но никому не известные актрисы Фаина Раневская, Татьяна Окуневская, Галина Сергеева. С этого фильма пошла в жизнь знаменитые байки Раневской. Ходит байка, что однажды, посмотрев на Галину

Сергееву, исполнительницу роли Пышки, и оценив ее глубокое деколье, Раневская своим дивным басом сказала к восторгу Михаила Ромма и всей съемочной группы: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух груди».

Ромм никогда не был во Франции, но его литературные знания, французский язык и воображение создали точный колорит мопаССановской Франции. Эта способность режиссера и его потрясающее чутье на детали и предопределили успех картины. «На съемке проезда кареты в “Пышке” мы хотели чем-нибудь оживить кадр. Рядом бродило пятеро уток. Помреж быстро вогнал их в кадр. Мы сняли...». Когда на «Мосфильм» приехал Ромен Ролан, дирекция решила в числе других картин показать и «Пышку». Тот посмотрел и сказал, что в картине есть Франция, особенно его растрогали «руанские» утки.

Когда Михаил Ильич начал съемки, к нему подошел уже известный тогда режиссер Абрам Роом и сказал:

— Молодой человек, вам придется сменить фамилию.

— Зачем?

— Нас будут путать.

— Я постараюсь, чтобы нас не путали.

Он очень быстро выполнил свое обещание. Фильм «Пышка» получил Кубок кинофестиваля в Венеции в 1934 году.

На первой же картине проявились смелость и остроумие молодого режиссера. Вот что вспоминает Ромм: «Кинозвезда тридцатых годов, известная своим вольным поведением, потребовала у меня, дебютанта, снимать ее в роли Пышки. Набрался смелости, ответил: “Мне нужна крестьянка, играющая проститутку, а не наоборот”».

В начале 1936 года маршал Ворошилов посмотрел боевик Джона Форда «Потерянный патруль» о гибели английского отряда в пустыне и предложил киностудии «Мосфильм» сделать свой вариант героического фильма. Так Михаил Ромм поставил свой второй фильм «Тринадцать» по сценарию Иосифа Прута. Фильм снимался весной и летом в пустыне Туркменистана в крайне тяжелых условиях: жара, песок, пыль, обжигающий ветер, температура на солнце достигала 70 градусов. Было множество и технических проблем: чувствительный слой пленки плавился и осыпался, первые отснятые кадры полностью пропали. Тем не менее, за полгода лента была снята. В ней было много кадров, которые потом станут классикой советских «истернов», превратятся в штампы, но тогда они выглядели

новаторскими. Главную женскую роль в фильме играла Елена Кузьмина, «тоненькая, легкая, управляющаяся и с конем и с винтовкой». Через несколько лет она стала женой Ромма, единственной на всю жизнь.

С этим фильмом связан и конфликт Михаила Ильича с актером Николаем Крючковым, уже довольно популярным к тому времени. Он играл одну из главных ролей и, видимо, посчитал себя гораздо более ценным кадром для фильма, чем его режиссер. Ромм пошел на изменение сценария, раздал реплики героя Крюčkова двум другим актерам и изгнал Николая Афанасьевича со съемочной площадки. В фильме осталось только двенадцать героев вопреки его названию.

Ромм рассказал и еще об одном забавном эпизоде, связанном с этим фильмом:

«Перед войной под Ашхабадом кто-то обнаружил в пустыне остатки поселения и сообщил в Академию наук Туркменистана, что, возможно, под песками скрыт древний город. Немедленно снарядили комиссию, начали раскопки. Выяснилось, что это остатки наших декораций, в которых мы снимали “Тринадцать”».

Несмотря на успех его картин, жизнь режиссера на «Мосфильме» складывалась непросто: из-за конфликтов с начальством его дважды увольняли со студии, а потом восстанавливали в должности.

К 20-й годовщине Октябрьской революции во многих советских театрах были поставлены спектакли на ленинскую тему. Крупнейшие актеры исполняли в них роль вождя, например, в Театре Революции – Максим Штраух, в Театре Вахтангова – Борис Щукин. Кинематограф не мог отстать от театра: на студии «Ленфильм» Сергей Юткевич готовил постановку фильма «Человек с ружьем». Однако, почти сразу стало ясно, что в срок с выходом ленты он не успеет. На киностудии «Мосфильм» Михаилу Ромму доверили постановку фильма по сценарию Алексея Каплера «Восстание» при условии, что он его сделает в кратчайшие сроки. В свою очередь, Михаил Ильич выдвинул свои требования: полное подчинение ему всех цехов и организации студии, беспрекословное выполнение его распоряжений. Сложнее всего было привлечь к съемкам Щукина, потому что он дал согласие сниматься у Юткевича. Однако Ромм, помимо режиссерского таланта, обладал колоссальными пробивными способностями. Он приехал к Щукину, с которым до тех пор

знаком не был, рассказал о своем замысле, о будущем фильме, в котором роль Ленина была гораздо больше, чем в фильме по сценарию Погодина. Короче говоря, Сергею Юткевичу пришлось довольствоваться Штраухом.

Ромм вдвоем с Щукиным разработали концепцию образа Ленина, которая потом на много лет стала классической. Манера исполнения роли должна была быть такой, чтобы сразу завоевать сердца зрителей юмором и человечностью. В разговоре с людьми у Щукина-Ленина не должно было быть и тени превосходства, дидактики, даже ругая человека, он должен был демонстрировать любовь и уважение к нему. В этом была непонятная для наших времен смелость. Шел 1937 год, мрачный, во многом страшный, с громадными памятниками и плакатами Сталина. По сути дела Ромм задумал в своем фильме противопоставить человеческий образ Ленина монументальности Сталина. Это было даже опасно, но, к счастью, фильм, получивший название «Ленин в Октябре», удался, был одобрен вождем и понравился народу. На следующий год успех был закреплен картиной «Ленин в 1918 году». Конечно, в дальнейшем стали ясно видны недостатки первой ленинианы. Ромм по мере изменения политической ситуации пытался перемонтировать фильмы, выбрасывал наиболее одиозные эпизоды. Но тогда, перед самым началом войны, эта диалогия разом вознесла его к вершинам советского кинематографа. Фильмы были удостоены Сталинской премии первой категории 1941 года.

С 1938 года Михаил Ромм начинает преподавать во ВГИКе, а с 1940 года он становится художественным руководителем Государственного управления по производству фильмов, то есть фактически возглавляет весь советский кинематограф с художественной точки зрения. В режиссерском плане довоенной вершиной творчества Михаила Ильича становится фильм «Мечта». Этот фильм посмотрел Рузвельт и сказал, что это один из величайших фильмов на земле.

Впослевоенные годы Ромм удостоивается еще четырех Сталинских премий за свои фильмы. В 1950 году ему присваивают звание Народный артист СССР, он стал десятым Народным среди советских кинорежиссеров. Он руководит актерско-режиссерской мастерской ВГИКа и воспитывает десятки талантливейших учеников, среди которых Тенгиз Абуладзе, Григорий Чухрай, Василий Шукшин, Александр Митта, Алексей Тарковский, Никита Михалков, Сергей Соловьев и многие, многие другие.

Михаил Ромм был в числе тех немногих режиссеров кино, которым Сталин дал возможность снимать фильмы в эпоху «малокартинья». Считалось, что в год в стране должно появляться не более двенадцати фильмов, но все сплошь шедевры. Сам Ромм в 1954 году признается: «Делать мало картин оказалось ничуть не легче, чем делать много. Идея сосредоточенного внимания на единичных произведениях (что должно было привести к сплошь блестящему качеству) оказалась утопией». Но эта утопия, нужно признать, дала замечательные возможности для тех избранных, которые все-таки снимали фильмы. В 1950 году Михаил Ильич снимает фильм «Секретная миссия» о советской разведчице, которую, естественно, играла Елена Кузьмина. На следующий год выходит еще одна картина Михаила Ильича «Адмирал Ушаков».

О строительстве дачи в Красной Пахре блестяще, с тонким юмором, со своим, только ей присущим взглядом, рассказала Елена Кузьмина в книге воспоминаний «О том, что помню».

Этому способствовало одно обстоятельство. Она внезапно заболела какой-то странной болезнью. Сейчас бы все свалили на какой-то сложный вид аллергии, а в начале 1950-х годов такая болезнь была неизвестна. Елена Александровна то опухала, то покрывалась красной сыпью, а температура к вечеру вдруг поднималась, чтобы потом так же внезапно упасть. Потом начались ознобы. К счастью, в Москве жил прекрасной аллопат по фамилии Жаке, которого жизненные обстоятельства заставили стать модным тогда гомеопатом. Он принял Кузьмину, выписал ей гомеопатические средства, сказав, что вреда от них не будет, а под конец разговора посоветовал ей приобрести клочок собственной земли. Он подчеркнул, что непременно собственной земли, выкинуть «все кресла, романы и гамаки» и работать на земле, как только разрешит погода. И так из года в год. Он уверен, что уже к лету ей станет лучше.

Ромм безоговорочно принял совет гомеопата. «А доктор-то не дурак. Понял, с кем имеет дело», но дальше дело затормозилось. Свободной земли вокруг Москвы не было. Все друзья и знакомые были озадачены этой проблемой Ромма и Кузьминой.

И вот однажды к ним забежал Иосиф Прут, соавтор Ромма по сценарию фильма «Тринадцать». Он и сообщил, что разыскал старое постановление Совета Министров, подписанное самим

Сталиным, в котором он выделял писателям надел земли. Это сообщение семью заинтересовало, хотя им казалось, что выделенная писателям земля находится на краю света. Кузьмина пишет, что их привлекло романтическое название Красная Пахра, но на самом деле председателем ДСК «Советский писатель» уже выбрали их друга Иосифа Прута, да и Владимир Маклярский с Константином Исаевым, сценаристы фильма «Секретная миссия», должны были быть их соседями по поселку.

В первое же зимнее воскресенье в Пахру двинулся караван машин. Снега было очень много, до свободного участка шли долго и с большим трудом, но, увидев свой участок, семья вопрос сразу же решила.

При всем творческом и материальном благополучии Михаила Ромма в первые послевоенные годы режиссер в своем творчестве шел на неизменные компромиссы, возможно, в сталинскую эпоху по-другому выжить было нельзя. С началом хрущевской оттепели он пытался снимать острые фильмы. В 1956 году Ромм выпустил свою самую спорную картину «Убийство на улице Данте». Он хотел показать в ней, что, несмотря на поражение Германии, фашизм полностью не побежден, он все еще таит в себе угрозу. Сценарий он писал совместно с Евгением Габриловичем. Причем, сценарий пролежал на полке почти десять лет. В фильме был собран прекрасный актерский ансамбль: молодой Михаил Козаков, Максим Штраух, Ростислав Плятт, Георгий Вицин, Валентин Гафт. Главную женскую роль впервые за много лет в его картине играла не жена, Елена Кузьмина, а Евгения Козырева, впоследствии народная артистка РСФСР. Объяснялась такая замена просто: вышел негласный запрет на съемку жен режиссеров в их фильмах, по поводу чего Михаил Ильич долго сокрушался. Фильм был признан в 1956 году: на «Мосфильме» получил призы за лучшую режиссуру и лучшую женскую роль.

Елена Александровна ужасно переживала свое отлучение от фильма «Убийство на улице Данте». Однажды даже напросилась на просмотр отснятого материала, долго излагала претензии к игре актрисы Козыревой, занятой вместо нее в фильме, пока второй режиссер фильма, тактичный Лев Индебом, не посоветовал ей гордиться тем, что получается на экране. Больше Елена Кузьмина на съемочной площадке не появлялась, а полностью отдалась строительству дачи.

Первое лето строительства самое ответственное. Оно связано с выбором типа дома, с закладкой фундамента, с общей пла-

нировкой участка. Главный архитектор поселка Л. О. Пиперсон, которого Кузьмина в воспоминаниях вывела под именем Остерман, видимо, в совершенстве обладал умением уговаривать обитателей поселка. Он с ходу «впарил» Ромму и Кузьминой самый большой и дорогой проект дачи, представив смету, согласно которой она стоила сущие пустяки. Дача строилась несколько лет, ее цена в десять раз перекрыла первоначальную смету, что позволило Ромму как-то сказать:

– Я чувствую себя голым, но живущим возле довольно паршивых кирпичей...

Это ощущение усиливалось в несколько раз, оттого что коллега Михаила Ильича Иван Пырьев оказался соседом Ромма и Кузьминой по даче. С двумя очень существенными отличиями. Во-первых, его дача, хоть и примыкала к землям поселка, но формально в них не входила. Во-вторых, он не был членом кооператива, что позволяло Пырьеву вести себя достаточно независимо, например, строиться по индивидуальному проекту. Он был в те годы директором «Мосфильма», что и определяло его организационные и строительные возможности.

Он частенько заходил на участок к Ромму и своими разговорами выводил из себя Елену Александровну. Вместо большого кирпичного дома он привез откуда-то деревянный сруб, который поставили ему в течение двух месяцев, что получилось в десятки раз дешевле и быстрее. С каждым своим приходом в гости он учитывал все новое, что появилось у Роммов, и всегда говорил:

– А вы, ребята, вылетите в трубу. Я вам ссуды не дам.

Он был во многом прав, и Кузьмина многое от него терпела, во-первых, потому что Ромма рядом не было – он снимал «Убийство на улице Данте», а, во-вторых, потому что Пырьев во времена борьбы с космополитами многих из «безродных» спас и дал им работу. Например, он выиграл бой за Исаака Дунаевского.

Кузьмина вспоминает, что то лето, когда закладывали фундамент их дома, было на редкость дождливым. Как выяснилось, земля поселка имела перепад от самой высокой своей точки на западе до самой низкой на востоке около двух с половиной метров. Участок Ромма оказался почти самым низким, поэтому вода после вялой весны никак не хотела уходить в землю. На участке вода стояла по пояс, что, естественно, затрудняло работу по закладке надежного фундамента. В связи с этим был

нанят прораб Георгий Вениаминович Пропер, о котором подробно было рассказано в главе «Рождение». Нужно отдать ему должное. Помимо своих жуликоватых наклонностей, строить он умел. Поэтому когда бригада приведенных им рабочих прокопала, наконец, яму под фундамент глубиной около полутора метров, которую хозяева так и не увидели из-за высокой воды, он не дрогнувшим голосом приказал подсыпать в нее песка, бутить, а затем влить в воду громадное количество смеси цемента, песка и воды.

Что и говорить, качество цемента тогда было не чета нынешнему. Если смесь не схватывалась, то можно было на ответственном строительстве при Иосифе Виссарионовиче пойти и под расстрел. Фундамент успешно вышел из лужи, был оформлен как полагается и простоял вот уже почти шестьдесят лет.

Настоящей победой Кузьминой было приобретение шифера — дефицитного тогда материала и предмета зависти Ивана Пырьева. Ей пришлось проделать тройной обмен с покупкой ста яиц в Москве, сдачей их в деревенскую скобяную лавку и покупкой после этого в ней шифера, не самого красивого, но очень желанного.

Дальше начался настоящий детектив. Пришло время закупать тес — деревянные детали в виде бруса для перекрытий, толстой доски для полов и гладких рам для окон и дверей. Пропер под расписку сдавал Кузьминой завезенный тес и брал за него деньги. Счастливые хозяева спали около теса, вдыхая его запах, усталые до такой степени, что засыпали в беспамятстве. Наутро теса не было. Как он ушел, каким способом и куда было абсолютно неизвестно, тем более, что хозяйский пудель Булька даже не гавкал.

Прораб Пропер неизменно говорил, что нужно было лучше смотреть, и привозил тес снова, возможно тот же самый. Так продолжалось несколько раз. Ничего не помогало. Был нанят сторож, который ходил по участку вечером с трещоткой, но когда в окне времянки гас свет, изрядно лечился водкой от простуды и падал на заготовленную кучу валежника, где и спал беспробудно до утра. Утром обнаружилось, что теса нет. Сторож объяснял все это происками лешего или нечистого, потому что болото рядом. Наконец, Елене Александровне это надоело. Она уволила сторожа, вступила в охотничье общество, где ей дали разрешение на покупку дробовика и двух коробок патронов к нему. Было сразу же приобретено ружье. Кузьмина

позже написала: «Не знаю, как можно было охотиться с этим предметом, но отдача и грохот от него были такие, что я еле удерживалась на ногах».

С этим предметом она пошла на другой край поселка, где стоял барак с рабочими и где частенько бывал прораб. Кузьмина пальнула дробью в воздух, отчего Георгий Вениаминович высоко подпрыгнул:

— Вы что, с ума сошли?

Она с гордостью продемонстрировала всем сбежавшимся на выстрел свой охотничий билет и пообещала стрелять без предупреждения в любого, кого увидит у себя на участке. После этого эпизода воровство прекратилось, хотя Елена Александровна еще долго перед тем, как лечь спать, палила в воздух из своего дробовика.

Как и говорил доктор, все ее болезни кончились, прекратились озноб и повышение температуры. Чтобы полностью не расслабляться, Кузьмина сразу после окончания строительства стала растить сад. Ее сад стал одним из лучших в поселке. Чувствовалось, что она полюбила неплодородную пахринскую землю по-настоящему. Что касается дома, то Елена Александровна оставила его отличную характеристику.

«На участке стоял прелестный кирпичный дом с белыми окнами и белыми решетками. Жизнь пошла в нем спокойно и уютно. Странно, несмотря на весь отчаянный труд, который мне пришлось вложить в эту постройку, я осталась к ней равнодушной. Я достраивала какие-то мелочи и украшала ее ради Ромма. А Ромм рвался туда каждую свободную минуту, и я с удовольствием ездила с ним».

Чтобы достроить дачу, семья залезла в большие долги, зато этот дом был завершен одним из первых в поселке, и многочисленные писатели ходили в начало Восточной аллеи, чтобы полюбоваться на него и представить себе, что их ждет в будущем.

Теперь настала пора Ромма проявить свои созидательные способности. Он купил множество рубанков, молотков, стамесок и устроил себе на даче настоящую столярную мастерскую. Почти вся мебель в его кабинете была сделана его собственными руками, начиная от большого письменного стола, на который он с большой гордостью взгромоздил свою пишущую машинку. Этой машинкой он оправдывал бытующее мнение, что Ромм является «лучшим литератором среди кинематографистов».

Пока он работал со столярными инструментами, он был счастлив, отдыхал от московских проблем по-настоящему. В конце концов он полюбил и сад. Кузьмина утверждает, что «он был лично знаком с каждым посаженным кустиком и цветком. С каждым бутонем и с каждым вылезшим из земли ростком».

Ромм вставал очень рано и успевал обежать весь участок. Кузьмина еле-еле за ним поспевала, чтобы услышать «его радостные крики:

– Лешка, ты посмотри, что у тебя творится! Открылись пять тюльпанов! Остальные вот-вот... Появились бутоны на ругозах! Как это красиво...»

Михаил Ильич никогда не давал срезать цветы, утверждал, что им больно.

Ромм был великим грибником. Появление грибов в лесу для него было настоящим праздником. Кузьмина утверждает, что «Ромм мог чуть не целый день ходить по лесной путанице и выуживать грибы в самых удивительных местах. Каждый грибок он аккуратно зачищал и домой приносил корзину, как с витрины». Но главное, Ромм приносил домой и совсем незнакомые грибы, на «вид зловещие», которые он блистательно знал благодаря справочнику на немецком языке. Споры же насчет съедобности того или иного гриба Михаил Ильич решал просто. Он отгрызал кусок от гриба, дегустировал и говорил:

– А я вот жив! Гриб съедобный. И будем их собирать...

Внук Ромма, тоже Михаил, с которым они потом и собирали грибы, утверждал, что «грибов тогда было очень много. И хороших, и таких, которые были в этой книжке. Все грибы поэтому делились на две части: одна, большая, — для цензуры в лице Кузьминой, другая, поменьше, — для души».

Ромм преподавал, писал, руководил вместе с Юлием Райзманом Третьим творческим объединением «Мосфильма», но сам практически не снимал художественных фильмов шесть лет. За эти годы он переосмыслил свой подход к кинематографу, а для себя раз и навсегда решил: «Если ты убеждён, что исследовать человека нужно в исключительные моменты его жизни, пусть трагические, катастрофичные, — бери этот материал, не боясь ничего...» Возможности, предоставляемые относительной социальной свободой, Михаил Ильич реализовал только в 1961 году в своем самом удачном художественном фильме позднего периода «Девять дней одного года». Фильм получился новаторским, смелым, возвысился над прежними достижениями мастера. Как

сказала критик Майя Туровская: «Ромм сменил добротную, как двубортный пиджак, завершенную сюжетность на свободную..., непринужденную... новизну стиля жизни и кино. Его раскованные герои были воплощением того времени: “что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...”»

Лев Анненский высказался еще более определенно: «Фильм произвел фурор. Дураки попятнулись. Настал час для умных: умных споров, умных находок, умных ошибок. “9 дней” прозвучали как гимн разуму, и отклик был соответствующий».

Фильм заслуженно собрал множество премий. Он стал лучшим фильмом 1962 года, собрав в прокате 23,9 миллионов зрителей, Алексей Баталов был признан лучшим актером года. Государственной премией имени братьев Васильевых в 1966 награждаются режиссер, сценарист, оператор, художник и актер А. Баталов. Картина получила и международное признание: Хрустальный глобус МКФ в Карловых Варах, диплом МКФ в Мельбурне, премии в Чехословакии и Польше. На фестивале в Сан-Франциско в 1962 году главный приз получает фильм «Иваново детство» ученика Ромма Тарковского, «Девять дней» демонстрируется вне конкурса и получает почетный диплом.

Михаил Ромм обладал принципиальным и бесстрашным характером, временами до потери инстинкта самосохранения. В 1943 году он пишет письмо напрямую Сталину с жалобой на действия Ивана Большакова, всесильного председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Отсутствие патриотических фильмов военного времени Ромм объясняет Сталину несправедливым отношением руководства к лучшим творческим силам: Траубергу, Райзману, Эрмлеру, Козинцеву. У руководителя крупнейшей тогда Алма-Атинской студии Фридриха Эрмлера приказом Большакова сменили его замов по художественному руководству Трауберга и Райзмана на Ивана Пырьева, даже не поставив Фридриха Марковича в известность. Ромм не пишет Сталину впрямую об антисемитизме в руководстве Советского кинематографа, но это из текста письма абсолютно понятно.

Двадцать лет спустя Михаил Ильич выступает в Москве на конференции «Традиция и новаторство» в ВТО. Он впрямую обвиняет Н. Грибачева, В. Кочетова и А. Софронова в антисемитизме: «Сегодня, когда компания, когда-то предававшая публичной казни «безродных космополитов», — Кочетов, Софронов и им подобные — совершает открытую диверсию,

нападает на все передовое, на все яркое, на все новое, что появляется в советской кинематографии, мне кажется, что придерживаться в это время академического спокойствия и ждать, что будет, не следует».

Когда стало ясно, что Ромм проигрывает в схватке с кандидатом в члены ЦК КПСС товарищем Грибачевым и с членом Ревизионной комиссии ЦК КПСС товарищем Кочетовым, и дело выдающегося режиссера шло к партийному разбору, тот прибег к испытанному средству. Он уехал на дачу и там заболел на полтора-два месяца. Дозвониться ему туда по телефону было невозможно. За это время Михаил Ильич тщательно продумал свою позицию и написал соответствующее объяснение. Своих ошибок он не признал, хотя признал некоторую резкость формы критики оппонентов. По содержанию же привел множество примеров своей правоты во времена антисемитских погромов и космополитизма. Множество людей помогли ему собрать для этого материал. Он долго ждал на даче, когда же будет разбирательство его дела, потом, поздней зимой 1963 года, поехал в Москву, и дело его понемногу рассосалось.

Ромм по поводу времени, проведенного на даче, никогда не жалел. Тем более, что ему составляли компанию две громадные белые южнорусские овчарки, Ганга и Митька, бабушка и внучек. Псы любили Ромма самозабвенно, признавали хозяином только его. В этом убедилась писательница Наталия Ильина, неосмотрительно заглянувшая на участок Роммов и лишившая части своего носа.

В этот период Ромм увлекается новым для себя видом творчества: устными рассказами. Он наговаривает большинство рассказов на магнитофон «Грюндиг», привезенный им из-за границы. Благодаря этим записям мы знаем и о его четырех встречах с Никитой Хрущевым, и о неподражаемом руководителе советского кино Семене Дукельском, и о работе Ромма над своими фильмами.

Впрочем, на следующий год обвиненные Ромом деятели взяли реванш: Михаила Ильича вынудили уйти из ВГИКа. Но в этом увольнении были и свои положительные стороны: Ромм начал работу над главным фильмом своей жизни, который теперь все знают как «Обыкновенный фашизм».

О создании этого фильма написаны горы литературы, нет нужды их повторять. Можно только заметить, что старую хронику автор заставил звучать совершенно по-другому, виртуозно

используя десятки тонких приемов в монтаже, звуковом оформлении, комментариях. Фильм особенно выиграл оттого, что за кадром звучал голос самого Михаила Ильича, а ведь поначалу планировалось, что текст будет читать профессиональный артист. К счастью, вовремя одумались.

Юрий Трифонов: «Сила этого фильма в том, что явление, о котором идет речь, раскрывается изнутри. Большой рассказывает о себе сам, и никто не сделает это ужасней, откровенней. Мы видим кадры, заснятые в “часы пик” фашизма, в дни упоения. Мы видим, как дрогнул и захмелел целый народ».

Фильм получился очень глубоким, многослойным, и далеко не каждому было дано заглянуть в самую гущу мыслей, заложенных в нем Роммом. Зато те, кто был способен на это, открывали для себя новые бездны. Очень быстро стало ясно, что лента разоблачает не только фашизм, но и любое тоталитарное государство.

Говорят, что после просмотра фильма главный идеолог КПСС Михаил Суслов тихо спросил у автора: «За что же вы нас так ненавидите?»

Фильм получил Высший приз жюри МКФ документальных и короткометражных фильмов в Лейпциге. Вот впечатления самого Михаила Ильича от Лейпцигского фестиваля: «Это был первый массовый просмотр картины за рубежом. Кончились надписи, переводчик объявил конец картины: “Шлюс”. Медленно зажегся свет, закрылся занавес. Тысячи человек молчали. Я стоял в ложе и старался понять, что происходит. А происходило то, чего я так хотел добиться, — люди думали. Они думали еще минуту после того, как зажегся свет. Но для режиссера картины такая минута кажется годом. Потом раздались первые несмелые аплодисменты, потом кто-то заметил меня. Весь зал встал, и мне устроили овацию».

Между тем Ромм возвращается во ВГИК, на его новом курсе Никита Михалков, Сергей Соловьев. Опала ничему не научила смелого режиссера. Он присоединяется к коллективному письму Л. Брежневу против тенденций в искусстве, направленных на реабилитацию культа личности Сталина. Слово автора «Обыкновенного фашизма» в нем звучит особенно веско.

Здесь обязательно нужно сказать и еще об одном свойстве Михаила Ильича. Желании помочь людям. Его внук так пишет об этом качестве деда: «Люди были всегда. Приходили по делу, посоветоваться, приходили и просто так. Иногда расстроен-

ные, грустные. Ромма хватало на всех». Вот тут внук немного ошибся. Его на всех не хватило.

Вначале постоянную борьбу не выдерживает сердце, осенью 1967 года он переносит тяжелейший инфаркт. Стоит ему немного оправиться, как он приступает к работе над документальным фильмом «Мир сегодня». Этот проект по масштабности не должен был уступить «Обыкновенному фашизму», а по историческому охвату задумывался автором еще шире: две мировые войны, атомный взрыв над Хиросимой, Китайский путь, съемки во Франции, в Германии... Завершить фильм Михаилу Ильичу не довелось.

Ромм умер дома в Москве 1 ноября 1971 года. Он раскладывал за письменным столом карточки с кадрами своего нового фильма. Когда в кабинет заглянула Елена Александровна, он сказал: «Сегодня мне что-то нездоровится. Я, пожалуй, прилягу». Жена помогла ему лечь на диван. Вскоре он тихо скончался.

Похоронен Ромм на Новодевичьем кладбище.

Его ученики и друзья – М. Хуциев, Э. Климов и Г. Лавров – завершают начатое Михаилом Ильичем. В 1975 году на экраны выходит фильм, поменявший свое название, «И все-таки я верю». В нем авторский текст, который успел наговорить сам Ромм. Фильм завершается взрывом атомной бомбы над Хиросимой. Далее следует надпись: «Здесь обрывается голос автора. Далее пойдут титры».

ВИКТОР РОЗОВ **(1913–2004)**

Замечательный советский драматург Виктор Розов почти во всех своих произведениях показывал большую патриархальную семью. За одним обеденным столом собирались два-три поколения: дети, родители и старики, дальние родственники. Обсуждали свои проблемы, потом появлялся их родственник или знакомый из провинции, который в итоге оказывался более нравственным, чутким, ранимым человеком, чем жители столицы.

Он хорошо знал эту тему, так как сам родился в такой же семье в Ярославле. Его дядя Александр Федорович был знаменитым врачом. До сих пор его чтят в Костромской области, куда позже переехала семья, едва ли не выше, чем самого драматурга. Он обладал приятным баритоном, пел, организовывал домашние спектакли. Возможно, такая атмосфера повлияла на маленького Витю. Виктор был младшим сыном Сергея Федоровича Розова, по профессии бухгалтера или, как тогда говорили, счетовода. Родился Виктор в воскресенье, в престольный праздник — день явления Толгской Богоматери. Это считалось счастливым предзнаменованием, и будущий драматург его полностью оправдал. До трехлетнего возраста Витя сильно болел, местный врач даже сомневался, что мальчик выживет. Он выжил, поправился, пережил разруху и Гражданскую войну. Дом Розовых сгорел в 1918 году, семья переехала в Ветлугу, а затем в Кострому. Кострома и стала его второй родиной. Там он работал с 1932 по 1934 год в Театре юного зрителя, который основала группа молодежи под руководством режиссера костромского театра Н. А. Овсянникова.

В 1934 году Виктор Розов поступил в театральное училище при московском Театре Революции (ныне – Театр имени В. Маяковского) и учился на курсе замечательной актрисы М. И. Бабановой. После четырех лет учебы его взяли в театр актером вспомогательного состава. Когда началась война, Розов добровольцем ушел на фронт. Военная история будущего драматурга продлилась недолго. Первый и последний для него бой произошел под Вязьмой близ Москвы. Артиллерийское орудие, при котором состоял Виктор, накрыло снарядом. Весь расчет погиб, только рядовой Розов был тяжело ранен. Но и здесь Толгская Богоматерь хранила будущего драматурга. Шесть суток его везли в тыл, кровотечение остановить не могли, из-за нечеловеческой боли Виктор все это время не мог спать. Но солдата спасли. Сначала госпиталь во Владимире, потом в Казани. Оттуда он вышел на костылях летом 1942 года и приехал к отцу в Кострому. Позже он поступил на заочное отделение Московского литературного института, начал учиться на драматурга. В Костроме он написал первый вариант своей пьесы «Вечно живые», которая тогда называлась «Семья Серебряйских». Ее даже хотели поставить на сцене Костромского театра, но дальше надежд дело не пошло. Потом начался калейдоскоп событий и перемен в жизни Розова. Он успевает поработать в трех московских театрах, во фронтовых театрах, потом остается без работы и с энтузиазмом принимает приглашение Наталии Сац поехать к ней в Алма-Ату и помочь ей организовать театр для детей и юношества Казахстана, хотя для этого ему и пришлось бросить учебу в институте.

Вернувшись в Москву, он работает режиссером в театре ЦДКЖ. В 1949 году он пишет пьесу «Ее друзья», которую ставит Центральный детский театр, с которым драматург связал свою жизнь. Пьеса имела необыкновенный успех и была впоследствии поставлена в сотне советских театров. Потом последовали шедшие с неизменным успехом пьесы «В добрый час», «В поисках радости», поставленные в ЦДТ, «Вечно живые», с которой начался новый театр «Современник». Литературный институт Розов закончил только в 1953 году, зато в качестве дипломной он представил пьесу «Страницы жизни», которая уже готовилась к постановке в ЦДТ. Интересно, что драматург остался работать в своем родном Литературном институте, где трудился вплоть до 1995 года. Появились деньги от первых гонораров. Вкладывать их особенно было не во что. Жил Розов со

своей женой актрисой Надеждой Козловой и сыном Сергеем в коммуналке в Зачатьевском переулке. Ближайшей перспективы получить отдельную квартиру не было. Правда, Розов купил представительский автомобиль ЗИМ, который тогда продавался совершенно свободно и спросом не пользовался из-за своей дороговизны. Но других возможностей разумно вложить деньги не представлялось.

Поэтому Розов с энтузиазмом откликнулся на предложение кинорежиссера Александра Зархи купить у него участок в поселке Красная Пахра. Строений на участке еще не было, но это было делом поправимым. Сначала Розов возвел на своем участке времянку, но такую, в которой вполне можно было жить. Два этажа, терраска, дровяная печь, на которой можно было готовить и обогревать две комнаты. На глазах росло здание большой дачи. Участок ему достался солнечный, без больших деревьев, подлесок вырубил, что позволило организовать отличный огород и, главное, цветник.

У Виктора Сергеевича была своеобразная теория писательского творчества. Он считал, что творчество неуправляемо, а писатель, говоря «сельскохозяйственным» языком, должен рылить, готовить почву, из которой вдруг пойдет росток. И вот этот момент ни в коем случае нельзя упустить, спугнуть. Розов неустанно собирал факты, подтверждающие эту теорию. Он вспоминал, что в Доме литераторов видел известного писателя, идущего по коридору и явно обдумывающего сюжет своего нового произведения или какие-то его нюансы. Навстречу шла шумная компания, сильно разогретая спиртным и готовая предложить писателю разделить с нею радость жизни. Тот уклонился от встречи, юркнул на лестничную клетку и забежал в туалет, где в спокойной творческой обстановке смог оформить свои мысли.

Дача очень помогала «процессу подготовки почвы», способствовала организации творческого процесса. В Москве Розов очень много занимался общественной и профессиональной деятельностью. Он был Секретарем Московской писательской организации, заведующим кафедрой драматургии Литературного института, членом редколлегии чрезвычайно популярного молодежного журнала «Юность», поэтому времени на спокойный и непрерывный творческий процесс ему не хватало. Он лишь придумывал тему, сюжет, какие-то принципиальные

детали, фрагменты, но оформлял эти наброски в пьесу на даче, в спокойной обстановке в летний период.

Часто в разгар летнего сезона Виктор Сергеевич со всей семьей покидал дачу и плыл на теплоходе по Волге, каналу Москва-Волга или по Оке. На теплоходе ему замечательно работалось. Небольшое покачивание, шум речной волны и двигателей судна, спокойная природа средней полосы России умиротворяли и одновременно стимулировали драматурга к творчеству. Опять-таки, теплоход останавливался в родных и милых сердцу Розова городах: Ярославле, Костроме, Угличе, Плесе, Нижнем Новгороде, Касимове, Муроме. Можно было не спеша пройти по тихим улочкам, посмотреть на знакомые с детства дома, встретиться со знакомыми и родственниками. Путешествие длилось обычно от одной до двух недель. Семья Розовых снимала каюту «люкс» на верхней палубе с ванной и туалетом, двумя комнатами. В одной комнате стоял письменный стол, за которым Виктор Сергеевич работал. Когда уставал, выходил на палубу, здоровался с попутчиками, смотрел на прибрежные холмы. Жизнь на теплоходе текла медленно, размеренно, событий было мало, поэтому пассажиры обычно либо делились впечатлениями от последней экскурсии, либо гадали, что будет в ресторане на обед или на ужин. Розов в этих разговорах участия не принимал, голова его была полна идей, переживаний героев и фраз, ведь в пьесе все эмоции, переживания героев можно было выразить только монологами или диалогами, повествовательный авторский текст там, естественно, отсутствовал. Но такие путешествия носили в творчестве драматурга все-таки вспомогательный характер, основную работу он проделывал на даче. В молодые годы он старался уехать из Москвы на все три летних месяца.

На даче, помимо ближайших членов семьи, собиралась большая и разнородная компания. Ближайшие друзья – Гришины, многочисленные родственники из Костромы, Ярославля, со стороны жены – из Сибири, легендарная бабушка Соня с сыном Олегом; места в большой даче и во времянке хватало на всех. За столом собиралась столь любимая Розовым большая семья.

Виктор Сергеевич просыпался рано: в половине девятого, самое позднее в девять. До завтрака шел поливать цветы, немного ковырялся в земле. В цветы он был влюблен с детства: «Еще в Костроме в 1923 году девятилетним мальчиком я на развалинах каких-то бывших до революции кирпичных стро-

ений в нашем дворе устроил маленький цветник, прямо на кирпичной крошке. Я корзинкой таскал плодоносную землю с так называемого маленького бульварчика — остатков земляного вала, когда-то обносившего город, — и сажал только нехитрые маргаритки и анютины глазки... Цветы я любил даже как-то ненормально. Помню, в той же Костроме вынес я выхоженный мной бальзамин на балкон под дождь, чтоб напоить его именно дождевой водой, а хлынул такой ливень, что сломал верхушку цветка. Я подхватил плошку, внес в комнату и залился горячими слезами. Мне было его жаль: казалось, ему больно, как совершенно живому существу». На даче эта страсть Розова расцвела ярким цветом. Он посадил «штамбовые розы, которые цвели умопомрачительными букетами. Не без оснований соседка называла их страусами». В его саду росли пионы, тюльпаны, флоксы, гладиолусы, гиацинты. Очень расстроился Виктор Сергеевич, когда однажды весной, когда они были в полном цвету, их выкопали вместе с луковицами. Но, тем не менее, цветы приносили ему больше удовольствия, чем огорчений. Он считал, что лучше у него будет меньше цветов, но зато посаженных и выращенных его собственными руками.

Розов вспоминал, что «в поселке развернулось прекрасное соревнование — кто роскошнее украсит свой участок, пожалуй, только Константин Михайлович Симонов не принял в нем участия. На его участке рос густой еловый лес. Так он стоит и поныне, хмурый всегда, а после смерти хозяина и совсем мертвый».

После утреннего ухода за цветами в большой семье драматурга наступало время завтрака. Если не было дождя, завтрак накрывали за большим дощатым столом на улице. Если погода не радовала, то на просторной застекленной террасе. Затем Розов работал у себя в кабинете, домашние старались ему не мешать. Иногда он выходил на аллеи поселка пройтись и обдумать какую-либо сцену, которая ему с ходу не давалась. Тут и наступало время обеда. После обеда следовал «тихий час». Розов спал редко, но лежал на диване, читал современные литературные новинки и работы учеников. По английскому обычаю потом следовал пятнадцатичасовый чай. Далее наступало «вольное» время. В поселке было два отрезка такого времени — до семи вечера и после ужина, то есть после девяти вечера. Обитатели поселка выходили на вечернюю прогулку, это были часы общения соседей или походов на реку. Виктор Сергеевич часто приходил на высокий берег Десны, с которо-

го открывалась необыкновенная перспектива. Справа все небо светилось багрянцем — там садилось солнце. Его блики гуляли по тихой воде. Через несколько минут красно-золотые цвета на реке сменялись серебристыми: солнце заходило, и в свои права вступала луна. Вдали на другом берегу начинался лесок, а ближе к речке стояла маленькая деревушка. В окнах ее домов постепенно зажигались огоньки, и она пейзажа совершенно не портила. Все жители поселка знали, что именно эта картина навеяла поэту Михаилу Матусовскому знаменитые строчки из его «Подмосковных вечеров»: «Речка движет и не движется, вся из лунного серебра».

Ближе всех из жителей поселка Розов дружил с Михаилом Абрамовичем Червинским, второй половинкой знаменитого послевоенного драматургического дуэта Масс-Червинский. «Ах, какой замечательный был человек! Ну не знаменитый писатель, нет. И что? Человек прекрасный. Это тоже на вес золота». Общение доставляло обоим соседям искреннюю радость. Они ходили друг к другу в гости, беседовали на самые разные темы, причем «беседы были сердечные, легкие, веселые, даже если костили кого-нибудь на все корки — писатель ведь всегда или от всего в восторге, от какой-нибудь ерунды, или ему все опротивело, мечет громы и молнии, обрушивает цунами на сущий пустяк». Розов с детства помнил стихи Александра Блока, которыми тот охарактеризовал своеобразных людей — поэтов:

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, и каждый встречал
Другого надменной улыбкой...

Розов любил ходить в гости на соседний участок. Жена Червинского Сара Юльевна была великолепным кулинаром. Некоторыми своими изысками она приводила Виктора Сергеевича в восторг и недоумение. Например, делала она великолепный торт из мороженого. Снизу и сверху были круги горячего бисквита, только что вынутого из духовки, а внутри мороженое. Как эти противоположности существовали, Розов понять не мог.

Сближало соседей и то, что каждый из них недавно пережил инфаркт. Особенно тяжелый был у Михаила Абрамовича, следствием которого стала аневризма сердца. Она и стала причиной смерти Червинского. Виктор Сергеевич вспоминал, что

«в тот тихий и теплый летний вечер мы сидели на нашем крыльце и, как всегда, оживленно болтали. С каким-то особым счастливым выражением лица Михаил Абрамович рассказывал о своей жизни, так увлеченно, так весело, что у меня мелькнула мысль: не слишком ли велика сейчас нагрузка для его сердца? Даже осторожно спросил:

– Михаил Абрамович, не устали?

– Нет, нет, – засмеялся Червинский, – чувствую себя прекрасно.

– Но съядьте хотя бы.

Он стоял позади плетеного стула, держась за его спинку.

– Не хочу, мне так удобнее. – И продолжал так же увлеченно.

Я проводил Михаила Абрамовича до его калитки».

Ночью случилось непоправимое. Послышался душераздирающий крик Сары Юльевны, и Виктор Сергеевич понял, что его друга не стало. Он «лежал, задыхаясь от сердцебиения и ожидая смерти, – так был потрясен».

Ужинали на даче неизменно в девять часов вечера. Опять вся большая компания собиралась за столом. Выпивали по рюмке водки или наливки, обсуждали произошедшее за день. На ужин частенько приходил кто-нибудь из соседей. За едой шли неторопливые разговоры, философствования. После ужина наступало традиционное раскладывание карточных пасьянсов. Раскладывали на террасе за большим столом одновременно три или даже четыре пасьянса: сам Виктор Сергеевич, Николай Николаевич Гришин, папа Нади Варфоломей Германович и кто-нибудь из многочисленных теток. Вся семья любила это времяпрепровождение. После дневных хлопот наступала неизменная расслабуха, общение с детьми, следовали воспоминания, обменивались советами, словом, старались друг другу помочь. Никто, кроме старика Варфоломея, не сердился, если рядом за столом оказывались зрители, обычно дети. Спокойно принимали их советы и подсказки. Варфоломей не терпел подсказок и, вообще, гнал детей от своего пасьянса. Они поначалу удивлялись и даже обижались, а потом поняли, что старик жульничал и не хотел, чтобы его в этом обвинили.

После десяти вечера обитатели дачи отходили ко сну. Виктор Сергеевич еще долго читал.

Обширный инфаркт миокарда у Виктора Сергеевича случился в 1959 году. Видимо, это был результат громадной психологической и эмоциональной перегрузки. Подумать только,

еще в 1948 году он был нищим артистом, немного писал, немного режиссировал. Красавцем не был, роста ниже среднего, со смешным крупноватым носом, после ранения осталась хромота на всю жизнь. Именно в этот период он встретился со своей будущей женой Наденькой Козловой. Она была ведущей актрисой театра имени Ермоловой, овейной ранней известностью и сопровождаемой многочисленными поклонниками. Ей делали многочисленные предложения руки и сердца мужчины поизвестнее, побогаче и поинтереснее, чем Розов. Но она выбрала его, видимо, почувствовала его громадный внутренний человеческий и творческий потенциал.

Она не ошиблась. Через 9 лет Розов становится самым кассовым драматургом страны, его пьесы ставятся в самых отдаленных городах Советского Союза, фильм по его сценарию «Летят журавли» завоевывает Большую пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля, у него шикарная дача, большая квартира в писательском доме у метро «Аэропорт», автомобиль ЗИМ представительского класса. Организм драматурга столь резко взлетел к славе и богатству не выдержал. Виктор Сергеевич сам загнал себя в болезнь, жутко испугался, стал мнительным. Ему уже было что терять. С того момента и до конца жизни Розов постоянно прислушивался к своему организму, ел горы лекарств, позже стал бояться оставаться на ночь на даче: вдруг что-нибудь случится. Виктор Сергеевич впал в настоящую депрессию. Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы кто-то из врачей не посоветовал ему заняться чем-либо, что отвлекло бы его от проблем со здоровьем, ну, например, начать собирать почтовые марки. Эта идея упала на благодатную почву. Марки, можно сказать, вернули Розова к жизни. Начал коллекционирование он очень азартно. Его финансовые возможности позволяли приобретать самые редкие экземпляры знаков российской и советской почтовой оплаты. В сочетании с деятельным аналитическим умом это позволило ему в очень короткий период стать одним из самых известных коллекционеров Советского Союза.

Летнего периода Розову обычно хватало, чтобы завершить очередную пьесу. В конце дачного сезона он неизменно устраивал читку нового произведения. Только для своих домашних и ближайших друзей. Ему было важно почувствовать реакцию не профессионалов, понять, как расставить акценты, чтобы было смешно, или усилить драматизм ситуации.

Настоящую проверку в профессиональной аудитории Розов устраивал осенью в Доме литераторов. Приглашались друзья-коллеги, ведущие драматурги страны: Алексей Арбузов, Александр Штейн, Леонид Зорин, Исидор Шток, Самуил Алешин. Они приходили с удовольствием, так как знали, что Розов в долгу не останется и также поможет им советами. На основании сделанных замечаний Виктор Сергеевич вносил некоторые изменения, шлифовал пьесу, после чего нес ее в театр и в Министерство культуры. У него было два любимых театра: Центральный детский и «Современник». С ними проблем не было. Там уже ждали очередную пьесу и готовы были начать работать в любой момент. Но вот работа с Министерством продолжалась на протяжении целого года после представления текста. Этот год уходил на согласования и прохождение цензуры, получение так называемого «ЛИТа». Сначала автор встречался с редактором, и каждая встреча проходила мучительно, потому что приходилось кропать готовый текст, резать по живому из-за неких идеологических соображений. Конечно, Розов умел использовать принцип «белой собачки». Такое название произошло от картин одного известного художника, который неизменно в нижнем углу своей новой законченной картины пририсовывал маленькую белую собачку. Все споры вокруг картины сводились к тому, что она здесь не к месту. Художник вначале упирался, но потом соглашался замазать несчастное животное. Цензоры и критики, выигравшие этот бой, оставались довольны, но автор тоже был не в обиде. Времени на обсуждение других недостатков картины у них уже не оставалось. В драматургии этот принцип реализовывался введением в ткань пьесы заведомо неприемлемых для цензуры сцен или персонажей. Цензор настаивал на удалении выявленных им крамольных материалов, и остальной текст пропускал практически без правки. Правда, со временем и редакторы приспособились к такой хитрости авторов: произведение читали последовательно два цензора: первый убирал явных «белых собачек», а второй вслед за ним уже тщательно искал крамолу в оставшемся тексте.

После редактирования пьеса поступала на обсуждение в коллегию Министерства культуры СССР или РСФСР, иногда шла в репертуарно-редакторский отдел тех же министерств. Вершиной было получение печати «ЛИТа» с визой заместителя министра. Современный читатель не знает, что ни одно про-

изведение нельзя было отправить в печать, прочесть или пропеть со сцены, исполнить на радио или телевидении без штампа «ЛИТ» или «ГЛАВЛИТ» с личным номером и подписью цензора. Только получив «ЛИТ», можно было нести пьесу в театр, заключать договор и получать аванс. Первую свою пьесу «Вечно живые» Виктор Сергеевич отдал в литературный отдел еще в Костроме. Ее, естественно, зарубили, спектакль так и не был поставлен. Когда образовался театр «Современник», главный режиссер нового театра Олег Ефремов пристал к Розову, чтобы тот написал для них что-нибудь особенное. Виктор Сергеевич вспомнил о своей первой пьесе, подработал ее, но предупредил, что пробить на нее разрешение будет трудно. Понадобилось все обаяние Ефремова и вся его энергия, чтобы получить разрешение на постановку спектакля по пьесе Розова. Зато этот спектакль на много лет стал визитной карточкой театра.

Отношения Виктора Сергеевича с артистами и режиссерами театра «Современник» были настолько тесными и теплыми, что они приезжали на дачу в поселок Красная Пахра на читку новой пьесы. Их приезд неизменно вызывал оживление у соседей: не каждый день столкнешься на аллее поселка с Олегом Ефремовым, Евгением Евстигнеевым, Галиной Волчек. А школа-студия при Центральном детском театре приезжала на дачу почти в полном составе — демонстрировала Розову прямо на участке одну из своих постановок.

Часто к Виктору Сергеевичу приезжали коллеги из-за рубежа. В этих случаях МИД официально обращался в Союз писателей СССР с просьбой принять какую-нибудь мировую знаменитость. Конечно, страна Советов хотела похвастаться перед иностранцами условиями, в которых жили советские инженеры человеческих душ. На даче у Розова побывал знаменитый американский писатель Джон Апдайк, обладатель престижной Пулитцеровской премии. Он подарил Виктору Сергеевичу кепку, похожую на ту, что сейчас носит Владимир Жириновский. Розов с удовольствием долго ее носил и неизменно называл «апдайкой». Приезжал к Розову и американец Ирвинг Стоун, написавший более двадцати романов биографического жанра, и наиболее известный тем, что его первый рома «Жажда жизни» о Винсенте Ван Гоге был отвергнут 17 издательствами, пока его не опубликовало в 1934 году восемнадцатое, что и сделало Стоуна знаменитым. Был в поселке и лауреат Нобелевской премии Генрих Бёльль.

Виктора Сергеевича также часто приглашали в редкие тогда зарубежные поездки. В США в 1967 году он невольно проявил бестактность, искренне считая, что в Америке писатели общаются между собой, помогают советами, доброжелательными замечаниями. Будучи в гостях у одного известного американского писателя, имя которого по определенным причинам мы упоминать не будем, Розов наивно спросил: «Где-то тут недалеко и дом Джона Апдайка», на что тот холодно сказал: «Вряд ли. Я бы не купил дом ближе, чем за 500 миль от дома Апдайка». Виктору Сергеевичу осталось только порадоваться, что он не успел похвастаться кепочкой, которую ему этот самый Апдайк подарил.

В рассказе «Поселок» Виктор Сергеевич несколькими мощными мазками описал своих соседей по Восточной аллее поселка, давая им четкие лаконичные характеристики. На личности Владимира Захаровича Масс он остановился подольше. После смерти Червинского именно Масс стал ему особенно близок. С Владимиром Захаровичем, его женой Натальей Львовной и дочерью Аней Розовы общались семьями.

Массы были радушными хозяевами, угощали гостей яблоками из своего сада и чаем с вареньем из ягод, собранных на собственном участке. Снова предоставим слово Розову: «Но главное, чем угощал нас Владимир Захарович, — это его картины. Мало того, что он был драматург, прозаик, поэт, сатирик — он был интереснейшим живописцем. Рисовал он много и очень выразительно. Может быть, он не был профессионалом в академическом смысле, но что в его живописи присутствовал дар Божий, для меня бесспорно. Выставка его работ в том же Доме литераторов имела славный успех».

Розову было очень интересно разговаривать с Владимиром Захаровичем. Тот близко знал Станиславского, так как написал для Художественного театра пьесу «Сестры Жерар», и Мейерхольда, и Форрегера, и Немировича-Данченко, и Маяковского, и Есенина — «полмира сверкавших талантов двадцатых годов». Особо Розов ценил доброжелательность, которую неизменно демонстрировал Масс. «Говоришь с ним — и будто грешешь на солнышке». Общение с Владимиром Захаровичем позволило заново открыть для себя русский и французский художественный авангард. У Массы были замечательные альбомы с репродукциями картин Константина Сомова, Мукастова, Анри Матисса.

Можно поражаться долготерпению Виктора Сергеевича. Ежедневно на даче дети: Сергей и Татьяна, родные жены: тетя Маня, тетя Катя, тетя Люба с мужем, тетя Вера, ее сестра с мужем, ее брат с женой, многочисленные племянники, знакомые — Гришины Николай Николаевич и Наталья Тихоновна каждое лето отдыхали на даче у Розова. Сам он понимал, что «кто-нибудь из читающих ахнет и скажет: “Да как вы могли вынести все это!” А я отвечу: “Был моложе. И люблю все эти шумные молодые и даже старые компании”».

Но больше всего беспокойства доставлял сын Сергей и его шумные друзья. Каждый вечер их собиралось человек восемьдесят, в основном в жилой пристройке к гаражу или во времянке. Виктор Сергеевич говорил, что они ему «ни работать, ни отдыхать не мешали, хотя вели они себя безобразно, и я даже кому-то из них дал по шее». Как они могли не мешать драматургу, остается по сей день загадкой. Они крепко выпивали, включали громкую английскую и модную тогда французскую музыку, но, самое главное, периодически сами горланили песни громкими дурными голосами. Время от времени Виктор Сергеевич обвинял то одного, то другого в «особо циничном поведении», но терпел, не изгонял со своего участка.

Но такое всепрощение и терпимость по отношению к детям и их друзьям не распространялись на его профессиональные и дружеские отношения. Если Виктор Сергеевич считал, что он незаслуженно обманут, обижен, то он безжалостно и навсегда прерывал отношения с подобными людьми. Достаточно рассказать только об одном таком случае с прекрасным кинорежиссером Михаилом Калатозовым. В 1957 году именно Михаил Константинович блестяще поставил фильм «Летят журавли» по сценарию Розова. Фильм, который получил международное признание. Два года спустя они вместе работали над фильмом «Неотправленное письмо», который вышел не слишком удачным, но укрепил профессиональные и человеческие отношения сценариста и режиссера. В 1963 году они снова вместе начинают работать по заказу «Мосфильма» над картиной по сценарию Розова «А, Б, В, Г, Д». Журнал «Юность» попросил разрешения опубликовать этот сценарий. Возражений ни от «Мосфильма», ни от Калатозова не было. К сожалению, сценарий попал под очередную кампанию, проводившуюся в стране против излишне либеральных писателей. Произведение

расценили как попытку сравнить отцов и детей страны Советов. Правда, Розов оказался в достойной компании с Василием Аксеновым, который провинился своим «Звездным билетом», и Анатолием Гладилиным, который вообще числился в диссидентах. В этот сложный для Виктора Сергеевича период Михаил Калатозов приезжает к нему на дачу и старается успокоить автора сценария, говоря, что «Мосфильм» не отказался от планов по постановке этого фильма. В доказательство он привозит с собой актера Василия Ланового, которого прочат на главную роль в этом фильме. На следующий день после отъезда режиссера Розов позвонил в Москву на студию, чтобы обсудить с ним какие-то детали. На «Мосфильме» ему вежливо ответили, что в данный момент Михаил Константинович подойти к телефону не может, так как занят на съемочной площадке съемками фильма «Я – Куба» по сценарию Евгения Евтушенко.

Трудно сказать сейчас, что подтолкнуло Калатозова на такой обман. Может быть, он хотел скрыть правду, чтобы не расстраивать своего друга и коллегу. Розов возмутился страшно. Он не устраивал сцен, но с Калатозовым вообще перестал общаться. Даже после того, как переработал сценарий в пьесу, спектакль по которой под название «В дороге» с успехом шел на сцене Театра имени Моссовета с Геннадием Бортниковым в главной роли.

На даче Розова с начала 1970-х годов безвылазно жила тетка Нади по имени Софья Константиновна, которую большинство обитателей поселка называли просто баба Соня. Ее знал весь поселок. Человеком она была очень своеобразным, колючим, наблюдательным, острым на язык. Как-то мама одного из Сережиных друзей на полном серьезе попросила ее:

– Софья Константиновна, вы уж последите, чтобы мой Андрюша у вас много не пил, а то вдруг ноги отнимутся.

– Конечно, отнимутся, ведь он все на Серенькины пьет.

Но главным ее достоинством была необыкновенная информационная насыщенность. Это качество составляло ее необычную загадку. Казалось бы, она сидела на даче безвылазно, может быть, выходила за калитку на пять минут, но была в курсе всех поселковых событий. Когда Розовы с друзьями приезжали на выходные на дачу, она тут же выкладывала им в подробностях все новости. Николай Николаевич Гришин даже назвал ее по созвучию имени баба Соня – Би-Би-Си. Она обладала исключительным чутьем, интуицией и народной хитринкой, что

позволяло ей услышать и увидеть для других недоступное. Это имело ту же природу, что и феномен миссис Марпл из романов Агаты Кристи, где действие разворачивалось в маленькой тихой и сонной деревеньке.

Вот два характерных для нее рассказа.

Случай, имевший место в мае 1991 года, за несколько месяцев до попытки переворота ГКЧП в нашей стране и последующего развала Советского Союза. Сергей Розов приехал на дачу, голова полна забот, а баба Соня начинает свой неторопливый рассказ, который Сергей слушал вполуха. А рассказывала она следующее:

– Собирались, Серенька, тут на даче у Зыкиной. И такой-то писатель, и такой-то писатель из поселка. Генералы были: Варенников, Мякишов.

Фамилии генералов напрягли Сергея чуть больше, но он подумал, что старушка фантазирует, посмотревшись новостей по телевизору, но все же спросил:

– А зачем они собирались-то?

– Как зачем? Горбачева валить будут.

– Ну уж!

Сергей вспомнил этот разговор в августе того же года, когда Горбачева действительно скинули и следователи долго искали, а где же начало, истоки заговора. Где ГКЧП могло собираться, сговариваться?

Баба Соня как человек, прошедший поразительные перемены вместе с нашей страной: революцию, гражданскую войну, жившая на оккупированной территории во время войны, выработала очень своеобразный стиль общения с сильными мира сего. Он был, наверное, дерзко-уважительным, иногда дерзко-льстивым, что можно было встретить только в России. Как-то она бродила вокруг своего участка и заприметила человека, который что-то высматривал сквозь забор на соседнем участке. Она к нему подошла и спросила:

– А чего это вы тут, мужчина, высматриваете?

– А вам, женщина, собственно, какое дело?

– Как какое? Может, вы собираетесь кирпич увезти или какой цветок вырвать?

Мужчина вспылил:

– Вы знаете, с кем вы разговариваете? Перед вами генерал Стерлигов.

Это была звучная фамилия в начале 1990-х, участник политических схваток того периода, человек очень влиятельный. Выяснилось потом, что он хотел посмотреть устройство лесных участков, потому что строил дачу поблизости с поселком писателей. Обычный человек либо извинился бы, либо буркнул: «Ну и что, что генерал!» Ни один из этих вариантов отношений с этим человеком не улучшил бы. Баба Соня из положения вышла гениально:

- Генерал... Да ни за что по виду бы не сказала, что генерал.
- А кто же по-вашему перед вами? – разозлился Стерлигов.
- Так ведь вылитый маршал, – ответила баба Соня.

После этого генерал на какой-то период стал ее лучшим другом, предлагал, если что нужно, со своего строительства, как раз тот самый кирпич.

Умерла баба Соня в 1993 году от инсульта, и с ней ушла какая-то неповторимая часть быта поселка.

Виктор Сергеевич Розов прожил в поселке Красная Пахра более полувека. Он был свидетелем его рождения, расцвета и угасания и блистательно сравнил поселок с яблоневым садом. «Юные тоненькие нежно-розового и белого цветения яблони разрастались, обильно украшались яблоками. Потом стволы этих яблонь становились толще и толще, покрывались морщинами коры, плодоносность становилась неполной. Толщина стволов увеличивалась, они трескались, смазывались глиной или чем-то черным вроде битума. Приходилось лечить. И в конце концов стучал топор или звенела пила. Деревья падали, и в воздухе образовывалась дыра, невосполненное пространство. Аллеи и клумбы цветов все уменьшались в размерах, красок становилось меньше, а дикие травы с яростью брали свои когда-то отнятые права и разрастались с мстительной силой».

ДМИТРИЙ КАБАЛЕВСКИЙ (1904–1987)

Дмитрий Борисович Кабалевский родился в Санкт-Петербурге в семье математика-экономиста Бориса Клавдиевича. Фамилия была польского происхождения, дворянская, редкая в России. Достаточно сказать, что все Кабалевские в Москве и Санкт-Петербурге родственники либо по крови, либо юридически. Музыкальные способности Дмитрий унаследовал от своей матери Надежды Александровны, в девичестве Новицкой. Она играла на фортепьяно и пела, увлекалась театром. Отец работал в страховой компании, а затем принимал активное участие в создании системы сберкасс. Так в семье Кабалевских все время шли рука об руку два таланта: музыка и математика. Сам Дмитрий Борисович с золотой медалью окончил Московскую государственную консерваторию. Его старшая сестра Елена Борисовна училась в консерватории по классу вокала, но сорвала голос и тогда поступила на мехмат МГУ. Дети и внуки получили кто музыкальное, а кто математическое образование.

Диму начали учить музыке в 7 лет. Первой учительницей стала тетя Вера, сестра его матери. Мальчик имел отличные музыкальные способности: абсолютный слух, хорошую музыкальную память, прекрасное чувство ритма, да и большие руки помогали игре на фортепьяно. Однако, эти способности вступали в острое противоречие с нежеланием Димы играть гаммы, этюды, заниматься упражнениями. Он любил импровизировать и подбирать по слуху услышанное. Однажды Димин протест выплеснулся прилюдно. В квартире собрались гости, тетя решила похвастаться перед ними успехами племянника, сыграть какой-то этюд. Мальчик был зол на тетю и поэтому

лихо отбарабанил подобранный по слуху «Матчиш». Эффект в семье с хорошим музыкальным вкусом был оглушительным. Но Дима своего добился — его на целых семь лет освободили от музыкальных занятий.

Музыкальное образование Кабалевский продолжил уже в Москве, куда вся семья переехала летом 1918 года. Столицу перенесли из Петрограда в Москву, перенесли и Управление Государственными сберкассами, где работал отец. Естественно, он должен был ехать в столицу. Осенью Дима пошел учиться в школу второй ступени, а через год продолжил музыкальное образование. У него был выбор: вступительные экзамены он успешно сдал в школу сестер Гнесиных и в 3-ю Государственную музыкальную школу. Все решил случай: Диме показалась внешность старшей из сестер Гнесиных, Елены Фабиановны, настолько страшной, что он выбрал музыкальную школу, где директором был В. А. Селиванов, о чем потом жалел, потому что учителем тот оказался слабым.

Тем не менее Дмитрий был в 1921 году зачислен сразу на третий курс Музыкального техникума. При этом он еще и учился в общеобразовательной школе, и работал делопроизводителем в квартальном управлении. За год до окончания школы Дима заболел и поехал с мамой в Пятигорск, где работал врачом ее брат. На Кавказе за два месяца мальчик не только поправился, но и вырос практически до своих 192 сантиметров. Старые брюки кончались на нем чуть ниже колен. Вернувшись в Москву, Дмитрий перешел сразу на шестой курс Музыкального техникума, а вскоре окончил и общеобразовательную школу.

В Университет на юридический факультет его не приняли: туда принимали по рабочим командировкам, а Дмитрий был сыном служащего, да к тому же дворянина.

Тогда он поступил одновременно в студию живописи, Социально-экономический институт и остался преподавать и учиться в своем Музыкальном техникуме. Вскоре стало ясно, что все эти нагрузки потянуть невозможно, и Кабалевский выбрал музыку.

Очень быстро Дмитрий проявил хорошие способности и в игре на фортепьяно, и в композиции. В. А. Селиванов был настолько потрясен, что даже организовал в своем Техникуме отделение композиции.

В 1925 году Дмитрий Кабалевский поступает в Московскую консерваторию сразу на два отделения: фортепьянное и

композиции. Там он учится у выдающихся специалистов, народных артистов СССР: композиции — у Николая Яковлевича Мясковского, лауреата пяти Сталинских премий, и фортепьяно — у Алексея Борисовича Гольденвейзера, в течение семи лет ректора Московской консерватории, лауреата Сталинской премии. К этому периоду относятся первые опубликованные сочинения Дмитрия Борисовича — три прелюдии, первая фортепьянная соната, первый струнный квартет. Выпускник остается работать в музыкальном училище при Консерватории. Здесь он знакомится со своей первой женой Эдвардой Блюман. Их сын Юрий становится впоследствии математиком и шахматистом, международным арбитром.

Затем Кабалевский с 1932 года и практически до самой смерти преподает в Консерватории композицию, долгое время регулярно отказываясь от предложений стать ее ректором.

В тридцатые годы Дмитрий Борисович пишет оперу «Кола Брюньон», музыку ко множеству спектаклей московских театров, в основном Центрального Театра Красной Армии, к четырем фильмам, включая «Зори Парижа» и «Щорс», огромное количество инструментальных произведений.

В 1936 году Дмитрий Борисович женится во второй раз, на Ларисе Павловне Чегодаевой, студентке Московского архитектурного института. По специальности по состоянию здоровья она так и не работала, но создала Кабалевскому исключительные условия для творчества, преподавательской и концертной деятельности.

С началом Отечественной войны Дмитрий Борисович уезжает вместе с Союзом композиторов СССР в Свердловск, где ведет занятия в Консерватории и становится инструктором обкома ВЛКСМ по работе с учащимися ПТУ. Но эвакуация для него продлилась недолго. Уже в январе 1942 года он едет на Юго-Западный фронт с заданием Главного Политуправления армии написать фронтовые песни, а в 1943 году в блокадный Ленинград по командировке Всесоюзного Радиокomiteта, Председателем которого он назначается. В военный период он пишет кантату «Родина Великая», сюиту «Народные мстители», оперы «В огне» и «Семья Тараса» по повести Бориса Горбатова «Непокоренные». По впечатлениям от осажденного Ленинграда он сочиняет цикл прелюдий для фортепьяно. После окончания войны ему за работы военного периода присуждаются три Сталинские премии. Кабалевского начинают называть в

четверке лучших советских композиторов с Дмитрием Шостаковичем, Сергеем Прокофьевым и Арамом Хачатуряном. Видимо, слишком быстрый профессиональный рост находит и своих недоброжелателей. В 1948 году выходит Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», осуждающее «формализм» в музыке. Под раздачу попали самые известные композиторы: помимо названных выше, еще и В. Мурадели, и В. Шабалин. Оргкомитет Союза композиторов СССР был распущен, все руководство Союза было заменено. В окончательном списке «провинившихся» фамилии Кабалевского не было. Это послужило поводом для многочисленных догадок, каким образом ему удалось вырваться из этого списка. При этом не учитывается, что незадолго до публикации Постановления в январе-феврале проходит Советское совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б) и Совещание композиторов Москвы, на которых, уже будучи названным «одной из главных фигур формалистической школы» советской музыки, Кабалевский пытается защитить себя и своих коллег, говоря, что «несмотря на ряд определенных недостатков, мы все эти годы двигались в верном направлении, сочиняя музыку в простом, доступном и демократическом стиле». В качестве примера он не побоялся привести свою собственную оперу «Семья Тараса». Правда, ему пришлось забрать партитуру этой оперы из театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и существенно ее переработать. Во второй редакции опера имела большой успех и была отмечена Сталинской премией.

В 1952 году Кабалевский становится Секретарем Правления Союза композиторов СССР.

Именно в начале 1950-х составляются первые списки желающих вступить в ДСК «Советский писатель». Друг и соавтор Кабалевского драматург Цезарь Солодарь, планировавший продолжать совместную работу, уговаривает Дмитрия Борисовича съездить и посмотреть на месте, что собой представляет Красная Пахра. Природа этого места производит на Кабалевского столь сильное впечатление, что он не только соглашается вступить в кооператив, но и изливает свои чувства в мелодии, которая вскоре становится песней «Родной край», которую все старшее поколение пело в школах на уроках музыки.

Денег на вступительный взнос и строительство у него не было. Тогда он в первый и в последний раз в жизни пишет му-

зыку «на заказ». Эта работа приносит ему большие по тем временам средства.

Вначале быстро построили временку, как и на большинстве участков в поселке. Фундамент уже был готов при покупке дачи в 1955 году.

В сезоне 1956–57 года, в первый же год, когда дача была полностью завершена, семья попыталась на ней жить круглый год. Это было трудно. Дочери Дмитрия Борисовича Маше пришлось время идти в школу. Семья решила поэкспериментировать и отдать ее в школу в соседнем военном городке. Ее поселили на даче с домработницей и бабушкой, что давало повод Солодарю постоянно говорить ей: «Ты наша деревенская девчонка». Идти до школы нужно было два километра. Осенью еще было терпимо, но зимой было темно и страшно. Кроме того, дороги толком не чистили, приходилось переползать на животе по снегу через глубокую колею перед спуском к мостику через речку. Маша приходила домой мокрая как мышь, поэтому сразу же заболела. Кроме того, разница в подготовке учащихся была слишком большой: из всего класса только Кабалевская умела читать и писать. Словом, эксперимент вышел неудачным, и семья переехала в Москву, к тому же Дмитрию Борисовичу тоже редко удавалось оторваться от своей педагогической и общественной работы. Так что, несмотря на здоровый подмосковный воздух и натуральные молочные продукты, которые возились из соседней деревеньки Жуковки на лошадке, запряженной в сани-розвальни, постоянное зимнее проживание на даче пришлось отменить. Зато все выходные дни, праздники, школьные каникулы семья Кабалевских неизменно проводила на даче.

Кабинет Дмитрия Борисовича находился на втором этаже в комнате с террасой и окнами, обращенными на запад. В кабинете стоял рояль, взятый напрокат в Музыкальном фонде, письменный стол, полки с книгами, шкаф с нотами и диванчик. Кабалевский мог работать допоздна, поэтому семья слишком рано никогда не вставала. В те времена верхушки слочек вокруг дачи только-только доходили до второго этажа, поэтому будильником служило солнце. Как только его лучи заглядывали в окна комнат, пора было вставать. Завтракали в половине девятого — в девять. Затем Дмитрий Борисович неизменно поднимался в кабинет. В этот период беспокоить его никому не разрешалось. Летом мешала ему работать только бравурная

музыка из соседнего лагеря «Высота», действительно стоявшего на высоком берегу Десны. Когда пионеры строились на утреннюю линейку, на всю мощь врубались громкоговорители, и на даче композитора возникал полный эффект присутствия на той линейке. Пришлось задействовать «административный ресурс». Когда к Дмитрию Борисовичу пришло начальство из лагеря с просьбой выступить перед пионерами, композитор согласился, но при одном условии: музыку в лагере сделают потише. Согласие было достигнуто.

Второй проблемой композитора были дети Вадима Сикорского, жившие напротив, через Южную аллею. Леша и Алик были яркими сторонниками рока и блюза, оповещая об этом поселок через мощную усилительную аппаратуру. Периодически приходилось проводить с их родителями переговоры о снижении уровня шума.

Кабалевский без перерыва работал до обеда. После обеда мог пойти погулять, но если работа спорилась, прогулка отменялась. Работал он всегда по вдохновению. Он был тем редким счастливым человеком, которому не нужно было себя принуждать к сочинительству. Его хобби совпадало с его профессией. Он не мог не работать.

Если были моменты, связанные с какими-то неприятностями, Дмитрий Борисович спускался со второго этажа и звал семью на участок ухаживать за цветами. В семье было своего рода соревнование. Одну команду составляли Дмитрий Борисович с Машей, во второй в одиночестве оставалась Лариса Павловна. На длинной клумбе на солнечной стороне отец с дочерью высаживали гладиолусы, на соседней грядке жена ухаживала за георгинами. Критериев подведения итогов соревнований было два: эстетика и количество, объемы. По эстетическому критерию неизменно побеждали отец с дочерью: гладиолусы были очень изящными, нежных цветов. По второму критерию нельзя было не признать победу Ларисы Павловны: мясистые георгины с громадными шапками были больше и выше. В конце концов побеждала дружба.

Участок был разбит в стиле французского парка. Все было четко размечено, разделено ровными дорожками, посыпанными песком. Росли там сирень, жасмин, фруктовые деревья, клубника и кусты малины.

Летом неизменно ходили на реку. Дмитрий Борисович за-

горать не любил, на пляже практически никогда не появлялся. Зато брали напрокат лодку, и Кабалевский находил применение своим длинным рукам — без усталости греб с самого начала до конца водной прогулки. Зимой ходили в лес на лыжах, с утра, чтобы застать короткое светлое время суток. Кроме того, летом и осенью композитор очень любил собирать грибы. Осенью шли по проходу в лес между дачами Костюковского и Ефимова через поле, которое только что засадили маленькими сосенками до пояса высотой, до высоковольтной линии, а потом в лесок направо. За один поход собирали двести-триста белых, подосиновиков и подберезовиков, другие грибы за благородные не признавались, собирать их было неприлично. На участке росли шампиньоны, но Лариса Павловна их не любила, а собранные неизменно отдавала соседу Солодарю. Цезарь Самойлович или его жена приходили и забирали подаренные шампиньоны.

Кабалевский и Солодарь всюду использовали свое соседствующее положение. Во время совместных музыкально-поэтических работ кто-нибудь из них подходил к забору и кричал:

— Цезарь! — или — Дима!

Потом они долго стояли по разные стороны забора и делились друг с другом только что родившимися находками. Солодарь из дачных соседей был наиболее близким другом Дмитрия Борисовича. Немного испортились отношения, когда жена Солодаря Елена Степановна обвинила Ларису Павловну в том, что та ночью тайком проникла к ним на участок и выкопала двадцать два куста пионов. В то время фабричная шпана частенько делала налеты на дачи писателей, выкапывали луковички и кусты, но подозревать в этом соседей по поселку было не принято. Видимо, у Елены Степановны так проявлялись первые признаки болезни: она перенесла восемь инсультов, а скончалась в тот момент, когда ее муж присутствовал на похоронах своего друга Кабалевского.

Из других соседей Дмитрий Борисович дружил с писателем Львом Шейниным, дирижером Кириллом Кондрашиным, пианистом Эмилем Гилельсом, с художником Орестом Верейским, поэтом Павлом Антокольским. Строго говоря, это они дружили с Кабалевским, потому что он в дачной жизни искал отдых от городской суматохи и по собственной инициативе ходил в гости только к Солодарям и Гилельсам. Однако, на приглашения всегда откликался и у себя принимать гостей любил.

Однажды, когда Лариса Павловна была в гостях у Гилельсов, тот готовился к концерту, извинился и предоставил ее вниманию своей жены. На участке рабочие именно в этот момент рыли канализационную канаву. Пока дамы пили чай и мирно беседовали, Эмиль Григорьевич без устали играл на рояле, доводя до совершенства исполнение музыкальной пьесы. Он играл час, играл другой, третий... Один из рабочих выскочил из канавы, стер пот со лба, откинул лопату и в сердцах сказал своим напарникам:

— Черт возьми, было бы у меня столько свободного времени, я бы тоже так играл!

Редкий случай «тонкого» понимания пролетариатом специфики профессии музыканта!

В поселке было несколько соседей, с которыми Кабалевский по неясным для окружающих причинам общаться не хотел, например, композитор Модест Табачников.

Дача для Кабалевского служила своего рода заповедной зоной. Он там буквально скрывался от московской суеты, а в последние годы жизни еще и от неожиданных визитов просителей из Пермской области, депутатом от которой его избрали. У него, одного из очень немногих жителей Красной Пахры, телефон появился еще в 1962 году. Но связь была по сути дела односторонней: из поселка можно было звонить, а из москвичей номера его телефона никто не знал. Так что телефон на даче постоянно молчал. Друзья и коллеги подозревали, что у Дмитрия Борисовича был на даче телефон, но узнать номер не могли. Жена и дочь стояли насмерть, номер этот никому не давали, не боясь произвести впечатление не вполне адекватных людей. Вот характерный разговор Ларисы Павловны по телефону в Москве:

— Можно к телефону Дмитрия Борисовича?

— Его нет.

— А где он?

— Я не знаю.

— Может быть, он на даче?

— Да, наверное.

— А там есть телефон?

— Я не знаю.

— А какой адрес дачи?

— Не знаю.

— А кто это говорит?

– Это его домработница.

Потом звонивший Кабалевскому при встрече делал комплимент:

– Дмитрий Борисович, у вас такая интеллигентная домработница.

Гостей из Москвы на даче бывало немного. Исключение Кабалевский делал только для родных, близких друзей и очень немногих исполнителей его произведений. К нему приезжала репетировать потрясающая скрипачка Леонарда Бруштейн. Та, что не постеснялась при первой встрече с композитором сыграть его скрипичный концерт в своей интерпретации, да так, что Дмитрий Борисович кинулся звонить Давиду Ойстраху, который обычно играл это произведение на концертах: «Рад, что застал тебя. Хочу поблагодарить за Лилечку Бруштейн. И огорчить. Вторую часть концерта и «Импровизацию» она играет лучше, чем ты». Леонарда замахала руками: «Вы поссорите меня с профессором!» А нужно заметить, что она была ученицей Ойстраха. Кабалевский поднял вверх руку и торжественно произнес: «Платон мне друг, но истина дороже».

Приезд на дачу Мстислава Ростроповича чуть было не закончился печально. Музыканты репетировали сонату, пока за окном не стемнело. Дело было зимой, и шел обильный снег, а Калужское шоссе тогда не освещалось. На обратном пути машину Ростроповича занесло на самом опасном повороте перед деревней Сосенки, она перелетела через кювет и застряла между двумя елками. Мстиславу Леопольдовичу пришлось вылезать из салона через заднюю дверь. К счастью, автомобиль не очень пострадал, а найденный по случаю трактор вытащил его обратно на дорогу. Взволнованный долгим отсутствием Ростроповича Дмитрий Борисович наконец дозвонился до виолончелиста и поинтересовался как тот добрался.

– Все отлично. Виолончель не пострадала, – бодро ответил Ростропович.

В Москве же, в отличие от дачи, телефон не замолкал ни на минуту, а в квартире постоянно были визитеры. Поэтому дачная самоизоляция приносила свои плоды. В период с 1956 года и до самой смерти Кабалевский написал на даче свои основные произведения. Сам он говорил: «Все самое лучшее я сочинил на даче!»

У Кабалевских на даче всегда жили собаки. Вначале Дмитрий Борисович с Цезарем Самойловичем взяли двух немецких

овчарок, сестричек. У Солодарей была Буба, у Кабалевских – Гера. Собаки были темного окраса, крупные, устрашающего вида. После смерти Геры расстроенные Кабалевские взяли не щенка, а взрослую собаку, тоже немецкую овчарку. Это был шикарный кобель по кличке Кемир-Паша, которого дома все звали просто Пашей. К сожалению, бедный Паша не выносил музыки. Он физически мучился от ее звуков. Когда Дмитрий Борисович садился за рояль и раздавались первые аккорды, Паша начинал выть. Он выл жалобно, долго и повышая громкость. Потом он бежал на второй этаж в кабинет, хотя в обычное время боялся ходить по лестнице, мордой сбрасывал руки Дмитрия Борисовича с клавиатуры. В конце концов его пришлось отдать, он не слишком подходил для семьи композитора. После Паши была замечательная красавица – добрейшая колли по кличке Ундина.

У Кабалевского всегда была машина: сначала «Победа», потом «Волга». Водил он их сам, очень уверенно и аккуратно. Говорил, что за рулем не устает, а, наоборот, отдыхает, получает от езды удовольствие. Сочетание хорошего вождения и джентльменства, а Дмитрий Борисович был истинным джентльменом, сыграло с ним злую шутку. Он ехал из Москвы в Пахру и вез на переднем сиденье жену пианиста Якова Флиера, они тогда снимали времянку у композитора Оскара Фельцмана. Та держала на коленях изящную сумочку. На крутом повороте в подземный туннель с Ленинского проспекта на Профсоюзную улицу сумочка выскользнула у дамы из рук и упала к ногам композитора. Тот наклонился, чтобы ее поднять, чуть резче дернул рукой руль, и машина сильно ударилась о бетонную опору. Двигатель сместился в салон, грудь Дмитрия Борисовича зажало рулем. Жена Флиера ударилась лбом о стекло и серьезно повредила ногу. Хорошо, что сзади ехала машина скорой помощи, врачи вытащили пострадавших, оказали первую помощь и отвезли в больницу. Кабалевский сломал два ребра, «Волга» восстановлению не подлежала, но более всего он переживал за свою попутчицу, с которой они одновременно оказались на лечении в Кунцевской больнице. Он считал, что сам во всем виноват, не любил вспоминать об этом случае.

Кстати, смертельный инфаркт случился у Дмитрия Борисовича тоже в машине, к счастью, за рулем в тот момент был его шофер.

Дмитрий Борисович был очень высокого роста, худой, что

давало поводы для неизменных шуток. В поселке его за глаза звали «прилично одетый позвоночник». Кабалевский на это совершенно не обижался, он даже придумывал шутки про себя:

– У всех телосложение, а у меня теловычитание.

– У всех конечности, а у меня бесконечности.

Его консерваторский преподаватель Гольденвейзер говорил ему:

– Кабалевский, подберите ваши макароны.

Будущий композитор мог охватить пальцами почти две октавы.

Дмитрий Борисович любил рассказывать, как однажды шел по одному московскому бульвару, и какой-то мальчишка сказал своему приятелю:

– Смотри, вон Фефелева башня пошла.

У него хватало чувства юмора, чтобы подшучивать над собой, вполне оправдывая песенные строчки: «Пускай капризен успех, он выбирает из тех, кто может первым посмеяться над собой!» Рост доставлял ему дополнительные трудности: даже кровати приходилось делать на заказ.

Дмитрий Борисович не допускал расхлябанности в одежде. Когда выходил на дачные аллеи, неизменно надевал брюки, одевался элегантно, не по-дачному. Даже дома всегда ходил в брюках, «треников» не признавал. Брюки на нем очень быстро выходили из строя. Когда работал, он вертелся на стуле между роялем и письменным столом, брюки протирались на «пятой» точке и чуть ли не ежемесячно менялись на новые. Такой пример щепетильности в одежде собственного отца, как ни странно, плохо повлиял на его дочь Машу. Однажды она пришла в гости к своему однокурснику, а его отец сидел на кухне и не встал ей навстречу. Отец однокурсника был профессором, преподавателем МГУ, где тогда Маша училась на первом курсе. Она поздоровалась, а профессор сказал:

– Извини, пожалуйста, я не встаю, потому что у меня сегодня творческий день, я в штанах, но не со всеми пуговицами.

Маша ответила:

– У моего папы каждый день творческий, но его брюки всегда застегнуты на все пуговицы!

Только через несколько лет до нее дошло, насколько это было бестактно.

Кабалевский не принимал никакого участия в общественной жизни поселка, хотя если нужно было ехать в государственные структуры, чтобы выбить для поселка какие-нибудь

блага, никогда не отказывался. Ему с избытком хватало общественной жизни в Москве: профессор Московской консерватории, секретарь Правления Союза композиторов, член Коллегии Министерства культуры СССР, почетный профессор Консерватории в Мехико и член-корреспондент Академии искусств в Берлине, вице-президент, потом почетный президент Международного общества музыкального образования при ЮНЕСКО, депутат Верховного Совета СССР, народный артист СССР, доктор искусствоведения, действительный член Академии педагогических наук СССР, Герой Социалистического труда, основатель и главный редактор журнала «Музыка в школе».

Но в поселке побаивались и его излишней принципиальности. Он был убежденным членом КПСС, искренне верящим в идеалы коммунизма. Известна история, произошедшая в Красной Пахре в 1955 году. Это был самый разгар строительного бума в поселке. И это в условиях всеобщего дефицита строительных материалов. В поселке появился предприимчивый молодой человек располагающей наружности, на «Москвиче-каблукке». Он начал обход участков с неизменным рассказом:

— Слышал, что писатели строятся и испытывают трудности с высококачественными строительными материалами. А у нас на заводе производят отличный дубовый паркет, да еще и по оптовым расценкам.

Мало кто из жителей поселка устоял перед соблазном. Все дружно начали заказывать дефицит. «Каблук» предприимчивого продавца регулярно сновал между Москвой и Красной Пахрой. Единственным, кто попросил у него документы на паркет, стал писатель Юрий Корольков. Продавец удивился:

— Зачем документы: товар против денег.

Ответ Юрия Михайловича не удовлетворил. Он вытащил ключи из замка зажигания «каблукки» и вызвал милицию. Те приехали быстро. Оказалось, что паркет украден из строившегося одновременно с поселком Московского Государственного Университета на Ленинских горах. Судя по масштабам нового университетского комплекса паркета там было достаточно, чтобы облагородить сотни таких поселков, как Красная Пахра. Было возбуждено уголовное дело. Многие жители поселка пошли по нему свидетелями и даже соучастниками. Трясли всех, требовали предъявить документы на все материа-

лы, а не только на паркет. Королькова невзлюбили всерьез, а к Дмитрию Борисовичу стали относиться с подозрением: у него единственного обнаружилась папка-скоросшиватель, в которой содержались накладные и чеки на стройматериалы за все время строительства. Спасибо Ларисе Павловне. Много лет спустя Маша поняла ее фразу:

— К папе в поселке по-разному относятся.

Дмитрий Борисович вступил в партию в 1940 году. Вступил не для профформы, а полностью принял коммунистические взгляды. С тех пор при всем своем разуме, знаниях и врожденной интеллигентности он находился как бы под коммунистическим гипнозом. Между тем, поводов в них разочароваться у него было больше, чем достаточно. В 1946 году посадили старшую сестру Ларисы Павловны. Она окончила Академию имени М. В. Фрунзе, готовящую высшие офицерские кадры, воевала в Испании и в Великую Отечественную войну и отказалась подписать бумаги на своего командира, арестованного по обвинению в шпионаже. Вышла она только после смерти вождя уже больной и пожилой женщиной. Брат Ларисы Павловны тоже был офицером, служил в аэродромном обслуживании. Он повесился в больнице, когда пришли его арестовывать. Трудно его за это осуждать: сестру арестовали, за вами идут, вы больны и беспомощны... Мужа сестры Дмитрия Борисовича тоже арестовали. Кабалевский приложил максимум усилий, чтобы их развели после ареста: у сестры было двое маленьких детей.

Кабалевский отлично знал Мирона Семеновича Вовси, с ареста которого началось печально известное «дело врачей». По воспоминаниям сына композитора Юрия, когда тот заявил отцу: «Папа, этого же не может быть! Ты же знаешь Мирона Семеновича!» «Но ведь “Правда” написала», — был ответ... При этом Дмитрий Борисович достал из ящика стола фотографию Вовси и разорвал ее.

Лариса Павловна много лет спустя рассказала Маше, что лифтерша в подъезде их московского дома как-то шепотом ей сказала:

— О вас спрашивали.

Уточнять кто спрашивал и зачем необходимости не было. Мужу она ничего не сказала, а тут и Сталин умер. Дмитрий Борисович очень переживал, плакал, рвался пойти на похороны.

Кабалевский расстраивался, что его дети и племянники не

были членами КПСС, постоянно с ними дискутировал на эту тему.

Дмитрий Борисович любил спорт, хотя и был лишен спортивного честолюбия. Помимо лыж, он играл в теннис и в шахматы. В начале 1950-х на отдыхе в Кисловодске он вместе с сыном Юрой принял участие в сеансе одновременной игры, который давал гроссмейстер Александр Котов. Тогда они еще знакомы не были. Дмитрий Борисович проиграл свою партию, а Юра выиграл. Котов поздравил Юру с победой, познакомился с Дмитрием Борисовичем. Потом они с удивлением встретились в Красной Пахре уже в качестве соседей. Когда при открытии Центрального шахматного клуба на Гоголевском бульваре Котов давал сеанс одновременной игры, одним из его соперников был и Дмитрий Кабалевский. Нетрудно догадаться, что партия по-соседски завершилась вничью.

Помимо покорения музыкальных высот, Дмитрий Борисович проявил себя отличным педагогом. Он создал свою школу композиции. Его учениками были композиторы Михаил Зив, Александр Пирумов, Георгий Струве – народный артист РСФСР, создатель первой в СССР студии хорового пения «Пионерия», Мирослав Скорик – Герой Украины, и многие другие.

Кабалевский заложил основы преподавания музыки в общеобразовательной школе. Помня свой печальный старт на музыкальном поприще, он проповедовал исключение принуждения при обучении музыке. Он считал, что дети активные творцы в самых разных сферах, особенно в искусстве. То, что не у всех эти способности развиваются, виноваты взрослые – родители и преподаватели, обучающие детей по примитивному принципу: «это – можно, а это – нельзя; так – правильно, а так – неправильно». Он считал, что целью музыкальных занятий в школе должно быть «овладение музыкальной культурой». Его девизом в преподавании было: «обучение музыке – средство, воспитание музыкой – цель». Дмитрий Борисович написал более десятка книг о музыке и педагогике, сотни статей в различных газетах и журналах. Он оставил блестящее рассуждение о гениальной музыке и однодневках, которое особенно актуально в нынешнее время: *«Почему гениальное бесконечно живет? Почему модное быстро исчезает? Чем больше их исполняют, тем скорее доходят “до дна”, и они надоедают. Повторные слушания нужны тогда, когда дно глубоко и с каждым разом становится*

глубже наше восприятие. Чем гениальнее музыка, тем глубже дно (практически неисчерпаемо) — поэтому вечно; чем беднее музыка — тем скорее приедается и исчезает (однодневки). Океан и лужи. Боятся океана, а в лужах плещутся охотно — безопасно и весело...»

Недалеко от поселка «Советский писатель» в населенном пункте Ватутинки есть музыкальная школа. Ее открыли в 1978 году. При жизни композитор частенько бывал там на уроках, встречался с учениками и преподавателями, после его смерти школу преобразовали в Детскую школу искусств имени Д. Б. Кабалевского. В 1998 году в ней был открыт музей Дмитрия Борисовича. Именно там хранится дачный рояль композитора, его личные вещи, фотографии, переданные в дар музею его дочерью Марией. Аналогичные школы с музеями Кабалевского есть в Москве и ряде других городов бывшего Советского Союза. На базе Московской школы проходят международные детские музыкальные конкурсы имени Д. Б. Кабалевского. Не так давно начал проводиться Международный фестиваль имени Д. Б. Кабалевского «Учитель музыки XXI века»!

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ (1896–1978)

Павел Григорьевич Антокольский был не только замечательным поэтом, он был в полной мере фигурой исторической и по происхождению, и по кругу общения, и по своим ученикам. Павел Григорьевич был внучатым племянником знаменитого российского скульптора Марка Матвеевича Антокольского, и художественный ген скульптора крепко засел не только в Павле, но и в его детях, внуках и правнуках.

Павел родился 1 июля 1896 года в Санкт-Петербурге, как потом он напишет: «в столичном, ненастном» городе. Он был старшим ребенком в многодетной еврейской семье, к тому же единственным мальчиком. Его отец был не слишком успешным адвокатом, который, пожалуй, не выиграл ни одного дела. Он брал аванс, потом дело проигрывалось, но возврат аванса каким-то чудом заминался. На это семья и существовала. При всем при том мать умудрялась растить и воспитывать четверых детей. Павел вспоминал, что основным увлечением его детства было рисование акварелью и цветными карандашами. Главной же темой была Большая Голова из «Руслана и Людмилы», которую потом сменило изображение Ивана Грозного. В этом Павел впоследствии усматривал влияние своего деда Марка, создателя знаменитой статуи царя-сыноубийцы.

В 1904 году семья переехала в Москву, которая поначалу Павлику не понравилась, показалась деревянной и низкорослой после столицы. Однако город жил своей яркой жизнью, мальчику запомнились крики газетчиков на страстной площади, извещавших о смерти Чехова, гибели «Цусимы». В декабре 1905 года в Большом Афанасьевском переулке, где тогда жила

ссмья, возникла баррикада, а дети лепили снежную бабу во дворе, пели «Марсельезу» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой» под громкие хлопки ружей и револьверов.

Вскоре Павел поступил в гимназию. Она располагалась на Воздвиженке в белом двухэтажном доме с колоннами. Антокольский вспоминал, что учился посредственно: «Отвлекало все постороннее, рукописный журнал, стихи, театр, декламация». Себя будущий поэт не слишком жаловал: «Я был болезненно застенчив, болезненно самолюбив, безнадежно влюблялся раза по четыре в год, сильно горевал по случаю своего малого роста и полного неумения приспособить ноги к трем четвертям вальса и мазурки. Все это казалось мне предпосылкой для трагедии, которая неизбежно ждет меня в дальнейшем. На старости лет я вспоминаю время перехода из детства в отрочество как тяжелое, неприкаянное время. Стихи я писал уже тогда: вялые, совершенно подражательные, с налетом гражданского уныния».

После окончания гимназии Павел поступил на юридический факультет Московского университета. Может быть, сказался пример отца, а скорее потому, что этот факультет представлял собою в те времена вожделенное место для нерадивых молодых людей, собиравшихся кое-как сдавать экзамены, поменьше ходить на лекции и совсем не работать сверх положенного». По счастью, в здании Университета на Моховой Антокольский прочитал отпечатанное на машинке объявление о наборе в «студенческую студию под руководством артистов Художественного театра». Объявление бросило юношу в жар: театр, да к тому же знаменитый Художественный! Вскоре он был принят в Студию на Остоженке, узнал Евгения Багратионовича Вахтангова, тогда совсем молодого и еще не знаменитого актера, режиссера и педагога. Антокольский мечтал о карьере актера. Но, увы, не получилось. Сам он потом напишет об этом: «Тем не менее, актер из меня не вышел и, видимо, не мог выйти: слишком я был связан, слишком тих, застенчив и робок. Может быть, в какой-то другой актерской школе из меня бы и выработался профессионал на амплуа “неврастеника”, играл бы я Раскольников и князя Мышкина, царя Федора и Павла Первого... может быть, и так. Зато я перепробовал в Студии все театральные специальности, передвигал и приколачивал декорации, испытал свои силы в режиссуре, писал стихотворные пьесы, даже на сцене играл».

Впоследствии его первая жена Наталия Щеглова вспомнит об Антокольском-актере (в прекрасном изложении Анны Масс): «Актером он был неважным, потому что, когда он выходил на сцену, он тут же переставал себя помнить, страшно переигрывал, начинал гримасничать, входил, что называется, в раж, и однажды в Камерном театре, куда он поступил после раскола студии, он в транс свалился со сцены прямо в оркестр».

Однако была в искусстве область, в которой неистовство Антокольского могло пойти на пользу. Этой областью была поэзия. Павел не переставал сочинять с детства. Первые стихотворения были достаточно беспомощными, похожими на строки его кумиров. Любимым поэтом Павла был Александр Блок, и его интонации вылезали из любой строчки Антокольского. Однако в них была искренность. Как сразу же становилось ясным, что актера из Павла не выйдет, так было совершенно очевидным для всех, кто его знал, что перед ними поэт.

В 1917 году Павел бросил Университет, так и недоучившись, пошел работать в жилотдел Моссовета ради сохранения Студии.

В 1918 году Антокольский ушел от Вахтангова, путешествовал с бригадой актеров по дорогам Западного фронта, потом служил в разных московских театрах. В 1920 году Павел начал посещать «Кафе поэтов» на Тверской, первую площадку начинающих московских поэтов. Антокольский впоследствии так рассказывал об этом месте: «Кафе это было странное и подозрительное учреждение, где вместо кофе подавали заваренный на кипятке толченый уголь, подслащенный зловещим сахарином, а у бедных неизвестных поэтов не было никаких слушателей, за исключением друзей да нескольких угрюмых командированных, не знавших как убить вечер». Здесь Павел впервые встретился с Валерием Яковлевичем Брюсовым. Мало того, что тот уже был знаменитым поэтом, переводчиком и драматургом, но он был и педагогом, организатором и руководителем поэтической молодежи. По счастью, ему понравились стихи Антокольского, и на следующий год он напечатал два из них в своем литературном альманахе «Художественное слово». Реакция Павла Григорьевича была восторженная: «Увидев в первый раз напечатанной подпись «П. Антокольский», я понял, что расстояние между мной и Шекспиром сократилось на полмиллиметра, и, конечно, и обрадовался этому, и сразу оробел. Профессиональная жизнь сначала сопровождалась для

меня выступлениями в переполненной до отказа аудитории Политехнического музея, припадками лихорадочного писания стихов и полного отказа от них ради гастрольных актерских поездок».

Павел Антокольский дружил с Мариной Цветаевой еще со времен революции. У них были даже совместные произведения. Именно он познакомил ее с Юрием Завадским, актером Студии Вахтангова. Высокий рост, красота, артистизм Завадского сразу же покорили поэтессу. Она влюбилась в него страстно и беззаветно, посвящала ему свои стихотворения и целые циклы стихов: «Братья», «Комедьянт», «Я вас люблю всю жизнь и каждый день».

Литературное творчество денег не приносило, а жить на что-то было нужно, и Антокольский возвращается в Студию к Вахтангову. Это возвращение становится судьбоносным для личной жизни поэта. В Студии он встречается с начинающей актрисой Наталией Николаевной Щегловой. Она — дворянского происхождения, семья до победы революции жила в имении в Ключищах Нижегородской губернии. Щегловы соседствовали с графом Орловым-Денисовым, князьями Волконскими, Розингами. Всех их, естественно, разметала революция. Наташа была редкостной красавицей, посредственной актрисой и абсолютно нестигаемой женщиной. Ее можно было сломать, но не согнуть. Эту черту характера унаследовали ее дети, внуки и правнуки. Павел влюбился в нее, читал ей стихи, потом познакомил со своей матерью Ольгой Павловной. Вскоре сыграли свадьбу, на которой гуляла вся Студия. Павел с родителями переехали жить к ней. Несмотря на свою бедность, она была состоятельней Антокольских — у них не было ничего в буквальном смысле этого слова. Голодали все дружно. Перебивались то мешком мороженой картошки, полученным Павлом за выступление, то тухлым мясом — добычей Антокольского за лекции в Военном комиссариате. Через девять месяцев после свадьбы родилась дочь — тоже Наташа. Бедствовали ужасно. Наталия Николаевна увезла дочь в родные Ключищи — там прокормиться было немного легче. Павел Григорьевич на достигнутом останавливаться не хотел. Через два года после Наташи родился сын Володя. Тем временем Антокольский ездил с театром на гастроли. Там и случился новый роман. Павел Григорьевич по уши влюбился в актрису Зою Бажанову, не красавицу, но с живым темпераментом, которая страстно ответила на его ухаживания. Был развод, и была новая свадьба.

Антокольский помогал своим детям как мог, тем более, что в новой семье детей у него не было.

Тем временем, значимость Антокольского для театра, который уже переехал на Арбат, непрерывно растет. Он не только работает сорежиссером и даже самостоятельным постановщиком, он дарит театру и свой поэтический талант, ведь все загадки для спектакля «Принцесса Турандот» написаны Павлом Григорьевичем.

С театром Вахтангова связаны у Антокольского и первые поездки за границу. В 1923 году они едут на гастроли в Швецию и Германию, в 1928 году – в Париж. Эти поездки были интересны для Павла Григорьевича не только встречами с выдающимися французскими поэтами и художниками, например, с Пабло Пикассо и Фернаном Леже, но и открытием для себя великой французской поэзии. Он работает над переводами стихотворений французских поэтов, позже публикует поэмы и сборники стихов «Запад», «Коммуна 1871 года», «Робеспьер и Горгона», «Франсуа Вийон».

В 1930-е годы Павел Григорьевич много ездит по стране. Побывав в Закавказье, он был поражен талантом грузинских, азербайджанских и армянских поэтов. В его творчестве появляются переводы их лучших произведений. Нужно отметить и еще одно достижение Антокольского. В то время Вахтанговский театр, как, впрочем, и многие другие, берет шефство над только что образованными колхозными театрами. Павлу Григорьевичу с его женой Зоей Бажановой достается театр в городе Сергач Горьковской области. Они с энтузиазмом берутся за дело. В театре много талантливой молодежи, которая работала на строительстве Горьковского автозавода. Антокольский сделал невероятное: вскоре колхозный театр был преобразован в городской, получил прописку на Горьковском автозаводе и имя Валерия Чкалова. Сам Павел Григорьевич признался, что это его «любимая глава в автобиографии».

В середине 1930-х Павел Григорьевич начинает педагогическую деятельность: он ведет поэтический семинар в Литературном институте. Среди его учеников первых довоенных выпусков Маргарита Алигер, Евгений Долматовский, Михаил Матусовский, Константин Симонов. Все они остались близкими друзьями поэта на всю жизнь.

Война для Антокольского связана с глубокими личными потрясениями. Сын Володя был призван в армию, прошел на

скорую руку обучение на артиллерийского офицера противотанкового орудия в Алма-Ате и младшим лейтенантом попал на фронт. Он погиб в первом же бою. Павел Григорьевич переживал ужасно, но внутреннее горе в нем переплавилось в замечательную поэму «Сын», ставшую утешением для сотен тысяч родителей, чьи дети пали на полях сражений. Поэма была удостоена Сталинской премии, что, естественно, послужило пищей для недоброжелателей, говоривших, будто даже смерть сына Антокольский сумел использовать себе во благо. Это абсолютно не так. Просто его переживания сразу же выплескивались на бумагу, облегчая душу. Так было и с поэмой «Сын», а позже и с поэмой «Зоя».

Во время войны Павел Григорьевич работал на фронте военным корреспондентом и ездил в прифронтовые зоны с Горьковским театром, своим любимым детищем. В войну он тесно сдружился с Александром Фадеевым, который уже тогда занимал высокие посты в Союзе писателей и тоже ездил на фронт военным корреспондентом: «Он долго жил у меня в доме, пел свои любимые песни, мы вместе пережили труднейшие дни сорок первого и сорок второго годов в голодной суровой Москве, вместе проводили бессонные затемненные ночи, слушали сводки Верховного Командования, от которых разрывалось сердце у каждого преданного родине человека». Еще одним ближайшим другом был поэт Виктор Гольцев, который вначале стал военным корреспондентом, а потом летчиком-штурманом, хотя носил очки, был близоруким, с благодушным и мягким характером. Когда он бывал в Москве, то тоже жил в квартире Антокольского.

Павел Григорьевич стал одним из отцов-основателей кооператива «Советский писатель». После войны он уже был известным поэтом, автором нескольких поэм, переводчиком французских, грузинских и армянских поэтов, лауреатом Сталинской премии 1946, вполне успешным и в материальном смысле. Участок долго и придирчиво выбирала жена Антокольского Зоя со свойственной ей основательностью. Выбранный ею участок действительно был одним из лучших в поселке. На его восточной части росли уже высокие ели, дававшие летом спасительную тень, а западная часть представляла собой березовую рощицу из совсем молоденьких березок, нежащихся под солнцем. Грибов на участке было видно-невидимо. Соседний участок выбрал драматург Владимир Масс, ближайший

друг Антокольского по жизни и сосед по московскому дому. Очень быстро на участке возникла времянка, небольшой домик из двух комнат и терраски. В этом доме Павел Григорьевич в 1953 году жил практически постоянно, так как Зоя выхлопотала справку о его болезни и вывезла Антокольского в Пахру, тем самым спасая его от последних сталинских репрессий. Уж больно фигура еврея Антокольского подходила для борьбы с космополитизмом, и помочь ему вряд ли смогли бы и Сталинская премия, и дружба с самим Александром Фадеевым. Еще в феврале 1949 года в «Правде» появилась разносная статья тогда очень известного поэта Николая Грибачева. Реакция на статью не замедлила себя ждать: Антокольского уволили из Литературного института, где он вел поэтический семинар. Начались резкие обвинения в защите декадентства и пренебрежении традициями национальной культуры. Но известное в ту пору выражение «нет человека — нет проблемы» имело не только отрицательный смысл: Антокольского в Москве не было, прегрешения его были не самыми тяжкими, и его оставили в покое.

Как только строительство дачи было завершено, Павел Григорьевич и Зоя Константиновна начали там жить: летом постоянно, зимой приезжали на выходные дни. Дом топился углем постоянно, можно было приехать в любое время. На даче жила домработница Варвара и садовник, который зимой отвечал за отопление, а летом занимался участком при непосредственном руководстве Зои. До сих пор остались многие его посадки, например, деревья, вкопанные корнями вверх, что приводило к тому, что они росли очень ветвистыми, разлапистыми, не тянулись вверх.

Варвара приехала из деревни в Москву еще в двадцатые годы. Деревенское сидело в ней неистребимо. Она успела поработать в ортодоксальной еврейской семье, что позволило ей говорить про Павла Григорьевича следующее:

— Какой же Павел Григорьевич еврей?

— Ну как же, Варя, он еврей!

— Не, он не еврей. Он не настоящий еврей, — образ жизни ее прежних хозяев в корне отличался от жизни Антокольских, да и по вере Павла Григорьевича нельзя было отнести к евреям.

Авторитет Антокольского для Вари был непререкаемым. Он долго объяснял домработнице теорию происхождения человека Дарвина, что привело к чудовищной путанице в голове православной Варвары.

- Варя, откуда люди произошли?
- Как откуда, Христос с обезьянкой сошелся.
- Откуда ты это взяла?
- Павел Григорьевич сказал!

Варя частенько сочиняла письма в деревню родственникам и своему кавалеру. Записывала их Зоя Константиновна под ее диктовку. Письма к кавалеру начинались стандартно:

- Ах ты, кот-котище!

Возил Павла Григорьевича на дачу шофер – Владимир Михайлович Шатилов. За руль автомобиля он сел сразу после революции. Застал время, когда в Москве электрических светофоров не было, а были редкие механические семафоры. У Владимира Михайловича были золотые руки, а так как без дела он сидеть не мог, то постоянно на даче что-то строил, мастерил, ремонтировал. Это было тем более ценно, что ни Павел Григорьевич, ни его жена гвоздя в доску забить не умели.

С возрастом Шатилову стало трудно водить машину, но прекратил он это делать только после одного инцидента.

Однажды, спеша за Антокольским на дачу, Владимир Михайлович сбил насмерть прохожего. Тот был пьян и сам бросился под колеса с криками: «Дави меня!» Тому было много свидетелей, и судья был вынужден признать водителя невиновным, но, узнав, кто владелец автомашины, постановил, что этот владелец и должен платить компенсацию детям погибшего. Антокольский, несмотря на то что мог легко опротестовать незаконное решение, исправно платил сиротам до их совершеннолетия. А Шатилов больше за руль машины не садился, жил на пенсию. Он приезжал на дачу и бескорыстно там работал, в основном помогая Зое Константиновне во всем, начиная от вкручивания лампочек и заканчивая сборкой ее деревянных скульптур.

Для дома чета выбрала проект средней по размеру дачи: на первом этаже две большие комнаты, разделенные стеклянной дверью, небольшая боковая комната, теплая терраса, кухня, кладовка, на втором этаже большой кабинет, куда непосредственно выходила лестница и отделенная стеной спальня.

Интерьером дачи, естественно, занималась Зоя Константиновна. Благодаря ее усилиям дача Антокольских стала одной из трех красивейших дач в Красной Пахре. Общий стиль дома был с налетом западноевропейской культуры. Она тщательнейшим образом подбирала мебель, посуду, предметы интерьера.

В центре столовой стоял знаменитый круглый громадный стол из резного дуба. За ним легко могли разместиться двенадцать человек. Опять-таки резные деревянные стулья барочного стиля были конца восемнадцатого века. Зоя Константиновна частенько ездила за мебелью в Ленинград, хотя кое-что покупала и в Москве. На даче присутствовала особая аура, благодаря которой даже далеко не антикварная вещь смотрелась в интерьере как особо ценная. Мебель дополнялась фаянсовой посудой зеленого цвета, произведенной на Украине еще в конце девятнадцатого века. Полный набор на двенадцать персон со множеством вазочек, салатников, соусников, солонки и перчатки, супника: все в одном стиле, все в отличном состоянии.

Если вся дача дышала сдержанным шиком, достатком, тонким вкусом, то кабинет Павла Григорьевича с ней явно контрастировал. У окна стоял стол, сделанный Владимиром Михайловичем из струганных, но не самым лучшим способом пригнанных досок. Доски опирались на простые козлы. Поскольку тумбы с ящиками у стола отсутствовали, их роль выполнял небольшой прибалтийский комодик. На нем стояла часть книг. Остальные хранились на многочисленных полках, также дела рук Владимира Михайловича. Скромный интерьер дополнялся небольшим топчанчиком, покрытым армянским суконным ковром. Зато все стены были украшены рисунками самого Павла Григорьевича, его дочери Наташи, Ореста Верейского, Владимира Масса, который изобразил любимого поэта Антокольского — Александра Блока. Оставшиеся места на стенах занимали фотографии, очень много фотографий. Лестница уходила вниз прямо в люк в полу, огражденный небольшими перильцами. На стенке лестницы висели гравюры Поля Гюстава Доре к «Дон Кихоту». Внизу лестница упиралась в окошко, которое было украшено цветными стеклянными статуэтками. Здесь лестница поворачивала и спускалась на пол первого этажа. Под окошком размещалась батарея, у которой как раз на повороте лестницы в холодное время года спал Боцман — лохматая дворняжка терьеристого типа.

На даче всегда были гости. Они могли появиться в любое время дня и ночи. Павел Григорьевич мог уехать в Дом литераторов, а вернуться оттуда с подвыпившей, но голодной компанией. Это накладывало своеобразный отпечаток на весь уклад дачной жизни. Дом и его обитатели жили в состоянии постоянной боевой готовности. У Варвары даже не было ночной ру-

башки. Днем она ходила в дневном платье, а ночью — в ночном платье, чтобы в нем можно было встать с постели и немедленно начать накрывать на стол. В кладовке хранились различные соленья, приправы, варенье, джемы. Было чудовищное количество посуды для хранения припасов: горшочки, бадейки, глиняные крынки. В холодильнике обитали продукты, которые после минимальной готовки можно было подать на стол. Варвара могла ночью накормить и напоить любое количество гостей. При этом временами закатывались настоящие пиршества с перепелками, запеченными окороками, жареными гусями.

Поскольку гуляли, как правило, до позднего времени, наутро вставали поздно. На завтрак обязательно была горячая еда: сырники, оладьи, запеканки, каши, сыр, варенье, сметана. Завтрак был обильным, но без изысков типа икры и копченой рыбы. Готовился завтрак в основном для Павла Григорьевича, Зоя ела очень мало, тем более на завтрак.

Работал Антокольский регулярно вне зависимости ни от каких обстоятельств. После завтрака поднимался в кабинет и там писал простой ручкой, на машинке не печатал. Он не ждал никакого вдохновения и презирал тех, кто не может работать каждодневно, регулярно и помногу. У него внутри творческая энергия клокотала в любое время. В доме могли находиться гости, внизу они веселились, даже шумели, это никогда Павлу Григорьевичу не мешало. Когда он считал, что свое задание на сегодня выполнил, он спускался к гостям, садился за стол и начинал искренне веселиться, брал бразды застолья в свои руки, наливал гостям, произносил затейливые тосты. Если среди гостей были люди, способные ответить остроумным тостом, то разворачивалось настоящее словесное сражение.

Варя гостей Павла Григорьевича не одобряла. В середине 1950-х тот привозил на дачу или приводил к себе в дом лохматых небритых типов уголовного вида, от которых буквально пахло тюрьмой. Это возвращались освобождавшиеся после сталинской смерти из тюрем и лагерей писатели и поэты. Варя их называла почему-то «сработанными». Когда в доме было много гостей, Варваре было особенно трудно. Всю хозяйскую обувь она половинила и прятала по одному ботинку каждой пары, чтобы гости не могли уйти в хозяйской обуви. Хозяйские пальто и шубы она тащила к себе на топчан, закрывала пледом и ложилась на это добро все с той же целью. Переубедить ее было невозможно.

Когда Варю забрали в московскую квартиру, на даче появилась новая домработница Дуся. К счастью, Дуся с Варей практически не пересекались, но если это все же происходило в Москве или в Красной Пахре, высекались искры. Доблестные работницы домашнего труда ругались вусмерть, а когда все слова и аргументы иссякали, поворачивались друг к другу спиной, задирали юбки и сгибали свои тела буквой «Г».

Павел Григорьевич по доброте душевной и врожденной интеллигентности частенько подписывал всякие письма в защиту несправедливо обиженных или, наоборот, с осуждением каких-либо неприглядных действий власти. В 1968 году он подписал письмо в защиту диссидентов, осуждающих ввод войск под предлогом братской помощи в Чехословакию. У Антокольского и так была репутация не слишком преданного советской власти поэта, а тут уж решили преподать ему урок. Последовали звонки из райкома партии с настойчивыми требованиями явиться на ковер. Немного струхнувший поэт бросился просить совета у соседа по поселку и близкого друга Константина Симонова. Тот дал совет Павлу Григорьевичу точный, как инструкция: «Никуда не ходи. Сиди на даче по меньшей мере месяц безвыходно и не подходи к телефону, а Зоя пусть всем говорит, что ты болен». Симонов прекрасно знал особенности партийной работы в СССР, знал как отделаться выговором без занесения в личное дело. Проходил месяц, райком переключался на новую кампанию, и звонки прекращались. Правда, вытерпеть этот месяц в одиночестве на даче было для общительного Павла Григорьевича настоящей пыткой. Но он выдерживал. К счастью, одиночество его было очень относительным: в Пахре обитало множество его друзей и знакомых. Очень близко дружил он со своими учениками: Симоновым, Матусовским, а также с Орестом Верейским, Владимиром Массом, Юрием Нагибиным. Евгений Евтушенко и Бела Ахмадулина тоже считали Антокольского своим учителем. Когда Бела жила на даче с Юрием Нагибиным, она перелезала через свой забор на участок Массов, а затем — на участок Антокольских, идти вокруг ей было лень.

Был у Павла Григорьевича один недостаток для своих близких, он же — достоинство для друзей и знакомых. Он обожал что-нибудь дарить. Если гость выражал восхищение какой-либо картиной, книгой, статуэткой на даче, то Антокольский тут же отдавал предмет восторга в руки посетителя — подарок.

Для него была совершенно неважной ценность подаренного. Это могло быть и прижизненное издание Пушкина, и ценная гравюра, и дорогая безделушка. Потом Зоя Константиновна хваталась за голову, но было поздно. Он так же щедро дарил и свой труд: правил чужие стихи и переводы. Он любил демонстрировать свои финансовые возможности, например, одолжить без всякой надежды на возврат несколько сот рублей, это при средней зарплате в стране в одну сотню.

Мягкий характер Павла Григорьевича позволял легко его уговорить принять ту или иную сторону в конфликте. Этим многие пользовались, но тут приходила на помощь Зоя Константиновна, безошибочно направлявшая мужа по правильному пути и способная изолировать его от любых недостойных людей.

Павел Григорьевич не жил, а горел. Энергия была из него ключом. Он не просто творил, он переживал свое творение. Михаил Матусовский, замечательный поэт-песенник и сосед Антокольского по даче, вспоминал следующий эпизод: «После тяжелой болезни врачи запретили Павлу Антокольскому на какое-то время писать. Он должен был вести размеренный образ жизни, соблюдая скучный лечебный режим, и прежде всего не волноваться. В это время он как раз вернулся к рисованию, к краскам и цветным карандашам и пробовал делать художественные аппликации из цветной бумаги. Жена его Зоя Константиновна обрадовалась: вот и уладилось все — найдено занятие спокойное, тихое. Павлик переключится на другое дело и не станет нервничать. Антокольский купил кистей, разноцветной бумаги, заполнил кабинет флаконами с тушью, тюбиками с клеем, листами ватмана. Утром я встретил его на улице пылающего от подскокившего давления и странно возбужденного. “Что с тобою?” — спросил я. “Понимаешь, я отвратительно спал. Задумал сделать большую аппликацию на тему “Медного всадника”. И так ясно представил себе всю композицию, так волновался из-за этого, что не мог уснуть всю ночь”».

Павел Григорьевич был далеко не красавцем. Маленький, щупленький, к старости абсолютно лысый, с дряблой кожей, покрытой старческими пятнами. На верхней губе щеточка седых усишек, из-под которых неизменно торчала трубка. Вот только глаза выделялись на общем сером фоне. Они были темными, как спелые вишни, большие, чуть навывкате, умные еврейские

глаза. Есть известная фотография Альберта Эйнштейна с почти такими же глазами. Очень точно сказал о своем деде его внук Андрей: «Оживляясь, дед казался подростком, если устал — стариком, но никогда — взрослым».

Павел Григорьевич курил непрерывно. У него была большая коллекция курительных трубок. Иногда для разнообразия он засовывал в рот папиросу. Вторая коллекция Антокольского — это набор палок и тростей. В возрасте без палки он из дома не выходил. Он очень любил гулять по пахринским аллеям. Еще издали можно было увидеть на Восточной аллее толпу людей. Почти наверняка в середине находился Павел Григорьевич. Его окружали дачные друзья и соседи, гости из Москвы. Летом он гулял в шортах, за что его неизменно ругала дочь: считала, что в его возрасте так ходить несолидно.

Чтобы творить, Антокольскому было необходимо состояние постоянной влюбленности. Влюблялся он обычно в молодых женщин. Кем они были, не имело никакого значения: молодые способные поэтессы или медицинские сестры, проходящие делать ему укол. Он ими искренне восхищался, нежно поглаживал ручки и выступающие места. Самое интересное, что они тоже его любили. Сквозь пепел серой внешности в нем угадывался вулкан таланта, экспрессии, силы духа. Если у девушки было хоть немного мозгов, она понимала, что все это гораздо весомее красивой внешности, высокого роста, даже молодости.

Атмосферу, в которой жил Павел Григорьевич, создавала и охраняла его вторая жена — Зоя Константиновна Бажанова, сначала актриса театра Вахтангова, потом преподаватель Щукинского училища. Студенты ее любили, постоянно бывали в квартире Антокольских в Большом Левшинском переулке. Благо, дом был совсем близко от здания Училища, в арбатских переулках. Среди ее учеников были Василий Лановой и Вячеслав Шалевич. Она фактически построила и обставила дачу в Пахре. После ухода на пенсию в ней вдруг открылся необычный дар: она занялась резьбой по дереву. В корешках, пнях, ветках она могла разглядеть спрятанные ото всех фигуры: птицу или старческое лицо, кабана, ребенка. После ее смерти ее изделия демонстрировались на выставке в Центральном Доме литераторов. Детей у нее не было, но на даче длительное время жила ее племянница Лена.

Смерть Зои Константиновны стала ужасным потрясени-

см для Павла Григорьевича. Как и в случае с гибелью сына, его горе переплавилось в поэму «Зоя». В ней он рассказал ее биографию — правдиво, искренне, трогательно. Но горе от ее утраты все равно надолго осталось в его душе. Иногда вдруг, сидя за своим письменным столом или даже за обеденным, он обхватывал голову руками и плакал навзрыд как ребенок.

После ее смерти в 1968 году на даче поселилась дочь Антокольского от первого брака — Наталия Павловна, художник-иллюстратор. К сожалению, ей не удалось поддержать жизнь на даче на том высоком уровне, который был задан Зоей. Но Антокольский все ей прощал, так как чувствовал перед дочерью свою вину.

Павел Григорьевич умер осенью 1978 года. Умер спокойно и тихо в своей постели на даче. До последнего вдоха он подшучивал над собой и своими расстроенными близкими.

Наталия Павловна только на два года пережила отца: она умерла в 1980 году. Тяжелейшая форма диабета привела к очень быстрой смерти. Наталия Павловна не успела даже оформить завещание. После ее смерти на даче успела пожить и ее мать, Наталия Николаевна, первая жена Павла Григорьевича.

По закону дача отошла наследникам Наталии Павловны: сыну Андрею, дочери Кате и матери Наталии Николаевне. Та из детей и внуков больше всех любила Дениса, сына Андрея. Она считала, что он больше всех похож на ее погибшего на фронте сына Володю — и внешне и по характеру. Это и определило ее выбор: она завещала свою долю дачи внуку Денису. Проблема заключалась в том, что Денис тогда жил со своей матерью актрисой ТЮЗа Милой Тоом и ее вторым мужем. Ситуация показалась Андрею оскорбительной: он рассчитывал получить всю дачу, а потом решать, кто и какую ее долю заслуживает, поэтому внук Антокольского подал в суд на свою сестру и своего сына (!). После трехлетних судебных процессов в разных инстанциях дело кончилось мировым соглашением, которое, к счастью, нельзя опротестовать. Дачу и участок разделили на три части. Свою долю Андрей продал писательнице Виктории Токаревой и вскоре эмигрировал в США. Он оказался способным математиком, преподавал в американских университетах, а затем переехал в Бразилию, где получил известность в качестве чуть ли не единственного специалиста в стране по теории вероятности.

Внучка Антокольского Катя была талантливым художником, но вела образ жизни, весьма далекий от здорового. Она

пропала без вести. Жива она или нет, до сих пор неизвестно. У ее троих сыновей Вани, Васи и Даньчика уже собственные дети. Некоторые из них живут на даче в Пахре. Пожалуй, это единственная дача, на которой жили и живут пять поколений, начиная от Павла Григорьевича.

Сейчас стало ясно: в Пахре жил один из выдающихся поэтов Советского Союза. Это понимали его друзья и ученики. Антокольскому посвящали стихи и поэмы самые видные советские поэты: Михаил Светлов, Константин Симонов, Ярослав Смеляков, Борис Слуцкий, Давид Самойлов. Марина Цветаева вывела образ молодого Павла Антокольского в своем прозаическом произведении «Сонечка Голлидей». Михаил Матусовский написал о своем учителе так:

С горячей трубочкой, зажатою в зубах,
Сама Поэзия беседует со мною.

ЮРИЙ НАГИБИН (1920–1994)

У Юрия Марковича Нагибина есть очерк о его друге поэте и сценаристе Александре Галиче, где Галич рассказывает, как он завтракал с Вертинским за одним столиком в ресторане гостиницы «Европейская». Александр Николаевич Вертинский, повертев в руках меню, заказал только чай, а на вопрос подбострастного официанта: «Прикажете с лимончиком, вареньем или сливочками?» – презрительно отрезал: «Просто чаю. Вы понимаете русский язык?» Затем он трижды возвращал стакан официанту: вначале чай был недостаточно крепкий, потом отдавал мочалкой, наконец, подстаканник был не по руке. Официант не жалел ног, при этом обслуживая Галича из рук вон плохо, «а когда Вертинский ушел, полностью забрав сдачу, официант умильно посмотрел ему вслед и сказал мечтательно: «Настоящий барин!»

Вот таким «настоящим барином» был и сам Юрий Нагибин. В нем чувствовалась порода, аристократизм, лихость и одновременно основательность, несгибаемость и плотность, ум и благородство. Он был красив не смазливой, а той сильной мужской красотой, которая насмерть сражает женщин и которая с возрастом, с сединой, становится совершенно неотразимой. За ним всегда тянулся шлейф его загулов, пьянок, походов, романов, побед, бесконечных заграничных поездок, богатства и широкой души, независимости от властей и потому нелюбви этой самой власти. Пожалуй, самый сильный советский прозаик в жанре «деревенской» литературы, сравнимый, разве что, с Иваном Тургеневым, он остался без единой литературной государственной награды. Да и вообще награды его обходили

стороной. Даже престижный «Оскар» за фильм «Дерсу Узала» получил только режиссер Акира Куросава, сценаристу награда не полагалась. Он был одновременно и баловнем судьбы и ее пасынком.

Трое мужчин сыграли в жизни будущего писателя главные роли. Только в зрелом возрасте писатель узнал тайну своего рождения: его отец был потомственным дворянином Константином Александровичем, расстрелянным красными за белогвардейский мятеж в Курской области еще до рождения Юрия. Предусмотрительный белый офицер передал свою беременную жену Ксению Алексеевну, кстати тоже из дворянской семьи Каневских, другу Марку Левенталю. Тот усыновит мальчика, но вскоре сам отправится в ссылку, где и умрет много лет спустя. Именно от него у русского дворянина Нагибина осталось еврейское отчество. Ксения Алексеевна развелась с Левенталем и вышла замуж в третий раз за Якова Семеновича Рыкачева, прозаика и критика, хулителя зарубежной приключенческой литературы, который сам работал в жанре научной фантастики. Именно Рыкачев привил Нагибину вкус к словесному творчеству, хотя времени на это у него было немного: в 1937 году его посадили.

Юрий Нагибин родился в Москве, жил в районе Чистых прудов в Сверчковом переулке. Мальчик рос очень спортивным, всерьез увлекался футболом. Тренер московского «Локомотива» Жюль Лимбек даже обещал к восемнадцати годам зачислить его в дубль мастеров.

Писать Юра начал очень рано по совету своего отчима. Тот обратил внимание на его способность словесно передавать впечатления от увиденного и услышанного естественно и с юмором. Первые рассказы были неудачными, но мальчику нравился сам процесс творчества. После окончания школы в 1938 году он поступает в Первый Московский медицинский институт по настоянию матери, но уже после первой сессии выясняет, что к медицине он не склонен. Именно в этот момент во ВГИКе открывается прием на сценарный факультет, куда Нагибин без труда проходит и переходит учиться на сценарный факультет ВГИКа. Как писатель Нагибин начинается в 1939 году. Он рискнул на одном из вечеров в писательском клубе прочитать свой рассказ о том, как семнадцатилетний юноша домогался любви взрослой женщины. Вышел скандал. Публика первый опыт будущего сценариста разругала, но за него вступился ве-

лучший вечера Валентин Катаев, а того поддержал Юрий Олеша. Очень скоро, осенью 1940 года, первый рассказ Нагибина «Двойная ошибка» публикуют в журнале «Огонек».

Окончить институт помешала война. Недоучившегося студента призывают в армию.

Знание немецкого языка и неполное высшее гуманитарное образование определяют его воинскую специальность. Он был направлен в политуправление Волховского фронта, где занимался контрпропагандой. В его обязанности входил разбор документов врага, выпуск пропагандистских листовок, ведение радиопередач. Однако, пришлось ему повоевать и по-настоящему с оружием в руках, выходить из окружения. Он был дважды контужен, а после выздоровления в ноябре 1942 года комиссован по состоянию здоровья. Но ни писательство, ни армию он не бросил. В качестве военного корреспондента газеты «Труд» побывал в Сталинграде, под осажденным Ленинградом, при освобождении Минска, Вильнюса, Каунаса. Военные впечатления легли в основу сборников рассказов. В 1943 году вышел сборник «Человек с фронта», и Нагибин был принят в Союз писателей.

До конца войны он совмещал журналистику с литературой. В конце 1940-х годов Юрий Маркович знакомится с писателем Андреем Платоновым, который оказал на него громадное человеческое и литературное влияние. В результате, по отзыву самого Нагибина, «целый период моей литературной учебы состоял в том, что отчим вытравливал Платонова из моих фраз».

В начале 1950-х к писателю приходит известность. Его рассказы «Трубка», «Зимний дуб и Комаров», «Ночной гость» стали пользоваться популярностью у читателей. Одновременно с этим он приобрел репутацию вольнодумца после публикации в «оттепельном» альманахе «Литературная Москва» своих рассказов «Хазарский орнамент» и «Свет в окне». Содержание этих произведений далеко вышло за разрешенные партийной печатью пределы, что вызвало гнев функционеров. Писатель был вынужден снизить уровень своего свободомыслия, и в дальнейшем, как отмечает писатель Юрий Кувалдин, «уму постоянно приходилось балансировать на грани диссидентства и правозерности».

В этот же период за Нагибиным устойчиво закрепляется образ кутилы, выпивохи и бонвивана. Литературное творчество приносит солидные гонорары. При этом Юрий Маркович

понимает, что пока еще далек от литературных высот. Это ужасно отражается на его излишне тщеславном характере. Выход Нагибин находит в водке. У него хватает денег на автомобили, сначала «Победу», потом «Волгу». Сам он водит редко, как правило, выпивши, поэтому предпочитает держать шоферов. Он становится частым посетителем центральных ресторанов.

Отдельный разговор о женщинах в его жизни. Его первой женой стала Мария Асмус, дочка профессора Литинститута. Через нее он познакомился с Нейгаузом, Рихтером. Расписались молодые перед уходом Юрия на фронт. Он надеялся таким образом ее удержать. Не помогло. Когда вернулся в Москву, она уже была с другим. Второй брак продлился уже пять лет, с 1943 по 1948 год, хотя и был по выражению самого Нагибина «очень пресным». Его избранницей стала Валентина Лихачева, дочь легендарного директора автомобильного завода. Писатель интересно отозвался об этой семье: «Когда я попал в эту семью, среди друзей считался лихим выпивохой. По меркам же семьи Лихачевых оказался просто трезвенником». Из-за Ивана Алексеевича Нагибин перестал болеть за свой любимый «Спартак» и до конца жизни переключился на «Торпедо», но семейному счастью это не помогло. «У нас с Вале́й начались параллельные романы: у нее — со студентом консерватории, в которой она училась, а у меня — с ее мамой, то бишь с собственной тещей...»

Потом была Елена Черноусова, потом Ада Паратова, артистка эстрады. С Адой было веселее, как потом вспоминал писатель: «Мы шумно, с выдумкой отдыхали, получив гонорары: я, Саша Галич и Ада...»

Где-то в перерыве между загулами и женитьбами Юрий Маркович покупает пай в ДСК «Советский писатель», строит дачу. Здесь его настигает пятая женитьба, о которой нужно сказать особо.

Его пятой женой становится в 1961 году потрясающе талантливая поэтесса Белла Ахмадулина. Необыкновенная смесь наивной девочки и чувственной женщины, божьей искры и дьявольских наваждений, объект воздыхания всех интеллигентных молодых людей шестидесятых и проклятий брошенных ради нее женщин, она не могла не привлечь внимания Нагибина. Она была первой женой Евгения Евтушенко, по словам Юрия Марковича «он научил ее пить портвейн». Нагибин взял ее основательностью, наличием больших по тем временам де-

пег. Начались сниматься фильмы по его сценариям, а это приносило совсем другие гонорары. Говорят, что сценарий умирает в тот момент, когда снимается фильм. Может быть, это и так, но эта смерть является отнюдь не бесплатной. Кроме того, Белла была покорена домашним уютом семейной дачной жизни. Мама писателя, Ксения Алексеевна, при первой же встрече накормила ее вкусным борщом. Он ей так понравился, что поэтесса посвятила ему стихотворение. Нагибин подозревал, что она вообще впервые попробовала настоящий борщ.

«Для Беллы я выстроил второй этаж дачи, чтобы ей было уютнее писать стихи, сидя в «скворечнике», созерцая мир сверху. Она так хотела. Но Белла не всегда использовала этот уют по назначению. Выпивала свой портвейн и через окно убежала к поклонникам.

В конце концов, моей маме это надоело. Мне, признаться, тоже...»

Писателю также до смерти надоело обнаруживать свою жену в постелях друзей и знакомых, крах восьмилетнего брака стал неизбежным.

Нагибин и Ахмадулина были очень друг на друга похожи. Оба талантливые, со своим индивидуальным мироощущением, оба пьющие и загульные, оба пылкие и влюбчивые. Оба несдержанные в своих порывах. Однажды Нагибин, застав ее с любовником, разбил тому голову бутылкой. Досталось и Белле.

В «Дневнике» множество буквально кричащих строк писателя: «Вот оно и пришло — самое скверное, самое страшное. Я не знаю, что там было, может быть, не так уж много, может быть, совсем немного. Но коль пусть даже такое возможно при мне, что же делали с этой несчастной женщиной, когда меня не было рядом, а она была так же пьяна? Каким стыдом, позором овеяна вся моя жизнь с ней!

Я никогда не думал, что мне будет так больно. Конечно, я ее любил и люблю, как не любил никого, и теперь мне придется жить без нее, и я не понимаю, как это будет. На сердце такая тяжесть, что впору кричать».

Они, словно однополюсные магниты, отталкивались друг от друга. Развелись они мирно и пристойно, Нагибин при разводе «был по-настоящему взволнован, хотя и не изображал казанскую сироту. Основа нашего с ней чудовищного неравенства заключалась в том, что я был для нее предметом литературы, она же была моей кровью». Жизнь их потом множество раз

сталкивала: Белла часто приезжала в поселок к общим друзьям, снимала там дачу, они неизменно вежливо здоровались при встречах, дружески целовались.

Нагибин по своему характеру был выраженным индивидуалистом. Он признавался, что большое скопление людей его порой раздражает, он физически не выдерживал сидения на заседаниях журнальных редколлегий, уходил раньше, за что не пользовался любовью коллег. Те считали, что он зазнается. Дачная жизнь идеально совпала с пристрастиями писателя. Он был невероятно работоспособным. Среди писателей даже ходила поговорка: «Работать как Нагибин». По отзыву его шестой и последней жены, Аллы, к которой мы еще вернемся, «он был невероятно дисциплинирован. Его день был расписан по часам. Работал у себя в кабинете, на втором этаже. Вставал в семь, делал зарядку, в восемь спускался вниз, и на столе должен был стоять легкий завтрак: геркулесовая каша на воде, три штучки кураги, два расколотых грецких ореха и чашка кофе. Если это было готово в четверть девятого, он очень сердился. Если обед запаздывал, а обедал он в два часа, — рвал и метал... После обеда отдыхал и снова работал до семи-восьми. Потом закрывал дверь кабинета и включал музыку. Слушал романсы, оперы, которые знал наизусть, — еще в школьном возрасте постоянно ходил в Большой “на протырку”. И включал на такую громкость, что голоса Поваротти или Миреллы Френи разносились по всему поселку. Он обожал Лемешева и воспринял его смерть, как глубокую личную утрату. А когда работа срочная, мог просидеть за письменным столом до пяти утра. Он работал всегда — и в будни, и в праздники. Все годы я с ним прожила под стук пишущей машинки. Он был трудоголик».

Юрий Маркович оставил блистательные, невероятные описания природы поселка и его окрестностей. Он мог радоваться любому времени года и любой погоде. «Весь вчерашний день и всю ночь бушевали грозы. Они заходили с разных сторон и раздражались над нашим поселком. Здесь какой-то центр всех гроз Подмосковья. Когда ливень утихал редкими, гулкими каплями, небо окрашивалось в тускло-желтый цвет, будто за хмарной наволочью накалялись новые грозы. Потом небо проблискивало молнией, глухой раскат набегал волнами, и прежде чем он затихал, вспыхивал тонкий волосок молнии где-то совсем рядом, и небо раскалывалось вдребезги. Уже в сумерках прошла гроза с градом. Круглые градины ложились ниткой на

дорожках сада, горками у крыльца и террасы. Пес выскочил наружу и, задирая морду кверху, ловил их на лету широко открытой розовой пастью».

Или об осеннем пейзаже: «Божественная осень, какой не было с довоенной поры. Всё горит золотом. Березы нежно и сильно желты днем; тепло, в розоватость,— в предвечернюю пору. Свеже-зелена ольха, осина обтрясла почти все свои красноватые листочки, зелены кусты, лозняк и огромные ветлы над Десной, их зелень чуть припудрена серебристым пеплом».

Для зимы у писателя находятся другие слова: «Снег ярко-бел, а тени голубые, и березы начали чуть лиловеть нарождающимися почками, и много солнца. Вдалеке чернеют деревеньки, кричат сороки, алеют на кустах снегири, и надо твердо знать, что это и есть счастье, о котором я когда-нибудь вспомню с тоской, нежностью, болью».

Нагибин различал и умудрялся передавать на бумаге не только картину природы, но и ее запахи и звуки. Создавалось полное ощущение твоего присутствия в лесу или в саду. «К рассвету грозы стихли и запели соловьи. Утром в саду тяжело дышать от теплого, парного, крепчайшего запаха земли, травы и листвы, перенасыщенных влагой. За одни сутки вся природа вошла в зрелость, из весенней стала летней. Воздух гудит: жуки, шмели, мухи, комары, осы. Где-то рядом хорошо и трудолюбиво поет какая-то птичка».

Нагибин часто ходил в лес. Далеко, за много километров, почти до Внуковского аэродрома. Летом и ранней осенью за грибами, зимой на лыжах. Он умел ждать и наблюдать за природой. Ему везло увидеть таких зверей и птиц, о существовании которых большинство обитателей поселка и не подозревало. В лесу ему встречались и «большой серый с желтизной» заяц, и маленький лосенок, «потом ласка перебежала мне дорогу. До чего ж изящна, изысканна, жеманна и до чего ж свирепа! Я никогда не встречал в окрестностях ласок». Птиц же в окрестностях было немерено. При этом Нагибин еще и жаловался, что знает немногих. В своих заметках он оставил свидетельства о грачах и сороках, щеглах и чижах, синицах и скворцах. Он был свидетелем смертельной схватки соколенка и матерой вороны, встречал в лесу тетерева, сову, филина, даже чибиса.

Юрий Маркович был охотником. В начале 1960-х он открыл для себя Мщеру, и с тех пор неизменно ездил туда поохотиться на птицу. Однако, чаще это был повод уехать от привычной

жизни, набраться новых впечатлений, выпить, отдохнуть с женским коллективом, с друзьями. Он жалел животных, а потому настоящим охотником быть не мог. На Пахре он тоже частенько гулял в лесу с охотничьим ружьишком, заряженным одним патроном, но стрелять никогда не решался. Более того, крайне неприязненно относился к другим стрелкам. «На днях шел на лыжах в березняке по ту сторону речки и вдруг услышал выстрел. Через некоторое время наткнулся на шофера из профилактория и двух его дружков из военного городка. У шофера за спиной висела двухстволка, а дружок нес за шею чирка-свистунка. Зазимовал подранок на нашей речке, возле спуска нечистот, где и в морозы вода парится, совершил невероятный подвиг самосохранения, явил некое биологическое чудо и был застрелен в самый канун весны».

Особенно беззаветно писатель любил своих домашних животных. Юрий Маркович прожил в поселке больше сорока лет. У него на даче всегда были собаки и кошки. Любил он их безмерно, чувствовал свою ответственность за их судьбу. За годы жизни в Красной Пахре у него сменилось множество животных, и о каждом у него нашлись добрые и проникновенные слова.

Вот он идет на лыжах. «Со мной собаки. Рома преданно и чинно идет сзади по лыжне, Пронька носится как угорелый, проваливается в снег, с трудом выкарабкивается и снова оступается в снежную глубину. Оказавшись сзади, он теснит Рому и наступает прямо мне на лыжи. Но, отбежав далеко, поворачивается и смотрит, куда я направляюсь. Пасть открыта, в бороде сосульки, рожа до слез умильная. Рома, как и подобает его почтенному возрасту, ведет себя куда дисциплинированной. Только иногда вываливается в конском навозе на дорогах. Мы решили, что это полезно для его шерсти. Снег намерзает у Ромы в подушечках лап, и когда мы возвращаемся домой, он стучит ими, словно каблуками на подковках».

Писатель называет себя «самой большой сволочью на свете»: ему позвонили в Москву и сказали, что заболел Проня. Он «пьянствовал и не прислал врача». На следующий день ветеринар приехал, но ему осталось только усыпить собаку. «Я ждал от себя чего угодно, но не такого подлого предательства. Я предал своего младшего бессловесного братика, доверившего мне свою жизнь, когда крошечным комочком, почти умещавшимся

и моей варежке, он поехал со мной от теплого бока матери. Хорошо же я послужил ему, хорошо выполнил свой малый долг».

Потом был спаниель Степа, который принял в штыки понимание черного котенка по кличке Феня. Домработнице Даше было велено отнести его назад хозяевам. Той было лень идти по холоду, и она просто вышвырнула котенка за калитку. Степа пошел проводить хозяев, почуял котенка и стал лаять на сугроб, копать его лапами. «В снежной могилке лежал, топорщась каждым волоском шерсти, наш котенок. Выброшенный Дашкой, он никуда не пошел, поняв темным и безошибочным чутьем, что его дом здесь, вырыл себе ямку, чтоб не замерзнуть, и стал ждать. И дождался. Мы умилились, почти расплакались, накрыли Дашку матом и отнесли котенка домой».

Следующая пара собак Нагибиных была любимицей всего поселка. Говорят, собаки похожи на своих хозяев. Эта пара была похожа на карикатуру на своих хозяев. Маленькая черная такса, кобелек, по кличке Кузя, и изысканно изящная тонкая и худая белая борзая по кличке Дара. Они частенько сбегали с участка Нагибиных. Впереди неизменно бежал Кузя, вожак стаи, сзади с достоинством двигалась Дарка.

Появилась Дара на даче Нагибиных морозным днем, а у них, как назло, испортилось отопление. Юрий Маркович пустил ее к себе под одеяло. «Дара спала со мной под одним одеялом, и я чувствовал ее трогательно костлявое тело». Умирала Дара тяжело, время пришло. Она лежала в каминной и стонала то «ой, ой, ой», то «ай, ай, ай». «Вчера вдруг Дару страшно скрючило, она стала задыхаться, вытянув шею и странно изогнув голову. Вызвали ветеринаршу. Она сказала: сердечное, усыплять не надо, сама умрет. Ночь была ужасной. Дара всё время кричала, звала Аллу. Когда Алла спускалась, кричала тише, порой замолкала. Просилась на воздух. Алла открывала дверь, и Дара втягивала в себя, вся содрогаясь, мерзлый воздух. Кузик истошно пищал запертый в каминной. Утром Дару повезли в Москву на такси». Борзая умерла по дороге в больницу, а Кузя вскоре пропал.

Потом появился Митя. «Случилось то два месяца назад, вскоре после исчезновения Кузика. Я сидел в кабинете, когда снизу раздался лай уличной собаки Ваксы, любимицы поселка. Сбежал вниз. Вакса явилась не одна, а в сопровождении крошечного черного сына. Полуторамесячный щеночек посмотрел на меня сонными медвежьими глазками и вдруг склонился в глубоком поклоне: попка кверху, правая лапка выставлена

вперед и к ней косо посунута головка. У циркачей это называется «сделать комплимент». Я взял его, пушистого, теплого, и отнес в постель спавшей Аллы. Она проснулась, ахнула и тут же влюбилась в щенка. Я сказал ей, что Вакса привела его по объявлению: “Пропала маленькая черная собака. Нашедшему — вознаграждение”. Вакса тут же получила миску борща и замечательную сахарную кость. Щенка общим семейным советом нарекли Митей. Вечером Алла вылавливала блох, резвящихся на его розовом голом брюшке. Спущенный на пол, Митя тут же сделал комплимент. Он то и дело всех приветствует и благодарит — на редкость любезный малыш. Старики его тоже приняли, мама горячее, Я. С. холоднее. Он — теоретик чувства и считает, что надо хранить верность Кузику. Мама, как и всегда, естественней, непосредственней. В общем, щенок пришелся ко двору. Атмосфера дома подобрела».

Прошло время, и Митя постарел. Нагибин взял щенка эрдель-терьера, которого нарекли Проней. Старый ревнивый Митька щенка не принял, постоянно бросался на него. Проня вел себя дружелюбно, большого пса совершенно не боялся. Юрий Маркович был в смятении, Митька каждый день помечал все углы в доме: «Мое», Нагибин пытался его наказывать, но всякий раз сдерживался в последний момент. Постепенно ситуация сгладилась. Проня стал любимцем Аллы. Они неизменно играли в одну и ту же игру. «У них была такая игра: Алиса чесала его длинными ногтями по крестцу от шеи к обрубку хвоста, он изгибался, задира л морду и часто-часто колотил левой лапой по полу. Потом она говорила, словно про себя: “Надо Проще бородку расчесать”, — и он тут же, жалко ссутулившись и поджимая свой обрубок, убегал и с грохотом забивался под стол, чтобы минуты через две-три появиться опять с великой опаской, тогда все начиналось сначала».

Людей, в отличие от животных, Юрий Маркович, нужно признать, не жаловал. Это касалось и коллег по писательскому цеху и простого люда. Однажды летом он надел шорты, неприличные тогда для соотечественников. Реакция на них, естественно, была отрицательной. «Увидев меня от своей будки, вахтерша дома отдыха строителей заорала:

— Ишь срамотица! Старый мужик, а бесстыжий! Чего задницу заголил?

Надо сказать, что шорты у меня длинноваты. Сама же сидит в куцем сарафанчике, и страшная, необъятная грудь выпирает

даже из подмышечных разрезов, а толстые вены просматриваются не только на икрах, но и на ляжках. Но считается, что она одета прилично. Правда, в добрые сталинские времена на Крымском побережье женщинам в сарафанах не позволяли даже в волейбол играть. На редкость чистое и целомудренное было время. Сейчас куда свободней, но до шортов мы еще не дошли. Крепко сидит татарщина в русской душе».

Непосредственное столкновение с представителями простого люда неизменно вызывало у аристократа оторопь. Вот он немного опрометчиво разрешил своей домработнице Маше отметить день рождения ее «новоявленного супруга Толика. Из военного городка пришли его однополчане, правда, в штатском, с Троицкой фабрики пришла родня Маши. Маша приделась и выглядела, как помолодевшая Мерилин Монро». Гости напились, орали песни, крутили допотопный патефон, били жен и ругались. Насмотревшись на них, Нагибин сделал необычный вывод: «Почему-то считается, что скандалы и мордобитие омрачают праздник. Вранье, люди собираются лишь ради скандала и драки, не будь этого, они сидели бы дома. В бесчинстве — кульминация, суть и катарсис сборища. И это не только у простых людей, но и в “нашем круге”. Разрядка задавленных страстей...» Потом Маша съехала с дачи, и Юрий Маркович подивился тому количеству скарба, который она смогла нажать у него в услужении.

Чуть позже он перейдет к обобщению следующего уровня, гораздо более серьезному: «Почти все советские люди — психические больные. Их неспособность слушать, темная убежденность в кромешных истинах, душевная стиснутость и непроветриваемость носят патологический характер. Это не просто национальные особенности, как эгоцентризм, жадность и самовлюбленность у французов, это массовое психическое заболевание. Проанализировать причины довольно сложно: тут и самозащита, и вечный страх, надорванность — физическая и душевная, изнеможение души под гнетом лжи, цинизма, необходимость существовать в двух лицах: одно для дома, другое для общества. Самые же несчастные те, кто и дома должен носить маску. А таких совсем не мало. Слышать только себя, не вступать в диалог, не поддаваться провокации на спор, на столкновение точек зрения, отыскание истины, быть глухим, слепым и немым, как символическая африканская обезьяна, — и ты имеешь шанс уцелеть».

В поселке Нагибин общался со многими своими соседями: Павлом Антокольским, Юрием Трифоновым и Владимиром Тендряковым, Эдуардом Володарским и Александром Трифоновым. Дружбы не было, но добрые соседские отношения были. При этом к некоторым соседям он относился откровенно отрицательно, например, к Константину Симонову, хотя сотрудничал с ним, когда тот возглавлял «Новый мир».

Нагибин долго переживал по поводу своего якобы еврейского происхождения. Это оказалось не так. А он успел написать в «Дневнике»: «Русским людям всё же приходится куда легче, чем евреям. Они живут в природе и в истории, а евреи только в социальной действительности. Вот почему им так безнадежно худо».

На своей последней жене Алле Нагибин женился в 1969 году, отметил серебряную свадьбу, их разлучила только смерть писателя. Этот брак резко отличался от всех предыдущих. Наверное, это была любовь с первого взгляда. Познакомились они в Ленинграде в гостях у сценариста Александра Шлепянова, автора сценария кинофильма «Мертвый сезон». Нагибин был еще с Беллой, но это не помешало ему влюбиться в опоздавшую гостью. Бурный роман, его и ее разводы, частые приезды в Ленинград на машине, посещения лучших ресторанов Северной столицы неизбежно привели к свадьбе. К сожалению, ее не сразу приняла мать писателя Ксения Алексеевна, которую тот очень любил. Она ревновала и даже ненавидела невестку. В конце концов, он не выдержал и сказал матери: «Каждый камень, брошенный в Аллу, попадает мне в лицо. И если вы этого не поймете, нам придется разъехаться». Мать одумалась и стала сдерживать свои эмоции.

Смерть матери осенью 1975 года Юрий Маркович переживал ужасно тяжело. Алла старалась смягчить его страдания. Через три месяца не стало и его отчима Якова Семеновича. Эти переживания укрепили отношения Нагибина с Аллой, которую он с первого дня знакомства называл Алисой. Он немного картавил, и ему было трудно произносить двойное «л». Его талант писателя расцвел в полную силу. В последний период жизни рядом с Аллой он пишет свои лучшие произведения.

Аллу увлекал дизайн пространства. Еще живя в Ленинграде, она привозила из Прибалтики занавески, светильники, элементы интерьера. На даче в Красной Пахре ее проекты воплотились в жизнь. Она превратила дачу Нагибиных в самый стильный дом

поселка. Его интерьер снимали корреспонденты американского журнала «Вог» и итальянского «Пространство дома».

Закрытая веранда была снабжена высоченными дверями со сплошными стеклами, привезенными из Прибалтики. Двери раздвигались по направляющим с помощью роликов, тогда пространство переходило в летнюю террасу. Объединял помещения пол, покрытый плиткой. Внутри была гостиная, кухня и комната матери, Ксении Алексеевны. После ее смерти Юрий Маркович снял перегородку, отделявшую ее комнату от гостиной. Образовалось большое помещение, которое соединялось с прихожей. Чтобы скрыть следы перегородки, пришлось изготавливать паркетины, что Нагибин сделал собственными руками. Центральным объектом гостиной был камин. Это было уникальное сооружение из фламандских изразцов семнадцатого века и немецкой резьбы по дереву, созданной на век позже. В прихожей была сделана уникальная лестница. Она не имела наружных перил, более того, ступени сужались к ее внешней части и даже немного качались в этой области, что быстро прекращало попытки идти по ним с краю. Во всяком случае, за годы существования лестницы с нее не упал ни один человек, в каком бы состоянии он ни поднимался или ни спускался по ней. Комнатные двери были выполнены из массива дуба, опять-таки привезенного из Прибалтики. Основу второго этажа составляли кабинет писателя и спальня. Стены кабинета были закрыты полками с книгами. Мощный стол покрывало зеленое сукно, за этим столом и работал мастер. Стол был вечно завален рукописями, книгами и вспомогательными материалами. Большие окна выходили на участок, зрительно расширяя кабинет. Громадный диван был утоплен в пространство под крышей, для чего пришлось вынести невероятное количество шлака, который при строительстве использовали в качестве утеплителя. Зато подлинные размеры дивана скрадывались, он не доминировал в кабинете и в то же время давал возможность Нагибину комфортно отдыхать. Он первым в поселке сделал туалет и душ на втором этаже. Это лет на двадцать опередило время, когда такое удобство перестало удивлять советского человека. Они закрывались гибкими дверями, покрытыми рогожей, которые раздвигались и волшебным образом уезжали в пространство под крышей.

Дом был полон антиквариата, ценных картин, миниатюр, но при этом нисколько не напоминал музей, а создавал ощущение уюта.

Начиная с 1956 года Нагибин пишет сценарии к кинофильмам. Первым был «Гость с Кубани». Самым знаменитым стал фильм «Председатель» по мотивам рассказа самого Нагибина. Благодаря прекрасному сценарию, работе режиссера Алексея Салтыкова и органичной игре Михаила Ульянова фильм вошел в сокровищницу советского кинематографа. Потом был фильм «Директор», на съемках которого погиб актер Евгений Урбанский. Сценарии к фильму режиссера Игоря Таланкина «Чайковский», советско-венгерскому фильму «Кальман», оscarоносной ленте «Дерсу Узала», одному из лучших советских приключенческих сериалов «Гардемарины, вперед!» выдвинули имя Нагибина в первый ряд сценаристов страны.

Не менее значимы и его прозаические произведения позднего периода: повести «Пик удачи», «Моя золотая теща», «Срочная командировка», сборник рассказов «Встань и иди». Был прав петербургский критик Виктор Топоров, утверждая, что Нагибин в застойную пору заслужил «две репутации: удачливого и чрезвычайно плодовитого киносценариста (этим обеспечивалось качество жизни) и тонкого лирического писателя, с годами всё более и более тяготеющего к историко-литературным и культурологическим сюжетам».

Нагибин никогда не был диссидентом, несмотря на постоянные обиды на Советскую власть. Он объездил двадцать пять стран мира еще в ту пору, когда одна-то поездка за границу была чудом. Но при этом его не пускали то в Южную Америку, то на очередную Олимпиаду, то на футбольное первенство. Слишком много разводов, женщин, слишком большой вольнодумец. Не нравилась его позиция власти. В 1966 году он подписывает письмо в защиту Юрия Даниэля и Андрея Синявского, в 1980 году выходит из редколлегии журнала «Наш современник» в знак протеста против публикации сомнительного романа Валентина Пикуля «У последней черты». В 1993 году его подпись оказалась и под знаменитым «Письмом 42-х», направленным против любых форм шовинизма, фашизма и коммунизма в нашей стране. Советская власть не отметила своими наградами ни одного произведения Юрия Марковича, зато за пределами нашей страны писателя воздали должное. В 1989 году он награжден премией Венецианский «Золотой лев» за повесть об отце «Встань и иди», опубликованную в Италии. В том же году в итальянском городке Агридженто он удостоен премией как лучший писатель Европы 1989 года.

В своем «Дневнике» Нагибин написал: «Жил я размашисто, сволочь такая». «Дневник» он готовил к печати непосредственно перед своей смертью в 1994 году, его издания не дождался, знал, что умрет, поэтому был предельно откровенен. Рукопись «Дневника» он передал писателю и издателю Юрию Кувалдину за десять дней до смерти. Кувалдин вспоминал свои беседы с Нагибиным, в которых во многом проявилась жизненная позиция писателя.

«Понимаете, если ты в то время не совершил предательства, не доносил — устно и письменно, телефонно, — если нет хоть одного человека, которому ты принес хоть какое-то зло, то, в конце концов, ты лишь растлевал свою собственную душу, понимаете, а писанина в газетах... Делал это потому, что мы иначе бы загнулись. У меня нет другой профессии. Я начал писать еще до войны, когда мне было 19 лет. Я мог зарабатывать только пером. И на мне было еще три человека. Берут — хорошо, дают деньги. Я приезжаю домой — там радовались. Но я никогда не восхвалял Сталина в своих нормальных произведениях, то есть в прозе. Я хорошо помню свою статью — называлась она «Инженер колхоза». Это была огромная статья. Я специально ездил за материалом. Какой-то колхоз все электрифицировал, что можно. Но вообще, ничего особенного. Ну, ведь вы знаете, что манера писать очерк довольно своеобразна. Вот человек заходит в хлев и видит градусник. Казалось бы, так и напиши. Не тут-то было! Он пишет: «Где мы находимся? Мы в лаборатории, в научном институте или в хлеву?» Ну, так же эти очерки воспринимались. Я написал. В газете говорят, что дадут обязательно, но в материале нет, говорят, конца. Я удивляюсь, как это нет конца? Конец там есть. «Ну, что вы, Юрий Маркович, ребенок, что ли! Все-таки надо как-то выйти на это...» Я говорю: «Я не знаю». «У вас есть колхоз имени Ленина, да? Но у вас же ни разу нет имени Сталина!» А колхоз назывался, знаете как? — «Шлях Ленина». Они в номер хотят на первую полосу. Никак не могут придумать конец. Но меня зло что ли взяло. Хотя все это привычно было, но все равно раздражало. Они мне все время звонят, мол, что делать? Грозят, что снимут материал, ну, нельзя же без конца, на первой странице идет. Сейчас это звучит анекдотически. А тогда — совершенно серьезно. Серьезные люди. Симонов был редактором. «Знаете, — говорит, — прекрасный материал, колхоз весь электрифицирован, а не можем давать, потому что нет

конца”. Достали этим концом. Я не выдержал, психанул, говорю, ладно, пишите, диктую, это будет одна фраза, и заорал в трубку: “Шляхом Ленина, дорогой Сталина колхоз идет в коммунизм!” Слышу оттуда: “Гениально!”».

Изданный «Дневник» произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Интеллигенция раскололась на два лагеря. Одни восторгались смелостью суждений писателя, другие его осуждали, говорили, что так резко о своих коллегах писать было нельзя. История расставит все по своим местам. Но нельзя не признать того положительного факта, что остался подобный замечательный памятник нашей эпохе и поселку Красная Пахра.

АЛЕКСАНДР КОТОВ **(1913–1981)**

В легкой атлетике есть чемпионы по отдельным видам спорта. Кто-то быстрее всех бегают, кто-то выше прыгает, кто-то дальше всех метнет молот. Но там есть и особые спортсмены: универсалы-многоборцы. Да, их результаты в отдельных видах уступают чемпионским, но по сумме показателей им нет равных. Таким многоборцем в жизни был и шахматист Александр Котов.

Родился будущий гроссмейстер в Туле в семье тульского оружейника, столяра. В школе Саша увлекся шашками, в которые научил его играть отец. Но в седьмом классе мальчик познакомился с шахматами. Глубина, сложность, разнообразие этой игры до того поразили школьника, что шахматы заслонили для него все остальное. Первые шахматы он смастерил сам из деревянных отходов, которыми был полон дом столяра. Чурочки эти использовали обычно для растопки самовара, но мальчишка нашел для них другое применение. Этими фигурками Саша пользовался много лет, пока не получил настоящие в качестве приза за победу в турнире. Котов проявил способности не только в шахматах. В школу он пошел сразу во второй класс, так как отец научил его читать, считать и писать в самом раннем детстве, окончил десятилетку в шестнадцать лет. С пятнадцати лет он участвует во взрослых шахматных турнирах и через два года становится чемпионом Тулы. Тогда же он без труда поступает в первый в городе институт – Тульский

механический. Тула — город оружейников, поэтому Саша выбирает специальность по конструированию оружия.

Молодой конструктор по окончании института распределяется в Москву в КБ парашютостроения. Именно в Москве раскрываются его таланты шахматиста и инженера.

Здесь он знакомится с замечательным шахматистом Петром Романовским, который одно время был главным соперником самого Михаила Ботвинника. Помимо чисто шахматных премудростей, тот знакомит Александра с творчеством выдающихся русских шахматистов Михаила Чигорина и Александра Алехина. Шахматный дар последнего настолько поражает молодого человека, что изучение его партий и жизненного пути становится главным делом Александра Котова.

Вскоре приходят весомые спортивные успехи. В 1938 году в 25 лет он делит 3-5 места в полуфинале первенства СССР в Киеве и выходит в финал, выполнив норматив мастера спорта.

В финале 11-го первенства СССР Котову предстояло сразиться с такими выдающимися шахматистами, как Михаил Ботвинник, Григорий Левенфиш, Вячеслав Рагозин, Илья Кан, Александр Толуш и другими, которые были старше его и составляли цвет не только советской, но и мировой шахматной элиты. Новичок такого крупного турнира, Александр Котов не робел перед авторитетами.

В итоге он занимает второе место, отстав от Ботвинника на 0,5 очка, и получает звание гроссмейстера СССР. А. Котов стал третьим советским гроссмейстером после М. Ботвинника и Г. Левенфиша.

А. А. Котов назначается главным инженером оборонного предприятия, а затем переходит в конструкторское бюро по прямой своей специальности. Важнейшая проблема, над которой работал А. А. Котов со своим КБ, — это создание принципиально нового миномета.

Долгие дни и бессонные ночи позволили выполнить задачу в кратчайшие сроки. Полковой 120-миллиметровый миномет образца 1943 года был принят на вооружение Советской Армии. В начале 1944 года в Кремле председатель Президиума Верховного совета РСФСР Н.М. Шверник вручил А. А. Котову орден Ленина за создание нового миномета.

После окончания войны гроссмейстер Котов вновь вернулся к шахматам. В марте 1946 года на турнире в голландском Гронингене он одерживает победы над сильнейшими шахма-

тистами: пятым чемпионом мира Максом Эйве и будущим шестым чемпионом Михаилом Ботвинником. Расстроенный Эйве назвал Котова «убийцей гигантов».

В 1950 году в числе первых 27 человек в мире он получает звание «международный гроссмейстер», в 1951 году становится чемпионом СССР, потом выигрывает межзональный турнир, дающий пропуск в турнир претендентов. В турнирах претендентов на матч за титул чемпиона мира Котов участвует дважды, но оба раза неудачно.

Осознавая, что высших шахматных результатов ему не достичь, Александр Александрович углубляется в разработку шахматной теории. В 1951 году он пишет ставшую впоследствии классической книгу «Советская шахматная школа», а два года спустя выходит первый том фундаментального исследования «Шахматное наследие Алехина».

Эта книга выходит большим тиражом и приносит своему автору ощутимый гонорар. Нужно сказать, что шахматист Котов становится очень популярным в кругу советской интеллигенции: писателей, актеров, музыкантов. Он очень остроумный, знающий, тактичный, умеет себя достойно вести в любой обстановке, у него множество друзей и знакомых. Он быстро превращается в того, кого называют «светским человеком». Както в начале 1956 года сидели за преферансом у Иосифа Прута, с которым он дружил несмотря на разницу в возрасте, и вдруг Иосиф Леонидович безапелляционно заявил:

— Саша, нечего на деньгах сидеть. Купи что-нибудь стоящее, ну хотя бы дачный участок.

Прут, как помнит читатель, в тот момент был первым Председателем ДСК «Советский писатель».

В тот вечер Котов выиграл, причем выиграл вдвойне: в карты и в жизни. Прут со свойственной ему решительностью устроил своему другу один из лучших участков в Красной Пахре, помог со вступлением в члены кооператива, хотя шахматист в то время еще не был членом Союза писателей. Александр Александрович купил участок Владимира Рудного, который был членом кооператива с его первого дня.

Начались для гроссмейстера страдные дни строительства. Он нанял прораба, чтобы меньше тратить времени непосредственно на стройку. Это, естественно, обернулось дополнительными расходами. В каждый приезд Котова на участок его прораб с выраженным ивановским «яканьем» говорил:

– Мя-ялку ба, Алексаныч.

Почему-то мел у него уходил особенно быстро. Котов ругался, но денег на следующую порцию стройматериалов давал.

В первое время, когда жители поселка узнали, кто будет их соседом, к международному гроссмейстеру потянулась цепочка желающих помериться с ним шахматными силами писателей. Котов раздражался, спрашивал их:

– А если бы я был мастером спорта по боксу, вы бы тоже хотели со мной сразиться?

Писатели застенчиво улыбались, но настаивали по-соседски: интересно же узнать силу гроссмейстера. Александр Александрович ворчал, но уступал, за десять минут разбивая очередного противника. Он даже практиковал метод игры вслепую. Котов выходил на лужайку перед дачей и играл там с кем-нибудь в бадминтон. В это время очередной претендент сидел за шахматной доской, обхватив голову руками. Вокруг него неизменно стояло и сидело несколько болельщиков. Они вместе искали сильнейший ход. Пока Котов прыгал и нагибался за воланом, ход наконец с чьей-то подсказки был найден и устно передан гроссмейстеру громким криком.

– Кто же предложил такое чудесное продолжение? – интересовался шахматист между двумя подачами волана.

– Это я, я, – гордо кричал автор предложенного хода.

– Тогда вам мат в три хода, – отбивал Котов очередной волан.

Самодельные шахматисты анализировали положение и минут через десять убеждались, что гроссмейстер прав. Автор хода был готов сгореть со стыда. Однако, вопиющая разница в шахматных силах не оказывала на них отрезвляющего действия. Они приходили снова и снова. В итоге Котов не выдержал:

– С сегодняшнего дня играем на деньги.

– То есть как это?

– Каждый, кто хочет со мной сразиться, делает на кон ставку, ну хотя бы десять рублей. Я тоже ставлю червонец. Победитель забирает все.

При средней тогдашней зарплате в сто рублей с десяткой было расставаться жалко, и поток желающих проверить свою шахматную мощь быстро иссяк.

Женат Котов был дважды. От первой жены у него были два сына. После развода они остались с матерью. Старший – Дима – закончил Нижегородскую консерваторию, работал в Боль-

ном театре концертмейстером, с юных лет был вполне самостоятельным. Второй — Володя — учился в лесной школе. После смерти его матери Александр Александрович забрал Володю к себе.

Вторая жена — Лена — также сделала свой вклад в общую семью — сына Сашу от первого брака, который был всего на полгода старше Володи. Взаимоотношения сводных братьев складывались по-разному. То они дружно занимались каким-либо строительством: шалашами из елового лапника, навесом на деревьях, землянкой в углу участка или техническими поделками, например, пушкой на колесном ходу, стреляющей стрелами, мотоцикла, сделанного из старого самоката, то ссорились вусмерть. Иногда дело доходило до драк. Став постарше, они вместе организовали рок-группу: Володя играл на гитаре, пел и сочинял музыку, Александр стучал на барабанах и писал слова к песням. Все же общего у них было больше. Летом вместе играли в футбол против ребят из ближайших лагерей, зимой на участке заливали небольшой каток, катались на коньках и играли в хоккей.

Летом жизнь на даче начиналась рано. Александр Александрович успевал погулять по аллеям поселка еще до того, как все остальные поднимались с постелей. В девять он уже шел на пляж на берег Десны. Жарко еще не было, народу было совсем мало, на пляже он был один или с кем-нибудь из сыновей. Плавал Котов неплохо, но без всякого стиля, саженками. Потом возвращался домой, с аппетитом завтракал творогом, приготовленным дома из кефира, и садился работать.

В его кабинете на втором этаже стояла старинная, но очень громоздкая мебель: книжный шкаф и массивный стол. Чтобы втащить наверх, пришлось его полностью разбирать. Александр Александрович всем рассказывал легенду, что у него стол Шиллера, скорее всего, сам в это верил, хотя такого не могло быть в принципе. На столе размещалась немецкая портативная пишущая машинка «Адлер», на которой Котов довольно быстро печатал двумя пальцами. Ручкой почти никогда не писал, только правил отпечатанное.

Когда уставал от работы, либо шел гулять, либо играл перед домом в бадминтон, по-настоящему, через сетку с резкими ударами и острыми подачами. В юности он вполне прилично играл в теннис, поэтому освоить игру с воланчиком для него труда не представляло.

Вечером наступало время преферанса. Компания собиралась у кого-нибудь из партнеров, сыпались шутки и карточные «мудрости» типа «не с чего ходить, ходи с бубей».

Дом Котова был хлебосольным, открытым для друзей и знакомых. Частенько устраивались большие «приемы», приходили соседи, друзья, приезжали гости из Москвы. Очень часто бывали известные футболисты, уже не выходящие на поле по возрасту, но ставшие тренерами или футбольными функционерами: Константин Бесков, Андрей Старостин, Анатолий Башашкин, Владимир Федотов. Сыновья Котова просили знаменитостей пробить им пенальти, становились в ворота. Подвыпившие футболисты били не всегда точно, да и жалели маленьких оппонентов, что давало тем повод похвастаться, мол, взял пенальти от самого Бескова.

Обязательно широко отмечали день рождения гроссмейстера — 12 августа. Со всей дачи стаскивались столы в большую комнату, с помощью подложенных под ножки книг выравнивались по высоте и накрывались длинными белыми скатертями. Народу приходило человек тридцать. Хозяйки у Котова были замечательными кулинарами, на столе появлялись изысканные блюда, сделанные с большой выдумкой и мастерством. Например, студень заливали в пустые скорлупки от яиц, он застывал, после чего скорлупки разбивались и получалось блюдо «гресущиеся яйца». Неизменно на столе были трудоемкие блюда из еврейской кухни, например, фаршированная рыба. Апофеозом стола был сладкий торт, обычно «наполеон» с вкуснейшим заварным кремом, который варили под чутким руководством тещи Генриетты Давыдовны. Слава о Котовских застольях распространилась по всему поселку, соседи мечтали быть приглашенными на празднество.

Зимой на даче обычно не жили, но регулярно приезжали в субботу или в воскресенье покататься на лыжах. Котов отлично бегал на лыжах, сопровождали его сыновья, собака Дружок, реже жена. Делали в довольно быстром темпе хороший кружок по лесу, километров на пять-семь. Потом в доме пили чай и ели бутерброды, отдыхали и грелись.

Лена привезла на дачу не только сына, но и родителей: Макса Михайловича и Генриетту Давыдовну. Жили они во времянке, старались Александра Александровича и свою дочку не стеснять. Макс Михайлович очень быстро стал популярной в поселке личностью. У него был собственный автомобиль

«Победа», а, главное, он часто ездил в Москву даже в летний период: он заведовал кафедрой в одном из московских институтов. Взять с собой попутчиков в столицу никогда не отказывал. Правда, предупреждал, что едет к определенному часу, на лекцию, ждать не может. По этому поводу у него периодически возникали конфликты с соседями. Однажды Владимир Михайлович Крепс попросил Макса Михайловича взять его с собой в город.

– Конечно, Владимир Михайлович, но прошу вас, не опаздывайте, у меня лекция в одиннадцать пятнадцать.

Владимир Михайлович жил в своем ритме. Просыпался он поздно, собирался долго, одевался тщательно и очень тепло вне зависимости от времени года. Владимир Михайлович надевал на себя шарф и берет, даже если открывал дверцу холодильника. Более того, сандалии Крепс не любил, утверждая, что ветром ему продувает ноги через отверстия в этих самых сандалиях.

Макс Михайлович подъехал к калитке Крепса точно в назначенное время, подождал пять минут, того не было. Погудел в клаксон. Вышла жена Крепса Людмила Александровна. Ей он постарался объяснить, что опаздывает на лекцию. Та ушла поторопить своего супруга. Когда опоздание превысило пятнадцать минут, Макс Михайлович уехал. Был скандал. Крепса ждали в какой-то редакции. Два дня с тестем Котова обиженная семья не разговаривала. На третий день Людмила Александровна робко поинтересовалась у Лены, не собирается ли ее папа в город.

– Да, завтра едет, но прошу вас, не опаздывайте.

На следующий день за пятнадцать минут до назначенного времени чета Крепсов уже сидела на скамеечке перед своей калиткой и дружно ждала «Победу» Макса Михайловича.

Тесть Котова не представлял себе жизни без радио. Оно звучало у него круглосуточно: когда он работал, когда ел, когда спал. На терраске времянки у него стоял громадный довоенный приемник немецкой фирмы «Телефункен», попавший в Советский Союз в качестве трофея. Даже ночью «Телефункен» не замолкал, Макс Михайлович утверждал, что так он укрепляет свои синапсы. Для тех, кто не знает, синапс – это зона контактов между двумя нейронами, обеспечивающих передачу сигналов между ними. Синапсы у тестя были в полном порядке. Расстраивало его только одно: когда он гулял по поселку, то от

радио был напрочь оторван. Проблему решил Котов, привезя из очередной заграничной командировки последнее чудо техники — транзисторный приемник «Сони». Это был праздник души для Макса Михайловича: он таскал приемник с собой на все прогулки. Вскоре важность японца многократно возросла. Ночью во время грозы молния ударила в антенну немецкого ветерана «Телефункена», отчего тот загорелся, начался легкий пожар. Макс Михайлович, который спал около своего друга, смог его потушить, однако, ущерб был слишком велик: восстановлению приемник не подлежал. Его обугленные останки были выброшены на помойку, а маленький «Сони» стал сопровождать Макса Михайловича круглосуточно.

На участке у Котова жил потрясающий пес, дворняга, по кличке Дружок. Он был любимцем всего поселка, на сто процентов оправдывая свою кличку. Размера он был среднего, лохматый, с юбочкой на задних лапах, что позволяло заподозрить наличие среди его предков сибирских лаек. Черно-рыже-серый окрас тоже не сильно выделял его из числа других дворняг. Но Дружок умел улыбаться. Когда он встречал хозяина или любого другого человека, который был ему мало-мальски симпатичен, он вилял хвостом, изгибался всем телом, а, главное, на его морде поднималась верхняя губа, обнажая довольно солидный зубной аппарат. По незнанию его можно было и испугаться, но взгляд добрейших карих глаз тут же отменял всякие опасения. Так он щерился, пока встречный не гладил его по загривку или не давал чего-нибудь вкусенького. Больше всего Дружок любил ходить со своим хозяином в лес, в особенности зимой. Котов довольно прилично бегал на лыжах, а Дружок бежал перед ним по лыжне, лишь изредка останавливаясь, чтобы выгрызть налипший на лапах снег. Когда он уставал, то переходил на вторую позицию за лыжником, но неизменно терпел до конца прогулки. Придя домой, Дружок получал порцию теплой еды, которую съедал аккуратно, не слишком торопясь. Псом он был до крайности деликатным. Если его звали войти в дачу, он разрывался между желанием выполнить приказ и убежденностью, что в доме собаке не место. Он стучал когтями по дощатому полу, вилял хвостом и всячески унижался, как бы говоря:

— Я не виноват, я вошел в дом против своей воли.

В любую погоду, кроме самых лютых морозов, когда его пускали-таки в дачу, Дружок жил в будке.

При всей своей деликатности и доброте Дружок мог насмерть

биться за хозяина или за свой участок. Когда тесть Котова приехал на дачу свою крупную немецкую овчарку Джульбарса, так как после размена большой квартиры его просто негде было в Москве держать, Дружок с хода вцепился тому в морду. Их с шумом растащили. В итоге, овчарку пришлось отдать знакомому рабочему, жившему в соседней деревне, иначе день начинался с собачьей драки.

Когда Дружку пришло время умирать, он и тут решил не утруждать хозяев: ушел на соседний участок и в уголке умер. Там его и похоронили с согласия соседей.

Видимо, атмосфера поселка Красная Пахра влияла на его жителей, даже далеких от литературной стези. Шахматист Котов начинает пробовать свои силы в художественной прозе. На рубеже 50-х и 60-х годов он публикует два сборника рассказов «Записки шахматиста» и «Похищение Прозерпины». Эти произведения, скорее, воспоминания автора, связанные с его шахматной жизнью. Они с интересом принимаются читателями, что позволяет Александру Александровичу решиться на написание центрального произведения своей жизни романа «Белые и черные». Это уже настоящая художественная литература. В центре романа образ и драматическая судьба выдающегося шахматиста, четвертого чемпиона мира Александра Алехина. Доскональное знание психологии шахматиста позволило Котову написать очень достоверное произведение о его гениальном соотечественнике. В центре романа выведен шахматный герой, придуманы где-то забавные, а где-то гнетущие истории его игры с шахматистами-любителями, сеанса одновременной игры вслепую с немецкими офицерами-оккупантами, матчей с великим кубинцем Раулем Капабланкой и голландцем Максом Эйве. Роман вышел в 1965 году и пользовался громадной популярностью, в магазинах было невозможно его купить. Житель поселка писателей стал полноправным членом писательского сообщества. Но на достигнутом успехе Котов не остановился, за романом последовали новые сборники рассказов.

По мотивам романа «Белые и черные» Александр Александрович пишет одноименную пьесу. Пройдя по всем необходимым инстанциям, пьеса получает право на жизнь, планируется ее постановка в одном из самых уважаемых театров Москвы – Театре имени Вахтангова. Начинаются репетиции. За постановку берется молодой режиссер Сергей Кантур, который

теперь работает директором знаменитого театра. На центральную роль Александра Алехина назначается великий актер Николай Гриценко. Котова захватывает суэта театральной постановки. Он бывает на репетициях, режиссер и ведущие актеры частые гости в его доме, на даче. Как-то Гриценко приезжает на дачу в Красную Пахру с целым цыганским ансамблем. Веселье длится всю ночь: песни, пляски, игра на гитаре, вино и водка льются рекой. Поселок на своем веку повидал многое, но цыгане до сих пор в нем не выступали.

Кому первому в голову пришла эта идея, сейчас установить уже невозможно. Кто-то в театре сказал: «А хорошо бы съездить во Францию по алехинским местам. Мы тогда лучше прониклись бы мыслями и настроениями героев». Идея была неплохой. Котов и руководство театра обратились в Минкульт и неожиданно получили добро на эту поездку. Были выделены деньги, оплачены гостиницы, на руки выданы суточные — по тридцать долларов на брата. Самолет Аэрофлота «Москва-Париж», и наша делегация в капиталистической сказке. Красавца Гриценко домогаются все проститутки, которых удалось встретить нашим посланцам мира. Тот интересуется у коллег, сколько же может стоить это удовольствие. Услышав цену и подсчитав остатки наличности, Николай Олимпиевич отказывается от заманчивой идеи. Когда наша делегация посещает кладбище Пер-Лашез, где похоронен четвертый чемпион мира, удивленные артисты вдруг видят Александра Александровича, который несет грандиозный букет, стоимостью явно превышающий суточные рядового члена делегации.

— Александр Александрович, как же вы так? Все деньги на букет потратили.

Котов спокойно возложил цветы на памятник Алехину, аккуратно их поправил, повернулся к актерам и сказал:

— Этот человек принес мне так много денег, что это самое малое, что я могу для него сделать.

Поездка прошла очень хорошо, в те годы советскому человеку не слишком часто удавалось пройтись по набережным Сены и посетить казино Монте-Карло. Все вернулись очень довольными. Однако спектакль по пьесе «Белые и черные» в Вахтанговском так и не был поставлен. Через несколько лет его поставили в Театре имени Н.В. Гоголя. В роли Алехина был занят фактурный Леонид Кулагин, который в советском кинематографе играл исключительно белогвардейских офицеров.

В гости к Котову на дачу в Красную Пахру приезжали выдающиеся шахматисты. Прежде всего, Гидеон Штальберг, гроссмейстер из Швеции. До войны он был одним из немногих реальных претендентов на шахматную корону. Он выигрывал матчи у легендарных гроссмейстеров Шпильмана и Нимцовича, в его активе ничейные партии с Капабланкой, Алехиным, Ботвинником, победы над Эммануилом Ласкером. В последние годы жизни международный арбитр Гидеон Штальберг был главным судьей пяти матчей за звание чемпиона мира с участием Михаила Ботвинника. С Котовым Штальберг дружил, очень любил бифштексы из вырезки, что жарила ему жена Котова Елена.

Вместе со Штальбергом приезжал на дачу и другой известный шахматист англичанин Гарри Голомбек. Он был судьей на многих матчах за мировое шахматное первенство. Он успел сыграть еще в довоенных турнирах, в Монтевидео в 1939 году занял второе место, уступив только Алехину. С Котовым его связывало и то, что Гарри был шахматным литератором, главным редактором журнала «Бритиш чесс мэгезин», автором свыше 30 шахматных книг, в том числе и «Шахматной энциклопедии».

Александр Котов как бы открыл путь в поселок Красная Пахра и другим шахматистам. Андре Арнольдович Лилиенталь по рекомендации Котова несколько лет снимал в поселке временку. Лилиенталь родился в Будапеште, рано увлекся шахматами, вошел в историю феерической победой над Капабланкой с жертвой ферзя в одном из шахматных турниров. В Париже молодой Лилиенталь выигрывает товарищеский матч из четырех партий у самого Александра Алехина. Удивленный чемпион мира предлагает продолжать игру, но Лилиенталь уклоняется от такой возможности, сохранив перевес над самим Алехиным. В 1939 году он принимает советское гражданство, а в 1940 году становится чемпионом СССР. Андре был замечательным тренером, помогал Тиграну Петросяну и Василию Смыслову. В шахматах его выдающиеся победы соседствуют с необъяснимыми поражениями, играл он неровно.

Интересно, что Андре за время жизни в Советском Союзе успел почти полностью забыть венгерский язык, при этом не выучив русского. Чего стоят его обращения к Котову:

– Котик, как по-русски будут петушиной матери щеночки?
А, чиплята!

После прогулки по лесу:

— Я зацепился за какую-то сучку.

Это означало «зацепился за сучок».

Андре обладал детской наивностью и исключительной доброжелательностью. У него была очень импозантная внешность: правильные черты лица, голубые глаза и черные, чуть тронутые сединой волосы, которые он расчесывал на прямой пробор в виде двух крылышек. Женщины его очень любили, но любые попытки пофлиртовать пресекала его жена Евгения, на которой он женился в первый же год пребывания в СССР.

Неоднократно приезжает в Пахру в гости к Котову и великий Михаил Ботвинник. Он стал одним из первых в СССР обладателей автомобиля «Мерседес». Это было престижно, «богато», но очень хлопотно. Ни сервиса, ни запчастей к нему тогда не было. Ботвинник обращался к своим знакомым, выезжающим за границу, с просьбой привезти какие-нибудь запасные части, благо его коллеги часто бывали за рубежом. Котову выпало «счастье» взять чемпиону глушитель. Деталь была объемная и тяжелая. Александр Александрович ворчал, но Ботвиннику отказать не мог.

Котов был назначен начальником советской делегации, когда гроссмейстер Марк Тайманов встречался в очередном чемпионском цикле с молодым и тогда еще неизвестным Робертом Фишером. Это потом станет ясной реальная сила американского гроссмейстера: он обойдет всех претендентов и станет чемпионом мира, а тогда он еще был загадкой. И вот эта загадка выигрывает у сильного шахматиста Тайманова со счетом 6:0. Владимир Михайлович Крепс, сосед по даче построенного Котова, не преминул сказать:

— Я мог бы достичь такого же результата, даже давая Фишеру ладью вперед.

Прослышав о замечательном, живописном и тихом месте неподалеку от Москвы, чемпион мира Борис Спасский вместе со своим тренером гроссмейстером Игорем Бондаревским выбрали Красную Пахру в качестве базы для подготовки к матчу за мировую корону с Робертом Фишером. Жили они в отдельном домике на территории Дома отдыха Минспецмонтажстроя прямо у выхода из поселка по Восточной аллее. Два домика в этом месте под шумок построили председатель колхоза имени Тимирязева и его заместитель. Нарушение было вовремя выявлено и пресечено. Так оба домика оказались в ведении Дома отдыха.

Бондаревский приходил на дачу к Котову каждый день. Он появлялся с утра в спортивных штанах «трениках» и голубой майке с лямками. Лейтмотивом его бесед были жалобы на Бориса Спасского. Тот был очень разносторонним спортсменом: прекрасно играл в теннис, прыгал в высоту на два метра, бегал, плавал. В списке видов спорта, которыми он увлекался, шахматы были на последнем месте, несмотря на то что именно в них он достиг наибольших успехов и мировой известности. В Доме отдыха в летнее время к его услугам были и пляж, и теннисный корт, и лесные дорожки. Борис Васильевич каждый день бегал, плавал, играл, вот только на шахматы времени оставалось мало. Это и огорчало его наставника, которого Спасский ласково звал «фатером». Конечно, отличная физическая форма помогает в битве за мировую шахматную корону, но не более, чем глубокая теоретическая подготовка, домашние заготовки, изучение последних новинок и шахматных партий соперника. Для Бориса Васильевича предстоящий матч должен был стать третьим в его карьере. В первом он уступил чемпиону мира Тиграну Петросяну, второй у него с блеском выиграл, поэтому относился к третьему матчу немного легкомысленно, все время успокаивая взволнованного тренера. Котов разделял опасения Игоря Захаровича. Он лучше, чем кто-либо другой, представлял силу Роберта Фишера.

— Ладно, Казак, попробуем на него повлиять, — успокаивал он несчастного Бондаревского, который действительно был уроженцем хутора вблизи Ростова-на-Дону.

Спасский был приглашен вечером к Котову на дачу на преферанс. Александр Александрович во время игры честно пытался урезонить легкомысленного чемпиона мира, но добился только того, что тот стал приходиться играть в карты каждый день.

Как известно, опасения двух опытных шахматистов полностью оправдались. В 1972 году Борис Спасский с треском проиграл Роберту Фишеру в Рейкьявике. В поселок больше ни Спасский, ни его тренер не приезжали.

Когда в поселок протянули газопровод и надобность в домработницах, постоянно проживающих на дачах, отпала, уволилась Нюра, которая работала у Котовых, следила за хозяйством, поддерживала фруктовые деревья, немногочисленные цветы и огород. Сад, цветники и огород быстро пришли в одичалое состояние, но, самое главное, пришлось искать помощницу

по хозяйству на летний период. В те времена выходила газета частных объявлений, поэтому разместить там свой запрос и телефон было легко. После выхода объявления обрушивался буквально шквал телефонных звонков. Десятки женщин желали в летний период поработать на даче, а заодно и отдохнуть, подышать загородным воздухом. Однако сложность заключалась в том, что фактически покупался «кот в мешке», без рекомендаций и отзывов знакомых. Буквально за несколько лет на даче Котова сменилось около десятка таких «помощниц». Были они разными, как внешне, так и по характеру, но объединяла их абсолютная непригодность к работе летней «помощницы по хозяйству». Кого-то очень привлекала работа в огороде, но, к сожалению, в ущерб всей остальной работе по дому, другая постоянно стирала и гладила, но не готовила и не убирала, третья заваривала пачку чая на вечер и поднималась к себе в комнату, где этот чифирь и употребляла, четвертая в отсутствие хозяев напивалась и водила на дачу окрестных строителей и солдат из соседнего гарнизона. Их приходилось выгонять без особого сожаления и искать следующую кандидатуру. Процесс осложнялся тем, что в середине летнего сезона все достойные представители обширного племени домработниц уже были пристроены. И вдруг спасительный звонок.

– Приезжайте на дачу, познакомимся и поговорим.

Когда вся семья сидела за обеденным столом, вошла благообразная женщина средних лет:

– Здравствуйте, меня зовут Дарья Ивановна.

Котов стал представлять членов своей семьи:

– Моя жена Лена, мой тесть Макс Михайлович, моя теща Генриетта Давыдовна, мой...

Будущая домашняя работница не выдержала и перебила гроссмейстера:

– Тогда я – Даша Израильевна.

Даша Израильевна потом еще несколько лет работала на даче в летний сезон, а иногда даже приходила помогать Котовым по хозяйству в Москве.

В последние годы Котов прославился как замечательный популяризатор шахмат. Он вел на телевидении цикл передач «Шахматная школа», где очень просто и доходчиво раскрывал перед телезрителями таинства шахматной игры. Сейчас многие сетуют, что шахматы утратили былую популярность в силу того, что их трудно сделать понятными, привлекательными-

ми для широких масс, что этот вид спорта «не телегеничен», что это удел нескольких десятков странноватых людей. Пусть посмотрят телепередачи Котова, убедятся, что их позиция не только ошибочная, но и безграмотная. В начале 1970-х Александр Александрович комментировал на телеэкране десятки шахматных партий. Это было время взлета гениального Роберта Фишера, который последовательно разгромил сильнейших советских и зарубежных гроссмейстеров – Марка Тайманова, Бента Ларсена, Тиграна Петросяна и, наконец, чемпиона мира Бориса Спасского. Именно через квалифицированный комментарий Котова советские болельщики смогли постичь гениальность американского шахматиста.

Александр Александрович написал также несколько книжек, которые до сих пор являются учебным пособием всех сильных шахматистов, желающих повысить свою квалификацию. «Тайны мышления шахматиста», «Как стать гроссмейстером» переведены на десятки языков и изданы практически во всех основных европейских странах под более выигрышными названиями «Думай, как гроссмейстер» и «Играй, как гроссмейстер».

В 1980 году на экраны страны вышел художественный фильм «Белый снег России» режиссера Юрия Вышинского по сценарию Александра Котова. В фильме подобрался великолепный актерский ансамбль: Александр Михайлов в роли Алехина, Владимир Самойлов в роли Куприна, Юрий Каюров, Наталия Гундарева, Борис Галкин, Всеволод Якут и многие другие популярные артисты.

Было это незадолго до смерти Александра Котова – он умер в январе 1981 года. В прощальной статье, посвященной своему коллеге, самый знаменитый шахматист Советского Союза Михаил Ботвинник написал, что «в своей жизни Александр Котов успел многое, и шахматный мир его не забудет». Это же относится к мирам литературному, театральному, кинематографическому и даже военному.

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ (1915–1990)

Большинство советских поэтов-песенников дали бы многое, чтобы остаться в истории просто как поэты. Правда, есть счастливые исключения, к которым относится и Михаил Матусовский, чьи слова ко многим песням стали фактически народными.

Миша Матусовский родился в городе Луганске в 1915 году. Его отец Лев Моисеевич был самым известным в городе фотографом, его дом с мастерской помещался в центре Луганска на Петербургской улице, которая потом стала Ленинской. Популярность Льва Моисеевича в городе была столь велика, что даже когда песни на слова Михаила Львовича запела вся страна, для луганчан Михаил остался только сыном самого известного в городе фотографа. Потом сын оставил о работе отца следующие строки:

Отец снимал худых девиц,
В интимной позе светских львиц,
И много плоских, как стена,
И улыбающихся лиц.

Еще в школе Миша начал сочинять стихи. Его первое стихотворение «Велопробег» опубликовала газета «Луганская правда», когда мальчику еще не было двенадцати лет. Первой заметила талант ученика его учительница русского языка и литературы Мария Семеновна Тодорова. Она всячески поддерживала в нем стремление к сочинительству, за что Матусовский остался ей благодарен на всю жизнь и посвятил ей песню «Школьный вальс» на музыку Исаака Дунаевского.

Несмотря на явные способности к литературе, после седьмого класса Миша под давлением матери поступил в техникум гражданского и промышленного строительства, чтобы «иметь в руках ремесло». Это тоже было непросто: еврею и сыну «лишняка», то есть лишнего избирательного права как обладателя собственного дела, советская власть не спешила дать образование. Помогло же Мише поступить в техникум то же самое, что и мешало: популярность отца. Советские и партийные руководители частенько приходили к тому фотографироваться и приводили для этой же цели своих домочадцев, жен и любовниц.

После окончания техникума Миша успел поработать на стройках Донбасса, в шахтах, поступил на завод. Казалось бы, сочинительство навсегда отодвинуто в сторону. Но, говорят, что талант себе дорогу пробьет. Так и случилось. Писать стихи он не бросил, а когда в Луганск с выступлением приехали два молодых поэта из Москвы Евгений Долматовский и Ярослав Смеляков, Миша набрался храбрости и принес им тетрадку со своими стихами. Те почитали и сразу же поставили диагноз: «Талант есть. Нужно ехать в Москву поступать в Литературный институт». На этот раз Матусовский никого из родных не слушал, уволился с завода и оказался в Москве, где у него никого из знакомых не было. Зато они появились после успешного поступления в 1935 году в Литературный институт в поэтический семинар Павла Антокольского.

На курс старше него учились Константин Симонов и Маргарита Алигер, которые и стали его друзьями на всю жизнь. На втором курсе Матусовский со своим однокурсником Яном Сажиным написали для институтского вечера самодеятельности песню «Сиреневый туман», ее исполнили с большим успехом и надолго забыли о ней. Но, как оказалось, песня зажила собственной жизнью: ее пели за праздничными столами, у туристических костров, во дворах московских домов. Жена Михаила Львовича Евгения Акимовна вспоминает, что их дочка Ира, которая училась в медицинском институте, как-то пришла домой и напела песню, которая была очень популярна на их курсе. Михаил Львович, совершенно пораженный, воскликнул: «Боже мой, это же моя песня. Я совершенно забыл, что мы с Яном ее сочинили». Второе рождение песне дал певец Владимир Маркин, он был уверен, что ее слова и музыка народные... Восстановить авторство Матусовскому было очень трудно. Но

Маргарита Алигер и все его однокурсники, оставшиеся в живых, вспомнили, как Михаил Львович ее писал. Так что сейчас справедливость восстановлена.

На летние каникулы к себе в Луганск Матусовский частенько приглашал Константина Симонова. Симонов признавался потом, что ему было интересно побывать на родине друга, откуда тому в течение учебного года приходили полные лакомств посылки. Костя отдавал этим яствам должное и шутил, что это не в Греции, а в Луганске все есть. Когда молодые московские поэты приезжали в Луганск в клетчатых куртках и кепках, за ними бежали местные мальчишки, принимая их за иностранцев. Симонов уже тогда славился колоссальным трудолюбием, работал с утра и до вечера, а Матусовский, приезжая домой, расслаблялся, подолгу работать ленился. Симонов нашел выход: он запирал в комнате Мишу, говоря, что выпустит его только тогда, когда тот просунет под дверь сочиненное стихотворение. Матусовский выполнял задание, тогда Костя открывал дверь, и Мишу наконец кормили. А поесть тот любил всегда, спортивной фигурой похвастаться не мог. Жесткое воспитание Симонова принесло свои плоды. Друзья в 1939 году опубликовали сборник стихотворений и прозы «Луганчане».

Сразу же после окончания института в 1939 году Матусовского принимают в члены Союза писателей, и он поступает в аспирантуру Московского историко-философско-литературного института имени Чернышевского (МИФЛИ). Он специализируется на древнерусской литературе под руководством профессора Николая Гудзия. Уже в то время проявляется необыкновенная скрупулезность Михаила в работе с текстами. Матусовский пишет диссертацию менее чем за три года, защита назначается на 27 июня 1941 года, но на пять дней раньше начинается война, и Михаил Львович уходит на фронт, вооруженный удостоверением военного корреспондента. Николай Калининлович добивается защиты диссертации без присутствия соискателя, и Матусовский, находившийся на фронте, получает телеграмму о присвоении ему степени кандидата филологических наук. На фронте Михаилу Львовичу приходилось трудно. Сложно было найти другого такого невоенного человека, как Михаил Львович. По его собственным словам: «Я пошел во фронтовую редакцию, не имея еще никакого опыта военного газетчика и корреспондента. В лесу под Смоленском пришлось учиться писать все, что требовал очередной номер фронтовой газеты:

стих и подпись под карикатуру на карлика Геббельса, очерк и газетную «шапку», призыв и простую информацию размером в несколько строк». Кроме того, поэт страдал сильной близорукостью, излишним весом и всяким отсутствием военной дисциплины. Возможно, это и стало причиной того, что в конце 1941 года у города Духовщина его подстрелили немецкие автоматчики. Его спутник, тоже корреспондент фронтовой газеты, стал звать санитара. Тот пополз к раненому, но его убили прямо на глазах Михаила Львовича. Поэта вытащил из-под огня другой санитар, но этот случай остался в памяти Матусовского на всю жизнь, отразился в его заметках в газетах «Красноармейская правда», «Фронтовая правда», «За Родину» и во всех его фронтовых стихотворениях и песнях. Война для него явилась главным событием в жизни. Большинство его стихотворений именно о ней. «И опять о войне, о войне, о другом пусть напишут другие».

Во время войны Михаил Львович познакомился и со своей будущей женой Женей. Познакомил их редактор газеты «За Родину» Николай Кружков, когда поэт приехал с фронта в Москву на четыре дня. Этих дней хватило, чтобы молодые люди влюбились друг в друга настолько, что Миша без конца начал звонить Жене с фронта. Его командир не выдержал: «Этот майор, который работает в газете «За Родину», все время звонит своей любимой. Пусть она приезжает на фронт, и они освободят телефон».

Во время войны вышли сборники стихов Матусовского «Фронт» и «Когда шумит Ильмень-озеро». А первая песня на его слова и музыку Марка Фрадкина «Вернулся я на родину» прозвучала со сцены и по радио сразу по окончании войны.

1950-е годы — звездные годы Михаила Львовича. Он работает очень плодотворно, в основном с Марком Фрадкиным и Исааком Дунаевским, создает такие замечательные песни, как «Летите, голуби», «Марш юннатов», «Вечер вальса» и многие другие. Матусовский пишет слова для песен, звучащих в популярных кинофильмах: «Верные друзья», «Запасной игрок», «Испытание верности», «Неподдающиеся».

В 1957 году он пишет песню для документального фильма «Ко дню Спартакиады» на музыку Василия Соловьева-Седого. Песня называется «Подмосковные вечера». Приемная комиссия чуть не отклонила их сочинение, услышав в нем «буржуазные мотивы». По счастью, чиновники решили, что песня

эта проходящая, да и прозвучит в документальном фильме, поэтому в итоге дали разрешение. Остается только удивляться беспросветной некомпетентности тех, кто управлял культурой в Советском Союзе. Песня стала в один ряд с «Катюшей» Исаковского и Блантера, служила и служит музыкальной «визитной карточкой» России. Эльдар Рязанов, близко знавший поэта, сказал: «Даже если бы Матусовский написал текст только одной песни «Подмосковные вечера», то ему еще при жизни можно было памятник ставить».

А он написал далеко не одну-единственную песню. Даже простое перечисление песен, слова которых сочинены Матусовским, вызывает невольный трепет и уважение: «С чего начинается Родина», «Вологда», «На безымянной высоте», «Крейсер “Аврора”», «Баллада о солдате», «Московские окна», «Старый клен», «Ну почему ко мне ты равнодушна». Поражает диапазон тем и настроений: от бравурных маршей, героических баллад до тонкой любовной и пейзажной лирики. Взять хотя бы романс из кинофильма «Дни Турбиных» на музыку Вениамина Баснера:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома,
Белой акации гроздьга душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума...

Эти слова навеяны родным Луганском, который каждую весну залит ароматом цветущей акации. Луганском, не раз переходившим от большевиков к Центральной Раде, к немцам и белогвардейцам во время гражданской войны.

В начале 1950-х Матусовский увидел в Центральном доме литераторов объявление о продаже паев в новом дачно-строительном кооперативе «Советский писатель» под Москвой. Семья съездила на разведку, была несколько шокирована природной первозданностью территории, которая напоминала, по воспоминаниям Евгении Акимовны, «медвежий угол», но все же решила строить дачу. На решение не в последнюю очередь повлияло то обстоятельство, что их соседями по Красной Пахре должны были стать давние друзья Михаила Львовича Константи́на Симонов и Павел Антокольский.

Вначале возникла маленькая временянка. На вступительный взнос и на нее ушли все свободные деньги. Под давлением архитектора поселка Остермана Матусовские выбрали проект большой дачи, о чем пожалели почти сразу. Достаточных средств на строительство не было, поэтому оно растянулось на

много лет. Внутреннюю отделку дома семья полностью завершила только к концу 1970-х годов, когда Матусовский получил Государственную премию.

Но не только отсутствие достаточных денежных средств тяготило семью.

Первая дочь Лена родилась в 1945 году, и врачи поставили ей неутешительный диагноз — врожденный порок сердца. Девочка росла очень талантливой, писала стихи, а позже стала признанным специалистом в области американской живописи. Ездил в США на стажировку. Умерла она очень рано, в 32 года, от скоротечного рака легких. Ее сына Георгия, Гошу, Евгения Акимовна и Михаил Львович усыновили.

На даче семья жила подолгу, все лето, но крутлый год приежжали в дни школьных каникул, в праздники и выходные дни. Благо автомобили были. Сначала «Победа», потом «Волга-21», потом черед «Жигулей» с кузовом универсал, разных цветов и моделей, вершиной автомобилизации семьи оказалась «Волга-24». Михаил Львович, верный своему принципу не влезать в технику и в бытовые проблемы, машины не водил. Это с блеском делала его жена Евгения Акимовна. У нее был водительский стаж еще с войны. Матусовский, сидя на переднем сиденье рядом с ней, выглядел очень гордым: его везет персональный шофер.

На участке было примерно такое же разделение труда. Жена возилась в саду, в огороде, обрабатывала фруктовые кустарники и деревья. Яблони на участке плодоносят до сих пор. Михаил Львович держался от этих забот подальше, даже не знал что где растет. Правда, и у него была одна слабость, связанная с участком: он очень любил собирать граблями прошлогоднюю листву, валежник, бумажный мусор в кучки и жечь костерки. Ему нравилось наблюдать, как из сыроватой кучи сначала появлялся плотный желтоватый дымок, а потом вспыхивало пламя, которое постоянно нужно было подпитывать новым горючим материалом, успевай только уходить с подветренной стороны, чтобы не пропахнуть дымом.

Традиционные дачные развлечения Михаил Львович не любил. По грибы не ходил, а когда дочка Лена все-таки его вытаскивала в лес, выглядел совершенно несчастным. О купании в реке вообще речи не шло, но он любил приходить на высокий берег Десны, особенно в сумеречное и вечернее время. Чудные

виды спокойной реки и навеяли знаменитые строки из «Подмосковных вечеров». Очень любил гулять по поселку. Неспешно, опираясь на неизменную палку, непременно с кем-нибудь из интересных собеседников: Орестом Верейским, Эльдаром Рязановым. После ранения в ногу Матусовский привык опираться на палку. Даже когда последствия ранения перестали ощущаться и хромота полностью прошла, привычка осталась. У Михаила Львовича была целая коллекция необыкновенных палок. Он не отдавал предпочтения ни одной из них: неделю гулял с одной, потом с другой, с третьей, возвращался к первой. Палки были уникальные. Их делал и дарил поэту его друг писатель Александр Авдеенко, который жил в Переделкино. Самым известным произведением Авдеенко была повесть «Над Тисой» про коварных шпионов и доблестных пограничников. Войну он успел пройти сначала пулеметчиком, потом военным корреспондентом. На этой почве и подружился с Матусовским. Писатель был подлинным рукоделом, привозил из Коктебеля палки редких пород деревьев, резал, вручную полировал, пропитывал специальными составами против гниения, рассыхания и потери формы. Когда он дарил очередное изделие своему другу, радовались оба.

В Красной Пахре Михаилу Львовичу работалось очень хорошо. Вся семья просыпалась рано, часов в восемь, в начале девятого. Иной раз Матусовский шел к рабочему столу еще до завтрака. Завтрак готовила Елена Акимовна. У нее была масса достоинств, к которым кулинария, к сожалению, не относилась. Однако Михаил Львович на качество еды, как, впрочем, и на другие бытовые проблемы, внимания не обращал абсолютно никакого. Его юношеское увлечение едой в зрелом возрасте сменилось почти полным к ней равнодушием. Тем не менее он оставался полным, грузным, неповоротливым мужчиной.

После завтрака он неизменно шел к себе в кабинет на второй этаж, садился за большой дубовый стол советского производства, прочный, но какой-то угловатый, кондовый, и работал. Его окружали полки с многочисленными книгами и картины его друзей, Верейского и Антокольского. Писал ручкой на маленьких клочках бумаги, эту манеру он усвоил еще во время работы над кандидатской диссертацией. Почерк у него был такой, что разобрать его каракули мог только он сам и самые близкие люди, буквы были похожи на муравьев. Потом свои заметки он перебирал, несколько раз раскладывал,

когда достигнутый порядок его удовлетворял, придвигал к себе пишущую машинку и очень быстро и громко на ней печатал. Работал он двумя пальцами, слепым методом даже не пытался оладеть. Пулеметные очереди машинки раздавались по всей даче. Высокая скорость печати влекла за собой и громадное количество опечаток, поэтому после правки он отдавал свои рукописи перепечатывать набело профессиональной машинистке. Работал Матусовский очень много, мог сидеть за столом буквально до поздней ночи. Он не признавал такого понятия, как вдохновение, смеялся над своими коллегами, долго ожидавшими прихода этого самого вдохновения. Он садился за стол и работал, часто по многу раз переписывал строчки, но писал, писал и писал до тех пор, пока получившееся его ни удовлетворяло.

Своих соавторов-композиторов он приглашал для работы на дачу. К их приезду тщательно готовился. Почти все свои песни он написал для художественных и документальных фильмов. У Матусовского уже после войны было достаточно известное имя, поэтому режиссеры фильмов сами его находили и предлагали написать песню. Он в обязательном порядке требовал сценарий и изучал его самым тщательным образом, пытаясь уловить настроение будущего фильма. Сценарии в жестких переплетках скапливались в его кабинете. Напечатанную через копирку на плохой рыхлой бумаге третью-четвертую копию читать было трудно, но Михаил Львович просматривал их от корки до корки. Когда основная идея приходила ему в голову, он писал черновые наброски и приглашал композитора. Часто на дачу приезжал Вениамин Баснер, его неизменный соавтор последних лет творчества. Начиналась работа. Иной раз Вениамину Ефимовичу приходилось жить в Пахре неделями, пока песня наконец не появлялась на свет. На даче стояло пианино, старое и жутко расстроенное, с западающими клавишами, но Вениамин Ефимович умудрялся извлекать из него правильные звуки. Наигрывал варианты, спорил с Матусовским. Иногда тот шел на изменение ритмического рисунка стихотворения, чтобы слова лучше ложились на рождающуюся мелодию. Когда композитор жил на даче, работа над песней не прерывалась ни на один час. Иногда даже во время еды соавторы обсуждали пришедшие им в головы варианты.

У самого Михаила Львовича был абсолютный слух, что, конечно, помогало ему работать с композиторами. Он даже мог

подобрать мелодию одним пальцем на клавиатуре, но играть никогда не учился и, скорее всего, нотную грамоту не знал. Это при том, что в московской квартире у Матусовских стоял прекрасный концертный рояль немецкого производства, который после его смерти вдова передала в дар музею его имени в Луганске.

Михаил Львович крайне редко писал слова под уже готовую мелодию, под так называемую «рыбу». Такой подход он всячески отрицал и высмеивал. «Писать на “рыбу” — это позор для поэта-песенника», — говорил он. Матусовский только одну или две из своих многочисленных песен написал под готовую мелодию. Он признавал только совместную работу композитора и поэта, но при этом все же утверждал: «Вначале было слово». Песню как поэтический жанр он ставил очень высоко. Вот его характерное мнение о песне: «Я не знаю более массового, доходчивого и доступного для всех поэтического жанра, чем песня. Разве можно подсчитать и учесть тиражи песен, созданных, например, таким замечательным поэтом-песенником, как Михаил Исаковский. Песня помогает людям познакомиться и легко понять друг друга. Песню знают и ценят даже те люди, которые пока еще не приучились читать поэтические сборники. С песней встречает человек самые счастливые и самые трудные минуты. Вот почему большая ответственность ложится на плечи поэта, дающего песне слово».

Михаил Львович откровенно сторонился общественной и руководящей работы. В ДСК «Советский писатель» он ни разу не входил даже в состав Правления. Может быть, сказался его отрицательный опыт работы в издательстве «Советский писатель», где он возглавлял в конце 1940-х годов отдел поэзии. Это была единственная руководящая должность, которую он когда-либо занимал. Выгнали его некрасиво, с треском, во время борьбы с космополитизмом. Потом Матусовского чуть не арестовали, но как-то обошлось. Пожалуй, аполитичность Михаила Львовича препятствовала более широкому признанию государственного его заслуг. Государственную премию СССР он получил лишь однажды, в 1977 году, «за стихи последних лет», к которым относились «Березовый сок», «Крейсер “Аврора”», «Мне вспомнилось снова...»

Михаил Львович был человеком замкнутым, даже малообщительным, в отличие от своей супруги Евгении Акимовны. Та дружила чуть ли не со всем поселком, а Михаил Львович

относился к выбору своих друзей со свойственной ему во всем скрупулезностью. Главным его другом и учителем был Павел Антокольский. Они знали друг друга еще до войны с момента поступления Матусовского в Литературный институт, когда еще никакого поселка и в проекте не было. Оказавшись соседями, они свои добрые отношения еще укрепили. Очень любили вместе гулять по аллеям поселка, обсуждать самые разные темы.

Еще одним близким другом Матусовского был художник Орест Верейский. Тот был человеком очень общительным, доброжелательным, поэтому своим другом его считала добрая половина поселка. С Матусовским его связывали особые отношения. Они были одногодками, оба родились в 1915 году с разницей в один день, Матусовский 23 июля, а Верейский – 24. Дни рождения обычно отмечали вместе то на одной даче, то на другой. Орест Георгиевич даже нарисовал и подарил Матусовскому дружеский шарж: в капусте лежат младенцы, родившиеся в 1915 году: Михаил Львович, сам Верейский, Симонов, уже седой и с трубкой во рту, Маргарита Алигер. С Рязановым Михаил Львович любил гулять по поселку, но, пожалуй, более тесно с ним дружила Евгения Акимовна.

Тесные дружеские и профессиональные отношения связывали Матусовского с Татьяной Аркадьевной Фиш. Она была редактором журнала «Дружба народов», в котором Михаил Львович часто публиковался. Он с ней консультировался по вопросам литературоведения: мог беседовать, встретившись на аллее, а когда установили телефоны, надолго занимал линию. У нее был очень тонкий профессиональный вкус. Матусовский спрашивал ее, правильно ли звучит по-русски какая-нибудь строчка или сочетание слов, хорошо ли это на слух. Она безошибочно говорила ему, можно ли напечатать стихотворение в том или ином виде и что нужно поправить, что в те времена было чрезвычайно важным.

Матусовского связывала давняя дружба с Михаилом Ивановичем Чулаки, жившим в соседнем поселке, композитором и многолетним директором Большого театра. Матусовский обожал цирк, особенно клоунов. Как-то раз, когда Чулаки ему предложил: «Мишенька, пока я на посту, смотри спектакли», Михаил Львович не очень тактично ему ответил: «Если бы ты был директором цирка, я бы к тебе ходил каждый день».

Пожалуй, второй по значимости в жизни Матусовского после темы войны была тема путешествий. Михаил Львович был в

числе тех избранных советских людей, которые могли путешествовать за рубежи нашей благодатной страны еще в советские времена. Он успел объездить полмира. В некрологе на смерть поэта Маргарита Алигер вспомнила следующий случай, когда они с группой советских литераторов отдыхали в Венеции. Матусовский увидел, как американские туристы садятся в гондолу, да и спросил: «Какие песни предпочитает слушать буржуазия?» А гондольер запел «Подмосковные вечера». «Михаил был в полном смятении и сильно смущен». Сам поэт написал в своей автобиографической книге «Семейный альбом»: «Не скрою, мне было приятно встречаться с “Подмосковными вечерами” и на знойных, не остывающих даже к ночи улицах африканских городов, и в трагической Хиросиме, и в гостеприимных домах наших друзей на Филиппинах». На Филиппинах супруги Матусовские были в числе первых советских туристов, принятых президентом Ф. Маркосом. Много внимания уделяла поэту филиппинская пресса, правда, в искаженном, гротескном варианте. Одна из газет писала: «Нам было приятно убедиться, что русские, как и мы, по утрам чистят зубы». Корреспондентка газеты «Манила Таймс» на полном серьезе пыталась Евгению Акимовну: «Играете ли вы и ваши дочери на балалайке?» В Маниле семье поэта пришлось пережить нешуточную опасность — семибалльное землетрясение. Отель, в котором они остановились, раскачивало как былинку. По этому поводу президент Маркос даже пошутил: «Останьтесь еще посмотреть на наши тайфуны, тогда вы станете настоящим филиппинцем».

Удивительным образом в Михаиле Ильиче сочеталось равнодушие к технике, в особенности к бытовой, и интерес к персональным компьютерам, которые тогда только начали появляться. В начале 1980-х годов в Центральном Доме Литераторов была встреча писателей с учеными. Матусовский не только отправился на эту встречу, но и взял с собой внука Гошу, который очень интересовался точными науками: математикой, физикой, химией. Там они и увидели впервые персональные компьютеры, уродливые угловатые «Макинтоши». Ученые продемонстрировали их возможности, что произвело неизгладимое впечатление на деда с внуком. Потом они целый месяц обсуждали между собой возможности и достоинства этой техники. Михаил Львович мечтал, что когда-нибудь будет писать на компьютере. Дело до этого так и не дошло, но Гоше Матусовский компьютер все же привез из Франции. Произошло

это в 1984 году, персональный компьютер был миниатюрным, полуйгрушечным, но на нем можно было писать программы, Гоша был в восторге, а Михаил Львович требовал, чтобы тот делился с ним тонкостями работы на этом чуде техники.

Вот как вспоминает о нем его вдова: «Матусовский был как дитя – очень непрактичный, не умел за себя постоять. И в то же время принципиальный: мог, рискуя, защитить другого человека. Его принцип: “Не прислоняться!” То есть ни у кого из тех, кто занимает высокие посты, не проси помощи – он никогда ни перед кем не пресмыкался...» Он был потрясающим отцом, воспитывал дочерей совершенно ненавязчиво. Например, младшая Ира не очень любила в детстве читать. Михаил Львович применял безошибочный прием: начинал читать книгу вслух и бросал на самом интересном месте. Ей приходилось дочитывать книжку самостоятельно. Смерть старшей дочери Михаил Львович переживал очень тяжело, сник, замкнулся в себе. Они похоронены рядом на Кунцевском кладбище. На их могилах стоит памятник в виде открытой книги. На одной странице написано «Лена Матусовская», на другой – «Михаил Матусовский».

Михаилу Матусовскому установлен памятник в Луганске на Красной площади. Поэт стоит под фонарем у изящной лавочки, словно приглашая присесть на нее и послушать его стихи.

А Красной Пахре Матусовский сам воздвиг памятник. Стихотворный:

День теплый –
Хоть и ночь была холодной.
В испарине оконное стекло.
Варенье
Из рябины черноплодной
Всех местных пчел
К нам в гости привлекло.
Опять не жизнь –
Сплошное разоренье,
И хлопоты
В саду
И во дворе.
Опять на кухне варится варенье
В знак окончанья лета на Пахре.
До поздней ночи
Пламя не потухнет,
На все кладя особую печать.

У этих сладких запахов
На кухне
Есть верный способ
Детство возвращать.
За часом час,
А там и год за годом
Вступает
И уходит в свой черед,
В гексаметрах
Воспетый Гесиодом,
Больших и малых дел
Круговорот.
Все эти краски осени янтарной,
В сухой листве
Тропинки
И пути
Без указания книги кулинарной.

РАСЦВЕТ (1961–1970)

В начале 1960-х довольно резко начал обновляться состав членов кооператива. Требования к новым пайщикам были достаточно жесткими. Во-первых, они должны были входить в Союз писателей СССР, на худой конец, в какой-нибудь родственной Союз: композиторов или художников, во-вторых, их кандидатуры должны были пройти утверждение в Мосжил-имуществе, в-третьих, они должны были быть успешными, состоятельными людьми, чтобы иметь необходимые средства на выкуп пая.

Нужно вспомнить тот свежий ветер, что ворвался в нашу литературу во времена хрущевской оттепели. Появились и сразу стали популярными с десятков талантливых писателей демократических и либеральных взглядов. Их творчество было связано с разоблачением культа личности Сталина, с победой в Великой войне, с появлением новых «сердитых» молодых героев, столь непохожих на своих отцов и дедов. Их книги с интересом читали, а, главное, издавали. В 1962 году в поселок пришли Юрий Бондарев, Владимир Тендряков, спустя два года Александр Твардовский, потом Юрий Трифонов. Это был цвет советской литературы того времени. Самым известным был, конечно, Александр Трифонович Твардовский. Он был не только автором «Василия Теркина», внесшего весомый вклад в общее дело победы над фашизмом, он был главным редактором популярнейшего и наиболее свободомыслящего литературного журнала «Новый мир».

Твардовский возглавлял «Новый мир» дважды. В первый

раз сравнительно недолго, с 1950 по 1954 годы, но успел опубликовать очень сильные и очень вольнолюбивые романы «За правое дело» Василия Гроссмана и «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, за что и поплатился четырехлетним отлучением от журнала. Зато в следующий свой период, совпавший с хрущевской оттепелью, он смог развернуться во всю силу своего таланта писателя и общественного деятеля. Юрий Трифонов и Сергей Залыгин, Владимир Войнович и Чингиз Айтматов вошли в обойму авторов популярного журнала. Вершиной смелости главного редактора стала публикация в 1962 году повести никому тогда не известного Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в которой тот показал лагерную жизнь как самую обыденную, и оттого это произведение воспринималось с особой силой.

Юрий Бондарев пишет в поселке свои наиболее известные произведения. Прекрасные романы начала 1960-х создает в поселке Владимир Тендряков: «Путешествие длиною в век», «Свидание с Нефертити». Григорий Бакланов публикует романы «Мертвые сраму не имут» и «Июль 41 года», в которых он впервые в советской литературе поднял вопрос об ответственности Сталина за провалы в первый период войны. Юрий Трифонов пишет в 1965 году повесть «Отблеск костра» об участии своего отца в кровавых событиях на Дону в период гражданской войны. Такой состав новых членов ДСК «Советский писатель» не мог не отразиться на поселковой жизни. Она была, пожалуй, гораздо вольнолюбивей, чем жизнь в Москве или в стране в целом. Этому очень способствовало появление в поселке в начале 1960-х годов Эльдара Рязанова, талантливого и популярного режиссера, замечательного писателя Юлиана Семенова и в особенности, в 1967 году, чудесного актера и остроумнейшего человека Зиновия Ефимовича Гердта, которого в поселке почти все соседи называли любя просто Зямой.

К началу 1960-х годов назрела необходимость в строительстве хотя бы небольшого домика под контору поселка, где можно было бы разместить управляющего, бухгалтера и специалистов — водопроводчика и электрика. Резервные площади под такое здание в поселке были: юго-западная граница с новой территорией Дома отдыха «Минспецмонтажстроя». Была даже идея совместного строительства и использования здания конторы с этим Домом отдыха. Пока соседи обсуждали эти возможности, свободная территория поселка быстро превра-

тилась в свалку. Руки к этому приложили как писатели, так и строители-монтажники. Переговоры, в конце концов, зашли в тупик, и Правление кооператива решило обойтись собственными силами. Прежде всего, вывезли несколько грузовиков мусора с пограничного участка, расчистили его, привели в порядок и... пожалели отдать такое замечательное место под общественные нужды. На этот участок быстро нашелся претендент, правда, не писатель, но член Союза композиторов СССР Модест Ефимович Табачников. Он был соавтором сразу нескольких уважаемых поэтов, проживающих в поселке, поэтому больших трудностей со вступлением в кооператив у него не возникло. Константин Симонов (песня «Я помню в Вязьме старый дом»), Семен Кирсанов («У Черного моря»), Владимир Дыховичный («Мишка-Одессит») провели соответствующую работу, Табачников был принят в члены кооператива, но проблема с размещением конторы сохранилась.

К счастью, вдова литературоведа Александра Еголина согласилась передать в аренду под контору свою времянку с небольшим земельным участком за 20 тысяч рублей по старым ценам. По меркам сегодняшнего дня такой альтруизм выглядит невероятным, но для населения поселка того периода ничего удивительного в этом не было. Многие жители были готовы пожертвовать своими благами, своей собственностью в пользу кооператива. Например, Константин Симонов, узнав о том, что в поселке нет места под строительство спортивной площадки, предусмотренной первоначальным проектом, предложил выделить под нее часть своего участка. Его поддержал в этом сосед — Чернышев, только что унаследовавший дачу своей матери — писательницы Мариц, также готовый внести свой земельный вклад в благое дело. Правда, из всего этого так ничего и не вышло, но здесь важна идея.

Очень скоро обслуживающий персонал поселка въехал в свое новое пристанище. Временка была совсем убогой, маленькой и не отапливаемой. В ней была одна комната, кухня и прихожая. Зимой находиться в ней было невозможно. И тут снова можно удивляться совершенно необыкновенным товарищеским отношениям в поселке. Дачу Еголиной в 1962 году приобрел Дмитрий Жимерин. В первую же зиму после вступления в кооператив Дмитрий Георгиевич разместил управляющего и бухгалтера поселка на теплой веранде своей дачи. Туда потянулся тонкий ручеек жителей кооператива, которые

старались вести себя очень деликатно, учитывая, что контора временно находилась на частной территории. Следующим летом времянка, отведенная под контору, была утеплена, в ней поставили печку, и администрация съехала из дачи Жимерина.

В конторе да и в поселке в целом была одна крупная беда: телефона для связи с внешним миром там не было. Чтобы позвонить в Москву, нужно было идти за два-три километра на почту в военный городок или на камвольную фабрику и заказывать междугородний разговор.

Однако среди членов кооператива были очень уважаемые люди, а главное, вхожие в высшие инстанции. Правление кооператива быстро сообразило, что единственной реальной возможностью получить для поселка московский телефон общего пользования и несколько номеров для жителей – это пойти на поклон к начальнику гарнизона соседнего военного городка. Срочно была организована группа просителей – Роман Кармен, Константин Симонов, Илья Кремлев, – которую принял начальствующий генерал. Он был польщен, увидев столь высокопоставленную делегацию, сказал, что готов помочь и материалами и специалистами, но требуется разрешение начальника войск связи Минобороны СССР маршала связи А. И. Леонова. Такое разрешение вскоре было получено, и военные связисты протянули кабель от военного городка к поселку. Вначале можно было звонить через коммутатор воинской части, а чуть позже в кооперативе появилось несколько телефонных московских номеров, по тем временам невозможное чудо. Помимо телефона в конторе, чести обладать московским номером добились Семен Кирсанов, Орест Верейский, Дмитрий Кабалевский и еще несколько активных жителей поселка.

В конторе были установлены два параллельных аппарата: в комнатке управляющего и в прихожей, чтобы жители могли звонить в тот период, когда контора уже не работала, то есть по вечерам. Качество соединения оставляло желать лучшего. Нужно было сначала набирать восьмерку, а затем, услышав далекий и слабый гудок, сопровождаемый сильным треском, накручивать нужный московский номер. Когда после нескольких бесплодных попыток связь наконец устанавливалась, было впечатление, что разговор ведется не со столицей нашей родины, что всего в тридцати километрах, а, по крайней мере, с Владивостоком. Кричать в трубку приходилось очень громко, чтобы на том конце провода хотя бы поняли кто говорит. Все,

кто рисковал вечером воспользоваться телефонной связью, оказывались между двух огней: с одной стороны, не хотелось делать свои проблемы достоянием всего поселка, с другой стороны, говорить тихо значило попусту тратить время. Очередь из желающих позвонить выстраивалась довольно длинная, так что в невольных слушателях недостатка не было. Оставалось надеяться, что линии военной связи работали гораздо лучше, иначе закрадывались сомнения в безопасности ракетной обороны вокруг Москвы.

Большие организационно-хозяйственные свершения породили у некоторых жителей поселка переоценку своих возможностей. В 1962 году в который раз возник вопрос о приобретении своего автобуса, чтобы возить творческие личности и их окружение в Москву и обратно. Однако реально мыслящие члены Правления остудили горячие головы. Дело в том, что в поселке уже был грузовик, который пришлось продать из-за полного отсутствия необходимой инфраструктуры: места под стоянку, гаража, смотровой ямы, инструментов, наконец водителя. Автобус могла ждать та же незавидная участь. Потом возник еще один проект, который даже тогда выглядел совершенно нереально: изменить маршрут рейсового автобуса № 231, сделав заезд в поселок «Красная Пахра». Маршрут этот существует по сей день, только его номер изменился на № 531, но никогда за всю свою историю он не заворачивал в поселок.

Приблизительно таким же прожектом была идея строительства в поселке продуктовой палатки. Она возникала на заседаниях Правления не один и не два раза, но всякий раз противники этой идеи приводили столь веские аргументы, что вопрос о ее создании надолго откладывался.

Наряду с невыполнимыми прожектами, в Красной Пахре рождались и вполне здравые идеи. К таким, вне сомнения, нужно отнести планы газификации поселка. В реализации этих планов громадную роль сыграл Дмитрий Жимерин.

Дмитрий Георгиевич Жимерин был крупным советским деятелем, что в итоге и позволило ему стать членом ДСК «Советский писатель», хотя и не без труда. В конце концов, он представил в Правление свои технические труды и статьи, что и перевесило чашу весов в его пользу. Жимерин был при Сталине сначала Наркомом, а потом и Министром электростанций СССР в течение 14 лет. Это был ответственный и заметный пост в Советском государстве. После смерти Сталина пришедший

к власти Никита Сергеевич начал постепенно отодвигать одного из сталинских соратников на вторые роли. Сначала тот стал заместителем Министра своего же министерства, потом заместителем Председателя Госплана СССР, после чего Хрущев все-таки отправил его на пенсию. Правда, пенсионером Дмитрий Георгиевич пробыл недолго. Он вернулся в 1961 году на руководящую работу в качестве начальника отдела Госкомитета Совмина СССР по координации научно-исследовательских работ, потом стал директором Государственного научно-исследовательского энергетического института имени Г. М. Кржижановского, защитил докторскую диссертацию, а вскоре стал и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Нужно сказать, что Жимерин сохранил все свои государственные связи, поэтому он и предложил свою помощь Правлению ДСК «Советский писатель» в организации снабжения поселка природным газом. Красная Пахра стала одним из первых дачных поселков в СССР, подключенных к магистральному газопроводу. Как по мановению волшебной палочки подписывались все разрешительные документы, ставились резолюции на прошениях и визы на проектах.

В 1965 году был завершен проект газификации поселка, и газовая линия была протянута до входа в поселок к пересечению Южной и Центральной аллей. Еще долгие три года заняла прокладка газовых труб по территории поселка и подведение газа до каждой дачи. К 1968 году эти работы были полностью завершены. Это стало не просто новым техническим уровнем в жизни ДСК «Советский писатель», но событием, изменившим и внешний вид поселка, его качество и социальный уклад. Жители избавились от необходимости ежегодно искать тонны угля и от страха его не достать перед очередным осенне-зимним сезоном. Образовавшиеся на участках горы шлака, наследство угольного отопительного периода, либо вывезли на свалки, либо разровняли аккуратно вдоль заборов, и уже через несколько лет на этих местах начала произрастать травка, мелкий кустарник и молоденькие елочки, причем без приложения к тому малейших усилий обитателей поселка. На место устрашающие больших и мрачных угольных котлов в дачах пришли изящные цилиндрической формы белые водогрейные приборы со сложной автоматикой, которая, как правило, выходила из строя сразу после пуска нового котла в эксплуатацию. Очень скоро умелые газовщики, обслуживающие поселок, научились

фиксировать кнопку аварийной термопары проволочкой. Это снижало безопасность котлов, так как они не отключали подачу газа при случайном тушении газовой горелки, но зато котлы надежно работали. Многие жильцы даже переделывали под газовые горелки старые угольные топки, и такие гибриды еще работали лет по сорок.

Но самое главное, отпала необходимость в содержании истопников, а вслед за тем и домашних работниц, основной обязанностью которых было следить за угольными котлами в течение холодного времени года. Очень скоро домработницы поселка куда-то подевались, впрочем, все они уже имели подмосковную прописку и смогли устроиться на другую работу.

Жизнь в поселке приобрела какой-то светлый, доброжелательный и даже веселый характер. Конечно, общей дружбы не было, да этого и не могло быть: уж слишком разные люди соседствовали друг с другом. Скорее, существовало несколько отдельных компаний, но и они общались между собой. Летними вечерами на аллее поселка выходили почти все его жители. Женщины щеголяли друг перед другом новыми платьями, юбками, летними туалетами, затейливыми босоножками и широкими поясами. Подобных вещей в советских магазинах, естественно, не было. Их привозили из-за границы те редкие счастливицы, которые могли тогда покидать на время тесные объятия нашей родины и приобщаться к загниванию капитализма или, на худой конец, к магазинам стран социалистического лагеря, которые двигались к светлому будущему не столь стремительно, как наша страна. Но таких было мало, да и денег на туалеты любимым женам не всегда хватало. Те, кто попрактичнее и посообразительнее, привозили из-за рубежа журналы мод. Это давало возможность писательским женам загрузить работой знакомых портних и вскоре хвастаться перед подружками модными обновками. Особой популярностью пользовался немецкий журнал «Бурда Моден», в котором каждая модель сопровождалась выкройками, что сильно упрощало процесс воспроизводства западного женского счастья.

Прогуливались по всем аллеям поселка, но все компании обязательно проходили через Центральную аллею. Это называлось «пойти к кремлевской стене». Дело в том, что в самой середине Центральной аллеи стояла дача Ильи Кремлева. В отличие от всех других участков, она была окружена сплошным забором с перекрестием тонких речек на самом верху. Забор

был выкрашен в бордовый цвет, что вполне оправдывало его название. Конечно, Кремлев нарушил действующий тогда запрет на возведение в поселке сплошных заборов, но связываться с ним никто не хотел. Возможно, контролирующие органы останавливала его звучная фамилия, а его настоящую фамилию Шехтман по общей темноте и необразованности они не знали. В Гражданскую войну он учился во Владимирском военном училище, а потом служил в Закавказье. Печататься он начал с 1916 года, после армейской службы и недолгой работы в управлении делами ЦК ВКП (б) стал профессиональным писателем и журналистом. Работал в жанре утопии и научной фантастики. Однако в 1930-е годы он был исключен из партии и отдан под суд за незаконное хранение именного маузера. Естественно, ни о каком служении литературе после этого речи не шло. Однако с началом войны Шехтман ушел добровольцем в народное ополчение, потом был переведен в штат фронтовой газеты.

Кремлева в поселке почему-то не слишком любили, может быть, не вполне заслуженно. Поэтому он частенько становился героем довольно злых эпитграмм, на которые у жителей поселка был особый дар.

Илья Кремлев, стукач-надомник,
Опять издал большой двухтомник.

Вечерние гуляния по аллеям неизменно заканчивались общими чаепитиями у кого-нибудь на даче. Предлоги для приглашения к застолью могли быть самыми разными. «Моя Нюра пирожков напекла, с капустой», или «Яблочное варенье в этом году получилось – пальчики оближешь», или «Нам родственники из Ташкента прислали фисташки». Посиделки обычно устраивали вскладчину – каждый нес то, что мог найти у себя дома. Это никого не смущало, наоборот, считалось хорошим тоном взять на себя часть хозяйского бремени.

Очень любили собираться на маленькой даче у Крепсов напротив «кремлевской стены». Владимир Михайлович и Людмила Александровна были радушными хозяевами. А главное, они были остроумнейшими и веселыми людьми. Владимир Крепс был вместе со своим соседом Климентом Минцем автором популярнейшей детской передачи «Клуб знаменитых капитанов». В те времена дети добровольно уходили из дворов и устраивались у радиоприемников, чтобы ее послушать.

Владимир Михайлович ростом был сантиметров ста шестидесяти, зато массой сто двадцать килограммов, в основном сосредоточенных в животе. Владимир Михайлович был кладезем интересных рассказов, в основном им самим и выдуманных. В конце войны он работал над сценарием документального фильма «Александр Покрышкин». Общение с прославленными летчиками и собственная богатая фантазия родили несколько замечательных коротких рассказов, которые Крепс очень любил рассказывать за столом. Чего только стоит следующая его байка.

Летчики полка Покрышкина как-то сидели в ресторане и довольно крепко гуляли. Но, как это частенько случается, водка быстро кончилась. Ресторан уже готовился к закрытию, и официантка ни под каким видом не хотела принести еще пару бутылок веселым, но явно загулявшим летчикам. Выход нашел знаменитый Покрышкин. Будущий Маршал авиации выбрал самого молоденького из всей компании – лейтенанта, снял с груди свои три звезды Героя Советского Союза, а он был первым в СССР трижды Героем, повесил их на лейтенанта и кинул клич: «Ребята, давайте свои Звезды». Полк Покрышкина был прославленным и геройским. Нашлось еще четыре Звезды. Их также водрузили на грудь лейтенанта. Семь раз Герой Союза был отправлен к администратору ресторана, где его появление вызвало шок. Нужно сказать, что подвыпивший лейтенантик свою роль сыграл отлично. Он осведомился об имени-отчестве обалдевшего администратора, сказал, что отмечает с друзьями только что полученную седьмую Звезду, а водки не хватило, и он лично просит администратора прислать за их столик бутылку пять-шесть. Тот машинально закивал головой, даже не спросив фамилии Героя. Через пять минут та же неподкупная официантка спешно несла летчикам пять бутылок водки. На возмущения остальных посетителей ресторана, столкнувшихся с той же проблемой, администратор отвечал: получите седьмую Звезду Героя, я вам ящик водки пришлю. Эту отповедь услышал один из отдыхающих в ресторане журналистов и тут же помчался диктовать по телефону в свою газету сенсационный материал: «Обнаружен семь раз герой Советского Союза». К сожалению, ни имени, ни фамилии узнать не удалось. Известно только, что он из 16 Гвардейского авиационного полка Александра Покрышкина. На следующее утро полковника с

головной болью подняли с постели рано: начальство интересовалось фамилией многократного Героя, который служит в его полку. Пришлось сказать, что тот погиб в последнем ночном бою, и дело понемногу замяли. Но своего летчика добились: напились в ресторане вусмерть.

Другой рассказ Крепса был, пожалуй, еще веселее. В начале войны, когда начались налеты авиации на все крупнейшие города СССР, а достаточных средств противовоздушной обороны не было, одному призывнику по фамилии.., а впрочем, теперь неважно, как его фамилия, несказанно повезло. Его взвод стрелял по немецким бомбардировщикам на подступах к Москве, где те начинали снижение перед бомбометанием. Солдатики отстреливались из винтовок Бердана образца 1870 года, потому что более совершенного оружия не хватало. Так вот этот наш солдатик выстрелил по низко летящему самолету, пуля попала в бензопровод, шедший от бака с горючим, самолет загорелся и рухнул на землю со всем своим бомбовым запасом. Начальство нашло того солдатика, его наградили орденом Красной Звезды и повысили в звании. Тот случай стали очень широко освещать в средствах массовой информации, более того, высоким начальством было решено организовать курсы «истребителей самолетов», а нашего солдатика привлечь вести эти курсы в качестве преподавателя. Курсы исправно работали, солдатик передавал курсантам свой богатый опыт, каждые два-три месяца на фронт отправлялись подготовленные «истребители самолетов», но вот беда, никому из них не удавалось больше повторить успех своего учителя. В конце концов, начальство терпение потеряло, и над головой солдатика сгустились тучи. Время было военное, и с персоналом, плохо выполняющим свои обязанности, долго не церемонились. Наш солдатик отделался легко. Просто в числе очередных выпускников курсов герой моего рассказа также отправился на фронт, вооруженный трехлинейной винтовкой Мосина, оружием чуть более совершенным, но также изобретенном еще в XIX веке. В первом же бою, когда зажавшихся в окопах воинов атаковали немецкие «юнкерсы», поливая наши позиции из пулеметов, наш герой нашел в себе силы привстать и почти не глядя выстрелил по атакующему самолету. Пуля попала летчику в глаз, самолет потерял управление, рухнул за первой линией нашей обороны и загорелся. Солдатика наградили, но новых курсов «истребителей самолетов» организовывать не стали...

Владимир Михайлович настолько тонко перемешивал в своих байках реальность и выдумку, что слушатели ему охотно верили. Правда, он не слишком смущался, когда его ловили на неточностях. Например, как-то за столом Крепс для красного словца упомянул, что в Швеции очень свободные нравы, что, впрочем, и неудивительно, так как там целых сто тысяч публичных домов. Зять гроссмейстера Котова, обладавший энциклопедическими знаниями и точным математическим умом, ему сразу же возразил:

— Позвольте, Владимир Михайлович, в Швеции всего около семи миллионов населения. Это означает, что на каждые 70 человек, включая женщин, детей и стариков, там приходится по одному публичному дому.

— Возможно, я что-то напутал с нулями, но уж тысяча домов там точно есть, — не смутился писатель.

По праздникам устраивали уже званые обеды или ужины. К ним хозяйева тщательно готовились, накрывали шикарные столы, готовили изысканные блюда. Одну из встреч Нового года решил у себя отметить писатель и драматург Цезарь Солодарь. Цезарь Самойлович, к сожалению, писательским даром был обделен, но это не мешало ему быть успешным литератором за счет правильной социалистической направленности его произведений. В дальнейшем жизненная позиция привела его в творческий тупик и вызвала настоящий бойкот демократически настроенных писателей, но в 1960-х годах он еще не успел развернуться. Поэтому многие жители поселка с удовольствием приняли приглашение Солодаря и его супруги Елены Степановны. Собралась большая и веселая компания, сели за стол. Помимо Нового года, отмечали еще и приобретение замечательной хрустальной люстры, которая играла над праздничным столом всеми цветами радуги. Многие мужчины стали претендовать на почетное открытие первой бутылки шампанского. Своим авторитетом всех задавил Роман Лазаревич Кармен. Он взял бутылку в руки, снял с горлышка проволоку и начал освобождать пробку от фольги. В этот момент случилось ужасное. Пробка вылетела из бутылки. Может быть, шампанское было тепловатым, может быть, Кармен утратил бдительность, сейчас это уже не важно. Пробка угодила точно в центр хрустального неистовства над головой у гостей, и, о ужас, на стол хлынул водопад хрустальных осколков. Они попали точно в блюда и салатники с закуской, стоящие на столе. Получился

двойной урон: люстра разбита, еда испорчена. Бедный Роман Лазаревич, народный артист СССР и лауреат трех Сталинской и одной Ленинской премий, встал из-за стола бледный, его руки дрожали. Все бросились его успокаивать, но вид несчастных хозяина с хозяйкой явно свидетельствовал о лживости их слов. Словом, вечер был испорчен, и большинство гостей, расстроенные и разочарованные, разошлись по домам.

В 1960-х годах двери дач поселка были открыты для прекрасных поэтов-шестидесятников: Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, поющих поэтов Булата Окуджавы, Михаила Анчарова, Евгения Клячкина. Собственно говоря, Белла Ахатовна некоторое время присутствовала в поселке как одна из его хозяек — она была замужем за Юрием Нагибиным. После их развода она стала приезжать в гости к переводчику Владимиру Михайловичу Россельсу. У того всегда дом был полной чашей. К нему в гости не только приходили соседи, но и приезжали друзья и знакомые из Москвы. Как раз у него собирались поэты-шестидесятники: читали свои новые стихи, Окуджава и Клячкин пели песни. Их записывали на магнитофон, и потом эти записи ходили по всему поселку.

В гости к Александру Котову приезжал Михаил Анчаров, с необыкновенной энергичностью пел свои лучшие песни: «Кап-кап», «Балладу о парашютах», «Аэлиту». Он тогда писал сценарий первого советского сериала «День за днем» и уже был соавтором сценария фильма «Мой младший брат» по повести Василия Аксенова «Звездный билет», но почел за честь приехать в поселок «Красная Пахра» и пообщаться со своими коллегами-писателями.

Подобные приезды популярных поэтов и бардов были в поселке настоящими праздниками. На дачи набивалось практически запредельное число слушателей, приходивших с соседских дач. Естественно, на хозяев ложилась изрядная нагрузка, потому что вся эта компания ела и пила, причем ела и пила довольно много, но зачинщики безропотно несли свой крест. Однажды такой вечер устроил у себя на даче Михаил Россельс. Было много гостей, пришли и соседи — Кеменовы с веселым и доброжелательным эрдельтерьером по кличке Ринго в честь одного из битлов — Ринго Старя. Все гости уселись за стол, кто-то попробовал покормить собаку со стола, но тот есть не стал, понюхал кусочек и отошел в сторону.

— Вот что значит воспитанная собака, со стола не берет, — прокомментировал поведение Ринго какой-то гость.

Застолье медленно развивалось, неуклонно приближаясь к «апофеозу» — чаю с пирожными, которые были для этого случая куплены в кулинарии ресторана «Прага» в количестве сорока штук, о чем неоднократно не забывала сообщать гостям хозяйка. Наконец основные блюда закончились, и хозяйка устремилась на кухню за обещанными пирожными. Не было ее довольно долго, потом она появилась с выражением громадного недоумения на лице:

— Пирожные куда-то подевались.

Ближайшие подруги побежали, чтобы помочь ей в поисках, но изысканный продукт как в воду канул.

— Вот блюдо, я на него все и выложила.

Наконец, кто-то почесал брюхо Ринго, который в неге разлегался под столом.

— Что-то животик у него толстый и плотный, не болит ли?

Несмотря на то что псина сожрала сорок пирожных, животик у нее не болел. Зато стала понятна загадка идеального поведения Ринго: после сладкого ему есть объедки со стола совершенно не хотелось.

Первая дача справа при въезде в поселок принадлежала писателю Иосифу Дикю. Он был сыном репрессированного в СССР известного румынского революционера Иона Дическу.

Он, без всякого сомнения, был самым оптимистичным жителем Красной Пахры. Его отца, который преподавал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, арестовали в 1937 году и на следующий год расстреляли вместе с группой румынских коммунистов. Иосиф, или, как звали его друзья, Юзик, храбро воевал с фашистами за свою не слишком ласковую родину, вернулся с фронта без глаза и обеих рук. Казалось, что это ему по жизни совсем не мешало. У него был автомобиль «Волга» со специальными рулем и механизмом переключения передач. Дик совал свои культи в специальные отверстия руля и довольно ловко им крутил. Тем не менее его странная посадка вплотную к рулю как-то привлекла ненужное внимание инспекторов ГАИ на съезде с Калужского шоссе в поселок. Он был задержан и сопровожден в стоящий на обочине милицейский автомобиль, где на него был составлен протокол, который впоследствии весь поселок знал наизусть, и все равно все спешили его друг другу в очередной раз пересказать. «В автомобиле “Волга” был обнаружен детский

писатель Дик, без прав, без рук и с легким запахом алкоголя». Юзик всегда представлялся при знакомстве с новыми людьми не иначе как: «Дик, любимый детский писатель». Дик был очень нестойк насчет выпивки и слабого пола, хотя казалось, что его увечье не дает ему для этого никаких предпосылок. Он был необыкновенно остроумным собеседником, за словом в карман не лез, был напичкан анекдотами и веселыми рассказами. Дам он приобнимал своими двумя култыгами, а в ответ на их возмущение неизменно говорил: «От детского писателя Дика невозможно забеременеть». Рассказывают, что как-то он с приятелем пригласил на дачу девушку не слишком серьезного поведения и весь вечер поглаживал отдельные части ее тела своими култышками. Когда компания уже изрядно выпила, и Дик вынужден был отлучиться в туалет, его дружок решил занять его место и тоже приласкал девушку. Ее крик был слышен ближайшей половине жителей поселка: «Откуда у тебя взялись руки?» Юзика все любили, но особенно близко он дружил со своим соседом Юрием Трифоновым.

Из вечерних развлечений главным стала игра в карты. Образовалось несколько компаний, которые предавались этому занятию практически ежевечерне. Основу одной компании составляли писатель Константин Исаев, один из авторов сценариев фильмов «Подвиг разведчика», «Секретная миссия», «Верные друзья», дирижер Кирилл Кондрашин, ставший необыкновенно популярным после победы Вэна Клайберна на конкурсе имени П. И. Чайковского, Александр Котов, шахматист, гроссмейстер, автор шахматных и художественных книг «Шахматное наследие А. Алехина», «Белые и черные». К ним частенько присоединялся кто-нибудь четвертый, например Иван Пырьев, известнейший кинорежиссер, из Москвы приезжал Михаил Папава, автор сценариев таких замечательных фильмов, как «Высота», «Иваново детство». Партнеры в преферанс играли неплохо, но главным для них было общение. За картами они травили анекдоты, рассказывали остроумные истории, подкалывали друг друга. Чтобы при этом сильно не напрягаться, они играли по десять копеек, так что выигрыши или проигрыши редко превышали за один вечер десять рублей. Для бюджета их семей то были вполне терпимые деньги. Отношения между игроками были самыми дружескими. Константина Исаева все называли «Котом», он был довольно высокого

роста, грузный, а Александра Котова звали «Котиком» за его маленький рост. Игру они рассматривали только как отдых, приятное времяпрепровождение, но никак не средство поправить свои финансовые дела. Однажды Михаил Григорьевич Папава, впервые приехав в поселок в гости к Исаеву, попробовал внести свои правила в сложившуюся карточную компанию.

— Что это за игра по десять копеек за вист, давайте по рублю.

— Зачем, Миша, мы же просто развлекаемся, — попробовал возразить Кот Исаев.

— Что за детские забавы, еще бы играли на спички, — вошел в азарт Папава.

— Ну, хорошо, — сдались Котик и Кирилл.

В тот вечер на даче у Исаева беззаботная атмосфера исчезла, игроки очень серьезно вистовали и пасовали, все-таки суммы на кону стояли приличные. Вначале игра шла ровная, потом Папава заказал рискованный мизер, взял неудачный прикуп и получил четыре взятки. Михаил Григорьевич сразу же бросился отыгрываться, но, как это часто бывает, играл излишне рискованно, да и удача от него в тот вечер отвернулась. В итоге он проиграл больше 200 рублей, что тогда превышало двухмесячную среднюю зарплату. Все расходились по своим дачам в плохом настроении: было неудобно из-за нечаянного выигрыша, хотя Папава был сам виноват.

— Завтра нужно будет ему немного подыгрывать, — нашел выход из сложившегося положения международный гроссмейстер, — пусть отыграется. Тогда у нас совесть будет чиста.

Дирижер его искренне и радостно поддержал.

На следующий вечер Михаилу Григорьевичу везло. Карта шла, заказанные взятки он брал, партнеры не усердствовали, стараясь подловить его на нечистом мизере. Настроение было радостное: Папава отыгрывается, он вернет себе незаслуженно проигранные деньги. Когда по окончании длинной «пули» подвели итоги, оказалось, что Папава действительно выиграл, но всего пятнадцать рублей. Больше преферансисты с вистом, равным одному рублю, не играли.

А через несколько лет и вообще этому интеллектуальному занятию был положен конец. Времянку Климентия Минца, одного из авторов «Клуба знаменитых капитанов», сняла на лето одна очень приятная пара. Лева Савицкий был юристом,

его жена работала дома, делала восхитительные искусственные цветы из крахмаленных кусочков ткани с помощью прибора для выжигания по дереву. За ее работой очень интересно было наблюдать: под нагревом лепестки изгибались, принимали нужную форму, по ним шли выдавленные жилки, потом все это закреплялось с помощью проволочек на стебле и получался очень красивый и похожий на настоящий цветок. Работа эта достаточно хорошо оплачивалась.

Лева попросил общих знакомых представить его компании преферансистов, что и было сделано. Наученные опытом картежники предупредили Савицкого, что играют по десять копеек вист и не выше.

— Конечно, конечно, — согласился он.

За карточным столом Савицкий работал. Пока его партнеры хохмили, отвлекались, вспоминали общих знакомых, забавные истории, Лева молчал и внимательно глядел на стол и в карты. В итоге, в тот вечер он выиграл обычный для партии червонец. Проигравшие с шуточками расплатились, распрощались и пошли по своим дачам, не слишком расстроенные. На следующий день все повторилось. Лева снова выиграл, а они проиграли. Так продолжалось больше месяца. Лева, как правило, уходил с деньгами. В итоге за месяц он выиграл у наивных преферансистов все те же двести рублей. Возможно, он играл не намного лучше их, но он играл всерьез, не отвлекался, запоминал расклады, просчитывал варианты, поэтому и выигрывал. Это было неприятно. Котов рассказал своим друзьям, что в молодости, уже будучи гроссмейстером, он ходил в одно игорное заведение, резался «в очко». Успехи его были разные. То он выигрывал, то оставался в проигрыше, но ведь это дело случая. Однажды он пришел в этот клуб пораньше. За столом там сидел только один человек, но зато самый опытный и везучий игрок.

— Вот, смотрю на тебя, Саша, и думаю, чего ты сюда повадился, — начал тот.

— Интересно, азарт будоражит кровь, — ответил Котов.

— Думаешь выиграть?

— Если бы не думал, то вряд ли сюда бы ходил.

— Ладно, когда сядем играть, я так сделаю, что ты обязательно выиграешь.

Постепенно подтянулись завсегдатаи клуба, пошла игра с переменным успехом. После нескольких конов сдающий пере-

мешал колоду, ловко разбросал по две карты играющим. Котову пришло на руки семнадцать очков. Это самое неудачное сочетание: очень легко получить перебор на следующей карте, по и шансов выиграть с такой суммой очень мало.

Именно в этот момент Саше подмигнул его новый знакомый. Тот понял, что надо будет прикупать карты. Но до этого была очередь этого самого опытного игрока. Он подряд взял семь карт. Такого в реальности не бывает, у него наверняка перебор. И действительно, тот сбросил карты на стол.

— А теперь мне, — сказал Котов. Банкомет кинул ему карту. Это был король, то есть у него на руках оказалось заветное «очко». Шахматист выиграл довольно крупную сумму. После игры он подошел к этому самому картежнику.

— Как это получилось?

— Здесь, Саша, я гроссмейстер.

Он не жульничал, он запоминал последовательности карт после предыдущего кона. Больше в этот клуб Котов не ходил.

Друзья посовещались и решили больше с Савицким в преферанс не играть. Так и распалась на время компания преферансистов.

Поселок «Советский писатель», конечно же, занимал особое социальное положение. Это проявлялось во многом, и в мелочах, и в большом. Например, для организации продовольственного снабжения членов ДСК поселок был прикреплен к Гастроному на площади Восстания, и с любой дачи можно было сделать письменный продуктовый заказ, который выполнялся через неделю. За поселком был закреплен день доставки заказов — понедельник, — который неукоснительно соблюдался. В понедельник к вечеру, к семи часам, в поселок приезжали два автомобиля-«каблучка» марки «Москвич», заполненные разнокалиберными картонными коробками с писательскими заказами. Они ездили по участкам загадочными маршрутами, не подвластными уму и воображению обычных жильцов. Тем не менее наиболее заинтересованные жители знали, что машины уже в поселке, пока в конце Средней или Восточной аллеи, но вскоре доедут и до них. Хозяйки или домработницы выходили на дорогу у своих ворот и с надеждой всматривались вдаль, пытаясь рассмотреть движение бежевых «фургончиков». Наконец очередь доходила и до них. На участок вползал один из водителей-экспедиторов, Володя, Женя или Коля, таща в

одной или в двух руках вожделенные коробки. Размер и количество коробок определялись объемом заказа. Заказ обычно состоял из простых «долгоиграющих» продуктов: круп, сахара, макарон, а также из сливочного и подсолнечного масла, сыра, вареной колбасы, хлеба, консервов с рыбой, сгущенным молоком, иногда курицы.

– Женечка, а чего-нибудь вкусенького нет? – неизменно следовал вопрос, и Женя, Коля, Володя гордо говорили:

– Ветчинка имеется, будете брать?

Такое предложение принималось с энтузиазмом, и водитель поощрялся одним-двумя рублями. Таким образом, улов с поселка составлял для них рублей 40-50, что по тем временам было вполне достойно. Получив заказ, хозяйка совала экспедитору листочек со следующим заказом, который должны были привезти через неделю. Иногда водитель советовал, что в него еще можно дописать и, провожаемый благодарностями и пожеланиями счастливого пути, гордо шел по дорожке к своему железному коню.

Понедельник был очень удобным днем для восполнения продовольственных запасов: за выходные в холодильниках и шкафчиках уже ничего не оставалось, поэтому еда приходила на дачи очень вовремя. Можно было заказать и бутылочку вина, водочки или коньячка. При этом не нужно было никуда идти, а тем более ехать. Молоко, зелень, овощи, яблоки, как правило, в поселок приносили жители соседних деревень, утверждая, что это только что собрано со своей грядки или получено из-под своей коровы. Потом одну из молочниц поймали на том, что в ее молоке оказались срезанные уголки от треугольных пакетиков явно не домашнего производства. Домашнее молочко стоило вдвое дороже магазинного, поэтому молочница была отлучена от пары-тройки дач, но быстро нашла других наивных простачков.

По мере вступления страны в период развитого социализма с едой становилось все хуже, что было явным свидетельством успешного движения по этому пути. Заказы постепенно скудели, сначала исчезал дефицитный продукт, потом и самый обычный. Если в начале 1960-х в заказе можно было запросто получить килограмм вяленой воблы, то потом вяленая рыба внезапно менялась на копченую, а в итоге исчезала и она. Та же участь постигала мясо и колбасы. И тем не менее заказы были отличным подспорьем для жильцов.

К вечеру, к моменту распаковки долгожданной коробки, на кухне собиралась вся семья — узнать, что привезли вкусненького: взрослые, дети, собаки, кошки. На некоторых на самых благополучных дачах оголодавшие за выходные животные готовы были всерьез биться за свою долю продовольствия. Коты поровили украсть сырую курицу, тащили ее под стол и собачьи грозно рычали на попытки ее отобрать. Собаки честно сидели рядом и ждали, пока им что-нибудь из заказа перепадет. Дети пытались стащить развесные конфеты, не дожидаясь ужина или чая.

К середине десятилетия относятся и первые потери среди жителей поселка.

В июне 1963 года умирает Владимир Абрамович Дыховичный, поэт, драматург и сценарист. На его счету были десятки эстрадных произведений для артистов разговорного жанра. Он писал для Мироновой и Менакера, Шурова и Рыкунина. Песни на его слова пели Утесов, Бернес, Кобзон, Трошин...

Осенью 1964 года неожиданно в возрасте 56 лет умирает писатель Олег Писаржевский. Он был популяризатором науки, написал книги о замечательных ученых Дмитриии Менделееве, Александре Ферсмани, академиках Дмитриии Прянишникове и Алексее Крылове. Денег такая литература приносила немного, поэтому до самой смерти Олег Николаевич так и не смог построить дачу — жил во времянке. Зато гладиолусы на его участке были такие, что весь поселок ходил на них смотреть. Это его радовало, он с удовольствием делился опытом и дарил соседям свои чудные цветы. Писаржевский был также известен своей уникальной коллекцией грампластинок. Рассказывают, что когда у Александра Вертинского в Австралии воры утащили коллекцию пластинок, он, приехав в СССР, обратился к Олегу Николаевичу с просьбой помочь ему найти свои ранние записи. Так вот, многие песни полувековой давности нашлись в коллекции Писаржевского. Он подбирал на улице собак, держал их на даче. В Москве и на даче у него жили кошки, собаки, кролики, морские свинки. Он изучал их повадки и умственные способности.

Вскоре за ним ушел и еще один житель поселка — Михаил Абрамович Червинский, фронтовик, поэт-песенник, драматург, автор сценариев популярных оперетт «Белая акация» и «Москва-Черемушки».

Но в природе всегда наступает равновесие. На месте выбывших из строя появлялись новые жители поселка. В этот период

в Пахре уже обитала молодежь, которая здесь же и выросла. Если первое поколение молодых приехало в Пахру со своими родителями, то последующие уже впитали дух необыкновенного писательского братства. Разрыв в поколениях составлял лет пять. Та молодежь, которая имела неосторожность родиться в этом промежутке, примыкала или к старшей компании, или к младшей.

Первое поколение составляли Андрей Миронов, в будущем талантливейший актер, ушедший из жизни трагически рано, Володя Долинский, тоже актер от бога, сейчас очень популярный, Саша Кармен, впоследствии прекрасный журналист-международник, Ира Михайлова, ставшая преподавателем английского языка ее родного МГИМО, Андрей Кеменов и Ваня Дыховичный, ставший замечательным актером Театра на Таганке и кинорежиссером, также безвременно ушедший из жизни. Именно Ваня уже в зрелом возрасте сказал о своей матери: «Я ей могу простить все, кроме одного. Не нужно ей было продавать дачу в Красной Пахре». Александра Иосифовна была вынуждена продать дачу своего покойного мужа Владимира Абрамовича в 1963 году, так как содержать ее средств не было. Иван потом долго снимал дачи или в поселке, или по соседству.

Следующее поколение поселковой молодежи сложилось к середине 1960-х годов. В эту компанию входили Дима Симуков, Леша и Алик Сикорские, Леша Кеменов, Павел Липатов и Сергей Воробьев, сыновья писателя и сценариста Евгения Воробьева, Андрей Яковлев, Игорь Андреев. Судьба их сложилась поразному, многих из них уже нет в живых. Яковлев иммигрировал в Израиль. Игорь Андреев, для друзей Гоша, попал в 1967 году в жуткую автомобильную катастрофу по дороге на дачу, врезался ночью в припаркованный на обочине грузовик. Его положили в больницу со сложнейшими переломами, а его невеста Женя Левина на третий день после аварии умерла. Гоша тоже умер очень молодым, в 1993 году, успев жениться на подруге Жени по имени Юля. Этой компании молодежи выпало счастье осваивать новую рок-музыку. В таком деле заводилой был, конечно, Алик Сикорский, который с 1966 года уже играл в разных московских рок-группах. Снимали любительские фильмы на восьмимиллиметровые камеры. Некоторые их проделки были достаточно рискованными. Например, они прятались в траншеях, выкопанных под газовые трубы, и палили друг в друга из духовых ружей. В конце концов, Леше Кеменову попали в верхнюю губу, хоро-

но, что не в глаз, и эту забаву по общему настоянию родителей пришлось оставить.

Период расцвета поселка закончился в конце 1960-х вместе с окончанием относительной вольницы в СССР. В августе 1968 года доблестные войска стран Варшавского пакта вошли в Чехословакию и жестоким образом подавили Пражскую весну. В начале 1970 года после долгой травли и неравной борьбы ушел с поста главного редактора журнала «Новый мир» Александр Трифонов, а редакция была по сути дела разогнана. В Советском Союзе в целом наступал период застоя. Это было парадоксальное время в жизни страны, когда доступность жилья, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения, высшего образования была по советским понятиям беспрецедентной. Но достигалось это благосостояние за счет экспорта природных ископаемых. Зависимость от экспорта энергоресурсов привела к отказу от необходимых экономических реформ, отставанию в экономике от ведущих стран Запада, падению качества продукции, к сохранению низкой производительности труда. Страна стала неспособна обеспечивать себя продовольствием. Быстрыми темпами росла коррупция, жестоким образом преследовалось инакомыслие.

Жизнь в поселке тоже изменилась. Остались в прошлом общие прогулки по аллеям, дружеское общение, готовность пожертвовать своим, личным, в пользу кооператива в целом. Красная Пахра так же, как и вся страна, вступала в долгий период застоя.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ (1910–1971)

Твардовский – это не псевдоним великого русского поэта, как можно было бы подумать, это фамилия. Говорят, что она досталась ему от деда Гордея, который служил артиллеристом-бомбардиром в Польше, откуда и привез прозвище «пан Твардовский». Эта фамилия, похожая на польскую дворянскую, ставила деда поэта на сословной лестнице несколько выше простых крестьян, скорее приближала его к однодворцам, то есть земледельцам, жившим на окраинах Российской империи, которым правительство давало землю, а те в ответ должны были охранять приграничные территории. Бомбардир был человеком грамотным, писал хорошим почерком затейливые письма родственникам своих однополчан, может быть, от него Александр Трифонович и унаследовал свой дар. Однако, его прозвище и желание выделиться из общей крестьянской массы сыграли злую шутку с отцом Александра – Трифоном Гордеевичем. Тот был кузнецом, человеком твердым и основательным. Тяжелым трудом он смог скопить немного денег, которых хватило, чтобы сделать первый взнос в банк и купить в рассрочку небольшой участок болотистой земли. Позже поэт напишет в автобиографии: «...нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей земле – нашему “имению”, как в шутку и не в шутку называл он свой хутор». Это стремление вырваться из нищеты, знание грамоты и даже определен-

ная начитанность выделяли его из среды крестьян, которые то шужливо, то иронически называли Трифона Гордеевича «папом», как и его отца.

Земельный участок Твардовских находился в деревне Загорье, ныне в Смоленской области, где и родился будущий поэт. Его детство пришлось на первые послереволюционные годы, а в юности он на собственной шкуре постиг все прелести коллективизации. Советская власть не посчиталась с тем, что его отец обрабатывает землю сам, только с членами своей семьи, не нанимает батраков, а не нищенствует только благодаря своему трудолюбию. В начале тридцатых годов он был успешно «раскулачен» и выслан вместе со своим братом и их семьями из родной деревни на Урал.

Александр очень рано стал самостоятельным. Он пас скот, косил траву, плотничал, в 12 лет хотел стать священнослужителем, а в 13 лет стал атеистом, вступил в комсомол. На следующий год уже был делегатом ячейки комсомола, а в 15 — секретарем сельсовета. Писать стихи он начал с семи лет, а в 14 лет уже был селькором, писал небольшие заметки в смоленские газеты. В заметках он не только отражал комсомольские свершения в деревне, но и вскрывал злоупотребления, допускаемые местной властью. В глазах местных жителей он приобрел ореол защитника, они шли к нему, пятнадцатилетнему мальчишке, со своими проблемами и просьбами. Свое первое стихотворение «Новая изба» он опубликует в 1925 году в газете «Смоленская деревня». Первым же его критиком задолго до публикации стал учитель, которому Александр показал свои первые произведения. Вот что он напишет впоследствии: «Лет тринадцати я как-то показал мои стихи одному учителю. Ничуть не шутя, он сказал, что так теперь писать не годится: все у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что написано, таковы современные требования». Мальчишке хотелось соответствовать поэтической моде, он упорно старался писать так, чтобы было непонятно, о чем написано. К счастью, это у него не вышло, и, в конце концов, он решил писать так, как получается.

После первой публикации Твардовский собрал все свои стихи и отправился в Смоленск к уже известному поэту Михаилу Исаковскому, который работал тогда в газете «Рабочий путь». Исаковский всячески помогал своим молодым коллегам, которые пришли в различные газеты из деревень. Не стал

исключением и Александр Твардовский. Их первая встреча стала началом большой творческой и человеческой дружбы, которую остановила только смерть Александра Трифоновича.

Отношение Александра к раскулаченному отцу было противоречивым. Жил он от него отдельно, ушел из дома в 14 лет, вроде бы отец его ударил, унизил при всех. Зато высылке юноша не подвергся. Вначале пытался защитить своих родственников, добился приема у секретаря обкома партии. Тот сказал: «В жизни бывают моменты, когда нужно выбирать между папой и мамой и революцией». Твардовский выберет революцию. Это скажется не только в характере его стихотворений, но он даже не примет отца с дядей, когда они, бежав с Урала, придут к нему за помощью.

Тем временем в московском журнале «Октябрь» появилось несколько его стихотворений, кто-то из критиков положительно о них отозвался. Твардовский тут же поехал в Москву, но устроиться на работу не смог, а на гонорары от редких публикаций жить было невозможно. К тому же он понял, что ему катастрофически не хватает образования: ведь за плечами была только неполная сельская школа. Он возвращается в Смоленск и поступает в педагогический институт. Его приняли без вступительных экзаменов, но с обязательством за год изучить и сдать все предметы за среднюю школу. Он свое обязательство выполнил и догнал однокурсников.

Там он познакомился со своей будущей женой Машей Гореловой. Она училась на филологическом факультете и работала библиотекарем в педагогическом институте. На сорок лет, до самой смерти поэта, она станет ему женой, критиком и соведущей.

Известность приходит к поэту в 26 лет с публикацией поэмы «Страна Муравия». Стиль и сюжет заимствованы из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» его любимого Николая Алексеевича Некрасова, но посвящена «Страна Муравия» поискам главным героем такого места, где нет колхозов. Такой страны он, естественно, не находит, но убеждается, что вне колхозов вообще нет хорошей жизни. Александр Трифонович, правда, вставляет в текст две строфы, навеянные злоключениями его родственников, но при публикации их по цензурным соображениям выбрасывают.

Тем временем крестьянскую поэзию в стране стали «выкашивать». Кого расстреляли, кого посадили. Опасность и за

Твардовским ходила по пятам. Писателя Петра Орешкина арестовали ночью в московской коммуналке, где снимал комнату и Твардовский с женой, но, по счастью, его тогда дома не было. В Смоленске арестовали его друга Адриана Македонши. Сам Твардовский ушел из его дома за полчаса до появления чекистов. Повезло. Обвинили Адриана Владимировича в том числе за то, что поддерживал «кулацкого поэта» Твардовского. Снова, в который раз, встала перед Александром Трифоновичем дилемма: что важнее люди или революция? На этот раз не без нажима жены Марии Илларионовны он выбрал человека. Не отрекся от друга, написал письмо смоленскому прокурору, чтобы облегчить участь Македонова. Его вызвали на Лубянку, а ведь оттуда он мог и не выйти. Но и в этом страшном месте он защищал друга. Тому дали восемь лет лагерей, но ведь его участь могла быть и гораздо хуже.

Александр Трифонович с женой окончательно перебрались в Москву после окончания второго курса Смоленского педагогического института. В столице его приняли сразу на третий курса Института философии, литературы и истории. Вышел институт из гуманитарных факультетов МГУ, туда же и влился в 1941 году.

В феврале 1939 года поэт получил свой первый орден – орден Ленина. Вручал его в Кремле сам Калинин. А награжден он был за «Страну Муравию», ту самую, за которую его чуть не посадили. Говорят, что без вмешательства Сталина этого награждения не было бы.

Твардовский окончил институт в 1939 году, и сразу же был призван в Красную армию. Семь лет он не снимал вначале солдатской, а потом и офицерской шинели. Он принимает участие в походе в Западную Белоруссию, затем в Финской войне. За нее получит свой первый боевой орден Красной Звезды да напишет стихотворение «Вася Теркин». Великую отечественную войну Александр Трифонович уже встречает в звании бригадного комиссара и работает вначале в газете «Красная армия» Юго-Западного фронта, а с 1942 года – корреспондентом газеты «Красноармейская правда» Западного фронта. В августе 1941 года он получил Сталинскую премию второй категории за «Страну Муравию» и тут же внес все пятьдесят тысяч рублей в фонд обороны родины. О своем герое Теркине поэт вспомнит весной 1942 года, в один из самых тяжелых периодов войны: отступления, поражения, немцы уже под Сталинградом, армия покрывает себя не славой – позором. И вот о солдате этой

позорной армии поэт говорит с любовью и состраданием. Образ Василия Теркина отнюдь не последнее тайное оружие, обеспечившее победу Советскому Союзу в войне. Поэма «Василий Теркин» стала редким сочетанием агитки и подлинной поэзии. Иван Бунин напишет о ней: «Это поистине редкая книга, какая свобода, чудесная удаля, какая меткость и какой необычный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки». Поэт писал поэму все пять лет войны, в 1946 году получил за нее Сталинскую премию первой категории, на следующий год еще одну премию за поэму «Дом у дороги». Авторитет Твардовского после войны вырос до заоблачных высот. При этом его одновременно критикуют и прорабатывают за книгу очерков «Родина и чужбина», «Комсомолка» выходит со статьей с многозначительным заголовком «“Малый мир” Александра Твардовского», а «Литературная газета», в которой он был членом редколлегии, со статьей «Фальшивая проза». Тем удивительнее, что в 1950 году он приходит главным редактором в журнал «Новый мир» на смену Константину Симонову. Того перевели на работу главным редактором «Литературной газеты». Вячеслав Недошивин, кинорежиссер и один из биографов поэта, дает такое объяснение сему загадочному факту: «Власть, давно не верящая ни во что, научилась эксплуатировать как раз тех, может лучших, кто верил в какие-то идеалы».

Во время пребывания во главе журнала раскрылась еще одна грань таланта Александра Трифоновича: умение открывать новые писательские имена, ведь через «Новый мир» за время его редакторства прошли практически все большие советские писатели 1950–1970-х годов.

Он возглавлял лучший советский «толстый» журнал шестнадцать лет с четырехлетним перерывом на 1954–58 годы, когда на этот пост снова возвращался Константин Симонов.

Поэт не мыслил себе жизни без земли. Вначале у него появился участок земли с небольшой дачкой в поселке Внуково в ближайшем Подмосковье. Домик был холодным, без водопровода, для круглогодичного жилья непригодным. Несмотря на наличие у поэта вначале четырехкомнатной квартиры на Кутузовском проспекте, а с 1961 года — также четырехкомнатной квартиры в высотном доме на Котельнической набережной, он мечтал жить и работать за городом. «Без такого угла мне не записать по-настоящему (квартира явно не для этого — не только писать, спать трудно — шум и грохот площади под окном)» —

написал Твардовский в своем дневнике. Между тем, довести до нужного уровня домик во Внуково поэту представлялось нереальным.

К поселку «Советский писатель» внимание Твардовского привлекли восторженные отзывы его заместителя по «Новому миру» Александра Григорьевича Дементьева, литературоведа и публициста. Тот уже давно обитал в Красной Пахре и неустанно расписывал своему коллеге и другу преимущества этого шикарного места. С середины 1961 года Александр Трифонович начинает периодически ездить в Красную Пахру. Вначале он присматривается к даче академика Виктора Виноградова, потом к даче покойного литератора Александра Еголина. На одном участке ему не нравилась березовая поросль, на втором дом не был завершен, требовалась большая работа, сад отсутствовал. В общей сложности Твардовский за три года осмотрел около десятка дач в Пахре, пока не остановился в середине 1964 года на даче покойного драматурга Владимира Дыховичного. Он долго сомневался, не все соседи его устраивали, но потом «отрубил»: «Нелепо в наши времена смущаться тем, что напротив твоей дачи — дача Кремлева или Первенцева».

В конце мая Александр Трифонович приехал в поселок после небольшого дождя, вошел в калитку на свой участок «в чудный запах молодого веничка, точно этот настой за штакетником отдельно стоял — по пути я не слышал». С того момента и до самой смерти Твардовский не отделял себя от своего участка. Здесь всецело воплотилась в жизнь тяга крестьянского поэта к земле. Здесь нашли применение его большие, грубые, крестьянские руки. Во время приезда в Англию он сказал английскому писателю Чарльзу Сноу, показывая свои руки: «Посмотри на них. Они в четыре раза больше твоих. Крестьянские руки. Они — мое удостоверение личности».

Александр Трифонович жил на даче круглый год. Как и следовало ожидать, он оказался отличным садоводом. Он вставал на заре, гулял по аллеям поселка когда один, когда с собаками, вначале жизни на Пахре с Куней, после ее смерти с ньюфаундлендом Фомкой, потом работал на участке.

Его сосед по участку Юрий Трифонов вспоминал о летнем времяпрепровождении Твардовского так: «По утрам Александр Трифонович возился в саду, трещал сучьями, жег костер или рубил дровишки на маленьком рабочем дворе за своей временкой, как раз возле угла нашего общего забора. Часов в шесть

утра я слышал кашель Александра Трифоновича, знал, что он уже встал, возится с сучьями, и тоже вставал и выходил в сад. Я делал гимнастику, приседал и махал руками в еще сыром и темном саду, приближаясь к тому углу забора, неподалеку от которого работал Александр Трифонович».

У Твардовского была подлинная тяга к земле, к идеальному на ней порядку. Когда Александра Дементьева избрали председателем Правления ДСК, он тут же сделал своего коллегу Твардовского председателем комиссии по озеленению. Озеленять в лесном поселке было нечего, поэтому работа комиссии и ее главы свелась к банальной уборке обочин перед заборами дач. Это вменялось в обязанность каждому жителю поселка, но, что греха таить, многие относились к такой повинности халатно. Твардовский не ругался с нарушителями. Он просто шел к захламленной обочине и начинал ее убирать. Обычно у владельца дачи просыпалась совесть, он выходил на аллею и помогал знаменитому поэту. Вот как вспоминает об этом Трифонов: «В один из майских дней гуляли по аллейке, и он по привычке высматривал в траве по обочинам сухой хворост, палки, дощечки – все, что годилось для костра. Собирал охапкой и тасил к себе на участок, сжигать. Я тоже подбирал какие-то палки, щепки ему в помощь».

Хотя дом на дачном участке был полностью жилым, но, естественно, новые жильцы вносили в интерьер свои изменения, что-то переделывали, перекрашивали. В первые полгода маляры гоняли запахом краски Твардовского из одной комнаты в другую, только на участке с лопатой в руках он и отдыхал, с нею лечился «от бессонницы и нервов».

Постепенно Александр Трифонович освоил все дачные окрестности. Летом каждый день ходил на речку Десну, купался практически в любую погоду или в компании с Дементьевым, которого он называл Дементом, или с Баклановым, или с Трифоновым. Особо ценил последние летние и даже осенние погожие деньки, говорил, что именно сейчас нельзя пропускать купание, хотя и прохладно, это в разгар лета можно дать послабление – впереди еще много жарких дней. Купался даже в конце октября, утверждал, что вода еще теплая – 21-23 градуса. Очень любил ходить в лес по «тендряковской» тропе и влево через просеку под проводами высоковольтной линии. Его всегда возмущал беспорядок в лесу – без плана поваленные деревья, не разобранные завалы. Он, пожалуй единственный в посел-

кс, аккуратно выкапывал в лесу деревья, перетаскивал к себе на участок и там высаживал: ели, ракиты, липки. С участка во Внуково, где теперь жила дочь Валентина, привозил клены, дубки толщиной с косовье. Не поленился высадить вдоль забора с Трифоновым цепочку елочек — они скрывали штакетник, и участок казался безграничным.

Очень любил косить траву на участке, различал запахи ранней скошенной травы и поздней, темно-зеленой августовской.

Походы или поездки за грибами — особое осеннее-летнее развлечение Твардовских. Набирали по полсотни белых, подберезовиков, негласно соревновались друг с другом, кто больше найдет боровиков, терялись в лесу. Однажды, в июле 1967 года, потерялась Мария Илларионовна, хотела «утереть нос» мужу, набрать больше него грибов. Ходила по лесу с собакой Кунькой много часов, вышла наконец на шоссе, усталая, теряющая сознание от жары, без копейки денег. Чудом Твардовский с шофером Николаем Федоровичем ее нашли. На обратном пути остановились у колодца, все жадно пили колодезную воду, и Мария Илларионовна, и дочь Валя, и Кунька. Но этот случай никого ничему не научил. Сам Твардовский любил выйти часа в четыре ночи, пойти в лес, невзирая на дождь, набрать «десятка два отличных “грибов” сверх “женской” мелочи».

Александр Трифонович любил на даче любое время года, мог найти красоту в любом загородном пейзаже. Например, ранней весной «за ночь высыпал тоненькой порошей снежок, захолодало, подскорлупилась грязь — снежок так и лежит по обочинам шоссе, и в лесу, и даже на досках моего “солярия”».

Или летом: «Вчера или третьего дня шли мы с Дементом по островку между счетверенными аллеями лип, молодых, дыгавской посадки, но уже в полную силу деревьев, — и, не поднимая головы, по запаху меда и слитному звону пчел (точно сами липы тихо звучали всей своей лиственной массой) можно было понять, что липы в цвету».

А вот про осень: «Вчера или третьего дня услышал вдруг звук, такой памятный, милый и грустный с самого детства — переливчато-трубный курлык журавлей — и вскоре рассмотрел их в этом подмосковном небе, накрывающем аэродромы, высоковольтные линии, правительственные и иные дачи, сады и огороды столичного пригорода».

Зимой были трудности на даче. Под новый 1968 год меняли котел: старый вышел из строя, воду из системы обогрева слили.

Под конец дня мастер угорел от сварных газов, работу пришлось прекратить. Хорошо, что хоть морозец был небольшой — 10 градусов. Всю ночь Твардовский топил дровами камин, да что толку, спали в одежде и под тремя одеялами. Плохо чувствовала себя Куня: может, нализалась какой-то сварочной отравы, через четыре дня умерла, уже в новом году.

«Снег и снег уже в таком излишестве, что вместо успокоительного чувства любования великолепием этого зимнего изобилия наступает чувство изнурения и нетерпения: хватит! С утра взмок, прокладывая траншею к помойнице. К машине ходим на перекресток с Центральной аллеей, разворот у Дома отдыха. Расчистки нет — машина в ремонте. К машине или к Дементу идешь сперва по нашей Средней — узенькая в один след тропочка — идешь, как по бревну, а там по слабому санному следу — просто трудно, ноги мои начинают наливаться в краях глухой, но не отпускающей болью». Изредка ходил в лес на лыжах.

Твардовский на даче работал исключительно много. Просыпался очень рано, засветло, после прогулки и работы на участке садился к столу. Пишущую машинку так и не освоил, хотя под конец жизни пытался: писал вручную. Создал поэму «По праву памяти», которую без его ведома опубликовали на Западе, написал множество стихотворений: «К обидам горьким собственной персоны», «Я знаю, никакой моей вины», «В чем хочешь человечество вины», прозу о Михаиле Исаковском, Самуиле Маршаке, Иване Бунине. Много времени занимала подготовка к печати пятитомника его прежних сочинений. Он очень много читал. Все основные произведения «Нового мира» прошли через его стол да еще многое, что опубликовать не дали: весь ранний Солженицын, роман Камю «Чума», повесть Тендрякова «Находка», «Театральный роман» Булгакова. Но помимо этого, поражал диапазон его интересов: от «Былого и дум» Герцена до «Процесса» Франца Кафки, от «Истоков и смысла русского коммунизма» Николая Бердяева до «Двенадцати цезарей» Светония.

Говоря о Твардовском, нельзя, не поступившись правдой, не сказать о его известном недуге, недостатке. Он сам его отлично сознавал, но считал менее важным, чем принципиальная жизненная позиция. «Несмотря на репутацию пьющего (эка новость это у нас!), я, безусловно, мог достигнуть высших степеней в «системе» Союза писателей, то есть оказаться во главе его. Если бы это случилось, я бы, наверное, погиб... Я избрал

другую упряжку». Пагубная привычка к выпивке очень волновала его друзей и соседей. Вот как реагировал на нее Юрий Трифонов:

«Я никак не мог для себя решить: что правильнее, раздувать пожар вместе или пытаться гасить? Правильней, конечно, было второе, да только средств для этого правильного ни у меня, ни у кого бы то ни было не доставало. Пожар сей гасился сам собой, течением дней. Мария Илларионовна однажды сказала: “Он все равно найдет. Уж лучше пусть у вас, и мне спокойней”. И верно, находил. Были знакомцы по этой части, специалисты по “нахождению” в любой час, на рассвете, в полночь».

В умении достать необходимое с утра Александр Трифонович проявлял чудеса изворотливости. Он выходил на аллею и шел по утреннему теплу к той даче, на которой, он знал, накануне были гости, отмечали какое-нибудь событие или просто собирались пообщаться. Например, он заходил на дачу к Котовым. С утра там функционировала только теща гроссмейстера.

– Генриетта Давыдовна, доброе утро, что-то зуб у меня разболелся, нет ли какого-нибудь лекарства?

Генриетта Давыдовна обладала наивностью даже большей, чем детская:

– Александр Трифонович, я вам дам прополоскать зуб настойку календулы.

Твардовский кривился:

– Нет, это не поможет. Ведь у вас вчера гости были. Может быть, что-нибудь осталось?

– Что?

– Ну, коньячок там, или наливочка.

– А разве это помогает?

– Еще как помогает!

Генриетта Давыдовна лезла в шкаф, доставала бутылочку и наливала изрядную рюмку напитка. Классик осушал рюмку одним мощным глотком, аккуратно ставил ее на стол:

– Благодарствую, теперь зубу значительно лучше!

При всем при этом Твардовского абсолютно пьяным никто не видел. Его мощный деревенский организм достойно держал удар. Ни по походке, ни по поведению нельзя было понять, сколько в нем находится спиртного. Чего нельзя было сказать о тех, кто имел смелость с ним посоревноваться. Он шел твердо, опираясь на палку, точно вдоль края асфальта, предельно прямо, чтобы не мешать встречным гуляющим семьями дачникам. Его более слабый друг, обычно это был Дементьев, не

мог придерживаться прямого курса. Его тащило от Александра Трифоновича к другой обочине дороги, там он понимал, что нужно возвращаться к своему спутнику, и снова достигал идущего Твардовского. Потом все повторялось. Казалось, мощный линейный корабль идет прямо по курсу, невзирая на волны, а угловое суденышко лавирует против ветра, чтобы не отстать от флагмана.

Свой скверный вклад в готовность найти выпивку для Твардовского в любой момент вносил поселковый рабочий Николай по прозвищу Колька Тепленький.

О нем вспоминает все тот же сосед Твардовского: «Коля – забавнейший тип. В нем была какая-то обманчивая доброта, привязчивость, готовность сию минуту помочь и сделать что-либо бескорыстно; кипела страсть изобретательства, он выдумывал, сочинял, бросался в разные артельные и единоличные предприятия, ничем не гнушался, но вершиной всех его хитроумнейших замыслов бывало одно: трояк на бутылку. Почему это я вдруг вспомнил про Колю? Он как-то прочно впаялся в мою жизнь на Пахре. Мы часто говорили о нем с Александром Трифоновичем, обсуждали его живописные качества. Угадывали его хитрости, смеялись над его словечками. “Александр Трифонович, жализо для крыши не надоть? Могу завтра принести. Только сегодня трояк нужен – ребятам отдать...” Его так и звали: Коля-жализо.

Александр Трифонович относился к Коле хорошо, поручал ему изредка мелкую работенку – то водосток сделать, то колпачок над трубой, – до того дня, когда Коля, на свою беду, не совершил вопиющей неосторожности. Александр Трифонович однажды заметил, как Коля, находившийся на соседнем участке и собиравшийся прийти к нему, вздумал сократить путь и сиганул через забор. Александр Трифонович крайне возмутился.

Несколько раз Александр Трифонович рассказывал об этой истории с гневом:

– Человек, который прыгает через забор, когда есть калитка, способен на все...»

Из дачных соседей Твардовский ближе всех общался с Орестом Верейским, иллюстратором «Василия Теркина» и земляком поэта, с авторами «Нового мира»: Владимиром Тендряковым, Юрием Трифоновым, Григорием Баклановым, с коллегой Александром Дементьевым, а также с Константином

Симоновым, Геннадием Фишем, Зиновием Гердтом. При этом он умудрялся на них как-то по-детски обижаться: на Бакланова, что тот поехал в США с Михаилом Алексеевым, одним из главных хулителей Твардовского, на Трифонова и Тендрякова за то, что остались авторами «Нового мира» после разгрома старой редакции... Бакланов вспоминал о посещениях дачи Твардовских: «Дом у Твардовских был хлебосольный, хозяйка Мария Илларионовна хорошая, и за столом Александр Трифонович сидел, сдержанно гордись. Для него вообще, как можно было заметить, дом существовал не в городском понимании, а скорее в крестьянском, родовом: это не место жительства, которое легко меняют ввиду лучших удобств, это – твоё место на земле».

В общении с людьми, соседями Твардовский был крайне противоречив. Считал вторым сортом тех, в которых не видел писательского или поэтического дара. Например, со своим соседом Иосифом Диком общался, был даже на «ты», но никогда не говорил с ним о литературе. С другой стороны, мчался в Калугу, чтобы навестить Жореса Медведева, диссидента, помещенного в местную психиатрическую больницу. Александр Трифонович материально помогал матери и сестрам, оставшимся жить в Смоленской области.

Свою Ленинскую премию за поэму «За далью даль» Твардовский перечислил всю, до копейки, на «культурное строительство» родной Смоленщины.

В еде Александр Трифонович был крайне неприхотлив. Любимым блюдом была яичница с салом, в которую можно было макать хлеб. В семье это кушанье называли «Саша-иди-макай».

Твардовский регулярно ездил с дачи в редакцию «Нового мира». Своего автомобиля у него не было, но ему полагалась служебная «Волга» как секретарю Союза писателей и кандидату в члены ЦК КПСС. По отзыву Роя Медведева, «Твардовский не пользовался большим полагаясь ему “номенклатурных благ”... Если приходилось возвращаться домой на служебной “Волге”, почти всегда платил он шоферу.. Это крайне раздражало других секретарей Союза писателей и главных редакторов журналов...»

Юрий Трифонов позже вспоминал о совместных походах с Твардовским на речку летом 1969 года: «Александр Трифонович был крепок, здоров, его большое тело, большие руки

поражали могучностью. Вот человек, задуманный на столетие! Он был очень светлокожий. Загорелыми, как у крестьянина, были только лицо, шея, кисти рук. Двигался не спеша, но как-то легко, сноровисто, с силой хватался за ствол, с силой отталкивался и долго медленно плывал.

В июне шестьдесят девятого года теплыми утрами на реке, от которой парило, я видел зрелого и мощного человека, один вид которого внушал: он победит!»

К сожалению, не победил. В 1970 году он был вынужден покинуть свой родной журнал. Дело к тому шло давно, фактически после прихода к власти Леонида Брежнева, когда поставили задачу задушить ростки свободы «хрущевской оттепели» или, как ее стали называть, «слякоти». Журнал стали ругать за «очернительство», «искажение истории», «критику колхозного строя». Твардовского лишили ближайших сотрудников. Его, бывшего депутата Верховного Совета РСФСР нескольких созывов, члена Центральной Ревизионной комиссии КПСС, кандидата в члены ЦК КПСС, больше уже не избирали в подобные органы. Причем находили особо обидные способы подчеркнуть изменение его статуса. Например, дочь Ольгу не пустили в «кремлевскую» поликлинику, куда вся семья Твардовских была прикреплена, а ей нужно было через несколько дней рожать. Александр Трифонович позвонил академику Чазову, начальнику 4-го Управления Минздрава СССР, тот согласился еще на два месяца оставить Ольгу под поликлиническим наблюдением. Первую явную попытку подвинуть Твардовского с редакторства сделали в 1967 году. Вот что написал об этом Трифонов: «На другой день поехал в Пахру, и в тот же вечер или, может, спустя день Александр Трифонович зашел ко мне. Вид его был ужасен. Он был то, что называется убит. Взгляд померкший, разговаривал еле слышным шепотом.

— Конец... Все кончилось...

Мы сидели на веранде за большим пустым столом. Он ничего не хотел. Палку, с которой ходил обычно, поставил между ног, опираясь на нее двумя руками тяжело, бессильно. Вдруг заговорил со мною на «ты»:

— Хорошо, что у тебя тут дача... Вот и живи тут, копайся в саду... Правильно сделал, что купил...

Он говорил так, и состояние его было таково, будто все уже произошло, он изгнан, журнал уничтожен. Однако он ошибался, как многие. Дали отсрочку еще года на полтора.

И прошло отчаяние, как все проходит, опять были заботы о номере, пробивание, борьба, надежды, радость...»

Но власть отложила расправу с главным редактором еще на полтора года. В феврале 1970 года условия работы стали невыносимыми, и он вынужден был незадолго до своего шестидесятилетия покинуть журнал. А. И. Солженицын так отозвался об этом событии: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище — его страсть — его журнал».

Грехов у поэта накопилось множество. Он отказался подписать письмо с осуждением Синявского и Даниэля, не поддержал вторжение советских войск в Чехословакию. Его поэму «По праву памяти» напечатали на Западе, а «Теркина на том свете» поставил Театр Сатиры. Этот спектакль разнес в газете «Советская культура» ее редактор, бывший секретарь ЦК комсомола Белоруссии Д. Большов. Спектакль сняли, а Большова назначили замом в «Новый мир». Вот тогда оскорбленный Александр Трифонович и написал заявление об уходе.

Шестидесятилетие Твардовского вышло грустным. Журнал отняли, многие друзья отвернулись, вместо Героя Соцтруда, как намечалось, дали орден Ленина, уже третий. На Пахре собрались только ближайшие друзья — соседи по даче — Верейский, Тендряков, Трифонов, Дементьев, Бакланов, Фиш, Гердт да несколько человек из разгромленной редакции «Нового мира».

Умер Твардовский в самом конце 1971 года: сначала инсульт, потом скоротечный рак, спасти его уже было невозможно.

Главной своей заслугой, выше, чем все поэтические произведения, считал Твардовский открытие миру Александра Солженицына. Именно после публикации в 1962 году в «Новом мире» его повести «Один день Ивана Денисовича» в обиход вошел термин «новомиральская проза» — то есть остро социальная и художественно значимая. Интересно написал сам Солженицын о Твардовском: «Твардовский от чистого сердца любил меня, но тиранически, как любит скульптор свое изделие, а то и как сюзерен своего лучшего вассала...» А наверное, это неправда. Ведь когда Твардовский уже лежал на даче, прикованный к постели, почти не мог говорить и вдруг узнал о присуждении Солженицыну Нобелевской премии, он неожиданно для окружающих крикнул: «Браво! Победа! Так “им” и надо!» Просто Солженицын откровенно ненавидел советский строй и

все, что с этим было связано, а Твардовский до конца мучился, разбираясь в противоречиях этого строя.

Когда у Симонова спросили про «высочайшие вершины» в военной литературе, он сказал: «Их только две — “Война и мир” Толстого, это вне конкуренции, и “Теркин” Твардовского».

Вот слова Григория Бакланова на смерть поэта: «Ни в Твардовского, ни в Есенина не назначают. Жизнь богаче оттого, что они есть, бедней — когда их нет. Твардовского нет, и многое стало не стыдно».

ЮРИЙ БОНДАРЕВ (1924)

Юрий Васильевич Бондарев, автор знаменитых произведений, входивших в школьные программы, являет собой пример жизненного и творческого долголетия. В своем почтенном возрасте он продолжает работать над книгами, размышлять над природой вещей, анализировать таинство рождения литературных произведений.

Он искренне сокрушается, что в наше время молодые писатели не имеют той государственной поддержки, что имели его соотечественники по Литературному институту: их вводили в редакции литературных журналов, помогали с публикациями, способствовали поиску материала для литературы, который может дать только жизнь.

Юрий Бондарев родился 15 марта 1924 года в городе Орске Оренбургской области. Предки Бондарева по отцовской линии из уральских крестьян. Отец Василий Васильевич успел повоевать в Первую мировую, во время Гражданской войны вступил в партию большевиков, активно укреплял Советскую власть на Урале. Работал народным следователем, получил юридическое образование, работал в коллегии адвокатов. Дед со стороны матери Клавдии Иосифовны – железнодорожный рабочий из Полтавы. Все двадцатые и начало тридцатых годов семья Бондаревых колесила по азиатской части Советского Союза. Зауралье, Южный Урал, Средняя Азия – вот маршрут семьи Бондаревых, постепенно обрастающих детьми. В 1927 году родилась сестра Элеонора, в 1936 году – младший брат Евгений. К тому времени семья уже перебралась в Москву, в Замоскворечье, которое писатель вспоминает во многих своих произведениях.

Свой первый рассказ будущий писатель написал в школе. И назывался он по-школьному: «Как я провел лето». Лето он провел на реке Белой в башкирской деревушке Чишмы у своего дяди, Федора Иосифовича Гришаенко. Там подружился с Сашей, двоюродным братом. Все время братья проводили на реке, плавали наперегонки, катались на лодке, жили в лесу. Сочинение содержало точные и тонкие описания природы.

Учительница русского языка и литературы Мария Сергеевна Кузовкина попросила Юру прочитать сочинение перед всем классом, а потом посоветовала завести дневник для записи своих наблюдений. Тот внял совету, начал вести в школе литературный журнал, но война помешала.

Молодые люди 1923–1924 годов рождения на своих плечах вынесли всю тяжесть войны. Бондарев попадает на фронт под Сталинград в октябре 1942 года в качестве артиллериста. Получил контузию, ранение, обморожение. После госпиталя снова в противотанковой батарее, форсировал Днепр и участвовал в штурме Киева. Снова ранен под Житомиром, снова – в госпиталь. В 1944 будущий писатель воевал в Польше, затем в Карпатах, на границе с Чехословакией, затем направлен на учебу в Чкаловское училище зенитной авиации, после окончания которого признан ограниченно годным и демобилизован по ранениям.

Бондарев относится к тому удивительному поколению лейтенантов-фронтовиков, которое не только выжило в войне, но и дало всему миру выдающихся советских писателей: Виктора Некрасова, Константина Воробьева, Евгения Носова, Бориса Васильева, Василя Быкова, Григория Бакланова.

После армии Бондарев в поисках своего жизненного пути поступил в шоферскую школу, потом подал документы на подготовительное отделение Московского авиационно-технологического института, даже думал об учебе во ВГИКе. Все планы спутал случай: школьный друг, которому Юра дал почитать тетрадку со своими заметками о войне, заявил безапелляционно: «У тебя талант. Срочно неси документы в Литературный! Есть такой институт!»

В 1946 году он поступил в Литературный институт, был зачислен в семинар замечательного писателя Константина Паустовского и закончил учебу в 1951 году. Печататься начал в журналах «Огонек», «Смена», «Октябрь» и в 1951 году был при-

ният в Союз писателей СССР, а в 1953 году вышел первый сборник его рассказов «На большой реке».

В центре всех его последующих произведений была война. Война без прикрас, опасная, в огне которой писатель сделал несколько выводов на всю жизнь: «человек рождается для любви, а не для ненависти», «легкой жизни не бывает, бывает лишь легкая смерть». Работает он очень много и плодотворно: в 1950-е годы пишет «фронтовые» повести «Юность командиров», «Багальоны просят огня», «Последние залпы», положившие начало целому направлению в советской литературе. Бондарев становится очень популярным в Советском Союзе и за рубежом, его произведения широко издаются за границей.

В 1962 году в дачном поселке Красная Пахра он покупает небольшую дачу у известного писателя Николая Вильмонта, чтобы тихо, спокойно работать на природе, вдали от московской суеты и городских проблем. Он увеличил дом, построил на втором этаже кабинет, и в этом кабинете создал большинство своих произведений после 1962 года. Практически сорок лет он работал по жесткому графику. Просыпался в восемь часов утра, делал интенсивную зарядку, затем недолгий и не очень плотный завтрак: каша, яйцо или яичница, чай. В девять часов он поднимался в кабинет и писал практически без перерывов до четырех часов.

Вначале он очень много курил, до двух пачек в день. В пепельнице собиралась гора окурков. В 55 лет Юрий Васильевич решил, что выкуривать такое количество табака — это уже чрезмерно. Бросал нелегко, но силы воли хватило, и бросил. Был, правда, один недолгий срыв, но сейчас даже запаха табачного дыма не выносит. Какое-то время просто жевал мундштук сигареты и, не зажигая ее, бросал в пепельницу. Это ужасно раздражало Сергея Михалкова, с которым Бондарев тогда работал в Союзе писателей. «Зачем портить утро?» — ворчал тот. Однако, такая манера стала просто отвлечением, такое встречается у некоторых людей, машинально рисующих фигурки на листе бумаги.

Потом следовали обед, недолгая прогулка по аллеям поселка, отдых. Вечером снова к столу и работа до ужина. Такой сложный график Юрий Васильевич почерпнул из дневников своего любимого писателя Льва Николаевича Толстого.

Бондарев пишет ручкой и только ручкой. Он считает, что она имеет магическую и магнетическую связь с подсознанием.

Объяснить процесс творчества невозможно. Чтобы сесть за стол, писатель должен находиться в определенном настроении. Для Юрия Васильевича настроение — главное условие творчества. Другое дело, что это настроение бывает смутным, оно как будто только шевелится в теплом тумане — нечто зыбкое, когда-то знакомое. Бондарев называет это состояние душевным равновесием. Невероятно мешает состояние возбуждения. В таком настроении проза будет чересчур нервной, а такой она быть не должна. Но вместе с этим, нет смысла садиться за письменный стол в состоянии какого-то «мертвенного» покоя. Требуется именно равновесие. Бондарев пытается сформулировать то, что, пожалуй, формулировке не поддается: «Возбуждение, напряжение исходит из самих слов, из текста. Одно слово тянет за собой другое или увлекает другое, этого в точности никто не знает. Тогда рука пишет, она знает, что писать. От настроения идет фраза, ритм, тон вещи. Все произведения Ивана Бунина написаны в определенной тональности, в его рассказах настроение выявлено с самой первого абзаца».

Юрий Васильевич правит текст прямо по написанному, затем отдает в печать. Второй и третий раз правит текст по напечатанному, и это уже окончательный вариант для издания.

В свободные дни, в воскресенье или после окончания работы Бондарев с женой и дочерьми нередко ходил на речной пляж, катались на лодке, которую брали напрокат на лодочной пристани. На весла садился Бондарев, женщины располагались в качестве пассажиров. Он мог грести долго и не уставая, сказывалась спортивная подготовка и хорошая физическая форма. До войны у Юры был второй разряд по спортивной гимнастике, он был готов к участию в соревнованиях на первый разряд, но помешала война. Вторым спортивным увлечением были яхты. Здесь он получил звание рулевого яхты класса М-20.

По своим убеждениям Бондарев писатель патриотического направления. Причем, эти убеждения далеки от конъюнктурных соображений. Он стоял на своих позициях прочно, и это принималось далеко не всеми знакомыми однозначно. При всем при том Бондарев отзывается о большинстве своих соседей тепло, с уважением и с горечью вспоминает ранний уход из жизни некоторых из них.

Из соседей по поселку Бондарев очень долго и тесно общался с композитором Модестом Табачниковым. Песни этого

композитора помнил и любил еще с войны: «Давай закурим, товарищ, по одной», «Ты одессит, Мишка», «Над синим Доном». При очной встрече у них возникло ощущение давнего и тесного взаимопонимания. Табачников интересовался литературой, даже сам был автором текста песни об Одессе «Жемчужина у моря». И они вели нескончаемые разговоры о литературном и музыкальном творчестве. Табачникова интересовало, как приходит в голову литературного произведения, что служит толчком для написания вещи, как строится сюжет. Когда Бондарев задавал ему аналогичные вопросы о музыке, Модест Ефимович садился за рояль и начинал играть что-нибудь новое. Это было для Бондарева чрезвычайно интересно, ведь он считал и считает музыку голосом природы.

С Виктором Розовым и его женой Надеждой Варфоломеевной Бондаревы дружили семьями. Юрий Васильевич с любовью вспоминает их совместные прогулки по аллеям поселка, чаепития то на террасе у Розовых, то в каминной комнате у Бондаревых. Виктор Сергеевич был человеком с большим юмором, прекрасным рассказчиком. Даже в самых серьезных своих рассказах у него проскальзывали шутки, и тогда друзья весело смеялись. У Надежды Варфоломеевны был крепко поставленный голос и свойство разговаривать с мужской решительностью. Она часто рассказывала житейские или театральные истории, которые Юрий Васильевич любил слушать. Вообще, Бондарев гораздо больше любит слушать, чем сам рассказывать, как губка впитывает информацию. Он очень жалеет, что сейчас с ним рядом уже нет интеллигентных людей, подобных Розову. Виктору Сергеевичу не были свойственны конформизм, зависть, искажение фактов, что иногда встречается в интеллигентной среде.

С Юрием Трифоновым Бондарев дружил с институтских времен. Говорили они преимущественно о литературе. Однажды Юрий Валентинович позвонил своему тезке и другу:

– Юра, приезжай в Союз, – под «Союзом» подразумевался ресторан Дома литераторов, который Бондарев и тогда не любил, а сейчас терпеть не может.

– Зачем?

– Выпьем по рюмочке коньячка, поговорим.

От таких дружеских предложений отказываться было не принято. Они встретились.

После первой рюмки Трифонов сказал Юрию Васильевичу:
— Ты написал такую вещь... Теперь нам всем будет легче писать, потому что ты сказал то, что очень трудно говорить.

В этом был весь Трифонов. В нем не было ревности к чужому труду, чужому успеху. Он никогда не говорил плохого слова ни о ком из писателей. И был искренне влюблен в литературу.

Хорошо вспоминает Бондарев о Михаиле Абрамовиче Червинском. Близкими друзьями они не были, но Юрий Васильевич подолгу любил с ним беседовать. Червинский был великолепным рассказчиком. Вдруг, без всякого повода, он говорил:

— Знаете, Юра, заходим мы как-то в ЦДЛ...

Далее следовала невероятная смешная история. В этом была какая-то открытость души, доброта, которые Бондарев в нем чрезвычайно ценил.

С Владимиром Михайловичем Крепсом разговоры касались в основном кино. В начале 1960-х Юрий Васильевич был главным редактором Объединения писателей и киноработников на студии «Мосфильм». Крепс работал в этом объединении, был редактором кинофильма «Тишина» по роману Бондарева. На «Мосфильме» раз в неделю показывали западные фильмы, которые не шли в широком прокате, и киноработники смогли познакомиться со всем итальянским неореализмом, авангардизмом, с фильмами Антониони, Феллини и лучшими лентами, снятыми в Голливуде. Для обсуждения фильмов лучшего собеседника, чем Владимир Михайлович, трудно было себе представить. Его юмор, блестящее знание мирового кинематографа делали такие разговоры не только полезными, но и необычайно занимательными.

Еще одним соседом Бондарева был Михаил Ильич Ромм. Блестящий кинорежиссер и сценарист, автор таких шедевров мирового кинематографа, как «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918», «Обыкновенный фашизм» и «Девять дней одного года», к тому же учитель Г. Чухрая, Т. Абуладзе, В. Шукшина, А. Митты, А. Тарковского, Н. Михалкова, С. Соловьева, Михаил Ромм был ярким выдающимся человеком, к которому все понимающие кино люди относились с громадным уважением. Близко познакомились они на студии «Мосфильм», где был принят к постановке фильм «49 дней» по совместному сценарию Бондарева, Тендрякова и Бакланова. Фильм рассказывал о том, как баржу с четырьмя молодыми солдатами унесло в открытое море.

Семь недель практически без еды и питья они дрейфовали на ней, пока их не заметили американские летчики. Ромму понравился сценарий, ему захотелось принять участие в этой работе, и он стал редактором фильма. Сценаристы много и подолгу встречались с Михаилом Ильичем, человеком серьезным, глубоким и умным.

С другим своим соседом Геннадием Фишем, литератором и переводчиком, Юрий Васильевич общался много и запросто. Его участок был вблизи, поэтому тот неизменно подходил к забору во время строительства дачи и одобрял ход реконструкции. Жена Фиша, Татьяна Аркадьевна, позже была редактором одной из книг Бондарева «Мгновения». Фиш был известен прекрасными очерками о скандинавских странах. Когда Юрий Васильевич собирался ехать по приглашению в Скандинавию, он проштудировал книги Фиша и был полностью подготовлен к командировке.

С Александром Котовым Бондарев пытался разобраться в общности и различиях таких творческих областей как литература и шахматы. Ему было сверхинтересно столкнуться с представителем совсем другого умственного труда, ибо он считал, что в шахматах больше прагматизма, точности, они ближе к математике, технике, чем литература, хотя допускал наличие вдохновения и в шахматной игре.

Произведения Юрия Бондарева много и часто печатались и печатаются за границей. В 1950-е годы он только один раз был за рубежом, но в последующие тридцать лет такие поездки стали регулярными. Приглашали издательские дома, коллегиписатели, на международные конференции, симпозиумы, даже на собрания отдельных писательских организаций. Приглашали университеты и колледжи на встречи со студентами и преподавателями, в пятидесятые и шестидесятые годы сверхпопулярны были международные дискуссии писателей. Нужно было не только приезжать, но и обязательно выступать перед своими коллегами. В те времена советская литература была в большом почете за рубежом. Произведения Юрия Бондарева переведены на 85 языков народов мира.

Эти поездки не только пропагандировали советскую литературу, они дали возможность Бондареву встречаться и разговаривать с самыми крупными американскими и европейскими писателями того времени, многими лауреатами Нобелевской и

Пулитцеровской премий. Юрий Васильевич с большой теплотой вспоминает эти встречи.

У Джона Стейнбека он был дома. Автор знаменитых романов «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей» побывал в СССР в 1948 году, посетил Москву, Киев, разрушенный Сталинград. Его очерки, объединенные в книгу «Русский дневник», с юмором описывали его встречи с простыми людьми, были лишены идеологического привкуса, столь горького во времена холодной войны. Жена запрещала Стейнбеку выпивать даже при гостях, а тот был большим любителем этого занятия. Когда Стейнбек пригласил Бондарева к себе, то усадил его рядом с собой и произнес со смешным акцентом:

– Юрий!

Далее застолье превратилось в своеобразную игру. Стейнбек внимательно следил за передвижениями жены по дому, и как только она отвлекалась, жестом показывал Бондареву на свой бокал и бутылку. Тот, старый солдат, не мог ему отказать и подливал. Джон быстро забрасывал содержимое в рот и после этого разговаривал с независимым видом. Диалог о судьбах литературы в наших странах продолжался.

В 1963 году Стейнбек приезжал вторично в Советский Союз. К сожалению, Бондарева тогда в Москве не было. На многочисленных встречах с советскими деятелями культуры лауреат Нобелевской премии поддерживал войну США во Вьетнаме.

В знак дружбы Стейнбеку приходилось пить бесчисленные мировые, что не лучшим образом отразилось на его здоровье.

В своих многочисленных поездках по США Бондарев побывал в домах у Сола Беллоу, Джона Чивера, Джона Апдайка, Ирвинга Стоуна. Последний был не только очень хорошим писателем, у него был безукоризненный вкус архитектора. Он с гордостью показывал свое имение: жилые комнаты, библиотеку, круглую комнату для курения, бассейн, комнату, в которой работали его помощники, собиравшие материалы для его биографических книг.

Но встреча с Эрнестом Хемингуэем, к сожалению, не состоялась. Мери, его вдова, с которой Юрий Васильевич все-таки встретился, говорила ему, что Эрнест читал какие-то произведения советского писателя, был о них хорошего мнения, но что именно читал американский классик узнать, увы, не удалось.

Начало 1990-х годов раскололо страну. Союз писателей СССР распался на множество организаций. В России возникло два твор-

ческих союза: Союз писателей России, объединивший писателей патриотического направления, и Союз российских писателей, куда вошли демократы. Бондарев был избран председателем Союза писателей России и руководил Союзом с 1991 по 1994 год, в самое тревожное время борьбы «перестройщиков» и «патриотов». В стране установился государственно-монополистический капитализм, строй победивших чиновников, олигархов и спецслужб, одинаково далекий как от идеалов социализма, так и от демократических ценностей.

В августе 1991 года Белый Дом обороняли демократы против сил ГКЧП. В октябре 1993 года Белый Дом, в свою очередь, обороняли патриоты, среди которых был и Юрий Бондарев.

С тех пор многие оценки событий поменялись. Недаром публицист Леонид Радзиховский 16 лет спустя так охарактеризует события октября 1993 года: «Бессмысленное и беспощадное противостояние двух ветвей власти, у которых не было по сути никаких разногласий, кроме слепой корпоративной ненависти и спора, кто кого в землю закопает».

За полтора года до этого произошли другие события, которые впоследствии и привели писателя в осажденный правительственными войсками Белый Дом. 12 июня 1992 года, в день Независимости России, началось пикетирование телецентра «Останкино». Основными действующими лицами были члены «Трудовой России» Виктора Ампилова. Формально они требовали предоставления оппозиции ежедневной пятнадцатиминутной информационной программы по Центральному телевидению. Однако, помимо этого, выдвигался лозунг «телевидение – русским». У телецентра разбили палаточный городок, и пикетирование превратилось в круглосуточное. Апогея события достигли 22 июня, в день начала войны. По громкоговорителям передали запись речи Юрия Левитана о вероломном нападении германских фашистов на СССР. К вечеру соответствующим образом настроенные массы двинулись к Манежной площади. В шествии приняли участие и лидеры Союза писателей России. Во главе писательской колонны шел Юрий Бондарев, рядом с ним были писатели-патриоты Юрий Кузнецов, Михаил Алексеев, Михаил Лобанов. На площади Рижского вокзала дорогу движению перекрыл ОМОН. Масса людей оказалась зажатой на площади. Народ прибывал, а милиция шествие дальше не пропускала.

Бондарев со своими коллегами подошел к закованным в доспехи из щитов и бронежилетов омоновцам:

— Я писатель Юрий Бондарев. Вам мое имя знакомо?

Ряды бойцов зашумели, кто-то сказал:

— «Горячий снег», — и это название начало передаваться по рядам.

Бондарев тщательно подбирал слова, понимая, что напряжение в массах достигло предела.

— Вам сейчас очень трудно, ребята. Я понимаю, приказы не обсуждают. Но помните, жизнь не заканчивается нынешним днем. Вы вернетесь домой, и когда-нибудь ваши дети спросят у вас, что было в Москве 22 июня 92-го. Подумайте, что вам придется ответить. Что рассказать о вашей роли сегодня?

Конечно, колоннам пройти не дали, но и мясорубки не случилось.

Через день в одной из центральных газет был опубликован репортаж Юрия Васильевича об этом дне: : «В тот день я особенно ясно увидел, что такое ложь и что такое правда, и особенно остро почувствовал, что я частица своего великого и униженного народа, чья боль — моя боль. Как будто в жаркий день 41-го года под Рославлем я на зубах ощутил вкус этой боли».

Бондарев отказался от награждения орденом Дружбы народов и ответил телеграммой лично Президенту России Борису Ельцину: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны».

Для себя Юрий Васильевич извлек из того времени ясные уроки. В 1999 году он первым из современных прозаиков дал литературное осмысление трагического 1993 года в романе «Бермудский треугольник».

Творческий путь немногих из советских писателей был отмечен таким количеством наград и премий, как путь Юрия Васильевича Бондарева. Он лауреат Ленинской премии за сценарий фильма «Освобождение», двух Государственных премий СССР за романы «Берег» и «Выбор», Государственной премии РСФСР за сценарий фильма «Горячий снег», многих литературных, в том числе зарубежных, премий. Он награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Трудового красного знамени, Знаком почета и множеством медалей. Он действительный член пяти академий, почетный профессор Государственного открытого педагогического университета.

К своему шестидесятилетию Бондарев стал Героем Социалистического труда.

Бондарев занимал высокие государственные и партийные посты: избирался депутатом Верховного совета РСФСР IX и X созывов, был заместителем председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР в 1984-89 годах, членом ЦК Компартии РСФСР в 1990-91 годах.

Юрий Васильевич много печатался и в нашей стране, и за рубежом. В СССР и в России вышло четыре собрания сочинений Бондарева. Когда к восьмидесятилетию писателя в залах бывшей Ленинской библиотеки была развернута выставка его произведений, она не смогла вместить всех его книг.

Принципиальность и личное мужество писателя заставляют относиться к нему с уважением не только друзей и сторонников, но и недругов.

ЮРИЙ ТРИФОНОВ (1925–1981)

Как сказала весьма свободомыслящая писательница Дора Штурман, «Юрий Трифонов – писатель советской эпохи, но не советский писатель. Юрий Трифонов просто большой русский писатель страшного времени». Юрий Валентинович Трифонов родился 28 августа 1925 года в Москве в семье крупных революционных деятелей. Его бабушка по материнской линии, Татьяна Александровна Словатинская, начала заниматься подпольной работой еще в 1898 году, то есть с момента образования Социал-демократической рабочей партии. Для этого она даже бросила Санкт-Петербургскую консерваторию, выполняла различные партийные поручения и до революции была хозяйкой конспиративной квартиры, где останавливались Ленин, Сталин, Калинин. Отец и дядя будущего писателя, настоящие донские казаки Валентин Андреевич и Евгений Андреевич Трифоновы, вступают в партию в 1904 году, один в возрасте 16 лет, второй – в 19 лет. Это и предопределило весь их дальнейший жизненный путь, закончившийся крайне трагично. Активное участие братьев Трифоновых в революционном движении привело к их многочисленным ссылкам и каторжным работам, зато после победы революции братья достигли больших высот в советской номенклатуре. Во время революционного восстания 1917 года Валентин Андреевич был уже секретарем большевистской фракции Петросовета и комиссаром Васильевского острова. В дальнейшем Евгений становится командующим армией, а Валентин занимает высокие военные и дипломатические посты. Его последняя должность – Председатель концессионного комитета, занимавшегося пре-

доставлением организациям и частным лицам концессий на производственную и торговую деятельность. Достаточно сказать, что до Трифонова эту должность занимали такие видные советские деятели, как Георгий Пятаков, Лев Троцкий, Лев Каменев. Все они впоследствии были репрессированы. Не стал исключением и Валентин Трифонов. 21 июня 1937 года его арестовывают на даче в Серебряном бору. В конце того же недоброй памяти года от инфаркта умирает Евгений Трифонов, а его брата расстреливают 15 марта 1938 года возле совхоза «Коммунарка», где впоследствии нашли десятки тысяч трупов репрессированных коммунистов. Интересно, что спустя 27 лет Юрий Трифонов будет частенько ездить на свою дачу мимо этого жуткого места, впрочем, не подозревая, что оно связано с трагедией его семьи. А тогда жизнь маленького Юры менялась, как при взлете и падении на качелях. В 1933 году семья въезжает в шикарную квартиру дома № 2 по улице Серафимовича, в знаменитый «Дом на набережной». После расстрела отца, естественно, арестовывают и мать, Евгению Абрамовну Лурье, которая отправляется в ссылку в Карлаг под Карагандой. Подобная участь не минует и других взрослых родственников братьев Трифоновых. Остатки семьи вышвыривают из квартиры на улице Серафимовича по сути дела на улицу. Однако маленькому Юре и его сестре Тане повезло, их бабушка Татьяна Словатинская оформила над ними опеку.

Вскоре началась война, вместе со своей бабушкой, чудом не подвергшейся репрессиям, он уезжает в эвакуацию в Ташкент, где в 1942 году заканчивает школу. Поражение немцев под Москвой позволило бабушке с внуком вернуться в Москву. Там Юра идет работать на авиационный завод слесарем. От армии его освобождают из-за сильной близорукости. Трифонов быстро двигается по служебной лестнице, становится диспетчером цеха, но предпочитает работу редактора многотиражки. Здесь и проявилось призвание всей его жизни, хотя писать он начал очень рано, первый рассказ написал в 9 лет, а с 12 лет посылал литературный кружок Дома пионеров. Кстати, неплохо писали и его дядя, и его мать. В 1944 году он поступает в Литературный институт имени М. Горького.

В 1946 году в Москву возвращается из ссылки мать писателя Евгения Абрамовна. Это был редчайший случай, что ей не продлили срок ссылки и даже разрешили жить в столице. Татьяна Александровна Словатинская обратилась с просьбой

к «всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинин, которого она знала еще по подпольной революционной работе. Тому удалось сделать по отношению к Трифоновой то, что не удавалось добиться для собственной жены.

Литературный дебют Юры становится фантастически удачным. В качестве дипломной работы Трифонов представляет экзаменационной комиссии рукопись повести «Студенты». В институте это произведение вызвало бурю восторгов. Константин Федин, руководитель курса, уговорил даже Александра Твардовского опубликовать «Студентов» в «Новом мире», где он был членом редколлегии. Повесть была напечатана в двух номерах за 1950 год и встретила очень теплый прием. Главный режиссер Театра имени М. Н. Ермоловой Андрей Лобанов предложил сочинить по мотивам повести пьесу, которую сам и поставил. Валентин Катаев при встрече даже сказал Юре, что в два счета сделал бы из него Ильфа с Петровым. Но начальство ждало реакции партийного руководства. От сердца отлегло, когда в январе 1951 года в газете «Правда» была опубликована положительная рецензия. Дальше произошло подлинное чудо. Повесть выдвигают на соискание Сталинской премии.

В распределении премий своего имени участвовал сам вождь. Когда начали обсуждать повесть Трифонова, кто-то из доброжелательных чиновников напомнил Сталину, что у писателя родители – враги народа. Тот, склонный к парадоксальным решениям, прищурился и спросил у Федина: «А книга-то хорошая?» «Хорошая», – подтвердил Константин Александрович. Тогда, согласно легенде, Иосиф Виссарионович перечеркнул в списке напротив фамилии Трифонова фразу «премия второй степени» и начертил над ней «третьей степени». Это автоматически сократило премию вдвое – с пятидесяти тысяч рублей до двадцати пяти, но выпускник Литературного института почувствовал себя триумфатором. Денег хватило на автомобиль «Победа» и на некоторые бытовые мелочи.

В мае 1951 года Трифонов женится на ученице Валерии Владимировны Барсовой солистке Большого театра Нине Нелиной. Нина Нелина была дочерью видного еврейского художника Амшея Марковича Нюренберга. У нее было прекрасное колоратурное сопрано, а помимо того, она была необыкновенно красивой женщиной: шатенкой с вьющимися волосами и с прекрасными ярко-голубыми глазами, да еще и красилась в блондинку в молодости. Возможно, именно ее красота и из-

вестность в качестве оперной примы послужили впоследствии причиной слухов о ее любовной связи с «великим и ужасным» Лаврентием Берия, который дюже был охоч до красивых и талантливых женщин. Впрочем, такие слухи сопровождали в то время очень многих красивых и успешных женщин. Ради Трифонова Нина бросает сцену Большого театра и переходит на работу в Москонцерт, чтобы иметь больше времени для общения с мужем.

А затем наступил довольно затяжной период неудач. Завистники потребовали создать специальный секретариат Союза писателей СССР. Молодому писателю вменялось в вину то, что он скрыл при поступлении в институт правду о своей семье. Предлагалось исключить Юру из комсомола, а это означало закрыть для него всю дальнейшую писательскую карьеру. Трифонова громили известные писатели-ретрограды Михаил Бубеннов, Леонид Соболев, Федор Панферов и примкнувшая к ним, возможно из зависти, Мариэтта Шагинян, так же, как и никому не известный мальчишка, получившая в том году сталинскую премию третьей категории. Вступился за Трифонова только Василий Гроссман. Дело кончилось строгим выговором с занесением в учетную карточку и годовой задержкой выхода его повести в издательстве «Молодая гвардия».

В декабре 1951 года у Трифонова и Нелиной рождается дочь Ольга.

Но вот в творческом плане его начали преследовать неудачи. Общественность думала, что он продолжит тему, принесшую ему успех, будет писать об аспирантах, молодых ученых, но сам Трифонов считал, что эта тема для него исчерпана. В 1952 году Юрий Валентинович выбил у Твардовского командировку от журнала «Новый мир» в Туркмению. У него появилась идея второй повести — об отрядах строителей Каракумского канала. Он даже начал ее писать, но в этот момент умер Сталин, и стройку закрыли как нерентабельную. Юрий Валентинович не знал, что дальше с этой темой делать. «Моя повесть застряла, как эти отряды в песках», — впоследствии описал ситуацию Трифонов. Положение осложнялось тем, что от полученной Сталинской премии уже не осталось ни копейки, а молодой семье нужно было на что-то жить. Автомобиль довольно быстро продали, тем более что сам Юрий Валентинович его не водил, а оплачивать услуги шофера денег не было. Начались первые

семейные конфликты. «Нина думала, что я буду получать сталинские премии каждый год», — с горечью напишет Трифонов впоследствии.

Молодой писатель решил обратиться за помощью к Твардовскому, но не получил от него ни аванса, ни даже договора под будущую повесть. «Начните с рассказа. Попробуйте написать рассказ на десять страниц и приносите», — Трифонов надолго запомнил эти слова главного редактора, которые звучали оскорбительно после публикации повести «Студенты».

На короткий промежуток времени писатель вроде бы получил передышку. Режиссер Андрей Лобанов просит Трифопова написать еще одну пьесу о проблемах современных художников, что тот и делает, но спектакль «Залог успеха» все того же Театра имени Ермоловой как раз успеха и не имел. Рецензии в прессе были разносными.

Впрочем, совет Твардовского написать рассказ Юрий Валентинович учел, еще несколько раз ездил в Туркмению, написал много рассказов, но «Новому миру» они не подошли. Это и вынудило писателя перейти в другой журнал, в «Знамя», где главным редактором был тогда Вадим Кожевников. Этот писатель был полной противоположностью либералу Твардовскому. Его военные произведения были целиком направлены на утверждение сталинского культа личности: идеализированный сверхгерой быстро и хорошо выполняет задания, бежит практически с голыми руками на пулемёты врага и остается невредимым. Приукрашенная картина войны в его тривиальных легендах, снова и снова переиздававшихся и в послесталинское время, уменьшала действительные заслуги советской армии. Как человека его характеризует следующий поступок. Когда Василий Гроссман принес ему в редакцию рукопись своего романа «Жизнь и судьба», он тут же самолично отнес ее в КГБ. После этого дома у писателя состоялся тщательный обыск, второй экземпляр романа был конфискован. По счастью, нашелся и третий экземпляр, который был переправлен за границу и опубликован уже после смерти писателя.

Так вот, Кожевников забраковал первый вариант повести «Утоление жажды». Думая, что повесть забракована в конкурирующем журнале по идеологическим соображениям, из «Нового мира» позвонил Евгений Герасимов и попросил Трифопова привезти повесть им. Однако и редакция «Нового мира»

отказалась печатать произведение. Новая повесть у Трифонова не получилась.

Делать было нечего. Трифонов сжал зубы и вновь понес повесть Кожевникову. В то время тот работал над аналогичным шедевром, только о строителях дорог, под названием «Знакомьтесь, Балуев» и сделал все, для того чтобы задержать повесть «Утоление жажды» в своей редакции. Трифонова заставили переписать свою вещь четыре раза. За это время в его повести, наконец, проявилась нужная линия коммунистической партии. В художественном плане произведение ничего нового собой не представляло. Правда, впоследствии критики усмотрели в ней новый принцип творчества писателя: «запечатлеть время не сюжетно, не в слове героя, не в его интеллектуальной рефлексии, а в настроении». Через год повесть «Утоление жажды» была выдвинута на соискание Ленинской премии за свою партийную направленность, но высшие руководители партии сочли этого недостаточным, и Трифонов премию не получил.

Зато в коммерческом плане это произведение оказалось вполне успешным, было издано отдельной книгой и принесло автору приличную сумму в виде гонорара. Верный своему принципу не растрачивать крупную сумму по пустякам, Юрий Валентинович решил купить дачу в поселке Красная Пахра. Во-первых, это было отличное вложение средств, во-вторых, его уговаривал согласиться на этот шаг ближайший друг Иосиф Дик, в-третьих, он надеялся, что общие дачные заботы укрепят их с Ниной семьей, которая к тому времени дала серьезные трещины.

Именно в этот период Морис Слободской, огорченный смертью друга и соавтора Владимира Дыховичного, решает продать свой пай в кооперативе «Советский писатель». Его участок граничил и с участком Дыховичного, который его вдова продала Александру Твардовскому, и с участком Иосифа Дика. Лучшего расположения было не придумать. На участке уже стояло незавершенное строение: первый этаж был закончен, а на втором построены две комнаты, никакой отделки, естественно, не было.

Нина с громадным энтузиазмом взялась за стройку. Она очень быстро освоила строительные тонкости, нашла общий язык с прорабами и работягами, что в совокупности с ее тонким художественным вкусом позволяло ждать появления одной из самых красивых дач в поселке. Так и случилось. За полтора

года она полностью завершила строительство дачи. Эти заботы в какой-то степени отвлекли ее от семейных неурядиц.

На даче в тот период семья Трифоновых постоянно не жила. Приезжали по выходным, по праздникам, на школьные каникулы: Оля училась в младших классах и не могла пропускать занятия в школе. Родители были полны надежд, строили далекие планы. В этот период Трифонову дачные заботы очень нравились, но иногда он раздражался, жаловался, что с женой нельзя ни о чем говорить, кроме как о штукатурке, масляной краске и плутовстве рабочих. Сам он не занимался ни строительством, ни садоводством или цветоводством, как большинство его соседей, несмотря на уговоры Александра Трифоновича Твардовского. Зато он с удовольствием общался с писателем Виктором Драгунским, который тогда снимал дачу по соседству и с которым они вместе встречали первый их в Пахре Новый год в 1965 году. Юрий Валентинович тесно дружил с Григорием Баклановым и Юрием Бондаревым, своими одноклассниками по Литературному институту. Они друг друга всегда поддерживали, хотя и были совершенно разными и людьми, и писателями. Бакланов и Бондарев прошли войну, но дружили с Трифоновым, хотя тот на фронте не был. Оля тоже нашла себе друзей: Дениса Драгунского, героя «Денискиных рассказов», Лену Бондареву, Андрея Яковлева, Сережу Розова.

Жена занимала огромное место в жизни Трифонова. Он ее очень любил, не случайно ее образ присутствует в очень многих произведениях писателя. Его творчество вообще очень автобиографично. Конечно, он придумывал оригинальные сюжеты, коллизии, но главных героев, обстоятельства, фон он черпал из своей собственной жизни. Однажды Юрий Валентинович раскрыл секрет этой особенности своего творчества. Он написал, что его большим недостатком является отсутствие богатого воображения, поэтому он должен детально изучить ту среду, о которой он пишет.

Долгий и кропотливый труд в библиотеках и архивах позволил Трифонову написать свою следующую повесть «Отблеск костра» о своем отце и его брате в период Гражданской войны на Дону. Хотя повесть имела явный антисталинский настрой, ее все-таки удалось опубликовать в журнале «Знамя».

В летний период Трифонов встречался с Твардовским едва ли не ежедневно, но их отношения оставались далекими. В какой-то момент Александр Трифонович даже забил калит-

ку, соединяющую два участка. Ее соорудили еще Дыховичный со Слободским, чтобы беспрепятственно навещать друг друга. О своих отношениях с Твардовским Юрий Валентинович поведал в короткой повести «Записки соседа», где присутствовала и замечательно точная характеристика Красной Пахры и особенностей дачной жизни. Начиная повесть так: «Дело не в том, что в течение нескольких лет мы были соседями по даче на Красной Пахре и наши участки разделял слабоокрашенный деревянный заборчик, возле которого мы часто стояли разговаривая. Дело в том, что мы оказались соседями по времени, по тому развеселому, разнесчастному, в котором досталось жить. А время всех ставит рядом: больших, маленьких, посредственных, ничтожных, всех, всех, всех».

Иногда Трифонов через редкий заборчик здоровался со своим соседом, который неизменно ковырялся у себя на участке. Тогда Александр Трифонович отвлекался от работы, подходил к забору и начинал беседу на дачные темы. Он советовал Юрию Валентиновичу проредить участок, вырубить молодняк, особенно осину, посадить фруктовые деревья. Но, как признавался сам Трифонов: «...я был совершенно ничтожен как сельский хозяин. Александр Трифонович это сообразил и перестал давать мне советы — не в коня корм. Он только говорил иногда с оттенком удивления о том, какой отличный сельский хозяин Григорий Яковлевич Бакланов, живший в нашем поселке. В то лето, первое на Пахре, нам все там очень нравилось: лес, воздух, дорога на речку, речка, магазинчики, молочница на велосипеде».

Отравляло дачную жизнь Юрию Валентиновичу только одно: громкое радио на участке соседа, которое по утрам мешало ему работать. Он долго крепился, но потом решился попросить Твардовского сделать радио потише. Тот искренне удивился и сказал, что эти звуки идут не от него, а от его соседей и тоже ему очень мешают. Два интеллигента долго обсуждали, как бы потактичнее попросить владельцев шумного участка приглушить звук. Твардовский со свойственной ему деликатностью говорил: «Как попросишь? Мы незнакомы. И неловко как-то — взрослые люди...»

В конце концов, они обратились к Юзику Дику, который, нимало не смущаясь, отправился к нарушителям тишины, поговорил с ними по душам со свойственной ему напористостью,

и радио заглохло. Тем самым Дик подтвердил распространенное мнение, что «сам черт ему не брат».

Однако нелады в семейной жизни писателя только усиливались. Трифоновы все больше ссорились, всерьез и надолго. Однажды ранней осенью после очередной ссоры Нина уехала на прибалтийский курорт Друскеники, сняла там комнату. Потом как-то внезапно позвонила в Москву Трифонову: «Приезжай, мне очень плохо». Он не успел. Ее нашли навзничь лежащей на полу в ванной комнате, позвонили Юрию Валентиновичу. Умерла она от сердечной недостаточности. Первым же рейсом Трифонов с Иосифом Диком вылетели в Литву. Но смогли они только отправить Нину в Москву в цинковом гробу для прощания с дочерью и родственниками. Сам Юрий Валентинович сопровождал тело вместе с хозяином квартиры, в которой произошла трагедия.

У Дика с Трифоновым была очень схожая судьба — оба дети врагов народа, расстрелянных в конце 1930-х, оба самостоятельно пробивались по тернистому писательскому пути. Знали друг друга они очень давно. Сестра Иосифа Дика была замужем за ближайшем другом Трифонова Львом Гинзбургом. С Диком Трифонов познакомился еще в Литературном институте, писатели тесно дружили. Свидетельство тому — калитка в заборе между их участками, которая никогда не запиралась. Соседи запросто ходили друг к другу, никому из них и в голову не приходило заранее договариваться о визите.

После смерти Нины Трифонов почти перестал приезжать на дачу. Все здесь ему о ней напоминало, было тяжело находиться в пустой даче. В жизни Юрия Валентиновича все в одночасье рухнуло. Его очень тактично поддерживали друзья, и институтские и друзья детства.

Это были, прежде всего, поэты Борис Слуцкий, Константин Ваншенкин, Инна Гофф.

Но нужно было искать пути, как возродить у писателя интерес к жизни. Именно тогда Борис Слуцкий по своей инициативе отнес три рассказа Трифонова в редакцию «Нового мира», потому что Юрий Валентинович на это никак не решался. Два из них напечатали, причем очень быстро. В тот период Твардовский также старался поддержать своего соседа и автора своего журнала. Он дал согласие отправить Трифонова в командировку в Ростов-на-Дону за счет журнала, чтобы тот продолжил сбор материалов о своем отце и дяде.

«Хорошо, нужно его посылать», — только и сказал он, когда в редакции обсуждался план ближайших командировок. Опять-таки «Новый мир» опубликовал на своих страницах обстоятельную и положительную рецензию И. Крамова на книгу «Отблеск костра», вышедшую в издательстве «Советский писатель», несмотря на то что впервые повесть вышла в конкурирующем журнале «Знамя».

Трифонов пишет, что это было трудное время, «той зимой я очень много мотался, вернее метался, путешествовал». В январе он был по приглашению в Болгарии, взял с собой и дочку, в марте Юрий Валентинович был в Австрии, на хоккейном чемпионате мира. Хотя Трифонов был далеко не спортивным человеком, но зато страстным болельщиком. Он сотрудничал с целым рядом спортивных изданий, писал репортажи, отчеты о соревнованиях, очерки. По его сценарию был снят довольно популярный фильм «Хоккеисты».

Наладить дачную жизнь помогла ему мать, Евгения Абрамовна. Отсидев в лагерях восемь лет, она обросла кучей знакомых по Карлагу, которым старалась всеми силами помогать. Среди тех, кто прошел ужас сталинских лагерей, была и Клавдия Михайловна Бабаева. Клавдия Михайловна была коренной москвичкой, родилась в районе Останкино, ее отец до революции был владельцем пекарни, которую он по зову сердца безвозмездно отдал большевикам. Вот ее-то и спросила Евгения Абрамовна: «Не можете ли вы пожить на даче с моим сыном и внучкой?»

Муж у Клавдии Михайловны работал до войны помощником Серго Орджоникидзе. После загадочной смерти наркома его расстреляли, ее выслали из Москвы, естественно, отобрав их квартиру. Единственный сын Бабаевой погиб на фронте. После возвращения из лагеря ей дали маленькую комнату в коммунальной квартире, и то не без помощи Евгении Абрамовны. Она недолго подумала и согласилась.

Так у Юрия Валентиновича начался совсем другой этап жизни в Красной Пахре. Все лето он жил на даче вместе с дочкой и с Клавдией Михайловной. Она прекрасно вела хозяйство, говорила, что надо купить на рынке, в магазинах. Юрий Валентинович без долгих разговоров брал такси, ехал на базар. Кроме того, в поселок возили продуктовые заказы, которыми она экономно распоряжалась. Она распределяла продукты на неделю, прекрасно готовила, заботилась о своих подопечных.

Юрий Валентинович перестал стесняться приглашать к себе гостей, которых Клавдия Михайловна тепло встречала и вкусно кормила.

В этот период Трифонов мог подолгу жить на даче, бытовые мелочи его не отвлекали. Он очень много работал и написал, пожалуй, свои лучшие повести, которые неизменно печатались в «Новом мире». Они рождались как будто без усилий, одна за другой, и сразу же становились популярными: «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь».

Юрий Валентинович с удовольствием вспоминал тот период жизни на даче. Отношения с Твардовским у него полностью наладились. Тот снова открыл калитку между их участками, приходил в гости рано, часов в 8, подходил к открытому окну на кухне или веранде и говорил громко: «К барьеру!» Юрий Валентинович неизменно откладывал свою работу, шел открывать дверь соседу, хотя утро было для него самым плодотворным временем. Они вместе выходили на аллею поселка, неторопливо гуляли, говорили на самые разные темы. Твардовский даже обсуждал с ним редакционные проблемы, чем Трифонов очень гордился, хотя и вел себя подчеркнуто деликатно. Он никогда не пользовался своим соседством для того, чтобы получить какие-то преимущества в публикациях на страницах «Нового мира». Но лучше Трифонова, разумеется, об этом общении сказать невозможно: «Мы шли по шоссе, еще не успевшему нагреться, тихому и пустынному, солнце пекло нам в спины. На дачах никто не шевелился. Проезжала молочница на велосипеде, здоровалась с Александром Трифоновичем. Он кланялся ей степенно. В этой деревне, называемой Красной Пахрой, где жили писатели и бог еще знает кто, он был, конечно, самый знаменитый и уважаемый человек. Мы сворачивали налево, проходили через калитку на территорию моссосветовских дач, потом шли парком, спускались мимо заброшенного каменного здания клуба крутой тропинкой к рощице ивняка, и вот уже был берег нашей речонки Десны, повсюду узкой и жалкой, а здесь довольно широкой из-за плотины. Берег в этот час был безлюден. Может быть, два или три рыбака крылись где-то в укромных убежищах, в густой осоке или под счастливым деревом. Ни лодок, ни детского крика. Мы переходили по мостику на остров и там в гущине, в тени, возле коряжистой, изломанной старой ивы располагались на нашем месте.

Александр Трифонович не любил цивилизованного пляжа,

вообще пляжа. Население поселка ходило обыкновенно к излучине реки, где было подобие такого пляжа, песок, мягкое дно, даже вышка для прыжков в воду, там днем и вечером гомонили купальщики, дети, молодежь, играли в волейбол, читали книжки, загорали, текла летняя жизнь. Александр Трифонович не ходил туда никогда. Он любил островок, где ивы, уединение, вязкое дно, всегда немного тинисто и грязно, но лишь на первый взгляд грязно, на самом-то деле грязь на пляже, а здесь самая чистая вода на всей реке. Потому что ключи; местами даже стынью обдаёт, плывешь, плывешь и — холодом по ногам.

Сход в реку был удобен: подходили к глинистому обрывчику, хватаясь за склоненный низко над водой — будто по заказу — не толстый, но и не тоненький, пружинистый ствол ивы, и, сделав два шага, оказывались на глубине».

В 1968 году двоюродный брат Юрия Валентиновича, Георгий, тоже писатель, взявший псевдоним Михаил Демин, уезжает в очередную командировку во Францию и там остается. Трифонов получает от чиновников очередную выволочку, на время становится невыездным.

В личной жизни у писателя наступает подобие стабильности. В 1967 году он познакомился с Аллой Павловной Пастуховой, редактором «Политиздата», серии «Пламенные революционеры». Деловые отношения переросли в брак в 1970 году. Брак это был довольно странным, скорее деловой союз. На даче Алла Павловна почти не бывала, ей там не нравилось. В Москве они тоже жили врозь, за Трифоновым новая жена практически не ухаживала. Но она, по отзывам самого Юрия Валентиновича, дала ему очень многое в профессиональном плане. У нее был прекрасный вкус. По ее рекомендациям он убирал из своих произведений лишнее, переписывал отдельные места. Как профессионал он за этот период сильно вырос. Но вскоре такой брак перестал его удовлетворять. Именно поэтому он стал искать связи на стороне. Одной из его тайных привязанностей стала Ольга Романовна Мирошниченко. Образование у нее было техническое, но она тянулась к литературному творчеству. Первым ее мужем был Георгий Сергеевич Березко, режиссер и сценарист, известный своими совместными доверенными фильмами с Евгением Дзиганом «Мы из Кронштадта» и «Если завтра война». Он некоторое время жил в поселке Красная Пахра, но в итоге из-за денежных затруднений свою дачу продал. Их брак продлился целых пятнадцать лет, что до-

вольно долго, если учесть, что Ольга была на тридцать три года его моложе. С Трифоновым она близко познакомилась в Литературном институте, где он вел семинар прозы, а она у него училась. Вскоре вспыхнул бурный роман. У обоих были семьи, поэтому свои отношения они не афишировали.

Ольга Романовна была женщиной эффектной, натуральной блондинкой, настоящей русской красавицей. При этом красота ее была не холодной, а жаркой, чувственной. Характером она обладала целеустремленным, энергичным и жестким. Свой брак они официально зарегистрировали с только в 1979 году, после того как Юрий Валентинович развелся с Аллой Пастуховой. Ольге Романовне было трудно, ей постоянно приходилось бороться. Сначала она боролась с памятью о Нине Нелиной, которую Юрий Валентинович действительно очень любил, потом с ее дочерью Ольгой, потом с нападками завистниц. Она победила всех, взяла в союзники Юрия Валентиновича и одержала безоговорочную победу. Сейчас жизнь и творчество писателя воспринимаются исключительно через призму ее взгляда.

1975 год стал знаменательным и для дочери Трифонова Ольги. Она вышла замуж, в замужестве стала Ольгой Танган, потом родилась дочка Катя, и Юрий Валентинович оказался дедом. Интересно, что пока Ольга была взрослой «непристроенной» дочерью, «висела» у него на шее, он из-за этого очень переживал, даже раздражался, но когда у нее появилась собственная семья, дети, муж, новые родственники, это стало раздражать его еще больше. Дача, хотя и большая по площади, была построена на одну семью и сразу стала казаться перенаселенной. Впрочем, выход из положения был найден. В дальнем углу участка построили небольшой, уютный домик, в который Олина семья вскоре и переехала. Но трещина в отношениях двух семейных пар не затянулась, а стала разрастаться. На участке это было наглядно видно. Вначале маленький домик отгородили молодыми елочками, как бы символически наметив границу между семьями, потом вдоль елочек Ольга Романовна поставила забор, разграничила участки. В учащающихся ссорах между двумя Ольгами, женой и дочерью, Юрий Валентинович неизменно принимал сторону жены. Много лет спустя это позволило его дочери сделать глобальный вывод о том, что в поселке тех лет в целом была атмосфера нетерпимости, превосходства членов кооператива, творцов, над обслуживающим

персоналом, даже над близкими людьми, родственниками, друзьями. Может быть, отчасти так оно и было. В поселке жили очень успешные, состоявшиеся люди, но все равно им нужно было постоянно самоутверждаться.

Трифонов стал очень знаменитым, часто ездил с женой за границу, принимал иностранных гостей у себя. Калитка между участками Трифонова и Дика теперь была намертво забита. Общаться с ним, другом молодости, стало непристойно. Тот, правда, сам давал для этого поводы. Стал сильно пить, вел себя не всегда адекватно. Мог явиться к Трифоновым без приглашения по старинке, пьяный и в трусах, да еще именно в тот момент, когда в гостях были иностранные журналисты. Журналисты терялись, Трифоновы раздражались.

Последние произведения Трифонова — «Московские повести», «Дом на набережной», «Старик» — становятся знаменем прогрессивно мыслящей интеллигенции. Понемногу общественность начинает понимать, с писателем какого масштаба ей довелось жить. Булат Окуджава в 1975 году на концерте в Клубе текстильщиков прилюдно посвящает свою новую песню «Давайте говорить» Юрию Трифонову.

В 1979 году у Юрия Валентиновича и Ольги Романовны родился сын Валентин.

Новый 1980 год они встречают на даче у соседей — Эдуарда Володарского и его жены Фриды. Собирается большая веселая компания: Владимир Высоцкий с Мариной Влади, Всеволод Абдулов, Валерий Янклович, администратор Театра на Таганке. Володя привез гитару, хотел спеть, но настроения почему-то не было. Возможно, друзья чувствовали, что наступает последний год жизни Высоцкого.

Вершиной творческого пути Юрия Валентиновича становится 1980 год, когда член Нобелевского комитета по литературе Генрих Бёлль выдвинул его произведение на соискание премии 1981 года за исторический роман «Нетерпение». Произведение имело все шансы получить престижную награду. Тема терроризма тогда начинала волновать весь цивилизованный мир. Писатель немного не дождал до премии. В марте 1981 года знаменитый хирург профессор Лопаткин сделал ему операцию по поводу рака почки. Операция прошла удачно, но через день после нее писатель умер от эмболии: оторвался легочный тромб.

После смерти писателя разлад между его женой и дочерью только увеличивался, и когда достиг уже совершенно нетерпимых размеров, вдруг пришло неожиданное решение. Мужа дочери пригласили временно работать во Францию и Германию, он доктор математических наук и специалист по компьютерной музыке, а Ольга с детьми его сопровождали. Через 10 лет после отъезда она продала свою дачу, потому что следить за ней было некому. Сестра Юрия Валентиновича, Татьяна, по профессии биолог, недавно написала книгу «Долгая жизнь в России», встреченную с большим интересом читателями.

Ольга Романовна через некоторое время снова вышла замуж, себе не изменила: снова за писателя, что несколько разрушило ее ореол безутешной вдовы Трифонова. Участок в Красной Пахре она продала, новые владельцы первым делом снесли дачу писателя, так что поселок лишился не только своего большого мастера, но и материальной памяти о нем.

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ *(1923–1984)*

Если попытаться охарактеризовать Владимира Тендрякова одним словом, приходит на ум слово «боец». Не бунтарь, протестующий спонтанно против всего, а именно боец, расчетливый, знающий на что идет, но не сворачивающий с единожды выбранного пути.

Владимир Тендряков родился 5 декабря 1923 года в деревне Макаровская Вологодской губернии. Трудно придумать столь резкое несоответствие между его фамилией, которая на местном диалекте означала «мямля», и характером будущего писателя. Его отец Федор Васильевич был убежденным коммунистом, работал народным судьей. Даже сына назвал Володей в честь вождя мирового пролетариата. Но вот свои партийно-советские гены сыну передать так и не смог. Тот странным образом с детства сочувствовал врагам советской власти – кулакам, высланным с Украины, которые пухли от голода и умирали в пристанционном скверике, считал, что неприлично быть сытым, когда вокруг люди голодают. Отец был единственным человеком, который вполне серьезно обсуждал с Володей непростые вопросы социалистической действительности, с которой тот ежедневно сталкивался.

В 1938 году семья переехала в село Подосиновец Кировской области, куда Федор Васильевич был назначен прокурором.

Школу Володя окончил за день до начала войны. Поколение 1923 года, мальчишки, которым только-только исполнилось восемнадцать лет, больше всех от нее пострадали. Подсчитано, что выжили из них всего три процента. Тем более удивительно, что из этих несчастных процентов вышло много талантливых

советских писателей. К ним с полным правом нужно отнести и Тендрякова.

Он ушел на фронт добровольцем в конце 1941 года, попал в пехоту связистом, был начальником батальонной радиостанции. Под Сталинградом воевал в самый тяжелый момент, когда там было не понять, где свои, где чужие, где особысты с руками, развязанными сталинским приказом «Ни шагу назад». Тогда ему сопутствовала удача. Тяжелое ранение Володя получил при взятии Харькова в 1943 году. После выхода из госпиталя он был комиссован подчистую: левая рука была искалечена. Когда он руку опускал, пальцы разжимались, когда поднимал – сжимались.

Отправили его после госпиталя по месту жительства в село Подосиновец, нашли ему занятие с учетом ранения. Он был направлен в обычную деревенскую школу, но так как педагогического образования не имел, то вел уроки начальной военной подготовки. Через год его переводят на работу в Подосиновский райком комсомола. Он был отличным кадром для такой работы: комсомолец, грамотный, фронтовик, с ранением, да еще за словом в карман не лез. Здесь в свободное время он начинает писать. Темы, естественно, выбирает военные: близкие его памяти. Он пишет рассказ «Дела моего взвода» и даже роман «Экзамен на зрелость». В это же время проявился и еще один его талант: рисование. Особенно ему удаются рисунки, не живопись. Первым мирным летом Володя едет в Москву поступать в институт.

Тендряков давно выбрал институт, в который хотел поступать. Он прекрасно рисовал в очень своеобразной манере, без проблем поступил на художественный факультет ВГИКа. Ему прочили большое будущее на этом поприще. Одновременно с учебой он все больше пишет, и к исходу первого года обучения понимает, что его призвание – это литература. Он переводится в Литературный институт на семинар Константина Паустовского. Печататься он начал с 1947 года. Его рассказ «Дела моего взвода» вошел в «Альманах молодых писателей». Интересно, что потом он надолго отошел от военной тематики: слишком отличался его взгляд на войну от официальной точки зрения. Вернулся он к военной теме только через двадцать лет, в 1971 году, в рассказе «Донна Анна», который был опубликован еще через двадцать пять лет после сочинения. В рассказе командира роты сначала заставляют вести солдат в безнадежную атаку,

а потом расстреливают за это. В нем писатель сформулировал в нескольких словах причину слепоты целого поколения: «Мне врали, а я верил!»

В декабре 1947 года в общежитии Литинститута происходит типичный для того времени случай. Чекисты пришли арестовывать Эмку Манделя, который потом станет Наумом Коржавиным, в рамках борьбы с космополитизмом. Тот стал прощаться с товарищами, поцеловал тех, кто находился ближе. У Тендрякова была двойственная реакция на тот поцелуй. Потом он так изложит свои чувства в рассказе «Охота»: «Я все еще ощущал на щеке влажный Эмкин поцелуй. Как два куска в горле, застряли во мне два чувства: щемящая жалость к Эмке и замораживающая настороженность к нему. Нелепый, беспомощный, такого – в тюрьму: пропадет. А что если он лишь с виду прост и неуклюж?.. Что если это гениальный актер?.. Не с Иудой ли Искариотом я только что нежно обнимался? Влажный поцелуй на щеке...»

Сейчас трудно представить себе причины такой двойственности, но совершенно ясно другое: Тендряков в свои зрелые годы сильно изменился и, пожалуй, мог бы броситься на чекистов в бесплодной попытке защитить друга.

Он окончил институт в 1951 году, работал корреспондентом журнала «Огонек» и писал, писал много, неистово. Его произведения стали печатать в журналах «Новый мир», «Наш современник», стали выходить отдельные книги. Он быстро стал очень известным и популярным.

В 1961 году Владимир Федорович женится на Наталье Асмоловой, дочери видного энергетика. Она журналистка, москвичка до мозга костей, не чуждая творчеству. Интеллигентная семья принимает «мужичка с Вологодчины», но жить молодой семье с родителями жены и двумя братьями в небольшой квартире было не очень удобно. Володя с Наташей снимают маленькую квартиру у своих друзей в тихом Воротниковском переулке. Владимир Федорович Москву не любит, с трудом мирится с городской жизнью, она его давит, мешая работать. А уже тогда выясняется, что главным для Тендрякова в жизни является именно работа. В этот критический момент возникает интересный вариант: купить дачу у писателя Владимира Рудного в уже очень популярном поселке Красная Пахра. Рудный в поселке с первого дня, он автор популярного романа «Гангутцы», построил фундамент одной дачи, потом продал свой пай

Александр Котову, снова вернулся в ДСК «Советский писатель», уже на другой участок, возвел там дачу, но, видимо, материально не выдержал, да и в семье начались сложности. Московская квартира у него была, поэтому дачу он решил продать. С этим предложением он позвонил Тендрякову. На семейном совете решили, что вариант заслуживает внимания. На осмотр дачи была командирована Наташа. Не потому, что она лучше знала природу, напротив, отличить ель от березы она могла, но с большим напряжением, а потому что Владимира Федоровича от работы невозможно было оторвать. Он сказал ей: «Поезжай, смотри, решай!»

Поселок ее очаровал, она вдруг совершенно отчетливо поняла, что им с Володей нужно жить именно здесь. Именно тихая дача — великолепный выход для человека, у которого главное в жизни — это писательский труд.

Дача была немного не достроена, внутренняя отделка отсутствовала, были настелены только «черные» полы, но в нее можно было переехать сразу. Это стало первым весомым аргументом. Вторым были денежные условия, которые выдвинул Владимир Рудный. Дача стоила сорок тысяч деноминированных хрущевских рублей. Это была колоссальная сумма, мало кто мог выплатить ее единовременно. Владимир Рудный это учел и предложил внести оговоренный аванс, а остальное выплатить в течение трех лет по мере возможности. Тендрякову можно было доверять! Третий аргумент «за»: в поселке уже тогда жило много друзей и знакомых: художник Орест Верейский, кинорежиссер Михаил Ромм, они активно агитировали Тендрякова купить дачу и стать их соседом.

Как раз в это время выходит первый двухтомник Тендрякова «Избранные произведения», и гонорара хватает на первый платеж Рудному, отделку дачи и покупку автомобиля «Волга», правда, по доверенности, но без машины дачная жизнь представлялась затруднительной. Переезд успешно состоялся, и дача стала единственным обжитым домом для Владимира Федоровича на двадцать три года, до самой его смерти.

В кабинете на втором этаже соорудили письменный стол. Столешница была сделана из большой древесно-стружечной плиты с полукруглым вырезом в ее переднем крае. Там было место для крутящегося кресла, в котором любил восседать писатель. Такая конструкция позволяла ему, практически не теребя времени, переходить от сочинения, а писал он только руч-

кой, к перепечатыванию написанного на машинке: она стояла сбоку на столе. При перепечатывании он сразу проводил первую правку и редактирование своих произведений. Стол был завален книгами по темам, над которыми он в данный момент работал, остальные книги стояли здесь же, в кабинете, но на полках, рассортированные по темам: проблемы физики, астрономии, психологии, истории, литературы. Этот кабинет со столом становится для Тендрякова своеобразным алтарем: его неудержимо тянет занять в нем свое место. Он чувствует буквально физический дискомфорт, если этому что-либо препятствует. Например, он приезжает в Москву, чтобы забрать из квартиры родителей жены на выходные дни дочку Машеньку. Она учится в Москве и постоянно жить на даче не может. Тендряков заходит в прихожую, намеренно не раздевается и даже не снимает с головы ушанку. После короткого приветствия он смотрит на часы и говорит, что ему срочно нужно вернуться на дачу. Григорий Львович, его тесть, говорит ему:

— Володя, зайди, отдохни, ничего не произойдет, если ты поедешь через полчаса.

Это предложение вызывает у Владимира Федоровича плохо скрываемое беспокойство. Он снова смотрит на часы и говорит:

— Нет, надо вернуться, времени нет.

Его зовет письменный стол на втором этаже дачи. Так был устроен этот своеобразный человек.

Всю жизнь он жил по поразительно четкому расписанию. Подъем в восемь часов утра. Он еще до конца не проснулся, но уже вставал с постели и надевал для бега спортивный костюм, который хранился в котельной, носки и кеды. Костюм состоял из хлопчатобумажных трикотажных брюк тусклого фиолетового цвета, которые в народе называли «треники», и свитера. Треники были одеждой своеобразной: после первого надевания на них вытягивались колени, на которых в дальнейшем неизбежно появлялись дырки. Свитер, в котором он бегал, был пропитан потом до такой степени, что после высыхания буквально мог стоять в углу комнаты. Стирать его не разрешалось. Это было тяжким преступлением наряду с наведением порядка на письменном столе. Экипированный таким образом писатель выбегал на участок, где его дожидалась верная собака по кличке Тайга, чистокровная восточносибирская лайка, привезенная с Байкала. Пара, как единый организм, вырывалась с участка на

простор и устремлялась к проходу в лес через Академическую аллею. Затем пара бежала по просеке, вырубленной в лесу под высоковольтную линию электропередачи. Пять километров в одну сторону и пять километров обратно. Твардовский называл эту просеку «тендряковской». Иногда их сопровождали и другие собаки поселка, но потом благоразумно поворачивали назад. Пробежка проводилась в любое время года и в любую погоду. Зимой Тендряков мог надеть лыжи, благо их на даче было множество. При этом каждый раз решалась проблема с угадыванием смазки, чтобы снег на лыжи не налипал и чтобы не было отдачи. Правда, Владимир Федорович считал, что при ходьбе на лыжах нагрузка на организм меньше, чем при беге, и при первой возможности возвращался к бегу по укатанной лыжне. Главной проблемой Наташи была покупка очередной пары кед, которые снашивались до дыр за три недели.

Поначалу молодежь – соседи, друзья, родственники – пыталась составить конкуренцию бегуну. Они приходили к началу девятого на крыльцо тендряковской дачи в модных спортивных облачениях, красивых китайских кедах и ждали его выхода. Когда он выбегал, они молча пристраивались за ним. Под лай собак и удивленные взгляды соседей кавалькада скрывалась из глаз. Затем начиналось досрочное возвращение спарринг-партнеров, лучшие держались за Тендряковым километра три, потом сдавались и грустно брели обратно. Владимир Федорович возвращался, успев собрать по дороге маленький букетик полевых цветов, который он неизменно вручал Наташе. На бегу он еще и обращал внимание на красоту окружающей подмосковной природы. По нему было незаметно, что он отпахал десять километров. Он еще делал гимнастику, упражнения с гантелями солидного веса, и потом шел под ледяной душ в ванную комнату.

Потом следовал завтрак: творог, кефир, какая-нибудь каша, стакан чая с 7–8 ложками сахара. Внутреннее напряжение писателя сказывалось на том, как он мешал в стакане сахар. Стакан был тонкостенный в старинном подстаканнике и раз в неделю разлетался на мелкие осколки от ударов ложечкой. Это было напряжение перед работой: он готовился идти в бой.

После пробежки, душа и завтрака Тендряков мысленно уже был за столом. На бегу он продумывал построение и содержание ближайших глав, поэтому наличие попутчиков не одобрял. Частенько, прибежав с прогулки, говорил Наташе:

— Встретил по дороге знакомую физиономию, на всякий случай не поздоровался, — скорее всего, опасался, что «физиономия» уведет его в сторону от формирующихся мыслей.

Еще больше не любил, если его отвлекали по пути от кухонного стола к письменному. Стоило Наташе задать какой-нибудь невинный вопрос, типа «Который сейчас час?», как он напрягался:

— Ты видишь, что я иду работать, а ты мне мешаешь!

— Легче ответить, чем бурчать!

Добравшись до письменного стола, он работал с десяти утра до шести вечера безотрывно, без отдыха и перерывов на еду. Это время, как и время его сна, в семье свято оберегалось. Его не звали к телефону, к нему никого не допускали. Старались не шуметь. Наташа недолгое время гордилась тем, что достала очень модный тогда чайник со свистком: он издавал довольно противный звук, когда вода в нем закипала. Это кончилось тем, что Владимир Федорович спустился вниз, снял свисток и спрятал его в карман. Повторная попытка водрузить свисток на чайник привела к тому, что Тендряков его снова снял и выкинул.

Он также терпеть не мог, когда был вынужден отвлекаться от работы, чтобы принять посетителей, кем бы они ни были: коллегами, друзьями, родственниками. Правда, иногда он это тщательно скрывал, улыбался, надевал маску радушия, что вводило посетителя в заблуждение. Посетитель неизменно думал, что легенды о тяжелом характере писателя сильно преувеличены или что для него Тендряков сделал счастливое исключение. Это было совершенно не так, Владимир Федорович непрощеного гостя готов был выставить за дверь.

Тендряков любил общаться с теми людьми, которые в какой-либо интересующей его области знали значительно больше, чем он. Именно поэтому в круг его друзей входило очень немногих писателей, а были в нем в основном ученые. К их числу относились академик Петр Капица, а потом и его сыновья Сергей и Андрей, астроном и астрофизик Иосиф Шкловский, психолог Алексей Леонтьев, историк Рой Медведев. Они приезжали в гости в Красную Пахру, беседовали, спорили до хрипоты, говорили о жизни, сегодняшних проблемах, о ключевых вопросах науки. И Тендряков, в свою очередь, выступал перед учеными в Курчатовском институте, Московском университете и Доме ученых. Тогда астрономы и физики были озабочены

улавливанием нейтрино, проблемами атомного ядра, теориями происхождения жизни на земле. Эти вопросы очень интересовали Тендрякова, причем он на равных мог общаться с самыми видными авторитетами в любой области. Если к нему в гости приезжали друзья в субботу вечером, он спускался к ним из кабинета, все садились за стол, наливали первые рюмки, а потом все застольные разговоры сводились к спорам о смысле жизни, о месте человека на земле, о том пути, по которому пойдет наша страна.

Самой большой мукой были для Тендрякова поездки в Москву – независимо от повода. Его неоднократно избирали членом Правления СП СССР и РСФСР за вклад в советскую литературу. Заседания этих правлений он своим присутствием баловал нечасто. Его выбрали Председателем общества дружбы Новая Зеландия – СССР. На этой должности он поставил личный абсолютный рекорд: за два года ни разу не был на собраниях членов общества. Без личного присутствия был избран на должность Председателя, без личного присутствия Тендрякова переизбрали. Он даже не воспользовался выгодным положением, чтобы хоть раз посетить экзотическую страну. С границей у него вообще были сложные отношения, хотя его книги издавались во многих странах, шли постановки его пьес. Еще на заре писательской деятельности он по приглашению побывал у своих английских коллег: «Телега» на Тендрякова пришла в ЦК КПСС раньше, чем он успел вернуться из поездки. Выяснилось, что на вопрос английских корреспондентов об его отношении к социалистическому реализму, он тут же ответил:

– Я не знаю, что это такое. В природе этого не существует. Это выдумка, миф.

После этого Владимир Федорович за границы СССР выезжал с громадными трудностями. Это при том, что его произведения были переведены на 37 языков народов мира. Многотомники его сочинений выходили в Германии, Японии, Великобритании, в странах победившего социализма. Его включили в энциклопедию «Who is who» за 1978-79 годы.

Тендрякова тяготила необходимость походов в театр или в кино. Приходилось его долго готовить к этому событию, уговаривать, доказывать необходимость такого похода. Во МХАТе была премьера нового спектакля по пьесе Бернарда Шоу «Милый лжец» с Ангелиной Степановой в главной роли. Отказать-

ся было невозможно. Первое действие он отсидел довольно спокойно, с середины второго начал говорить, что сейчас уйдет. Жена попыталась его уговорить: «Сиди, сиди, неудобно. Вокруг столько знакомых!» Это не помогло: он пробрался к проходу, поднимая публику, вышел из театра, сел в машину и уехал на дачу. После спектакля Ангелина Иосифовна Степанова, принимая поздравления, спросила Наташу: «А где же Володя?» Когда Наташа рассказала это Тендрякову, тот был очень смущен, ему было стыдно, но с собой поделаться он ничего не мог.

Подобная история повторилась и на кинопремьере. Это был фильм по сценарию Михаила Шатрова «6 июля» о мятеже левых эсеров и убийстве германского посла Мирбаха. Премьера фильма была приурочена к 100-летию со дня рождения Ленина. Мало того, что Тендрякова заставили картину смотреть, его еще и посадили в большой компании, куда входил и один из виновников торжества. Вскоре после начала действия Владимир Федорович поднялся с места и начал пробираться к выходу. Все ему говорили:

— Подожди. Давай досмотрим до конца. Интересно, чем кончится!

— А что вы не знаете, чем это кончилось?

Владимир Федорович при столкновении с бытом, с повседневностью терялся, не знал, как себя вести. Если при редкой поездке в Москву в редакцию или в театр, где готовилась постановка его пьесы, жена просила его на обратном пути купить, скажем, апельсины, то эта проблема по мере приближения к Москве в его голове разрасталась до такой степени, что, войдя в редакцию или в театр, он говорил:

— Заскочил на минуту, времени абсолютно нет. Нужно срочно выполнить одно поручение. А к вам обязательно заеду завтра, тогда и поговорим.

Он привозил апельсины на дачу, но при этом тратил столько энергии, что становилось ясно: лучше с такими просьбами к нему не приставать.

Тендряков был выходцем из Вологодской губернии, исконно русской северной земли, где славянская кровь почти не смешивалась ни с южной, ни с восточной, ни с западной. Его внешность, его произведения были русскими без всяких примесей. Это у многих деятелей Страны Советов создавало

обманчивое впечатление, что его легко вовлечь в любую националистическую кампанию, типа борьбы с безродными космополитами. Но те, кто так думал, глубоко заблуждались. Вот его собственные слова на эту тему из рассказа «Охота» о персонаже, который в Литинституте был инициатором практической всех боев с «инородцами»: «Лично меня Вася ничуть не пугал. Я ни по каким статьям не подходил под безродного. Я был выходцем из самой что ни на есть российской гущи, по-северному окал, по-деревенски выглядел да и невежествен был тоже по-деревенски. И сочинял-то я о мужиках, не о балеринах — почвенник без подмеса. Космополитизм меня интересовал чисто теоретически. Я ворошил журналы и справочники, пытался разобраться: чем, собственно, отличается интернационализм (что выше всяких похвал!) от космополитизма (что просто преступно!)?»

Владимир Федорович очень остро чувствовал разницу между национальным и националистическим, даже посвящал этим различиям статьи. Тендрякову принадлежит еще один рекорд — по сроку пребывания в Союзе писателей СССР: один день. Его приняли на президиуме Союза писателей. Потом в кулуарах при поздравлениях один писатель отозвался о другом как о «жидовской морде», за что сразу получил в морду от нового писателя. На следующий день Владимир Федорович был исключен из стройных рядов советских писателей. Потом его долго уговаривали вступить в них снова. В конце концов уговорили.

Он был готов в любой момент броситься на защиту своих принципов и своих друзей. Когда громили редакцию журнала «Новый мир» и отправляли в отставку его главного редактора Александра Твардовского, Тендряков был в числе полутора десятков писателей, подписавших письмо в ЦК КПСС в защиту редакции. Тендряков редко посещал заседания правления Союза писателей, но, однажды туда придя, поставил на голосование письмо Солженицына Съезду писателей об отмене предварительной цензуры. Положительных плодов это, правда, не принесло. Да и против исключения Бориса Пастернака из Союза писателей в 1958 году поднялись только две руки: Александра Борщаговского, будущего автора сценария кинокартины «Три тополя на Плющихе», и Владимира Тендрякова.

А в 1970 году, когда начала использоваться карательная медицина, биолога Жореса Медведева за антисоветское поведение посадили в калужскую психиатрическую больницу.

Тендряков узнал об этом от его брата-близнеца Роя Медведева. Он сразу же выкатил из гаража свою «Волгу», посадил в нее соседа по даче Александра Твардовского, заехал за Роем, и уже через три часа они были в Калуге. Можно только посочувствовать директору калужского сумасшедшего дома. Сначала к нему в больницу привозят пациента, с которым неизвестно что делать. Но приказ есть приказ, он помещает Жореса в палату и лично вынимает ручку из двери этой палаты, как принято в подобных заведениях. Потом ему докладывают, что в кабинете его дожидаются Твардовский и Тендряков, пользующиеся в то время громадной популярностью. Как только он к ним приходит, ему бросается в глаза лицо Жореса, которого он только что аккуратно закрыл в палате. Его забыли предупредить, что у мнимого сумасшедшего имеется брат-близнец. Главврач дрогнул, но попытка сразу забрать «Жореса» успехом не увенчалась. Потом к ситуации подключились и другие писатели и ученые: Капица, Сахаров, Семенов, Дудинцев, Солженицын, Каверин, и, о чудо, им удается отбить пострадавшего ученого. Нянечка психбольницы открыла Жоресу дверь и сказала: «Уходи!» Он попросил выдать справку, что он был в больнице, попросил свою одежду: «Как я буду объяснять, что не ходил на работу столько дней?» Нянечка развела руками: «Мне велели выпустить вас!» Это было большой победой интеллигенции.

Власть относилась к Тендрякову своеобразно. Он начинал свой творческий путь в условиях хрущевской оттепели, поэтому на многие острые моменты в его книгах глаза цензоров закрывались. Ему дали вырасти в крупного и очень уважаемого писателя. Когда же пришла брежневская реакция, он уже был величиной, которую опасались трогать. Его знали и любили на Западе, у него была репутация человека, который не склонен идти на сделки со своей совестью. Прессовали же его тем, что не печатали. Уже с середины 1960-х годов публикация каждого следующего его произведения выглядела чудом. При этом тематика его повестей и романов не выглядела явно антисоветской: о тюрьмах и лагерях он не писал. Писал о колхозах, о мировой истории, брался даже за фантастические темы. Цензоры явно чувствовали в его прозе опасность для строя, но четко сформулировать свои требования могли далеко не всегда. Взять хотя бы его роман «Кончина». В нем на конкретной истории председателя колхоза Лыкова, не останавливающегося ни перед чем для

достижения своих целей, и искалеченного им Слегова, сельского интеллигента, автор показывает, как Советская власть ломает хребет русской интеллигенции, и проясняет истинную суть коллективизации. Как такое произведение могло быть опубликовано? Евгений Поповкин, главный редактор журнала «Москва», который и так себя обессмертил публикацией в нем романа «Мастер и Маргарита», пусть в сокращенном варианте, был уже смертельно болен, когда Тендряков принес ему рукопись романа «Кончина».

— Будем публиковать, мне уже терять нечего, — сказал Поповкин, прочтя произведение. Он подписал номер к печати и умер практически одновременно с его выходом из типографии. Что-либо предпринимать власти было поздно.

Тем не менее большую часть своих произведений Тендряков вынужден был писать в стол. Вот его собственные слова: «Сильной вещи отлежаться не страшно, а слабой лучше и не появляться ни при каком режиме». После его смерти осталось более чем на 200 авторских листов произведений, которые при его жизни так и не увидели света. Они стали издаваться во время перестройки. Кстати, и обреченность перестройки в СССР он доказал в своих статьях еще до того, как такое слово возникло в партийном и советском лексиконе. Пожалуй, он был утопистом при всем своем рационализме: обращался к руководству страны и международной общественности, написал проект избрания всемирного правительства.

Когда его прозу не печатали по два-три года, а иногда и по двадцать лет, писатель обращался к сценариям и пьесам. По его сценариям поставлены фильмы «Чужая родня», «Чудотворная», «Весенние перевертыши», «Суд», а спектакли по его инсценировкам шли в «Современнике» и Ленинградском Большом драматическом театре.

Мстила власть Тендрякову и тем, что его произведения ни разу не были удостоены Государственных премий, хотя по своей силе, таланту, значимости они этого заслуживали.

Он удивительным образом вникал в существо времени, в котором разворачивалось действие его произведений. Это можно было объяснить, когда он писал о сельской действительности, о школьной жизни, в которые он погружался на своем жизненном пути. Но он с такой же достоверностью описывал и Италию эпохи Возрождения, и историю Израиля. Те читатели,

которым довелось побывать в Израиле, были поражены, узнав, что автор там не бывал никогда.

Владимир Федорович очень много читал, глубоко перерабатывал прочитанное, часто с ним не соглашался. Параллельно с прочтением он вносил в записные книжки свои суждения о произведении, указывал на слабые, по его мнению, моменты. Полное собрание сочинений Ленина он прочитал от корки до корки, испещрил поля карандашными заметками причем основоположнику реального марксизма-ленинизма от Тендрякова сильно доставалось. Читал он в основном по вечерам, днем времени не хватало, все уходило на собственное творчество. Работал он поистине неистово, словно предчувствуя, что судьбой ему отведено не слишком много времени.

Тендряков был очень глубоким писателем. Его произведения многослойны, с потайными смыслами, скрытыми пластами. Ему принадлежат мысли, ставшие афоризмами в силу своей правдивости и точности формулировки: «Давно замечено — победители подражают побежденному врагу» или «Истину признают лишь тогда, когда в ней нуждаются».

В вопросах веры Тендряков был атеистом. Но тогда как объяснить его роман «Покушение на миражи», который вначале назывался «Евангелие от компьютера». Современные программисты моделируют на компьютере историю, изъяв из нее Иисуса Христа. К концу романа выясняется, что он все равно возникает как неизбежность, потому что нужен людям.

Внешность у Владимира Федоровича была грубоватая, мужицкая. Казалось, что именно о нем написал Гоголь свои знаменитые строки: «Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча,хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: “живет!”». Впрочем, его никогда это не огорчало. На себя, на свою одежду, свою прическу он не обращал никакого внимания. Его можно было встретить идущим по поселку в неизменных трениках, кедах и ветровке и спросить:

— Володя, ты откуда такой эlegantный?

Тендряков на полном серьезе отвечал:

— Да вот иностранцев провожал. В гостях у нас были, — он не выдумывал, к нему действительно приезжал в тот день за-

мечательный ученый-физик и писатель лорд Чарльз Перси Сноу.

Однажды пятилетний внук Александра Котова, будучи у Тендряковых в гостях, посмотрел на спустившегося со второго этажа Владимира Федоровича, еще не отошедшего от своего творческого порыва, и вдруг сказал:

– Володя, какой же ты красивый!

Тендряков захохотал:

– Сколько у меня женщин было, ни одна из них мне такого комплимента не отвешивала!

Возможно, незамутненное детское восприятие позволило малышу увидеть другого Тендрякова, красивого своим внутренним миром.

Впрочем, сам Владимир Федорович совершенно адекватно себя воспринимал: «Моя особа всегда почему-то вызывает недоверие у швейцаров и официантов. Швейцары меня стараются не пустить за порог, официанты же меня с ходу предупреждают, что пиво в их заведении стоит дороже, чем в пивном киоске напротив».

Однажды утром Тендряков как обычно вышел из калитки своего участка, чтобы начать традиционную пробежку. Тайга вышла вслед за ним, но когда он побежал, вдруг повернула обратно. Он ее позвал, собака завиляла хвостом, но за ним не затрусила: почувствовала, что постарела, что длинные дистанции уже ей не по силам. Владимир Федорович пожал плечами и побежал в одиночестве по просеке своего имени.

Самому ему, увы, не было дано почувствовать, когда ему тоже следует остановиться. Как-то, после очередной пробежки, он зашел в ванную и упал прямо под душем: случился тяжелый инсульт. Через три дня его не стало.

Для тех, кто знал Владимира Федоровича близко, неизменно возникало ощущение, что в нем живут сразу два человека. Один открытый, добрый, незащищенный по отношению к друзьям и близким, другой, одетый в прочный хитиновый панцирь, жесткий, даже порой жестокий по отношению к недругам. Поэтому не было ничего удивительного в том, что у него были преданные и надежные друзья. Тендрякова либо очень нежно любили, либо остро ненавидели. Пожалуй, для сегодняшнего читателя особенно важно мнение о нем его недругов. При жизни Тендряков и Нагибин друг друга не любили, хотя оба были большими писателями и замечательными людьми.

Один – дворянин, аристократ, эстет, другой – мужик, медведь, резкий в суждениях. Узнав о смерти Владимира Федоровича, Юрий Маркович в своем «Дневнике» после нескольких резких слов, которые не принято говорить об умерших, нашел в себе силы написать следующее: «Он был настоящий русский писатель, а не делега, не карьерист, не пролаза, не конъюнктурщик. Это серьезная утрата для нашей скудной литературы».

После смерти писателя страна все же воздала ему почести: в Вологде есть улица, названная в его честь, и библиотека, которую местные жители ласково зовут Тендряковкой, так же, как в Москве Библиотеку имени Ленина – Ленинкой, а имени Некрасова – Некрасовкой. Такого отношения потомков и должен был заслужить писатель, который однажды при встрече с читателями на вопрос: «Что вы называете нравственностью?» – ответил: «Критическое отношение к самому себе!»

Ответил не сразу, поразмыслив, и стало ясно, что готового ответа у него не было.

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ (1923–2009)

Прекрасный писатель Григорий Бакланов родился в 1923 году в Воронеже в семье служащего. Ему было десять лет, а старшему брату Юре двенадцать, когда умер их отец Яков Минаевич Фридман, всего на два года пережила отца их мать. Детей взяли к себе на воспитание ее сестры. Среднюю школу Гриша не окончил: поступил в авиатехникум, чтобы быстрее получить профессию, стать самостоятельным. Он прекрасно чертил и рисовал, поэтому брал работу на дом, чтобы немного помочь своим теткам.

Его брат Юра поступил на исторический факультет МГУ, в армию с началом войны его не взяли: он почти не видел левым глазом. Тогда он ушел в ополчение, стал командиром орудия и погиб на подступах к Москве. Буквально перед смертью он написал Грише письмо, просил, чтобы тот не шел на фронт, вначале нужно получить свидетельство об образовании. Письмо пришло вовремя и, пожалуй, спасло Гришу: он уже готов был бежать на фронт вместе со своим другом Димой Мансуровым.

Гриша сдал экстерном экзамены за 10-й класс, это ему пришлось уже после войны при поступлении в институт. Тем временем немцы подходили к Воронежу, город постоянно бомбила фашистская авиация. Гриша вместе со своей тетей Бертой Григорьевной был эвакуирован в поселок Верещагино на западе Пермской области. В Верещагино тогда заново формировался вышедший из немецкого окружения артиллерийский полк. Потом Бакланов напишет, что он не понял, как его пропустили к командиру полка, да еще в тот момент, когда у того находился представитель из Москвы. Командир полка майор

Миронов взглянул на худющего юношу, задал несколько вопросов об устройстве артиллерийских приборов, на которые тот, естественно, не ответил. Гриша сказал, что на фронте погиб его старший брат и он просит взять его в полк. Начальник из Москвы в чине подполковника спросил майора:

— На что он тебе нужен?

На это майор Миронов ему ответил:

— Человек — это такой материал, из которого все можно лепить, тем более если он сам хочет.

Он отдал приказ о зачислении юноши в полк, того приняли на довольствие и выдали обмундирование.

Так Гриша стал самым молодым бойцом в полку. Майор неизменно заботился о своем самом молодом бойце, частенько приглашал к себе на обед. В ноябре 1942 года он направил Гришу в артиллерийское училище ускоренной подготовки. Уже в августе следующего года младший лейтенант Фридман командовал взводом управления артиллерийской батареи: воевал на Украине, в Молдавии, Венгрии, Австрии. Был тяжело ранен, закончил войну командиром артдивизиона. О писателях того военного поколения Александр Твардовский однажды очень точно сказал: они «выше лейтенантов не поднимались и дальше командира полка не ходили».

Вот воспоминания самого писателя: «Домой, демобилизовавшись по ранению, я вернулся в декабре 1945 года, как раз под Новый год. Собственно говоря, дома не было, ничего не было, даже не было никаких планов на дальнейшее. Но никогда так спокойно, так беззаботно я себя не чувствовал. Я знал: главное дело моей жизни я сделал, а как дальше жить, кем быть — не тревожило, никаких карьерных соображений не возникало. Однако я уже начал писать, и это привело меня в Литературный институт». Он поступил в Литературный институт в семинар Константина Паустовского. Учился Гриша очень хорошо, получал именную стипендию Алексея Толстого. В денежном выражении она была не намного больше обычной, но Паустовский неизменно подписывал бумаги, позволяющие студенту Фридману ее получать. С институтских времен Гриша дружил с Юрием Трифоновым, хотя тот и не был на фронте. Когда Юра женился в 1949 году на дочери художника Амшея Нюрнберга, он попросил тестя пустить Бакланова жить в его мастерскую. Гриша появлялся в мастерской только ночью, когда художник там не работал, но и это Гришу очень устраивало.

После окончания института он хотел пойти работать, обошел множество редакций, но его нигде не принимали. Мешала фамилия Фридман. В одной редакции ему по-доброму посоветовали взять псевдоним. Так родился писатель Бакланов. Писал очерки и рассказы, много ездил по стране, набирался впечатлений. Они и легли в основу его первой повести «В Снегирях». Через три года Григорий Яковлевич обращается к военной теме, принесшей ему заслуженную популярность и любовь читателей. Первой военной вещью стала повесть «Южнее главного удара», увидевшая свет в 1957 году, о сражении за венгерский город Секешфехервар. Уже в ней почувствовался новый подход молодого писателя к военной теме. Он рассказывал о тяжелых боях, отступлении и выходе из окружения, что шло вразрез с официальным описанием войны в 1945 году. Самому Бакланову эта повесть не слишком нравилась, он ее постоянно переделывал для дальнейших изданий, переписывал целые страницы. Много позже Бакланов напишет о своем взгляде на войну: «Из всех человеческих дел, которые мне известны (ни в концлагерях, ни в гетто мне быть не пришлось), война — самое ужасное и бесчеловечное дело. Но оттого, что жизнь и смерть здесь сближены, как выстрел и разрыв снаряда, многое видишь и чувствуешь обостренно. Ты можешь не думать, что тебе это дано видеть в последний раз, ощущение это — в тебе, и не раз на фронте, словно прозревая, я поражался красоте мира».

В 1953 году Гриша Бакланов женился. Эльга окончила двухгодичный педагогический институт, преподавала литературу в школе. Эта работа была вынужденной: нужно было на что-то жить. До того девушка успела окончить музыкальное училище по классу вокала, но преподавательница посоветовала ей попытаться приобрести еще какую-нибудь специальность. Голос — инструмент не очень надежный. Поблизости от училища был знаменитый ГИГИС, Эльга готовилась к экзаменам все лето: ходила на спектакли, сидела долгими часами в Ленинской библиотеке. Это принесло свои плоды: все экзамены на театроведческое отделение она сдала на «отлично», ее сочинение было отмечено, она прекрасно прошла собеседование, но...

В институт она не поступила, ее отодвинули, освободив место внучке самого Горького. Немного оправившись от удара, она поступила в педагогический институт и пошла преподавать.

Признание и успех к писателю пришли в 1959 году вместе с

публикацией повести «Пядь земли». В СССР она печаталась в журнале «Новый мир», что уже было большой победой. Главный редактор журнала, знаменитый Александр Твардовский, высоко оценивал это произведение. Потом повесть издали в тридцати с лишним странах: в Великобритании, Франции, Италии, четырежды в Германии, даже в Испании, где тогда наших авторов практически не издавали. Диапазон оценок повести официальной критикой был очень широким: от хвалебного отзыва Лазаря Лазарева в «Литературной газете» до обвинений автора в «ремарковщине» и в «окопной правде». Такими терминами клеймили те произведения, в которых было правдивое описание войны, не задумываясь, что «Окопной правдой» называлась газета партии большевиков на фронтах Первой мировой войны. Судьба книг, помеченных термином «окопная правда», становилась незавидной.

И все-таки повесть прорвалась к читателям. В среде советской интеллигенции считалось неприличным ее не прочитать. Это было время хрущевской оттепели, и повесть отлично ложилась на подготовленную почву. Константин Паустовский, преподававший в институте Бакланову, говорил: «Меня все спрашивали, читал ли я «Пядь земли» Бакланова. Я такого не знал. Но вскоре выяснилось, что Бакланов — это псевдоним, а Гришу Фридмана я знал очень хорошо».

По счастливому совпадению в том же году Бакланов получил достаточно большую сумму за сценарий к фильму «Чужая беда». Сценарий он написал по заказу киностудии «Ленфильм» по своей повести «В Снегирях». Григорий Яковлевич считал эту повесть слабой и никогда не включал в сборники своих сочинений. Она относилась к короткому периоду его увлечения «деревенской» прозой, рассматривалась им как своего рода проба пера. Однако режиссер Григорий Козинцев, один из руководителей «Ленфильма», рассмотрел в этом произведении большие кинематографические возможности. Студия заплатила за этот сценарий по высшей ставке. Главную роль должен был играть уже тогда знаменитый Евгений Урбанский. Однако он был занят на съемках другого фильма, и его роль отдали Михаилу Кузнецову. Главную женскую роль играла красавица Дзидра Ритенберг, будущая жена Урбанского. Фильм вышел на экраны в конце 1960 года и стал лидером проката 1961 года. В первый же год его посмотрели свыше 27 миллионов зрителей.

Получив гонорар за сценарий фильма, Григорий Яковлевич начал подумывать о покупке дачного участка в ДСК «Советский писатель». В 1959 году основное строительство дач в ДСК «Советский писатель» было завершено, и участки в основном были распределены. Когда Григорий Яковлевич обратился в Правление ДСК, ему смогли предложить на выбор только два сравнительно небольших участка на западной окраине поселка. Один из них граничил с Домом отдыха, поэтому семья Баклановых выбрала участок в самом конце Восточной аллеи, ближе к лесу. На этом участке стояли бараки строительных рабочих, надобность в которых отпала. Он-то и достался Бакланову за 26,5 тысяч тогдашних рублей. Участок был практически лишен растительности, так как находился на лесной опушке, а его земля была сильно загрязнена строительным мусором и битыми стеклами. Большой объем хозяйственных и садовых работ не смущал Григория Яковлевича. В Москве у него к тому времени были две комнаты в писательском доме на Ломоносовском проспекте. В этих комнатах проживали Григорий Яковлевич с Эльгой и их дети: четырехлетний сын Миша и совсем маленькая дочка Сашенька. Квартирный вопрос нужно было решать быстро.

Из трех возможных типов домов Баклановы выбрали самый скромный — одноэтажный щитовой домик. Позже они реконструировали домик, пристроили комнату на втором этаже, а из террасы сделали большую каминную.

Строительством семейная пара занялась очень активно. Они даже сняли времянку в поселке у литературоведа Александра Еголина буквально в ста метрах от своего участка. По воспоминаниям Эльги Анатольевны, «Гриша бегал все время на стройку, а потом возвращался и садился писать». Получив деньги за отпуск, она купила мужу синий тренировочный костюм, прозванный в то время «олимпийкой». Григорию Яковлевичу костюм очень понравился, он его носил в поселке часто. Соседям было очень удобно наблюдать за движениями Бакланова к месту стройки и обратно.

Довольно скоро после вступления в члены кооператива Григорий Яковлевича выбрали председателем его правления. В Бакланове всегда ощущался лидер, руководитель, а поселок тогда находился накануне больших хозяйственных преобразований: проведения магистрального газа, очередного покрытия дорог

асфальтом. Григорий Яковлевич успешно с этими заданиями справился, хотя ему и пришлось отрываться от своих сочинений. Через три года он покинул этот пост. По словам Эльги Анатольевны, «ему хотелось писать, и писалось».

Из своего пустыря Баклановы довольно быстро создали один из самых красивых участков в поселке. Дачу свою они очень любили, и садом занимались сами.

Дача буквально утопала в цветнике, отлично росли и садовые деревья. Этому способствовало то, что участок был очень открытым, светлым и солнечным. Баклановы радовались, когда к ним приходили соседи и удивлялись: «А ведь недавно еще ничего не было». Эльга Анатольевна признавалась, что они растили сад не потому, что им нужно было что-то съестное. Они просто любили свой сад и свой дом. Позже Григорий Яковлевич напишет: «Нам хотелось, чтобы этот дом и все вокруг него стало для наших детей чем-то вроде родового гнезда». Ему вторит и его супруга: «Когда дети подросли и появились внуки, Гриша был рад, когда все приезжали, а на столе — пироги с капустой, с мясом, нарезанные на порции. Внуки хватали их с радостью и убегали искать грибы, пилить дрова, кому что нравилось и что было по возрасту. На даче было тихо, спокойно, и все главное там и было написано». Когда дети были маленькими и еще не ходили в школу, Баклановы жили на даче круглый год. Уложив детей, они в любую погоду выходили из дома, гуляли вечерами по поселку, неважно летом или зимой.

Григорий Яковлевич общался и дружил со многими соседями по поселку: с Модестом Табачниковым, Михаилом Матусовским, Павлом Антокольским, но, прежде всего, с однокашниками по Литературному институту.

Ближайшим другом был Юрий Трифонов. Так сложилось, что они дружили семьями. На глазах Юрия Валентиновича и его жены Нины начался красивый, хоть и короткий, роман Гриши с Эльгой, закончившийся 56-летним браком. Бакланов пригласил Эльгу в ресторан, куда собирались также Юрий с Ниной. Они сидели за одним столиком, Гриша неловко танцевал со своей будущей женой, было ощущение праздника. Только потом Эльга выяснила, что денег у Бакланова не было, за всех заплатил Трифонов. Позже Гриша, не сказав жене об истинной причине командировки, поехал по маленьким городкам писать статьи в местные газеты, чтобы отдать деньги Юре.

В поселок Трифоновы приехали на четыре года позже, чем Баклановы, и там их дружба только окрепла. Они часто ходили в гости к Баклановым, у которых дача и участок уже были обустроены.

Как-то, уже после смерти жены Трифоновой Нины, когда Баклановы всей семьей сидели на кухне, открылась дверь, и вошел Юрий Валентинович. Его сразу же позвали за стол, на котором красовались пироги со своей малиной и смородиной.

– Как получается, я жил в доме на набережной, а ты раньше обо всем написал? – спросил Юрий Валентинович Бакланова. Впрочем вскоре он поднялся в своих произведениях на новый уровень и опубликовал повесть «Дом на набережной». Григорий Яковлевич всегда радовался успеху своих друзей. Он познакомил Трифонову с шведским издателем Пером Гедином, который тогда находился в Москве. Он попросил перевести «Дом на набережной» на шведский язык именно того переводчика, Ханса Бьеркегрена, который до этого переводил роман «Июль 41 года». Часто приходил по-соседски в гости к Баклановым Александр Твардовский. Вот как об этом вспоминает вдова Григория Яковлевича: «А сколько раз Александр Трифонович приходил к нам домой! Сколько сидели и разговаривали они в нашей беседке, обвитой диким виноградом. Александр Трифонович много курил и бросал окурки в трубу, которая поддерживала беседку. И смеялся: “Когда-нибудь я эту трубу наполню до конца”. Гриша жалел, что не решался записывать эти беседы. Не решался. Времена были еще очень сложные. Они обменивались впечатлениями от прочитанных книг. Твардовский давал Грише для прочтения книги из своей библиотеки. Очень любили они вместе ходить на речку. Она тогда была еще чистой, особенно со стороны деревни».

Уже после смерти Твардовского Григорий Яковлевич провел четыре передачи о нем на канале «Культура». А очерк Бакланова на смерть Александра Твардовского остается одним из самых сильных и проникновенных на эту тему: «Твардовского нет, и многое стало не стыдно».

Почти все свои произведения после «Пяди земли» Бакланов создал на даче в Красной Пахре. Эльга Анатольевна поднималась каждый день в семь утра вне зависимости от времени года, убирала кабинет, готовила завтрак. В восемь Григорий Яковлевич завтракал и садился работать. Писал до обеда, медленно, но очень вдумчиво, не более одной- полутора страниц в день. Сна-

чала писал исключительно ручкой. Потом приобрел печатную машинку, грохотал на ней нещадно. В последние годы научился работать на компьютере. Как и у всякого человека, далекого от современной техники, упрямый компьютер все время ломался. То вдруг куда-то исчезал весь набранный текст, то он вообще не включался, тогда вызывался специалист, совсем еще мальчик, который и спасал утраченный труд Григория Яковлевича. Бакланов держался стоически: он быстро понял преимущества работы и в особенности правки на компьютере. После обеда Григорий Яковлевич неизменно читал написанное утром своей жене. Если она критиковала созданное, говорила: «Ты можешь лучше», он был недоволен, часто отвечал: «Ты ничего не понимаешь», — но, в конце концов, соглашался с замечаниями. Убегал в свой кабинет, переписывал страничку, снова читал ее Ольге Анатольевне. Говорил, что теперь стало лучше. Потом он назовет свою жену самым главным доброжелателем, каждому слову которого он верил. Вечером Григорий Яковлевич тщательно продумывал, что и как он напишет на следующий день. Бакланов никогда не делился с женой творческими планами па следующий день, говорил, что так можно перегореть, потом писать не захочется.

В центре более поздних произведений Григория Бакланова о войне лежат уже не духовно-нравственные истоки побед и поражений, а проблемы, выходящие за пределы войны. «Мы не только с фашизмом воюем — мы воюем за то, чтобы уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, правдивой, чистой», — говорит Бакланов устами одного из своих героев. Этот мотив становится у автора все сильнее и сильнее с каждой новой книгой. Критика бездушия, безнравственности, беззакония, шкурничества звучит у него все жестче. В повести «Мертвые сраму не имут» начальник штаба артиллерийского дивизиона, служака и карьерист, в критическую минуту предает своих товарищей, бежит с поля боя, свалив потом свою вину на погибших.

В романе «Июль 41 года» Григорий Яковлевич поднимается до еще более глубокого анализа причин поражений начала войны. Впервые в советской литературе проводятся четкие параллели между репрессиями 1937 года в Красной армии и отступлением наших войск до стен Москвы. Он делает четкий вывод: для победы над превосходящим нас в технике и в военном искусстве врагом, нам нужно было надеяться только на дух армии

и народа, а именно он был расшатан после нескольких лет массовых репрессий, беззакония, страха, боязни ответственности.

Потом Бакланов скажет о том времени в интервью, опубликованном в журнале «Дружба народов»: «Немцы уже подходили к Москве, а винтовок не хватало, и решался вопрос, кому их дать — дать ли их дивизии, которая уходила на фронт, или дивизии Берии, охранявшей лагеря... Мы победили буквально через силу. До войны было уничтожено сорок три тысячи офицеров, генералов и адмиралов... Все наши маршалы учились воевать на фронте. Сколько же надо было положить солдатских жизней, чтобы дать время генералам научиться воевать».

Вдова писателя вспоминает: «Я помню, как Гриша писал роман “Июль 41 года”. Он чувствовал, что время Хрущева заканчивается, и очень спешил. Никогда он так не спешил, всегда писал спокойно, вдумчиво, по одной странице в день, иногда по полторы. А тут работал с утра до вечера».

Работа над романом шла нелегко. Она требовала анализа изданной военной литературы, воспоминаний военачальников, их сопоставления. Бакланов даже откладывал роман, начал писать повесть «Карпухин», но и ту не закончил. И вдруг, в какой-то момент, роман вызрел, материал сам попросился на бумагу. Вот тут и пришлось ему трудиться с утра до вечера. Он успел до снятия Хрущева. Хоть и с боями, но роман был напечатан в журнале «Знамя» и вышел небольшой отдельной книгой. Роман «Июль 41 года» получил признание на Западе раньше, чем у нас. Он был издан в Швеции, Финляндии, Франции, Дании, а потом и во многих других странах.

Последовали многочисленные приглашения в скандинавские страны. Супруги Баклановы побывали в гостях у финского писателя Пааво Ринталы, издателя Ярля Хелеманна. В городе Оулу их принимал владелец местной газеты Ааре Коркиакиви.

— Я плакал, когда читал эту книгу, — сказал он.

Вдова Бакланова вспоминает: «Когда мы уезжали из Оулу, кажется, в шесть или семь утра, Ааре и его жена бежали по перрону, чтобы отдать нам последний номер газеты с Гришиной фотографией и статьей о нем. Бежали они быстро, так как поезд отходил через пять минут. А были они уже не такие молодые. Успели. Мы, конечно, были очень тронуты».

В Швеции Баклановы гостили у издателя Пера Гедина, потом принимали его у себя в Москве. Приезжали к ним в гости

и другие писатели и переводчики, рассказывали, что роман пользуется успехом, что книги буквально расхватывают.

Из-под пера Григория Бакланова вышло с два десятка пьес и киносценариев. Судьба этих произведений совершенно разная. Существовало мнение, что у Григория Яковлевича не было дара драматурга. С этим трудно согласиться: ведь фильмы, поставленные по его сценариям, получили мировое признание. Возможно, Бакланов не до конца чувствовал условность сцены. Ему гораздо ближе был реализм прозы и кинематографа. Первую свою пьесу «Чем люди живы» Бакланов отнес во МХАТ Олегу Ефремову. Тот сказал, что книги Григория Яковлевича он любит, но пьес ему писать не надо. Бакланов забрал пьесу, немного ее переработал и отнес в Вахтанговский театр. Ставил спектакль сам Евгений Симонов, в главной женской роли была занята Ирина Купченко, но успеха постановка не имела и вскоре была снята с репертуара.

А вот спектакль «Пристегните ремни», поставленный в театре на Таганке Юрием Любимовым по совместному сценарию Бакланова и Любимова, имел громкий успех. В середине 1970-х годов Бакланов неоднократно встречался с главным режиссером театра на Таганке Юрием Любимовым: в планах была совместная пьеса о строительстве завода КАМАЗ, куда они даже вместе летали. Пьеса не придумывалась, и вот в одну из встреч Григорий Яковлевич вдруг сказал, что он хотел бы написать пьесу, где все действие происходило бы в самолете. Любимов сразу подхватил эту идею, начал фантазировать по поводу декораций, даже придумал название «Пристегните ремни». Пьесу начальство принимало трудно, впрочем, как и все спектакли Таганки. Спектакль пошел с большим шумом, на него даже привозили иностранные делегации, чтобы показать, насколько в нашей стране развито свободомыслие. И вдруг – новость: спектакль едет смотреть сам Виктор Васильевич Гришин – первый секретарь горкома КПСС, член политбюро, словом, хозяин Москвы. Пока Гришина принимали в директорском кабинете, раздался третий звонок: нужно было идти в зал, первый секретарь не хотел, чтобы народ из-за него ждал начала спектакля. На сцене был построен макет салона самолета с настоящими креслами, проходом между рядами, который символизировал временной барьер. На кресла дальнего ряда в полутьме молча садились выбежавшие из дальних кулис солдаты начала войны в касках плащ-палатках, шинелях, те,

которые остались на полях сражений. А на первые ряды кресел по сценарию должны были пройти члены государственной комиссии, направлявшиеся на стройку учинять разгром. Именно в этот момент в уголке сцены появился Виктор Гришин с супругой, чтобы занять отведенные им места в партере: в театре ложи отсутствовали. Сопровождавшие его лица оттерли актеров, изображавших членов комиссии, от сцены, чтобы первый секретарь беспрепятственно прошел в зал. Но как только он появился на авансцене, его поймал прожектор и повел вдоль всего маршрута: зрители были уверены, что это глава комиссии. Прожектор вел пару до партера, где они заняли свои места, а за ними разместились охранники. Раздались смешки, до публики дошел комизм ситуации. Потом говорили, что осветитель специально вел Гришина, чтобы Любимова сняли с главрежей. Сначала думали, что Виктор Васильевич уедет сразу. Не уехал, поднялся в кабинет Любимова после спектакля, какой-то потерянный, спектакль произвел на него впечатление. Успел даже поспорить с Баклановым, кто больший вклад внес в победу: пехота или авиация, к которой будущий партизнец в войну имел какое-то отношение. Уехал быстро, даже не попробовав угощения, чем без зазрения совести воспользовалось руководство театра. Думали, что спектакль закроют, на этот раз обошлось, но, как говорится, осадок остался. Довольно быстро «Пристегните ремни» сняли с репертуара, считалось, что в нем уж слишком сложные декорации.

В кино у Бакланова, помимо ленты «Чужая беда», были две большие удачи: сценарии к фильмам «Был месяц май» и «Салют, Мария». Первый снял замечательный режиссер Марлен Хуциев, все фильмы которого были новаторскими, они были, пожалуй, самыми яркими примерами «оттепельного» кинематографа. Он блистательно совмещал документальные кадры с игровыми. Например, в фильме «Застава Ильича», который нещадно порезала цензура, изменив даже название на «Мне 20 лет», он запечатлел выступление самых ярких наших поэтов-шестидесятников. В ленте «Был месяц май» также много документальных съемок: кадры военной хроники, послевоенные кадры, но, главное, интонация повести Григорий Яковлевича «Пядь земли», по которой сделан фильм, до тонкостей совпадает со стилистикой Хуциева. Фильм получил приз фестиваля 1971 года в Праге.

Фильм «Салют, Мария» еще одного прекрасного режиссе-

ра Иосифа Хейфеца вышел в прокат годом позже. Актриса Ада Роговцева получила за него приз за лучшую женскую роль на Московском фестивале 1971 года и по опросам зрителей была признана лучшей актрисой страны.

Семь лет Бакланов был главным редактором журнала «Знамя». Когда он пришел в редакцию, бывший главный редактор Юрий Воронов признался: «Портфель пуст». Популярность журнала была крайне низкой. Григорий Яковлевич впрягся в дело, засучив рукава. Первым делом он добился перехода в редакцию «Знамени» в качестве своего заместителя Владимира Лакшина. Тот работал в свое время заместителем Твардовского в «Новом мире» и пострадал от разгона редакции в полной мере. Чтобы его перевод одобрили, Бакланову пришлось дойти до Александра Николаевича Яковлева, члена Политбюро и главной действующей силы перестройки. Потом была битва за возможность напечатать в журнале роман Александра Бека «Новое назначение». Рукопись этого романа мыкалась по разным редакциям двадцать лет. Григорий Яковлевич добивается разрешения опубликовать роман. Точно так же он преодолевает все барьеры и публикует «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, которая пятьдесят лет находилась под запретом. Но своими главными достижениями на посту редактора журнала «Знамя» Бакланов считал публикации романа Михаила Булгакова «Собачье сердце» и поэмы «По праву памяти» Александра Твардовского. Роман Булгакова представлять не нужно: по художественной ценности он был лучшим произведением Михаила Афанасьевича после романа «Мастер и Маргарита», а по антисоветской направленности и сатире намного его превосходил. Разрешения партийного начальства на публикацию романа Григорий Яковлевич ждал очень долго. Наконец не выдержал, заявил:

— Беру всю ответственность на себя.

Журнал «Знамя» с этим произведением сразу же стал библиографической редкостью. Бакланов вспоминал о выходе номера с этим романом: «Этот номер журнала шел нарасхват. Сколько знакомых, полужанкомах, вовсе не знакомых людей звонили, просили журнал, присылали курьеров. Дочь нашей приятельницы стояла в метро на станции «Маяковская», у нее была назначена встреча, и посторонний человек, увидев у нее в руках этот номер журнала, стал предлагать за него любые деньги».

Публикации булгаковского романа с нетерпением ждали на киностудии «Ленфильм», где все было готово к тому, чтобы запустить фильм в производство, и какой фильм в итоге получился с блистательным Евстигнеевым в главной роли! В московском ТЮЗе тоже переживали: они планировали начать репетиции инсценировки романа, которая также стала новым словом на театральной сцене.

Особый драматизм сопровождал ситуацию с публикацией последней поэмы Александра Твардовского «По праву памяти». Бакланов тесно дружил с Твардовским, тот в своем кабинете на даче прочитал Григорию Яковлевичу свое произведение: «При жизни Александр Трифонович читал мне ее у себя на даче, читал и курил сигарету за сигаретой: поэма, уже набранная, была запрещена цензурой». Твардовский разослал рукопись поэмы всем членам редколлегии своего бывшего журнала, ни один не откликнулся. Бакланов: «Я обещал ему, если от меня это будет зависеть, я сделаю все, чтобы поэма была напечатана. Ее издали в Италии, но у себя на родине Твардовский так и не дождался, не увидел ее при жизни. Как же я мог отдать? Я был связан словом. На третий день после того, как я стал редактором, я пришел к вдове Твардовского, к Марии Илларионовне, и она передала мне поэму».

Новый редактор «Нового мира» Сергей Залыгин встретился с Баклановым и попросил передать ему рукопись поэмы для публикации в «Новом мире». Григорий Яковлевич категорически отказался: во-первых, он был связан словом, которое дал Твардовскому, а, во-вторых, уж очень нехорошо в конце 1960-х обошелся журнал со своим главным редактором. Тогда Залыгин предложил вдове Твардовского напечатать в «Новом мире» первичный вариант поэмы. Согласие он у нее получил. Началась гонка: чья публикация выйдет первой. Победил журнал «Знамя».

В итоге за годы работы в журнале Бакланова журнал не только существенно увеличил свой тираж, он стал основным конкурентом «Нового мира» по популярности в последние годы существования Советского Союза. Эти два журнала стали центрами «возрожденной литературы». В 1993 году из журнала Григорий Яковлевич ушел, чтобы написать еще один роман. В реальности он успел написать целых два романа.

В единственном автобиографическом произведении Бакланова повести «Жизнь, подаренная дважды» автор напишет:

«Я не знал тогда и не мог знать, что из всего нашего класса, из тех ребят, что пошли на фронт, мне единственному было суждено вернуться с войны». Особенно Григорий Яковлевич переживал смерть брата, когда у него самого родились дети. «Пуля, убивающая сегодня, уходит в глубь веков и поколений, убивая и там еще не возникшую жизнь», — вот основная мысль писателя.

Да, ему повезло, и по этому поводу Эльга Анатольевна скажет: «Я часто думаю, какое счастье, что несмотря на все ранения и контузии Гриша остался жив после такой страшной войны... Увидел Гриша и детей своих, и внуков, и даже правнуков... Гриша прожил долгую и честную жизнь. Особенно хочу отметить, что он никогда не подписал ни одного грязного письма, ни одной подлой статьи. Все, что он считал нужным и важным, он говорил прямо с трибуны, называл фамилии тех, с кем был не согласен».

Кого ни спросишь из тех поселковых соседей, что близко знали Григория Яковлевича Бакланова, услышишь на редкость единодушное мнение: «Он был честный и удивительно светлый человек!»

ЗАСТОЙ (1972–1985)

В 1972 году стало окончательно ясно, что старое здание конторы уже не удовлетворяет возросшим потребностям поселка. Было желательно постоянное присутствие в поселке электрика, водопроводчика, газовщика, а посадить их было некуда. Кроме того, старое здание конторы находилось на участке Дмитрия Жимерина, который и так терпел это безобразие целых десять лет. Новое место для конторы нашлось на Центральной аллее, более широкой, чем все остальные, у забора дачи Александра Котова. Тот без восторга принял это решение, но смирился, так как домик планировалось поставить на самом углу Центральной и Восточной аллей. Его практически должна была скрыть от глаз разросшаяся зелень. Вскоре домик действительно возник — одноэтажный, кирпичный, из двух комнат и туалета. К нему пристроили склад-мастерскую и отпраздновали новоселье.

Прошло целых десять лет с момента выделения кооперативу нескольких телефонных номеров от военного гарнизона. Во-первых, их было явно недостаточно, во-вторых, качество телефонной связи было ниже любой критики, в-третьих, в стране появились новые возможности телефонизации. Правление ДСК «Советский писатель» в декабре 1972 года пишет челобитную на имя заместителя Министра связи СССР И. В. Клокова с просьбой включить работы по телефонизации поселка в план Министерства на 1973 год, однако этого оказалось недостаточно. Тогда Правление организовало броневой делегацию, которую принял тогдашний Министр связи СССР Николай Демьянович Псурцев, занимавший этот пост еще при Стали-

не, с 1948 года. Псурцев, естественно, не смог устоять против Кармена, Симонова, Кабалецкого и Жимерина. В марте 1973 года Правление получило письмо, подписанное Псурцевым, об удовлетворении просьбы писателей о телефонизации поселка. Однако прошло еще долгих пять лет, прежде чем московские телефоны в количестве 66 штук пришли в Красную Пахру. Вопрос о телефонизации рассматривался все эти годы на каждом заседании Правления и общих собраниях поселка. Понадобился еще один поход представительной делегации в Министерство связи СССР, теперь уже к следующему Министру Николаю Владимировичу Талызину, чтобы обещанные 66 телефонных линий заработали. Это было похоже на чудо. Любой житель Красной Пахры, не выходя со своей дачи, мог позвонить в Москву да и вообще в любой город страны и мира, правда, набрав «8». Молодые люди поселка получили неоспоримый аргумент при знакомстве со студентками, заполнявшими в дни студенческих каникул Дом отдыха Минспецмонтажстроя:

— Хотите без проблем позвонить родителям в Москву? Тогда мы приглашаем вас к нам на дачу!

Забавно было невольно слышать волнующие девичьи голоса, которые расписывали мамам и папам, как они каждый день ходят в лес на лыжах или катаются на коньках на катке, много гуляют по морозному воздуху. Впрочем, они действительно гуляли: по воздуху минут десять, а остальное время за столом и с горячительными напитками. Московские номера, безусловно, повышали статус жителей Красной Пахры.

Конечно же, в те годы проводили улучшение электросетей и дорог в поселке, но появление телефонов стало принципиальным шагом улучшения качества жизни.

Наверное, в жизни хорошее и плохое, в конце концов, уравниваются. Если в первое десятилетие жители Южной аллеи были в привилегированном положении: первая асфальтированная дорога, раннее подключение к электросетям и к водопроводу, то в начале 1970-х некоторые из этих достоинств обернулись недостатками. Южная аллея оказалась ближайшей дорогой от Калужского шоссе к Дому отдыха Минспецмонтажстроя, и, естественно, через нее пошел постоянно возрастающий поток автомобилей. Помимо черных «Волг» начальства, с проездом которых еще можно было мириться, через поселок устремились грузовики и автобусы с отдыхающими. Техника по Южной аллее двигалась утром, днем, вечером и даже ночью.

Жители Южной аллеи стали чувствовать себя словно на оживленной московской магистрали. Асфальтовое покрытие этой аллеи, испытывавшее десятикратные нагрузки по сравнению с другими дорогами поселка, стало быстрее изнашиваться: образовались ямы, выбоины, трещины в асфальте, колдобины. Жители поселка, и прежде всего Южной аллеи, стали с этим злом бороться всеми доступными им методами.

Вначале на въезде и на выезде из поселка поставили шлагбаумы, которые снабдили замками. Стало хуже, потому что у шлагбаумов скапливались десятки автомобилей, образовывались пробки. Атмосфера портилась, водители гудели, жители Южной аллеи возмущались. Особенно доставалось жителям крайних дач: Модесту Табачникову, Иосифу Дику и Виктору Драгунскому. Шлагбаумы стали часто ломать те, кто желал беспрепятственно проехать по Южной аллее. Первым не выстоял Табачников – он перенес шлагбаум на территорию Дома отдыха, что, естественно, вызвало возмущение его дирекции. Потом поставили у шлагбаумов двух сторожей, но они не выдерживали оказываемого на них давления и угроз и машины все равно пропускали.

Жители Южной аллеи попытались было изменить путь следования автомобильного потока – направить его через Академическую и Восточную аллеи и сделать шлагбаум у дачи Григория Бакланова. Однако быстро выяснилось, что покрытие Академической вообще не асфальтовое, а Восточная имеет менее крепкую дорожную подготовку, чем Южная. Возмущению Бакланова вообще не было предела, потому что решили, что шлагбаум он должен возвести за свой счет, правда, с помощью Табачникова, который ради переноса проклятого устройства готов был на любые траты. Быстро стало ясно, что жители Южной аллеи составляли примерно треть от всех жителей поселка, а предлагаемые ими изменения затрагивали интересы оставшихся двух третей, поэтому все голосования на общих собраниях «южане» проигрывали.

Наконец, в 1975 году, когда председателем Правления избрали Юрия Нагибина, жителя Южной аллеи, он своим распоряжением вообще перекрыл проезд в Дом отдыха под предлогом ремонта дорожного покрытия. Вспыхнул скандал. Дирекция Дома отдыха написала кляззу в Секретариат Союза писателей СССР, оттуда приехал с проверкой Секретарь Союза писателей

Виктор Ильин. Организовали внеочередное общее собрание. Ему предшествовало заседание партийного актива поселка. Активистов набралось 24 человека, вел заседание Роман Кармен. Поскольку большинство опять-таки оказались не жителями Южной аллеи, то начавшийся ремонт дороги было решено срочно прекратить, а если и продолжать, то просто засыпать и заасфальтировать ямы, шлагбаумы немедленно открыть, обеспечив выборочный допуск автомобилей Дома отдыха через поселок. Скандал дошел и до местной власти города Троицка, они обещали даже поставить пост ГАИ у въезда в поселок. Было решено обязать грузовики ехать в объезд через Троицк и деревню Батаково, а легковушкам и автобусам разрешить движение по Южной аллее. Страсти вроде бы улеглись, но эта проблема еще долго стояла перед поселком, пока наконец, спустя лет пятнадцать после описываемых страстей, его не отделили от Дома отдыха мощными стационарными воротами. Пост ГАИ у поселка так и не открыли, но договоренности с дирекцией Дома отдыха об объезде поселка грузовиками достигли.

На очередном заседании Правления Юрий Нагибин выступил с заявлением, подготовленным секретариатом Союза писателей СССР. Руководящий писательский орган озабочился тем, что ДСК «Советский писатель» катастрофически быстро меняет свой статус. В поселке осталось всего 36 писателей против 28 жильцов-неписателей. Конечно, это был формальный подсчет жителей, но он заставил Правление поволноваться. К неписателям отнесли не только членов других творческих союзов, но также вдов и других наследников умерших членов СП СССР. Правда, что с этим делать, было не ясно. В СССР существовали правила наследования и передачи пая в кооперативах, и как их можно обойти без нарушения законов, было не вполне понятно. Другое дело в поселке Переделкино, где писатели жили на государственных дачах. В Пахре же очень мешал наведению порядка статус дачно-строительного кооператива. Нужно сказать, что сами члены Правления не слишком строго следили за тем, состоит ли вновь принимаемый в Союзе писателей. Часто формальный отказ на вступление в кооператив одному из претендентов не члену Союза писателей в протоколах заседания Правления соседствовал с единогласным приемом другого кандидата, если тот занимал важный пост в другом творческом союзе или Академии наук. Например, летом 1972 года

Правление с большим энтузиазмом приняло в члены кооператива на пай писателя Николая Жданова Людмилу Георгиевну Зыкину, народную артистку РСФСР, хотя ее трудно было подозревать в писательских наклонностях. Но Зыкина уже тогда была песенным символом России. Через год она стала народной артисткой СССР. Ее всячески поддерживала тогдашний Министр культуры СССР Екатерина Фурцева, ближайшая подруга певицы.

Вскоре Людмила Зыкина вышла замуж за баяниста Виктора Гридина, который возглавлял ансамбль ее музыкантов. Для вольной жизни влюбленной пары на Пахре скромной дачи Николая Гавриловича Жданова катастрофически не хватало. Впервые в истории поселка начинается громадное строительство. Ежедневно на работу на участок Зыкиной тянутся десятки рабочих, задействована тяжелая техника: бетономешалки и подъемные краны. Шум строительства не дает покоя не только ближайшим соседям, но и большинству населения поселка. Однако никакие жалобы Правлением не принимаются. Разумные люди знали, что Людмила Георгиевна любимая певица не только Председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина, но и самого Генсека Леонида Брежнева.

Вскоре масштабное строительство завершается. За высоким глухим забором из железобетонных плит невозможно рассмотреть возникший дворец, но немногие счастливицы, которым повезло увидеть его изнутри, были потрясены. На первом этаже был возведен зрительный зал мест этак на сто с небольшой сценой, чтобы певице было где попеть. На сцене стоял рояль белого цвета. На втором этаже были две комнаты: спальня и кабинет метров по пятьдесят каждая. В кабинете Виктор Федорович сочинял музыку, самозабвенно играя на баяне. В поселке он получил устойчивую кличку «Уточка луговая» по словам одного из исполняемых им произведений. В спальне было установлено ложе невероятных размеров.

Пара частенько гуляла по поселку, вызывая плохо скрываемое любопытство его жителей и особенно экскурсантов из соседнего Дома отдыха. Гридин — мужик высокого роста и мощного телосложения — почему-то питал слабость к штанам революционного красного цвета, которые зимой заправлял в валенки с калошами. Людмила Георгиевна, которую природа статью также не обидела, иногда рисковала выйти на аллеи в модных джинсах. Обозревая певицу сзади, можно было толь-

ко подивиться размерному диапазону изделий фирмы «Леви Страус», хотя не исключено, что чудо-джинсы шились певице на заказ во время одной из многочисленных поездок в США.

С громадной помпой было отмечено пятидесятилетие народной любимицы. Такого поселок опять-таки не видел. Вся часть Восточной аллеи, уходившая вправо от Центральной, была забита машинами. Приехали коллеги и подруги певицы, деятели культуры, высокое советское и партийное начальство, космонавты, охрана высоких гостей. Немногочисленные жители поселка, получившие приглашение посетить празднество, скромно спешили, скрывшись за большими букетами, прошествовать под любопытными взглядами менее удачливых соседей в гостеприимную калитку.

Яркие события в жизни страны и поселка происходили все реже, поэтому даже простое нарушение рутинного существования оставалось надолго в памяти жителей. В начале 1970-х годов все средства массовой информации, включая телевидение, были полны сообщениями о бакинской семье Берберовых. У Льва и Нины Берберовых в квартире жил настоящий лев по кличке Кинг. Кинг снялся в кинофильме Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России», благодаря чему семья стала очень популярна в СССР. Появились рассуждения о том, что дикие животные вполне могут жить вместе с людьми в городских условиях. Писатель Юрий Яковлев, проживавший в поселке Красная Пахра, сблизился с этой семьей, начал собирать материал для детской киноповести под названием «У меня есть лев». Для полноты ощущений Яковлев пригласил всю семью Берберовых, включая и берберийского льва, к себе на дачу. Поселок напоминал растревоженный улей. Мнения жителей разделились. Кто-то считал пребывание опасного животного в поселке безобразием, кому-то было любопытно. Розовы, чей участок граничил с участком Яковлевых, к этой идее отнеслись резко отрицательно.

Началось с того, что Нона, жена Юрия Яковлева, довольно безцеремонно прокричала своим соседям через забор:

— Эй, Розовы, вы сегодня на участок не выходите. У нас в гостях лев!

Перспектива встретиться с царем зверей семью драматурга не вдохновила. Однако их мнение Яковлевыми в расчет принято не было. Смотреть на льва пришло полпоселка, приехали даже высокие гости из Москвы, например, Председатель

Госплана СССР Николай Байбаков, ближайший друг жителя поселка Дмитрия Жимерина. Впечатления от встречи с Кингом изложил в своем дневнике Юрий Нагибин: «В наш поселок его доставили якобы для того, чтобы порадовать больных детей в сердечном санатории, на деле же, чтобы участвовать в телерекламе Яковлева. Реклама же послужит подспорьем двухсерийному фильму хозяина дома, который тот почти навязал “Ленфильму”. Так что Кинга ждет путешествие на берега пустынных невских волн. В автобусе вместе со львом и Берберовыми прибыли папа-Хофкин (отец писателя Яковлева), наиболее выдающиеся родственники, оператор “Ленфильма” и еще двое киношников. На заборе было написано: “Привет Кингу!” Лев был явно растроган. На встречу со львом были приглашены все наиболее уважаемые жители нашего поселка.

Лев, большой и несчастный, лежал под деревом в саду, его трогательно охранял крошечный файтерьер Чип. С одного взгляда было ясно, что этот печальный зверь — существо ушербное, больное, неполноценное. Так оно и оказалось. Он родился рахитиком, уродцем, и мать-львица хотела его ликвидировать, очевидно, в порядке искусственного отбора. Она успела разорвать ему бок, когда львенка отняли. Берберовы взяли уродца и выходили. Он переболел всеми видами чумок, инфекционных и простудных заболеваний. У него изжелтакоричневые гнилые зубы, которыми он всё же уминает 8 кг парного мяса в день».

Лев провел пару дней в поселке, после чего был перевезен в Москву. Кончилась вся эта эпопея для людей и животных очень печально. Вначале от выстрелов лейтенанта милиции на Мосфильмовской улице погибает Кинг. Он временно содержался там, недалеко от комплекса «Мосфильма», в физкультурном зале пустующей летом школы. Версии этой трагедии противоречивы: милиционер утверждал, что лев готов был напасть на проходящего мимо студента, Берберов настаивал на том, что Кинг просто хотел поиграть. В любом случае не стоило награждать милиционера-стрелка медалью «За отвагу», ведь вся Москва знала, какого льва он убил. На следующий день умирает собачка Чип, которая не пережила смерти друга.

Кинга хоронят в Красной Пахре на участке Яковлевых. Горе семьи владельцев было не наигранным. Но они и из гибели своего питомца извлекают выгоду. Чтобы купить нового льва, Берберовы организуют складчину среди жителей поселка. На-

гибин: «Вскоре нам прислали фотографии Кинга, сделанные в саду Яковлевых; набор, включавший и постороннее фото, где Кинг играет с голенькой дочкой Берберовых — снимок так и просится на обложку гнусного журнальчика “Лолита”, — стоил четвертной. Оказывается, деньги пойдут на покупку нового льва для Берберовых. Затем последовала уже незамаскированная складчина, и мы имели низость в ней участвовать, хотя Берберовых нельзя подпускать к львам на пушечный выстрел. И льва купили, и какая-то часть этого льва принадлежит нам с Аллой: лапа, коготь, кисточка хвоста». Берберовы покупают львенка, которого называют Кингом Вторым. Вся семья принимает участие в съемках фильма «У меня есть лев», только Второй Кинг играет первого. Через два года следует вторая кинолента «Лев ушел из дома». Вскоре сам Лев Берберов умирает, а Кинг Второй в городской квартире в Баку по неустановленным причинам нападает на вдову и ее сына. Прибывшие милиционеры убивают льва и пуму, которая также жила у них в квартире. Сына Романа спасти не удалось. На этом споры о возможности совместного проживания людей и диких животных в квартирах сами собой прекратились.

Этот период ознаменовался появлением в поселке экзотических животных. После знакомства жителей со львом Алик и Леша Сикорские приехали в поселок на колхозных лошадях, чтобы порадовать свою бабушку Татьяну Сергеевну Сикорскую, урожденную княжну, у которой в имении в Вятской губернии была конюшня. Она (вместе со своим мужем Самуилом Борисовичем Болотиным) была замечательной переводчицей текстов значительного количества оперетт, американских песен протеста, автором слов песенки «Моя лилипуточка, приходи ко мне» из фильма «Гулливвер». Многие ее тексты сегодня считаются народными, что говорит о высшем признании слушателями, например, «Миленький ты мой, возьми меня с собой. Там, в краю далеком, буду тебе женой». Бабушку братья порадовали, но одновременно до смерти напугали писателя Цезаря Солодаря. Пришлось принимать специальное решение Правления о запрете в поселке езды на лошадях.

С Аликом Сикорским связана и история появления в Красной Пахре зеленой мартышки по кличке Марсик. Марсик достался маме Алика, певице с красивым колоратурным сопрано, от ее поклонника, дрессировщика-любителя. Мартышка была не совсем ручной: ее поймали, когда она уже вышла из детского

возраста. На руки она не шла, а показывала клыки добрых четырех сантиметров длиной. Силой Марсик обладал неимоверной для такого маленького существа. Если он бил своей маленькой ладошкой обидчика по лицу, у того сразу возникал синяк. Марсик никого не боялся, кроме фокстерьера Ромки. Они негласно разделили жизненное пространство во времянке: Ромочка жил внизу, а Марсик скакал по столу и шкафу. Обезьяна все время носила ошейник с коротким поводочком с петлей, чтобы ее можно было отловить. Летом Марсик жил на чердаке времянки, где Алик положил для него матрасик. Он мог выходить из своего чердака на воздух в любое время. Убегать мартышка не пыталась: охраняла свою территорию. Она залезала на деревья до середины: выше ее гоняли вороны, а ниже нападали белки. Из соседних пионерских лагерей к участку Сикорских приходили целые отряды, чтобы посмотреть на чудо живой природы.

Соседи отнеслись к Марсику по-разному. Юрию Нагибину, который не любил людей, но относился с симпатией к животным, мартышка понравилась, а вот Алексей Мусатов ее невзлюбил. Положа руку на сердце, причины на то были. Алексей Иванович был писателем-деревенщиком. Его самая знаменитая повесть «Стожары» была в 1950 году удостоена Сталинской премии. Стожара — это березовая жердь, которую одним концом закапывали в землю, чтобы вокруг складывать стог из сена. Не всякий современный читатель знает, что это такое. Мусатов же был погружен в сельскую тематику, поэтому знал. На своем участке он сам мастерил мебель, чинил и даже возводил строения, выращивал овощи и фрукты. Помогал ему в этом садовник — обстоятельный мужик среднего возраста. Летом на дачу приезжал внук писателя, тоже Леша, который любил залезать на крышу недавно возведенного гаража. С крыши он и заметил Марсика. Естественно, мальчик стал приманивать обезьяну фруктами, и Марсик быстро освоил путь с крыши своей времянки на соседний участок.

Вскоре случился и первый инцидент. Садовник Алексея Ивановича собрал первый урожай помидоров и положил их на подоконник открытого окошка, чтобы они на солнце подрумянили свои бока. В тот день хозяин куда-то уехал, а Марсик разглядел лежащие в легко доступном месте плоды. Через секунду он уже был на чужом участке. Если обезьяне дать только один фрукт или овощ, то она его съест до конца, если он ей понравится. Если у нее есть выбор, то она перепробует все в поисках

самого сладкого. Так и случилось на этот раз. Марсик перепробовал все помидоры. Он надкусывал плод и отбрасывал его, стараясь найти повкуснее, то есть вел себя в точности как хохол из анекдота: «Не съем, так понадкусаю!» Вскоре все помидоры прошли у Марсика проверку, а тут как раз и появился разгневанный хозяин. Марсика от расправы спасло только то, что он успел ретироваться. Нужно сказать, что реакция у него была невероятная. Он, спокойно сидя, неторопливым движением ловил в воздухе пролетающую мимо муху или пчелу, зажимал ее в кулачок и подносил к носу. Потом внимательно слушал, как она жужжит, открывал кулачок, пытаясь ее съесть. Если добыча пыталась улететь, он снова хватал ее в воздухе, засовывал в рот и начинал аппетитно хрустеть. По части быстроты реакции и ловкости ни один человек с ним сравниться не мог.

Совсем скоро Мусатов снова уехал в Москву, а на хозяйстве остался его верный садовник. Поработав с утра в саду, он сделал обеденный перерыв. Погода была хорошая, он вынес в сад столик и поставил его в тени. Потом начал собирать обед: кастрюльку с супом, краюху хлеба, огурчики и помидорчики с участка. Когда все было готово, он налил себе супчика в тарелку, а кастрюльку с половником оставил здесь же на столике: вдруг добавки захочется. Садовник посмотрел на столик, остался доволен достигнутым результатом и пошел в дом помыть руки перед едой. Это было его ошибкой, которой Марсик не преминул воспользоваться. Он давно наблюдал за приготовлениями со своей крыши, поэтому стоило садовнику войти в дом, как мартышка уже была на столике. Суп Марсик любил, особенно зеленые щи. Если ему давали еду в миске, он разливал ее по поверхности и начинал слизывать. Так он поступил и на этот раз. Однако он быстро обнаружил, что в кастрюле содержится гораздо большее количество вкусной еды. С кастрюлей он применил совсем другую тактику: скинул крышку и засунул в нее свою ручонку по плечо. Он пошарил по дну, что позволило ему захватить гущу, включая сваренные куски мяса. Пиршество было в самом разгаре, когда появился садовник с чистыми руками. Увидев, что уродец спокойно доедает его суп, садовник закричал и замахал на него руками. Марсик сиганул со столика и угрожающе около него запрыгал. Садовник схватил палку. Это была вторая его ошибка. Марсик сделал ловкое сальто назад, попутно ударив своими «нижними руками» изо всех сил по нижней поверхности крышки стола. Столик подскочил, все, что

на нем было, разлетелось в разные стороны, а мартышка ловко приземлилась, влезла на соседнюю яблоню и стала раскачивать ветки. Потом это обстоятельство позволило садовнику пожаловаться Мусатову: «Сикорский подсылает обезьяну яблони трусить». Возмущенный писатель-деревенщик пообещал Марсика пристрелить. К счастью, до этого дело не дошло.

Часто можно было видеть Алика Сикорского на спортивном велосипеде с Марсиком, который ловко сидел на раме, крепко держась своими малюсенькими ручонками за руль. Марсик был экипирован ошейником, который соединялся поводком с рамой велосипеда. Поводок совсем не мешал мартышке в отдельные моменты ловко спрыгивать с рамы велосипеда на землю. Этим приемом Марсик неизменно пользовался, когда Алик проезжал сквозь калитку, замыкавшую Восточную аллею. Нужно было остановиться, опереться ногами о землю, руками открыть калитку, аккуратно провести велосипед, при этом уворачиваясь от калитки, которая с силой закрывалась под действием длинной пружины. Марсик предоставлял возможность проводить все эти действия своему хозяину, на всякий случай спускаясь на землю. Однажды на земле он столкнулся нос к носу с довольно крупной поселковой собакой дворового образца. Собака была шокирована, хотя мартышка не проявляла никакой агрессии. Собака сначала застыла в ступоре, поджав хвост, а потом стала пятиться назад, не отрывая взгляда от странного существа, преградившего ей дорогу. Затем пес повернулся и со всех ног позорно бросился прочь от обезьяны, которая была меньше его, по крайней мере, раз в пять.

События, происходившие в государстве, почти сразу же находили отражение и в поселковой жизни. Весной 1983 года по личному распоряжению Андропова в СССР был создан Антисионистский Комитет Советской Общественности. Состоял Комитет в основном из евреев и занимался пропагандистской и издательской деятельностью, направленной против сионизма. Возглавлял милую организацию генерал-полковник дважды Герой Советского Союза Давид Абрамович Драгунский. Входили в Комитет известные деятели, связанные с искусством и литературой, например, композитор Матвей Блантер, кинорежиссер Татьяна Лиознова, актриса МХАТ Ангелина Степанова. Из жителей поселка такой чести удостоились двое: поэт Андрей Дементьев и драматург Цезарь Солодарь. Для некоторых из них пребывание в Комитете было тем, что называется «по-

ложение обязывает». Например, Дементьев работал главным редактором популярного молодежного журнала «Юность», для него вопрос стоял ребром: или он остается в журнале и вступает в Комитет, или он расстанется с начальственным креслом. Для другой работа в Комитете была, по-видимому, велением сердца. К таким нужно отнести Цезаря Солодаря. Начинать он с неплохих пьес, которые шли во многих театрах страны: «В Сиреневом саду», «Летний день», но постепенно популярность его произведений падала, а отведенной ему меры таланта не хватало на создание новых. Нужно было искать свежие темы для творчества. Идеи советского антисюионизма пришлись Солодарю вполне впору. Вначале он пишет книгу «Темная завеса» о «борьбе сионистов» за души западной молодежи. Цезарь Самойлович для сбора материала и впечатлений ездил в Западную Европу неоднократно и подолгу. Произведение было удостоено премии Ленинского комсомола. Но следующее произведение писателя под названием «Дикая полынь» было посвящено проникновению сионизма на советскую землю, и тут автор задел и испачкал многих вполне достойных людей. После этого многие писатели фактически объявили Солодарю бойкот. Чтобы поддержать единомышленника, на дачу Цезаря Самойловича в Красную Пахру приехал бывший секретарь Союза писателей СССР, а ныне всесильный главный редактор журнала «Огонек» Анатолий Софронов. Писатель Александр Ольшанский, собравший массу смешных историй о своих коллегах, изложил эту историю так: «Погода была мерзкая, и прибытие высокого гостя могло пройти совершенно незамеченным. Солодарь ходил с Софроновым по веранде, но, как назло, никого на улице не было и не было. Вдруг появился Зиновий Гердт с бидоном — шел в магазин.

— Зяма, Зяма, Зяма, — обрадованно закричал Солодарь.

— Вижу, вижу, вижу, — отреагировал Гердт и похромал дальше».

В 1979 году на свет появился самиздатовский альманах «Метрополь», куда вошли неподцензурные произведения 24 авторов. Всего было изготовлено 12 экземпляров альманаха, который представлял собой папку с листами из плотной бумаги большого формата А2. Особенностью издания было то, что в нем участвовали как практически запрещенные авторы, например Юз Алешковский, Фридрих Горенштейн, так и

очень популярные Белла Ахмадулина и Андрей Вознесенский. В «Метрополе» были опубликованы 20 стихотворений Владимира Высоцкого – единственное прижизненное издание барда. Организаторами альманаха были Василий Аксенов, Виктор Ерофеев и Евгений Попов. Реакция властей на появление сборника была непредсказуемо жесткой. Идеологов альманаха – Ерофеева и Попова – исключили из Союза писателей СССР. Аксенова трогать остереглись. В знак протеста Аксенов, Инна Лиснянская и Семен Липкин заявили о своем выходе из этой организации. Василий Павлович вместе со своей женой Майей Кармен подали заявление на выезд из СССР. Это было накануне Олимпийских игр в Москве. Власти страны не препятствовали массовому выезду за рубеж евреев и диссидентов, стараясь поднять имидж государства в глазах международной общественности.

Летом 1979 года на даче у покойного Кармена собиралась пестрая компания опальных писателей и поэтов. Некоторые из них уже получили разрешение на выезд из страны, другие ожидали этого волнующего момента, третьи приехали их поддержать, попрощаться: Юз Алешковский, автор бессмертной «блатной» песни «Товарищ Сталин, Вы большой ученый», Василий Аксенов, Вадим Трунин, сценарист и первый муж Алены Кармен, дочери Майи, и многие другие.

Как обычно, жители поселка разошлись во мнениях. Демократически настроенные обитатели поселка старались поддержать опальную компанию. Многие звали их в гости, сами приходили на дачу Карменов: дальнейшая судьба уезжающих из Советского Союза представлялась туманной и даже непредсказуемой. Впрочем, отъезжающие по этому поводу не сильно переживали. Каждым летним днем на даче происходило непрекращающееся прощание со всеми гостями. Спиртных напитков и закуски хватало. Вели себя отъезжающие уверенно, даже вызывая. Юз Алешковский где-то раздобыл футболку в виде звездно-полосатого американского флага и ходил в ней по поселку, вызывая негодование второй половины жителей, которые отнюдь не сожалели о высылке ярких диссидентов за пределы нашей благодатной страны.

Уехали Василий Павлович с Майей и с ее дочерью в США только год спустя, как раз накануне открытия Олимпийских игр 1980 года.

Много шума в поселке наделало непродолжительное проживание Владимира Высоцкого на даче Эдуарда Володарского. Возможно, не все нынешние читатели помнят ту степень популярности, которой обладал этот легендарный бард, поэт и актер, но она намного превосходила славу всех других поэтов с гитарой в руках вместе взятых.

Начнем с того, что в 1975 году писатель и сценарист Эдуард Володарский купил дачу покойного поэта Семена Кирсанова у его вдовы. Эдик знал Владимира Высоцкого с 1962 года, когда артист снимался в фильме «713-й просит посадку» и жил в гостинице «Советской». Вот как сам Эдуард Яковлевич вспоминает о той встрече:

«Иду утром в буфет похмелиться. Стоит Высоцкий, выбирает, что взять подешевле, денег у него тогда не было, я заказал два коньяка. Накушались славно...» Столь романтическое свидание положило начало многолетней дружбе. Когда Владимир Семенович добился всесоюзной славы, стал много зарабатывать и женился на актрисе Марине Влади, та стала настаивать, чтобы артист купил себе дачу под Москвой. Это было практически невозможно: репутация Высоцкого, женатого к тому же на французенке, закрывала для него возможность пребывания на гостеприимной подмосковной земле. Для выезда иностранца на десять километров за пределы Московской кольцевой автомобильной дороги нужно было брать соответствующее разрешение в компетентных органах. Тут Влади и вспомнила, что среди пьяниц-дружков барда есть и вполне солидный человек – Эдуард Володарский, который живет в писательском заповеднике. Пара зачастила в Красную Пахру. Эдуард Яковлевич не возражал – он вообще радушный человек, а тут и собутыльник все время под боком. Встретили они вместе Новый 1978 год в компании со своими друзьями и некоторыми соседями по поселку. Потом, видя неподдельное стремление Высоцкого освоить загородную жизнь, Володарский предложил ему отремонтировать времянку на его участке и жить там с Мариной. «Он загорелся, пошел, посмотрел и говорит: “Слушай, а что если времянку снести и из бруса, мне обещали достать, построить дом? Потом все равно вступлю в кооператив и дом перевезу”». В сентябре 1978 года Эдуард Яковлевич пишет заявление в Правление с просьбой разрешить ему ремонт времянки, так как последняя пришла в негодность. Разрешение было получено, и строи-

тельство на его участке началось быстрыми темпами. Володя торопился, словно уже тогда предчувствуя, что ему богом отмерено немного времени. Чтобы привыкнуть к загородной жизни, Высоцкий частенько приезжал к своему другу, жил у того на даче по нескольку дней, когда не был занят в спектаклях. Зарабатывал актер очень прилично. Все строительство дачи велось на его деньги. У Высоцкого был редкий тогда в СССР автомобиль «Мерседес», который он купил на свои деньги у московского спекулянта иранского происхождения Бабека Сируша. Тот любил Володю и продал ему «мерс» подешевле. Так в поселке появился второй автомобиль легендарной марки, первый был у Эмиля Гилельса.

Периодически, чтобы оправдать свое длительное пребывание в Красной Пахре, Высоцкий объявлял всем друзьям и знакомым, что пишет с Эдиком сценарий. Обычно эти планы ничем не кончались, но тут у Владимира Семеновича вдруг созрел реальный замысел и он пристал к Володарскому, чтобы тот ему помог. Нужно сказать, что легендарный поэт и актер был слаб в прозе, а тем более в сценарном мастерстве.

Один генерал рассказал Высоцкому, как он, будучи еще лейтенантом, попал в немецкий лагерь для военнопленных, но бежал оттуда в канун победы вместе с тремя товарищами, причем все были разной национальности. Вышли они на американские части, те их приняли за немцев, завязалась перестрелка, одного американца убили. Так они и болтались между немцами и союзниками, пробиваясь к своим. Высоцкий, необыкновенно популярный в СССР после фильма «Место встречи изменить нельзя», решил выйти на международный уровень. Он сразу же распределил роли. Советского лейтенанта по имени Володя он будет играть сам. Поляка Даниэля должен был играть Даниэль Ольбрыхский, личный друг Высоцкого. Роль французского офицера, Жерара, естественно, отводилась Депардьё. Четвертым товарищем было решено сделать грузина, привлечь к фильму Вахтанга Кикабидзе. В финале Владимир и Даниэль на американском самолете улетят в Москву, а Жерар с Вахтангом мужественно погибнут. Оптимистичный конец, но не «хэппи-энд». Было запланировано поснимать какие-то кадры в Вене, где друзья некоторое время проживут на вилле после удачного побега. Этот эпизод даст и название всему фильму «Венские каникулы».

Высоцкий «достает» Эдика всю Новогоднюю ночь 1979 года, и первого января 1980 друзья садятся за письменный стол, даже не опохмелившись. Дело спорится. По ходу работы Высоцкий отлучается то в театр, то на концерт, но шестого января, о чудо, и сценарии ставится последняя точка. К сожалению, до его реализации дело не дошло. А вот стройка времянки для Володи с Мариной продолжалась стахановскими темпами. Жена Володарского Фарида устала от постоянной готовки жратвы для рабочих. К тому же те пили по-черному, приходилось по всему участку собирать бутылки. Вот как вспоминает те дни Володарский: «Володя иногда приезжал, охал, ахал и уезжал. Иногда навевывалась и Марина. К марту 1980 года дом построили. Подвели газ, причем сделано это было незаконно. Как ни странно, Высоцкий в новом доме практически и не жил. Приедет, посмотрит, а ночевать идет ко мне. Считал, что у меня уютней. Несколько раз приезжал вместе с Мариной, а когда Влади не было, привозил с собой Ксюху. Несколько раз они ночевали в новом доме. Часто гости наезжали, кто только ни перебивал. Когда орава людей сваливала, мы с Володей в том доме пьянствовали».

Проблемы начались еще во время строительства. Соседи предупреждали Эдуарда Яковлевича, кто по-доброму, кто угрожающе. Члены Правления говорили: «У тебя Высоцкий дачу строит, а это незаконно!» Володарский отнекивался до конца: строю помещение архива и библиотеки, у меня есть разрешение. Эльдар Рязанов попробовал с Володарским поговорить по душам: «Эдик, ты не знаешь Марину! Дело у вас кончится херово. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. И наказанным будешь ты!» Как в воду глядел. В июле умирает Высоцкий. На третий день после его похорон на дачу приезжает Влади с вопросом: «Что будем делать с домом?» Она предлагает разделить участок. Володарский готовился к такому повороту событий и постарался ей объяснить, что земля в поселке принадлежит кооперативу, он владеет только паем, оцененным в 17 840 рублей еще при Кирсанове, разделить участок нельзя. Эдик предложил Марине два варианта. Первый – он берет на себя все коммунальные платежи, а Марина приезжает в дом и живет в нем когда угодно и сколько угодно, больше там никто жить не будет. Второй вариант – дом разбирают, и Марина его увозит куда хочет, хоть в Париж. Оба варианта ее не устроили.

Марина стала требовать деньги за дом, называла астрономическую сумму в 40 тысяч рублей. Если бы у Эдуарда Яковлевича были деньги, он бы отдал их Влади, хотя небольшой деревянный дом таких денег не стоил. Ситуация зашла в тупик. Недаром писатель Юрий Трифонов сразу после смерти Высоцкого сказал: «Эдик, разбери дом, хлебнешь такого! Ты еще не знаешь Марину!»

Тут Володарского вызывают в Моссовет, и заместитель Председателя Моссовета Промыслова по фамилии Шуб, по воспоминаниям Володарского, говорит: «Попали вы в историю, Эдуард Яковлевич... Была у нас мадам, телегу на вас принесла». Читаю. Ну, чистый донос в духе 37-го года. Что я антисоветчик, пьяница, избиваю жену, аморальный тип, одним словом. Будто Высоцкий давно жил в этом доме и написал там свои лучшие песни. И главное, таким, как я, не место в кооперативе — нужно срочно меня исключить. Такая вот блевотина. «Что делать?» — спрашивает Шуб и показывает ещё одну бумагу — за подписью председателя правления кооператива Героя Социалистического Труда Романа Кармена. В ней открытым текстом говорится, что мой участок НЕДЕЛИМ!»

Так Володарский попал между двух огней и решился на крайние меры. Он позвонил отцу Высоцкого Семену Владимировичу и спросил его мнение. Порешили они строение разобрать, брус перевезти к нему для строительства домика на его участке. Приехали сыновья Высоцкого Аркадий и Никита с оценщиком, и дом быстро разобрали, а брус увезли. А дом оценили в 15 тысяч рублей.

К сожалению, все хорошее когда-нибудь подходит к концу. Счастливая жизнь на природе заканчивается. Старожилы и основатели поселка начали умирать. Конечно, это естественный процесс, смертей Красная Пахра видела немало, но в четырехлетний период с 1978 по 1981 год они, можно сказать, приобрели массовый характер. Вот далеко не полный перечень жителей поселка, ушедших в этот период: Роман Кармен (28.04.1978), Павел Антокольский (9.10.1978), Константин Симонов (28.08.1979), Алексей Каплер (11.09.1979), Владимир Масс (30.11.1979), Владимир Высоцкий (25.07.1980), Александр Котов (7.01.1981), Юрий Трифонов (28.03.1981). Их уход не просто обеднил прозу, поэзию, кинематографию, он послужил толчком к изменению атмосферы поселка, стал началом наследственных споров,

разделения паев и участков между наследниками, массовой продажи дач. О своеобразном способе решения наследственных проблем Эдуардом Володарским мы уже говорили. Вскоре последовали претензии наследников Котова, Трифонова. Они сопровождались не самыми красивыми подробностями с огрублением дач ближайшими родственниками, полосканием «грязного белья» на заседаниях Правления, вызовами милиции. В итоге Троицкое отделение милиции перестало открывать дела, если стражи порядка узнавали, что инцидент связан с враждой наследников. Если разделение участков в первые 25 лет жизни поселка было большой редкостью, попадало на контроль соответствующей комиссии Моссовета, то потом оно стало делом привычным и неизбежным. Рекорд побил, пожалуй, драматург Юлий Чепурин. Мало того, что он в течение десяти лет враждовал со своим соседом Баклановым из-за неправильно поставленного забора и насаженных берез, которые по мере роста закрыли солнечный свет, нужный для соседнего сада Григория Яковлевича, он умудрился вусмерть переругаться и с сыном. Юлий Петрович пустил его жить на дачу, а тот перевез туда свою жену, тестя из Волгоградской области и тещу. Таким образом, Виктор Юльевич лишил отца места для совершения творческого процесса. Драматург написал заявление в местное отделение милиции, бравые охранники правопорядка пришли драматургу на помощь: выселили родственников сына по месту прописки.

Тогда же стало ясно, что поселок глубоко и серьезно болен. Эта болезнь была внутренней, но разъедающей, словно злокачественная опухоль, тело поселка изнутри. Со временем эта болезнь, к сожалению, только набирала силу. Заключалась она в том, что дети, наследники «великих», не могли достичь их уровня ни по мере таланта, ни по степени известности, ни по материальному благосостоянию. Эти дети росли в богатых семьях, в значительной степени свободных от сталинских шор. У них с детства было то, что их сверстники, да и то далеко не все, могли получить лишь к концу своей жизни. Они много читали, в том числе и запрещенной в СССР литературы, свободно рассуждали на самые разные темы, прекрасно одевались в модную одежду. Слова джинсы, жвачка, рок-музыка, автомобиль для них не были чем-то чуждым, непонятным, наоборот, это были атрибуты их жизни. Родители засунули их в престижные

вузы: Журфак МГУ, ИНЯЗ, МИМО, ВГИК, ГИТИС. Некоторые даже их окончили. А вот дальше наступило разочарование, полное оправдание слов «Природа гениев на делях отдыхает». Выяснилось, что дальше нужно много работать, биться за свое место под солнцем. Они были на это неспособны. Дерзкие ребята и девушки с периферии, готовые перегрызть конкурентам глотку за лучшую работу, большие деньги, заметный творческий успех, без труда оттерли писательских детей на обочину жизни. Даже если родители пристраивали своих чад на радио, телевидение, в редакции газет, быстро выяснялось, что платят там мало, а чтобы заработать деньги, нужно вкалывать день и ночь. Ребята, столкнувшись с жизнью, начинали пить, да так, что это в конце концов преждевременно уносило их в могилы. Судьба девушек поселка была чуть счастливее: в большинстве случаев они удачно выходили замуж, но это не делало их творчески более состоятельными.

Притчей во языцех в поселке был Леша Сикорский. От своего деда с материнской стороны Александра Васильевича Белякова он унаследовал непреодолимую тягу к спиртному. Но при этом дед был Героем Советского Союза, совершившим легендарный перелет через Северный полюс в США вместе с Валерием Чкаловым и Георгием Байдуковым. Леша подобным похвастаться не мог. Зато, когда он выпивал, его сразу же тянуло на общение с прекрасным полом. Леша был красавцем высокого роста, напоминающим актера Юрия Яковлева в фильме «Гусарская баллада», поэтому в этом вопросе проблем у него не было. Ему частенько приходилось уезжать утром из соседних деревень на велосипеде, так и не успев одеться. Поступал в институты Сикорский дважды: в институт химического машиностроения, а потом в медицинский. Схема учебы была одинаковой. Первый год более или менее учился, на втором курсе брал академический отпуск, после чего его отчисляли. При этом он очень любил музыку, поэтому музыкальные инструменты из означенных институтов постепенно перекочевывали к нему домой. После службы в армии Леша поработал в Театре эстрады на Берсеневской набережной монтировщиком сцены, чтобы подглядывать за переодевающимися актрисами, откуда его выгнали за пьянку. Ушел он, впрочем, недалеко — на дебаркадер у того же театра. Устроился он береговым матросом, который должен был при подходе судна ловить канат и

быстро наматывать его вокруг кнехтов. Такая работа имела несколько неоспоримых достоинств. Во-первых, у него была будочка с электроаппаратурой, в которой можно было выпивать и слушать музыку на магнитофоне, во-вторых, между подходами речных трамвайчиков Леша был абсолютно свободным, в-третьих, в будочку можно было приглашать девушек как из соседнего театра, так и с проходящих речных суденышек. Словом, работа была отличной, но не вполне соответствующей статусу внука Героя Союза и знаменитой переводчицы, члена трех творческих союзов.

Всеобщим любимцем молодежи поселка был сын Евгения Захаровича Воробьева Сергей. Евгений Захарович был известным писателем, автором романов «Высота», «Охота к перемене мест», «Земля, до востребования». По его роману «Высота» в 1957 году был снят очень популярный фильм с Инной Макаровой и Николаем Рыбниковым в главных ролях. По отзывам друзей, Сергей был чрезвычайно добрым и щедрым человеком, но при этом очень острым на язык. В 1965 году он поступил на журфак МГУ и одновременно начал работать в редакции газеты «Вечерняя Москва» времен Семена Индурского. Вроде бы судьба его складывалась нормально. Однако, отучившись пять лет, диплом он так и не защитил, переходил из одной редакции в другую, пока не устроился в редакцию иновещания Радиокomiteта, для чего ему пришлось вступить в партию. Больших высот в журналистике он, к сожалению, не достиг, что все время его мучило.

С детства его угнетало то, что отец бросил мать, хотя ни старший Воробьев, ни его новая жена Татьяна Карловна, ни единокровная сестра Сергея Катя поводов для ревности ему не давали. Женился Сергей на своей давней знакомой, закончившей ИНЯЗ. Она родила ему сына Филиппа, но развелась с ним, вышла замуж за англичанина и уехала с сыном в Великобританию. Самое интересное, что у нее этого англичанина отбила дочь Евгения Захаровича Катя, когда съездила в Англию навестить родственницу. Можно сказать, отомстила за брата.

Леша Кеменов тоже учился на журфаке МГУ и успешно его окончил. Его отец работал еще в сталинский период ученым секретарем Комитета по присуждению Сталинских премий, потом был крупным чиновником в ЮНЕСКО, потом Вице-президентом Академии художеств СССР. В детстве Леша жил с

родителями в Париже, учился во французской школе. От природы он был лопухим, в Париже ему сделали операцию. Ушки получились маленькими, а Леша превратился в красавчика, но, видимо, психология у него осталась лопухого. Отец с матерью развелись. Леша работал в Радиокomiteте, тоже неудачно женился, развелся, да так себя и не нашел.

Похожие судьбы были у Игоря Андреева, Володи Котова и многих других детей Пахры.

К концу застойного периода стало очевидно, что знаменитый поселок писателей Красная Пахра не имеет будущего.

ЗИНОВИЙ ГЕРДТ *(1916–1996)*

О Зиновии Гердте писать необыкновенно трудно по двум причинам. Во-первых, о нем писали замечательные авторы, остроумнейшие люди наших дней, которые были его друзьями и знакомыми. Во-вторых, потому, что Гердт является, как бы высокопарно это ни звучало, совестью нации. Таких людей за последние тридцать лет можно пересчитать по пальцам: академики Андрей Сахаров и Дмитрий Лихачев, музыкант Мстислав Ростропович... Причем, Зиновий Ефимович был совестью с иронической улыбкой, пожалуй, таких, как он, больше в России не было. Мнение Гердта по многим вопросам было своеобразным нравственным камертоном общества.

Залман Эфроимович Храпинович родился 21 сентября 1916 года в городке Себеж на границе с Латвией за чертой оседлости евреев. В Себеже жили примерно в равных количествах русские, евреи и поляки. Это было, по словам самого Гердта, «трехнациональное местечко». Жители знали три языка: русский, идиш и польский. В городке были православная церковь, синагога и костел. Православную церковь и костел взорвали большевики, синагогу сожгли фашисты. Сегодня православную церковь в Себеже восстановили. Залман был четвертым, младшим, ребенком в семье. Его отец был мелким служащим, работал в конторе «Заготзерно». В разгар НЭПа поехал в Москву с пачкой денег, которые ему собрали мелкие лавочники, чтобы он привез для них товар. На Сухаревском рынке ему разрезали пиджак и выкрали все деньги. До конца жизни он отдавал чужие деньги как собственные долги.

Еще участь в школе в Себеже, будущий народный артист

СССР проявил актерские способности. В аттестате директор школы записал: «Имеет склонность к драматической игре».

Старший брат Залмана женится на москвичке, и семья переезжает в Москву в дом к невестке. Домом это строение назвать трудно, скорее это был барак на территории Тимирязевской академии. Атмосфера в доме была тяжелая: невестка постоянно ругалась с сестрой мальчика, а мать неизменно принимала сторону невестки: ведь они жили в ее доме. Много лет спустя Гердт предложил повесить на стене этого барака памятную доску: «Здесь жил и от этого умер Зиновий Гердт».

В 14 лет Залман пошел учиться в фабрично-заводское училище Электрокомбината на слесаря-лекальщика. Он не собирался всю жизнь посвятить этой профессии, но учеба в ФЗУ в течение двух лет давала необходимый рабочий стаж для поступления в институт. В одном из зданий Электрокомбината располагался заводской ТРАМ — театр рабочей молодежи, куда юноша и поступил. Прежде всего, для того, чтобы как можно меньше бывать дома. В ТРАМЕ играли Исай Кузнецов, Всеволод Багрицкий, сын знаменитого поэта Эдуарда Багрицкого, Александр Галич, тогда еще Гинзбург. Через некоторое время в ТРАМ пришли драматург Алексей Арбузов и будущий главный режиссер Театра Сатиры Валентин Плучек. В 1937 году ТРАМ был закрыт, но его основные артисты перешли в 1938 году в Арбузовскую студию, первым спектаклем которой стал нашумевший «Город на заре». Здесь и родился Зиновий Гердт, что для сцены звучало гораздо лучше Залмана Храпиновича. Вот как об этом событии вспоминал ближайший друг Зямы, знавший его еще до войны, «целеньким», писатель и сценарист Исай Кузнецов: «Кому-то пришла мысль, поначалу шутливая, что Зямина фамилия звучит несерьезно и недостаточно благозвучно. Не потому что еврейская — никому не пришло в голову считать неподходящей фамилию Саши Гинзбурга. Решили, против чего не возражал и Зяма, придумать ему псевдоним.

Посыпались предложения, самые неожиданные, подчас не лишённые насмешливого подтекста. Они отвергались одно за другим. Кто-то предложил фамилию известной балерины Елизаветы Герд.

Предложение было встречено одобрительно, в том числе и Зямой.

— Только обязательно — Герд-т! С буквой «т» на конце, — категорически заявил Арбузов.

— Герды-ты — это звучит гордо-то, — сострил кто-то. Так Зяма, Залман, как мы часто его называли, стал Зиновием Гердтом».

С началом войны Зиновий Гердт уходит добровольцем в армию, хотя театр давал своим артистам «бронь» и возможность участвовать в артистических бригадах, выступающих в прифронтовой полосе, поднимая настроение и дух бойцам. Сначала его отправили в военно-инженерное училище, откуда он вышел сапером в звании младшего лейтенанта и сразу же был отправлен на фронт под Воронеж. Провоевал Гердт чуть больше года. В феврале 1943 года под Белгородом он был тяжело ранен в ногу снарядом из немецкого танка. Четыреста метров до опушки леса под вражеским огнем его тащила на плащ-палатке медсестра Вера Веденина, которая фактически его и спасла. А позже врачи спасли и его ногу. Правда, для этого пришлось перевозить его целый месяц из деревни в деревню, сделать одиннадцать операций. Нога стала короче на 8 сантиметров, а Гердт остался хромым на всю жизнь. Но он остался благодарен Вере Ведениной тоже на всю жизнь. Когда он был уже на пике славы и попал в число деятелей искусств, приглашенных в московскую мэрию, к нему подошел Юрий Лужков и спросил:

— Что я могу сделать для вас? Вы никогда ничего не просили.

— Для меня ничего, а вот поменять квартиру на большую медсестре, которая вынесла меня с поля боя, можете.

Трудно представить себе ситуацию, менее благоприятную для актерской карьеры: младший ребенок в многодетной еврейской семье из захолустного местечка с внешностью и фигурой, далекой от образа героя-любownika, хромой наконец. Гердт доказал, что все эти обстоятельства еще не приговор, доказал с помощью всего двух качеств: таланта и силы духа. Он решил спрятаться за ширмой кукольного театра, чтобы скрыть свой физический недостаток. После строгого прослушивания Зиновий Ефимович поступил в самый знаменитый кукольный театр страны к Сергею Образцову, где и проработал 36 лет.

Спектакли этого театра «Чертова мельница», «Божественная комедия» и особенно «Необыкновенный концерт», в которых играл Гердт, стали необыкновенно популярными. В создании «Необыкновенного концерта» он принимал большое участие. Именно с этим спектаклем Образцовский театр много гастролировал за границей. Зиновий Ефимович, который вел и озвучивал куклу конферансье, выезжал на три дня раньше

остальной труппы и не только осваивал конферанс на языке той страны, где проходили гастроли, но и узнавал местные новости, обыгрывая их в злободневных шутках.

Благодаря спектаклю «Чертова мельница» Гердта пригласили на дублирование фильма «Фанфан-тюльпан». Режиссер дубляжа Юрий Васильчиков попросил Зиновия Ефимовича попробовать озвучить закадровый голос Историка, который с юмором комментирует основные события, происходящие на экране. Уж очень понравился Васильчикову голос черта первого разряда из кукольного спектакля. Гердт не только озвучил роль Историка из «Фанфан-тюльпана», он переделал текст ближе к своей «чертовской» манере. Фильм пользовался в СССР бешеным успехом, актера стали приглашать озвучивать и другие роли. Например, в фильме «Полицейские и воры» знаменитый Тото говорит голосом Гердта.

Однако до выхода Гердта на экраны прошло еще шесть лет, да и то долгое время он играл только в эпизодах. Первой ролью, которая принесла Зиновию Ефимовичу общесоюзное признание, была роль Паниковского в «Золотом тельняшке» Михаила Швейцера, вышедшем на экраны в 1968 году. Сейчас кажется невероятным, но главным кандидатом на эту роль был Ролан Быков. Швейцер попросил Гердта подыграть другим актерам на пробах вместо уехавшего на гастроли Быкова. Зиновия Ефимовича вооружили канотье и тросточкой... Пробы показали полное, невероятное совпадение артиста и его героя. Режиссер тут же позвонил Зиновию Ефимовичу и сказал:

– Произошло ужасное. Паниковского будешь играть ты, а не Быков. Он тоже так считает.

Вскоре позвонил и Ролан Быков:

– И речи быть не может, играешь только ты!

Так и получилось, что роль Паниковского досталась Гердту. Впрочем, он тут же отплатил Быкову той же монетой, отказавшись от роли Ефима Магазаника в фильме Александра Аскольдова «Комиссар» и порекомендовав режиссеру занять место себя Быкова.

Роль Паниковского оказалась для Гердта стопроцентным попаданием в цель. Именно таким остался Паниковский в памяти миллионов советских кинозрителей. В центре Киева в 1998 году был поставлен памятник Михаилу Самуэльевичу Паниковскому, в котором без труда узнается Зиновий Ефимович. К сожалению, он сам до открытия памятника не дожил.

Всего Гердт сыграл в кино семьдесят девять ролей, в основном эпизодических, и озвучил более 30 фильмов. Во многих фильмах он не только озвучивал голос за кадром, но сам писал для себя тексты. Дублирование приносило в Советском Союзе большие деньги. Как сказал сам Зиновий Ефимович, «фильмов было много, и я стал богат».

Зиновий Ефимович пользовался невероятным успехом у женщин. Его находчивость, искрометный юмор, умение облачить глубокие мысли в шутливую форму, талант на невероятные комплименты перевешивали недостатки его внешности. Гердт любил женщин. Молва приписывала ему невероятное количество жен, хотя на самом деле официально он был женат трижды. Сергей Образцов как-то в шутку сказал про него: «У Гердта есть один недостаток: он любит жениться». Но чередой женщин для Зиновия Ефимовича закончилась в 1960 году окончательно и бесповоротно. В том году он познакомился с Таней Правдиной.

Знакомство это подробно описано в десятках статей и интервью. Удивительно, как на этой встрече все сошлось. Так бывает только в удачных кинофильмах, когда возникает волшебное соответствие игры актеров, музыки, авторского текста, потрясающей операторской работы. При этом режиссер полностью растворяется в фильме, становится невидимым, но незаменимым, как Бог. Видимо, не обошлось без провидения и в пересечении жизненных линий Зиновия Гердта и Тани Правдиной.

Она была далека от театрального мира, работала востоковедом-арабисткой. Ее пригласили работать переводчицей на гастролях театра в Египте, Сирии и Ливане. Помимо чисто профессиональных качеств, она обладала еще одним достоинством, решившим дело: ее рост не превышал 160 сантиметров. В театре существовало негласное правило: на сцену не должны были выходить участники, превосходящие ростом невысокого Сергея Образцова. Гердт с Таней выехали в Египет, как водится, на несколько дней раньше труппы. Работать пришлось много. Тане выдалось переводить конференс главной куклы «Необыкновенного концерта» не просто на арабский язык, а на разговорный, существенно отличающийся от литературного. Конечно, она попала под обаяние артиста, но сдерживала свои чувства, опасаясь, что все его ухаживания — это чисто гастрольный роман.

Попутно Гердт очаровал ее друзей-арабистов, которые жили в странах, где проходили гастроли. Гердт блистал, рассказывал анекдоты, шутил, но Таня до поры до времени держалась.

Бурный роман, закончившийся, естественно, женитьбой, вспыхнул на второй день после прилета в Москву. Роман этот длился до самой смерти артиста, а для Татьяны Александровны продолжается и поныне. Сам Гердт называл ее своей «окончательной женой».

В 1967 году семья Гердтов снимала временку на участке писателя Владимира Крепса в Красной Пахре. На соседнем участке жил Орест Георгиевич Верейский, давний и очень близкий друг Гердтов, к которому теперь можно было ходить через калитку в заборе. Именно тем летом подвернулась редкая возможность купить в поселке собственный домик.

Этот дом являл собой небольшую часть дачи Константина Михайловича Симонова. Три года назад прораб, очень популярный в поселке, Абрам Юрьевич Долинский завершил постройку дачи советского классика, создав ему замечательный рабочий кабинет. Симонов предложил ему в качестве оплаты за работу три маленькие комнатки в задней части своей дачи, которые можно было легко изолировать, и гараж, а главное, небольшой участок земли. Гараж примыкал к тыльной стене дачи. Долинский согласился. Делить участки в поселке в то время было категорически запрещено, но Симонов есть Симонов, ему это сделать удалось. Долинского приняли в кооператив. К сожалению, Абрам Юрьевич вскоре после этого события умер, и его вдова, обремененная долгами и детьми, решила дачу продать. Дело сильно осложнялось тем, что небольшая дачка примыкала к стене дачи Симонова, поэтому нужно было найти такого покупателя, против соседства с которым классик бы не возражал. Пару раз сделка срывалась именно по этой причине. Верейские и еще одни соседи, Воробьевы, начали усиленно уговаривать Зиновия Ефимовича и Таню купить дачу Долинских. Когда возникла кандидатура Гердтов, Симонов не стал возражать против такого соседства. Гердт с Таней отправились посмотреть на строение. Увидев убогое помещение, Таня сразу же сказала: «Нет!» Зиновий Ефимович сформулировал свое впечатление от дачки более витиевато: «Я артист и могу произвести все, что угодно, даже эту астрономическую сумму. Я ее могу вымолвить, но у нас таких денег и близко нет!» Все дру-

ня и соседи принялись Гердтов усиленно уговаривать. Много лет спустя и Зиновий Ефимович и Таня будут им несказанно благодарны, но в тот момент покупка казалась сомнительной. В тот год Гердт снялся в двух главных ролях в картинах замечательных режиссеров — «Фокусник» Петра Тодоровского и «Золотой теленок» Михаила Швейцера. Актер получил за это очень приличные деньги. Но семья всегда жила трудно, в долгах, обидно было тратить все на халупу в Красной Пахре. К тому же эти деньги составляли только половину требуемой суммы.

Танин школьный друг внес свой голос в хор уговаривающих их сделать эту покупку. Он сказал:

— Нужно занять денег. Не бойся, это дача, это не автомобиль. Дача — это солидно!

— А деньги? — спросила убитая Таня.

— Не бойся, я тебя научу занимать деньги.

Друзья деньги одолжили. Таня завела амбарную книгу, в которую скрупулезно вносила фамилии, даты и суммы, одолженные и возвращенные. Через три года все долги были выплачены.

С лета 1968 года для Гердтов началась дачная жизнь в собственном доме! В даче жили они сами, Танины родители и ее дочка. Разместиться такой компании в двух комнатных дачках было очень сложно. В начале 1970-х было принято общее семейное решение расширить их дачное владение. Зиновий Ефимович уезжал с театром в длительные гастроли во Францию. Таня предложила переделать гараж в жилую комнату. Им все равно было неудобно пользоваться, так как он был развернут воротами в противоположную сторону от внешнего забора. Гердт поехал в аэропорт, а Таня поехала на кирпичный завод. Был найден и строитель по имени Ваня. Ваня был, безусловно, настоящим строителем, так как трезвым его Таня не видела ни одного дня. Гердта она предупредила в день отъезда, что берет-ся за стройку в его отсутствие при одном условии:

— Когда ты вернешься, ни одна твоя фраза не будет начинаться со слов «надо было».

Положа руку на сердце, у Зиновия Ефимовича были поводы к таким словам. Оконную раму купили из неликвидов, потому что других на складе просто не было. Потом ее долгое время приходилось тщательно утеплять перед зимним сезоном, пока в начале 1990-х не появились стеклопакеты. Если посмотреть

внимательно на потолок построенной комнаты, получившей статус «спальни», то можно заметить, что ни одна дощечка вагонки, из которой он сделан, не имеет одинаковых стыков.

Следующее расширение произошло через несколько лет. Гердт только что вернулся из поездки в Японию. На все деньги, полученные на гастролях, он купил новейшую аудиотехнику. Он был меломаном и обожал слушать и классическую музыку, и джаз в высококачественном звучании. В Москве такая техника была большой редкостью. По приезду был приглашен прораб по фамилии Виталинский, очень популярный в поселке, весьма поэтическая личность, этакий Остап Бендер. Ему объяснили, что от него требуется, и прораб озвучил сумму – пятнадцать тысяч. Таня предложила продать мебель красного дерева. Эту мебель привезли из Ленинграда в таком плачевном состоянии, что рабочие, разбивавшие ящик с этим «кладом», долго говорили, что подобный хлам можно было найти и в Москве. Однако, мастерство приглашенного мастера-краснодеревщика сотворило чудо: гарнитур выглядел великолепно, настолько хорошо, что Гердт продавать его наотрез отказался:

– Будем продавать японскую технику.

Требования Виталинского и определили ту сумму, которую Гердты хотели получить от продажи стереосистемы. Покупатель был найден быстро. Гердты впервые тогда столкнулись с богатыми советскими людьми, получив от этого и первое потрясение. Пришел невзрачный человек с небольшой барсеткой, в которую как раз поместились пятнадцать тысяч. На них и была сделана пристройка к дому.

Гердт, несмотря на больную ногу, обожал гулять по поселку. С ним рядом шел кто-то либо из соседей, либо из многочисленных знакомых, приезжавших из Москвы в гости. Он был заядлым грибником. Доезжал на машине по просеке до ближайшего грибного места и отправлялся по грибы. Однажды его взял с собою в лес Твардовский, о чем Гердт много лет вспоминал с гордостью.

Долгое время Гердты приезжали на дачу только на выходные дни и в праздники.

Между тем, в театре Образцова постепенно копились противоречия между его художественным руководителем и ведущим актером. Сергей Владимирович крайне болезненно воспринимал чужой успех у публики. На гастролях с «Необыкновенным концертом» он не мог устоять за кулисами, когда раздавались

плодисменты труппе, переходящие в овацию при появлении Гердта с куклой. Образцов выскакивал на сцену, стремясь распространить аплодисменты, предназначенные Гердту, на себя. Зиновий Ефимович не стеснялся выражать при Образцове свое мнение относительно того, что в театре творческий застой, нет развития, актеры не растут, довольствуясь многочисленными гастрольными поездками. Дело дошло до того, что их вместе вызвали в Министерство культуры. Образцов поставил вопрос ребром: «Или я или Гердт!» Однако Гердт и в мыслях не держал встать на место Образцова. Выйдя из начальственного кабинета, он попросил у секретарши чистый лист бумаги и ручку и написал заявление об уходе.

В любом событии можно найти и положительные стороны и отрицательные. Гердт ушел из театра, которому отдал тридцать шесть лет жизни, отказался от ролей, которые прославили его голос и его имя, ушел в никуда, так как не подготовил для себя «запасного аэродрома». Он очень высоко ставил кукольный театр, считая, что в нем присутствует чудо превращения в живое неживого. Но, с другой стороны, он понимал, что этот этап творчества для него завершен. Зиновия Ефимовича пригласил к себе в Театральный центр имени Ермоловой главный режиссер Валерий Фокин. Тогда он был зятем Гердта и уговорил своего тестя войти в коллектив этого театрального центра. Там режиссер Евгений Арье по инициативе Фокина поставил блестящий спектакль «Костюмер» с Зиновием Гердтом и Всеволодом Якутом в главных ролях.

Гердт возвращался из театра поздно, шел в душ, как он говорил «отмываться от искусства». Вставал относительно поздно, не в семь и не в восемь. Завтракал всегда одинаково: овсяная каша, кофе и какие-нибудь бутерброды. Успевал после очередной работы на радио, телевидении, в киностудии, на озвучивании заскочить домой пообедать.

С 1993 года Гердты стали жить в Красной Пахре постоянно. У обоих были машины, оба прекрасно их водили, да и пробок тогда не было. Доехать в любой момент до Москвы проблем не составляло.

Дом Гердтов всегда был открыт для друзей и знакомых. Гердт был очень общительным. Он любил гостей. Мама Тани Правдиной, кстати, дочка знаменитого винодела Сергея Николаевича

Шустова, научила Таню не стесняться и принимать гостей, даже если в доме, на первый взгляд, ничего нет.

— Как ничего, а винегрет? Приходят ведь не для того, чтобы поесть, а чтобы пообщаться.

Гердты этому всегда следовали. Если в доме была икра, деликатесы и изыски, их сразу же подавали на стол. Если ничего не было, то пекли картошку. Зато недостатка в общении не было никогда.

Необыкновенной популярности Гердта способствовало телевидение. В начале 1960-х годов на центральном телевидении стали готовить новую передачу «Кинопанорама» о новинках советского и зарубежного кинематографа, знаменитых деятелях кино, актерах. И первым ведущим этой программы, сразу же ставшей очень популярной, был приглашен Зиновий Гердт.

Личность ведущего «Кинопанорамы» во многом определяла ее стиль и популярность, так как форма тележурнала, состоящего из отдельных страничек-рубрик, не всегда связанных тематически, требовала авторского комментария. Создатели программы стали убеждать Зиновия Гердта в том, что ведущим должен быть именно он и обязательно в кадре. Именно Гердт задал общий тон этой программы: не только изложение некоторого набора фактов и событий, но и авторский комментарий. Но то, что в начале 1960-х было требованием времени, во второй половине десятилетия стало раздражать высокое начальство. Уж слишком свободно чувствовал себя на экране кукольник, позволял себе иметь личное мнение, собственный взгляд на кинематографические события. Слишком часто у него с экрана звучало: «Я думаю» в отличие от принятого тогда: «Существует мнение». В итоге с 1966 года у «Кинопанорамы» появился другой ведущий, Алексей Каплер, который, кстати, тоже жил в поселке писателей.

Второй серьезный приход на телевидение в качестве ведущего у Гердта состоялся только через тридцать лет. В 1993 году начал вещание новый телевизионный канал «ТВ-6». Канал с трудом нащупывал свой путь, свою линию в телевизионном мире. Кто-то из руководителей канала решил немного поэксплуатировать популярность и мастерство Гердта. Вспомнили, что он любит анекдоты, хохмы, театральные байки, смешные истории. Кроме того, на канале не сомневались, что в гости к Гердту будут приходить замечательные люди, интересные со-

беседники. Форма передачи также возникла очень быстро: все знали, что Гердт не мог жить без гостей, без застолий, без пива, а что пить — коньяк или чай — это уже не столь важно.

Когда Зиновий Ефимович в 1994 году получил предложение от канала поработать ведущим, он спросил:

— А что я должен буду делать?

— Чай пить, — на полном серьезе ответил ему создатель программы Лев Николаев. Это и решило дело. Ток-шоу «Чай-клуб» снималось на даче Гердта в Красной Пахре. Гости пили полезный напиток и беседовали с радушным хозяином. Зиновий Ефимович чувствовал себя в таком формате передачи, как рыба в воде. Хотя он знал сотни анекдотов и веселых баек, прекрасно их рассказывал, но предпочитал живой юмор, который рождался прямо в данную секунду, на глазах у собеседников: неожиданная реплика, нестандартный вопрос, мгновенная игра слов — вот в чем он был особенно силен. Программа выходила в эфир еженедельно, причем график не изменился, даже когда болезнь Гердта вошла в смертельную стадию, и он очень плохо себя чувствовал. К камере его выносили на руках, но в кадре он привычно шутил и смеялся. Сам он говорил по этому поводу: «Старая цирковая лошадь, услышав фанфары, встает на дыбы — это кураж». Последний эфир «Чай-клуба» состоялся 21 октября 1996 года, меньше чем за месяц до ухода замечательного человека из жизни.

Гердт был необычайно популярен. Высшая степень всенародной любви — это уменьшительно-ласковое имя Зяма, которым его звали простые зрители. Кстати, Зямой его называли либо очень близкие друзья, либо совсем незнакомые ему люди в разговорах между собой. Те, что оказывались в промежутке между двумя этими категориями, обращались к Гердту не иначе, как Зиновий Ефимович.

Когда Гердт, управляя автомобилем, вдруг нарушал правила, к нему вальжной походкой шел гаишник, козырял и заглядывал в окошко, намереваясь попросить документы и выписать штраф. Рассмотрев, кто сидит за рулем, инспектор мгновенно менял выражение лица с властного на восторженно-малчишеское и произносил:

— Ой, товарищ Гердт, какие творческие планы?

Дальше шел шуточный разговор, причем его длительность определял только Зиновий Ефимович.

С Гердта не брали деньги за покупки на рынках, когда его

узнавали. Он очень этого стеснялся, старался заплатить всеми правдами и неправдами.

Гердт частенько использовал свою популярность, но только для того, чтобы помочь — помочь своим друзьям, а порой и вовсе незнакомым людям: устроить в больницу, восстановить справедливость.

Когда в конце 1980-х поселку стало остро не хватать прежде выделенных телефонных номеров, Правление составило бумагу с просьбой предоставить жителям поселка дополнительные телефонные номера. На телефонный узел города Видное повезли Зиновия Ефимовича. Его визит, шутки и рассказы мгновенно сделали свое дело. Резолюция была получена, и вскоре телефонисты уже тянули к поселку новые многожильные кабели.

Дача Котовых загорелась 9 мая 1995 года. Был праздник, пожарные машины долго не ехали. Обитатели дачи успели выбежать из дома, достать собаку, забившуюся под диван, и вместе с жильцами времянки даже вытащить на улицу этот злополучный диван. Больше ничего спасти не удалось. У жителей времянки, сданной внаем, в тот момент в гостях было много друзей-приятелей. Жарились шашлыки, лилась водка. Все с интересом смотрели на догорающую дачу. Как говорится, на огонек зашел прогуливавшийся по аллее Гердт, чтобы выразить Лене Котовой соболезнование и предложить свою помощь. Его тут же угостили, Зиновий Ефимович пригубил для проформы, еще раз посочувствовал и пошел к калитке. Один из съемщиков времянки искренне произнес:

— Сегодняшний день — лучший в моей жизни, я выпивал с самим Зямой Гердтом!

Гердт всю свою жизнь был настоящим демократом. Не таким, которые надолго сделали это слово в России ругательным, а подлинным, смелым, бескомпромиссным.

В погожий октябрьский день 1993 года, как раз после победы демократических сил над реакционерами, объединившимися вокруг Верховного Совета во главе с Хасбулатовым, Зиновий Ефимович гулял по поселку с приехавшим к нему в гости писателем Григорием Гориным и всех встречающих, даже малознакомых ему людей, поздравлял, пожимая руки:

— С нашей победой!

Он имел на это право, потому что одним из первых откликнулся на призыв Егора Гайдара прийти к Моссовету и

институте достижения молодой российской демократии. Он пришел с женой и внуком Ориком. Площадь была запружена народом. Такое было, может быть, только 9 мая 1945 года. Стояли плечом к плечу, как в трамвайной давке. Была реальная угроза, что войска и милицию, подконтрольную Верховному Совету, бросят разгонять собравшихся. В толпе Гердта узнавали, радостно приветствовали. Подошел Василий Мищенко, актер театра «Современник», обратился к толпе:

– Ребята, Гердту трудно стоять.

Кто-то притащил деревянный ящик, на который и усадили артиста. Мищенко попросил:

– Зиновий Ефимович, скажите несколько слов.

Гердту дали в руки микрофон. Татьяна Александровна, его швагера, до сих пор помнит этот момент: «В полной напряженной тишине раздался голос Зиновия Ефимовича, который знала вся страна. У меня до сих пор мурашки по коже. Он сказал: “Мы столько просили, что давайте хоть сейчас стоять”». К счастью, трагедии не случилось, Гердту не пришлось еще раз в своей жизни взглянуть в лицо смерти, но он был к этому готов на сто процентов.

Зиновий Ефимович долгое время был одним из сопредседателей Правления ДСК «Советский писатель». Уговорил его на это его друг Эльдар Рязанов, выбранный председателем Правления. Ему хотелось, видимо, с большим удовольствием проводить заседания Правления. Нужно сказать, Рязанов не ошибся. Зиновий Ефимович смог превратить достаточно скучное времяпрепровождение в здании конторы поселка в искрометные и остроумные дискуссии. Сопредседатели начали с того, что повели в свой маленький коллектив третьего – Григория Бакланова, – кто-то ведь должен был работать. Поначалу Григорий Яковлевич отказывался. Дело происходило на заседании Правления. Тогда слово взял Гердт:

– Гриша, ты же ушел с главных редакторов, у тебя теперь много свободного времени. – Бакланов в течение восьми лет был главным редактором «толстого» журнала «Знамя».

– Я ушел, чтобы написать еще одну книгу, – отбивался Григорий Яковлевич.

– Гриша, а нужно ли это? – иезуитским голосом спросил Гердт. Смех членов Правления продолжался минут пять, после чего Бакланову не оставалось ничего иного, как согласиться войти в триумvirат сопредседателей.

Во время одного особенно скучного заседания Правления, где речь шла о необходимости прокладки общей канализации, когда аргументы сторонников и противников новых коммуникаций «пошли» по третьему кругу, Гердт вдруг встал и сказал:

– Вспоминаю, что мой отец Эфроим часто придумывал шарады. Его любимой шарадой была такая: первый слог – шипящий звук, второй – часть тела еврейской женщины, вместе – город на Волге.

Правление оторвалось от своих проблем и надолго задумалось.

– Чебоксары! – после некоторой паузы изрек Зиновий Ефимович.

Правление отсмеялось и сразу же перешло к обсуждению следующего вопроса.

Как-то после доклада Председателя Ревизионной комиссии, состоящего в основном из чисел, Гердт пожал ему руку и сказал:

– Редкостной силы выступление!

– Что же вы хотите: рубрика – только числа, – ответил тот, подстраиваясь по мере сил под стиль Зиновия Ефимовича.

Гердт обладал множеством способностей, одна из главных – умение дружить. Он был замечательным другом: отзывчивым, внимательным, способным искренне радоваться чужим успехам, всеми силами способствовать этим успехам. Но и друзья его любили беззаветно. Это не означало, что в отношениях между друзьями была тишь да гладь. Напротив, неукротимый и принципиальный характер Зиновия Ефимовича частенько приводил к длительным конфликтам. Если ему что-то не нравилось, он говорил об этом в глаза без обиняков. Рязанов сделал прекрасную телевизионную передачу о своем друге, которую показали по первому каналу в день 80-летия Гердта буквально за полтора месяца до его смерти. Она была пронзительная, остроумная и трагическая одновременно. Снимали на даче. Гердт был, как всегда, подтянут, в белой рубашке, бабочке, черных туфлях, все тревоги Рязанова, что артист в кадре покажет, как ему плохо, слава Богу, не оправдались. Напротив, перед камерой сидел высочайший профессионал, с тонким юмором, со знанием жизни, который выверял каж-

дое свое слово, словно чувствовал, что эти слова останутся навсегда.

Очень тесно дружил Гердт и с другим своим соседом по поселку — Петром Ефимовичем Тодоровским. Их связывали как профессиональные отношения, так и общность истории их жизней — оба прошли войну. Первую большую роль в кино Гердт сыграл как раз в фильме Тодоровского «Фокусник». С той поры Гердт стал вроде талисмана для замечательного режиссера. В главных своих фильмах Тодоровский неизменно снимал Зиновия Ефимовича. Это и «Городской романс», и «Военно-полевой роман», и «Интердевочка». Чего только стоят слова Петра Ефимовича о своем друге, сказанные уже после смерти Гердта.

«Всякий раз, когда я выхожу из своей дачи на Южную аллею, мне кажется, что вот-вот из знакомого переулочка появится фигурка Зямы. В своей неизменной кепочке, которая ему очень шла; он отставит чуть в сторону свою левую изуродованную войной ногу, дождетя, пока я подойду, и обязательно произнесет: “Интуиция, дорогой Петя, рождает невероятные фантазии. Как ты догадался, что я направляюсь к тебе?”»

Но Рязанов и Тодоровский были коллегами Гердта, они были связаны также и по работе в кино, а вот третий сосед и друг Зиновия Ефимовича, Орест Георгиевич Верейский, был совсем из другой сферы искусства. Верейский был замечательным графиком, народным художником РСФСР. Орик — так ласково называли его ближайшие друзья, в том числе и Гердт. Зиновий Ефимович любил и уважал соседа. Своего внука он назвал Ориком именно в честь Верейского.

У Зиновия Ефимовича был единственный родной сын от первого брака. Он родился, когда родители уже развелись. Отношения отца с сыном не сложились, тот не мог простить Гердту, что был вынужден расти без него. Свою любовь к детям Зиновий Ефимович всецело перенес на приемную дочь Катю. Катя почла за честь взять фамилию Гердт, когда ей исполнилось шестнадцать лет, и это о многом говорит.

Друзья Гердта не ограничивались соседями по Красной Пахре. У него на даче частенько бывали Александр Ширвиндт, Григорий Горин, Виктор Шендерович, Булат Окуджава, Юлий Ким, Сергей и Татьяна Никитины. Барды любили посвящать Зяме свои песни-стихи. У Окуджавы это «Божественная суббота»:

Ни суетная дама,
ни улиц мельтешня
нас не коснутся, Зяма,
до середины дня.

У Кима — «Есть этот бархат»:

Чтоб я на свете жил и думал:
А все ж во мгле текущих лет
Есть этот бархат,
Этот юмор,
И грусть, и негасимый свет!

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ (1927)

Когда в случайном разговоре обмолвишься, что твой сосед по поселку Эльдар Рязанов, собеседник начинает улыбаться и кивать головой. «Как же, знаю! Как же, помню! Как же, люблю!» Эта реакция не зависит от возраста собеседника, он может быть мальчишкой или убеленной сединами дамой. И так с 1963 года, когда режиссер только появился в поселке Красная Пахра, по настоящее время. Объяснение этому факту самое простое: уже почти пятьдесят лет весь советский, а потом и российский народ встречает Новый год с его фильмами. Это абсолютный рекорд, заслуживающий попадания в «Книгу рекордов Гиннеса»!

Будущий знаменитый кинорежиссер, драматург, поэт родился в Самаре в очень интересной семье. Родители до рождения Эльдара работали в Персии, нынешнем Иране. Отец Александр Семенович числился в Тегеране в торгпредстве, но на самом деле был разведчиком. Оттуда и было привезено родителями имя Эльдар, редкое и красивое. Потом Рязанов с благодарностью родителям скажет: «Человек, который один раз услышал сочетание Эльдар Рязанов, сразу и навсегда его запоминал». Правда, работа отца имела и свои отрицательные стороны, что и подчеркнул кинорежиссер: «Я не знаю ни деда, ни бабу ни по материнской линии, ни по отцовской. Я никого их не знаю. Я никогда их не видел. Я абсолютно дитя нашего сталинского времени, когда никто не знал, кто кому родственник, у кого какие связи. Я не подкреплен вообще никакой родословной». Об отце он знает, что тот был из крестьян, но получил среднее образование в реальном училище в Арзамасе,

был большевиком, в девятнадцать лет стал комиссаром дивизии, воевал с Колчаком.

«Мама моя, из мешанской семьи, прельстилась молодым красавцем-красноармейцем, комиссаром, ушла из дома».

Вскоре после рождения сына родители переехали в Москву, отца назначили начальником винного главка. Родители развелись в 1930-м году. Для маленького Эльдара, может, и к лучшему, потому что в 1938 году отец был арестован и получил пять лет. Человеком он был сильным и свободолюбивым, бежал, был пойман и просидел в общей сложности семнадцать лет. Мать работала в НКВД, но ушла оттуда в 1934 году. До сих пор Рязанов помнит страх матери, которая не могла определиться, что для сына будет безопасней: указывать в анкетах репрессированного русского отца или отчима-еврея, к которому Советская власть тогда претензий не имела.

Читать Элик научился в три года. Читал запойно, в школе его звали «ходячая энциклопедия». Эта страсть пересилила все дворовые развлечения — и курение, и питье. В восьмом классе Рязанов принял «окончательное» решение — станет писателем! К своей чести, он быстро понял, что для писателя у него не хватает жизненного опыта, личных впечатлений. Лучше всего набраться этих впечатлений он сможет, став моряком! Тем более, что в то время его любимым героем был Мартин Иден.

Во время войны семья была в эвакуации в Самаре. Туда же приехал Большой театр. Мальчик побывал на всех спектаклях Большого, но наибольшее впечатление на него произвели спектакли Театра оперетты, который располагался в здании Филармонии напротив того дома, где семья временно проживала. «Сильву» Кальмана он посмотрел семнадцать раз. Потом Рязанов проникся убеждением, что именно это обстоятельство и определило его любовь к музыкальному жанру в своих фильмах.

А потом его жизнь стала проходить под счастливой звездой. Он был везунчиком, хотя в этом навряд ли признается. Правда, везет только сильным.

В 1944 году он отправил документы в Одесское мореходное училище, но ответа не получил: мореходка тоже была в эвакуации. Рязанов решил время даром не терять и сдать экзамены за десятый класс школы экстерном. То был процесс, больше напоминающий экзекуцию. Одиннадцать экзаменов подряд. На подготовку к каждому экзамену один день. При этом нужно

учесть, что Рязанов в школе окончил только девять классов, с программой десятого знаком не был. Гуманитарные экзамены дались экстерну легко: сказался обширный объем прочитанного. На физике ему повезло: бойко отвечал на теоретические вопросы и очередь до задачи, которую Эльдар не решил, так и не дошла — «отлично». Последний экзамен — органическая химия, которая совершенно не корреспондировала с неорганической, по которой после девяти классов у Рязанова было некоторое представление. Он вышел к доске и просто молчал, сказать было нечего. Комиссия посмотрела его ведомость: десять пятерок и четверок, сжалилась над экстерном и поставила ему тройку. Из сорока экстернов экзамены сдали только восемь!

Ответа из мореходки нет, а время идет. Нужно куда-то поступать: временно поучиться в каком-нибудь другом институте. Опять вмешался в дело случай. Эльдар встретил приятеля, одного из восьмерки удачно сдавших экзамены. Тот поступал во ВГИК. Рязанов кино не очень любил, фильмов почти не смотрел. Но компания — великая вещь. Понес документы и тонкую тетрадку стихов в приемную комиссию, сдал. Потом выяснилось, что на место по его специальности претендовало двадцать пять человек! Да еще тех, что мечтали о режиссуре с давних пор. Что мог противопоставить им семнадцатилетний мальчишка? Потом Рязанов скажет, что поступить и удержаться в институте ему помогли «только напор, любознательность и здоровая наглость».

Курс набрал уже тогда знаменитый режиссер Григорий Козинцев, создатель ФЭКСа и трилогии о Максиме. Рязанова взял условно: посмотреть после первой сессии, что из него может получиться. Потом кинорежиссер напишет: «Институт меня принял условно, да и я в него тоже поступил весьма условно. Любви друг к другу мы не питали: ни я — к институту, ни институт — ко мне».

Козинцев был преподавателем своеобразным, но с четко выраженной теорией: «Режиссуре научить невозможно. Можно научить думать. Если студенты этот процесс освоют, то всего остального они добьются сами». Григорий Михайлович жил в Ленинграде, к тому же много снимал, поэтому приезжал в институт 2-3 раза в семестр. На эти дни от других предметов его курс освобождался и занимался только режиссурой. Но и без мэтра во ВГИКе был потрясающий преподавательский состав,

включая Сергея Эйзенштейна, который самого молодого на курсе студента называл «проходимцем, тунеядцем и бездельником», правда, в шутку.

В конце второго года обучения Козинцев решил-таки Рязанова отчислить.

— Знаете, дорогой Элик, нам все-таки придется с вами расстаться. Мы вас отчисляем из института. Вы слишком молоды.

Отчаянное положение, как потом нередко в творческой жизни, помогло Рязанову найти единственно правильные слова:

— Когда вы меня принимали, я был на два года моложе. Вы могли бы это заметить тогда.

Григорий Михайлович был сражен точностью аргумента:

— Тоже верно. Да, ничего не поделаешь! Черт с вами, учись!

То был период сталинского малокартинья. В год делалось менее десяти художественных фильмов, поэтому большинству выпускников руководители института посоветовали идти в документальный кинематограф. В качестве диплома Эльдар Рязанов вместе с сокурсницей Зоей Федоровой делали документальный фильм «Они учатся в Москве», своего рода поэму о студенческой Москве. Мало того, что получили «отлично», Государственная экзаменационная комиссия решила даже выпустить фильм на экраны, но по неизвестным причинам этого не произошло. Зато соавторы фильма стали мужем и женой.

Так Рязанов пришел на Центральную студию документальных фильмов. Но нужно помнить, что тогда было время сталинской документалистики, не имеющей ничего общего с реальной жизнью. Документальное кино являло собой странный сплав хроники и постановки. Жизнь показывалась приукрашенной, но киногруппа все равно была обязана ловить момент, порой рисковать, дорожить кадром. За пять лет Рязанов снимал на Камчатке и Курилах, на китобойной флотилии и нефтяных вышках, работал с учеными и деятелями искусства. Его документальный фильм «Остров Сахалин», снятый вместе с другом и однокашником Василием Катаняном, изобилует постановочными кадрами, был показан на Каннском фестивале, но без особого успеха. За пять лет документальное кино изрядно поднадоело Эльдару Рязанову, поэтому он сразу же воспользовался приглашением студии «Мосфильм» поучаствовать сорежиссером в съемках фильма «Весенние голоса». Это была музыкальная лента, симбиоз игрового и документального кино,

первый советский широкоформатный фильм-ревью. Первым режиссером был Сергей Гуров с громадным опытом работы в кинохронике и лауреат двух Сталинских премий. Фильм привлек внимание и зрителей и руководства студии, Рязанова приняли в штат «Мосфильма». Довольный, он готовился к своему первому в жизни отпуску, получил путевку в Дом отдыха и взял железнодорожный билет.

Но и тут в его судьбу вмешалось провидение в виде директора «Мосфильма» всемогущего Ивана Александровича Пырьева. Он вызвал молодого режиссера в свой кабинет. Там уже находились двое. Одного Эльдар знал — Борис Ласкин, сценарист фильма «Весенние голоса», вторым оказался писатель-юморист Владимир Поляков.

Пырьев тут же, не слушая возражений, поручил Рязанову стать режиссером музыкальной комедии, сценария которой еще не существовало. Путевку и билет тут же у Рязанова отобрали, и ему пришлось ехать в Дом творчества киношников в Болшево помогать писать двум авторам сценарий фильма. Так началась работа над фильмом «Карнавальная ночь».

Фильм давался нелегко. Постоянные споры с Пырьевым, который норовил вмешаться в творческий процесс, установление режиссерского авторитета в съемочной группе, художественный совет «Мосфильма» во главе с Сергеем Юткевичем, который камня на камне не оставил из отснятого материала, наконец, статья в газете «Советская культура», в которой рассказывалось, что по отвратительному сценарию молодой режиссер снимает очередную пошлую комедию.

Эльдар Рязанов преодолел все и, как говорят, за одну ночь проснулся знаменитым. Фильм стал годовым лидером проката, собрав более 48 миллионов зрителей.

Потом уже стало ясно, что Пырьев был прав, настояв, чтобы в роли Огурцова снимался Игорь Ильинский, что критика Юткевича была направлена против одного из авторов сценария, Владимира Полякова, что автор разгромной статьи не видела ни одного кадра из фильма. Перед Рязановым стояла одна задача — выжить, и он выжил!

1957 год связан для Эльдара Рязанова еще с одним событием, судьбоносное значение которого он понял только много лет спустя. В том году студия «Мосфильм» сдавала выстроенный дом. Там ему собирались дать отдельную квартиру, так как молодой режиссер жил в коммунальной. В коммуналке у него

было две комнаты: площадью 8 квадратных метров, где жил он с женой и дочкой, и площадью 13 метров, где с большим комфортом проживала его теща. На четверых был 21 метр, что на один квадратный метр превосходило ту норму, при которой семья могла претендовать на улучшение жилищных условий — 5 метров на человека, поэтому в Моссовете Рязанову с полным основанием отказали. В аналогичную ситуацию попал и его коллега режиссер Анатолий Рыбаков, его тоже с облегчением вывели из числа очередников. Они решили ехать в поселок Красная Пахра, где можно было найти Михаила Ромма и обратиться к нему с просьбой о помощи. Михаил Ильич помогал Рязанову во время съемок фильма «Карнавальная ночь» и обладал репутацией отзывчивого человека, готового помогать коллегам. Друзья по несчастью приехали в поселок в тот момент, когда Ромм с женой Еленой Кузьминой ушли в лес за грибами. Хорошо, что на той же Восточной аллее жил еще один знакомый кинематографист, Алексей Каплер, у которого они и скоротали время. Вскоре чета появилась, нагруженная грибами, Михаил Ильич принялся их чистить, а просители изложили свою проблему. Без всяких отговорок Ромм согласился коллегам помочь. Встреча эта состоялась в воскресенье. Уже на следующий день, в понедельник, Ромм заручился поддержкой Ивана Александровича Пырьева. Они пристегнули к своим пиджакам значки лауреата Сталинской премии, Ромм — пять штук, а Пырьев — шесть, и в таком виде отправились в Моссовет. Вопрос о выделении отдельных квартир молодым режиссерам был решен в течение нескольких минут!

Далее Рязанов с большим или меньшим успехом поставил фильмы «Девушка без адреса», короткометражный «Как создавался Робинзон», пока не уперся в картину «Человек ниоткуда». Этой ленте была уготована особая судьба. Рязанов скажет: «С этим фильмом я попал в историю КПСС, а этим не каждый режиссер может похвастать!»

Фильм во многом был новаторским, хотя бы потому, что рассказывал о снежном человеке, который оказался в Москве, и стал кинодебютом замечательных актеров Сергея Юрского и Анатолия Папанова, сыгравшего в нем целых четыре роли. После премьеры фильма в газете «Советская культура» было опубликовано письмо за подписью некоего В. Данильяна, научного работника, который утверждал, что «фильму не хватает идейной концепции и ясной философской позиции». Потом вы-

иснилось, что автором этого письма был заведующий отделом кино этой газеты кинокритик Владимир Шалуновский. В других газетах рецензии были тоже резко критические, но этому предшествовала одна история. Фильм шел в кинотеатре «Художественный», на фасаде которого висела громадная реклама: лохматый Юрский в трусах из меха с нереально большими ножом и вилок. Мимо по дороге в Кремль ехал в своем «членовозе» Михаил Андреевич Суслов. Реклама на главного идеолога партии произвела столь сильное впечатление, что по приезду в Кремль он распорядился: «Снять!» Той же осенью 1961 года состоялся XXIII съезд КПСС, с трибуны которого прозвучали гневные слова Суслова: «К сожалению, нередко ещё появляются у нас бессодержательные и никчемные книжки, бездейственные и малохудожественные картины и фильмы, которые не отвечают высокому призванию советского искусства. А на их выпуск в свет расходуются большие государственные средства. Хотя некоторые из этих произведений появляются под таинственным названием, как «Человек ниоткуда». Однако в идейном и художественном отношении этот фильм явно не оттуда, не оттуда. Неизвестно также, откуда взяты, сколько (немало) и куда пошли средства на производство фильма. Не пора ли прекратить субсидирование брака в области искусства?»

После этого фильм положили на полку на 27 лет! С Рязановым некоторые деятели перестали здороваться. Сам Рязанов потом сказал: «Я понял, что такое “опала”. Правда, слава богу, не посадили. Все-таки лучше, когда “в тюрьме картина”, а не ее автор!»

Но при этом в том же году Рязанову дали возможность снимать другой фильм — «Гусарскую балладу». Про фильм, который смотрела и любит вся страна, говорить можно много. Это была первая экранизация и первая картина на историческом материале Рязанова по пьесе Александра Гладкова «Давным-давно». Да и дата очень подходящая — грядет столетие войны 1812 года. Получился прекрасный веселый фильм с потрясающими сценами драк и сражений. Здесь впервые проявился стихотворный дар Рязанова, который был вынужден немного переделать пьесу в одиночку, потому что Гладков от этого устранился. Пырьев уговорил Юрия Яковлева сняться в картине. Свидетельство народного успеха — серия анекдотов про поручика Ржевского. Сам Рязанов долго уламывал Игоря Ильинского принять участие в картине в роли самого Михаила Кутузова.

Здесь и оказалось «слабое» звено фильма. Екатерина Фурцева, тогдашний Министр культуры, посмотрела картину и в ближайший визит на «Мосфильм» высказала Рязанову свое возмущение тем, что тот оклеветал великого русского полководца. Игоря Ильинского она любит, но тут нужен другой актер. В качестве резолюции последовало — переснять все эпизоды с Кузузовым!

А дальше опять счастливый случай. За неделю до юбилейной даты картину захотели посмотреть в редакции газеты «Известия». Нужно напомнить читателю, что главным редактором в ней работал Алексей Аджубей, зять Никиты Хрущева. Фильм приняли очень хорошо, много смеялись. Даже невнятное выступление расстроенного режиссера не могло смазать общее положительное впечатление от картины. Через два дня в еженедельнике «Неделя», субботнем приложении к газете «Известия», появилась небольшая хвалебная заметка о фильме «Гусарская баллада». Она сыграла роль волшебной палочки. Министерство культуры СССР в корне поменяло свое отношение к картине, уже через день висел рекламный плакат на кинотеатре «Россия», а премьера состоялась 7 сентября, как раз в день 150-летия Бородинского сражения!

На следующий год близкие друзья Эльдара Александровича, поэт Михаил Матусовский и его жена Евгения, уговорили его снять дачу в поселке Красная Пахра. Поселок, его природа и атмосфера очень нравились Рязанову. Железной дороги в этом направлении не было, автомобили были только у отдельных счастливых, народу мало, вокруг почти девственные леса, красивейшая речка Десна. Как потом скажет сам режиссер, бывая за границей, он часто вспоминал о Родине, которая перед ним неизменно представляла в виде поселка Красная Пахра. Дачу он снял у писателя Иосифа Дика, она была первой на въезде в поселок. Прожив в Красной Пахре первый год, Рязанов начал подумывать о покупке собственной дачи в ДСК «Советский писатель». Но свободных участков в поселке не было.

Первый сценарий, который Рязанов написал в соавторстве с Эмилем Брагинским, под названием «Угнали машину» был запущен в производство. На главную роль благородного угонщика Деточкина режиссер планировал Юрия Никулина. Но тут выяснилось, что любимый народом клоун вместе с цирком уезжает в долгие и далекие гастроли. В отчаянии Эльдар Александрович прорывается к только что назначенному председа-

тлю Госкино Алексею Владимировичу Романову, считая, что только ему по силам вырвать Никулина из гастролей. Тот пожелал вначале прочитать сценарий. Вторая встреча была более жесткой. Госкино картину «законсервировал» по идейным соображениям, но под предлогом отсутствия исполнителя главной роли.

Этот случай буквально заставил соавторов сценария обратиться к сатирической прозе. Повесть по мотивам сценария была написана за четыре месяца, а журнал «Молодая гвардия» принял ее к публикации. Попутно выяснилось, что Рязанов с Брагинским удивительно подходят друг другу и им нужно вместе писать и в дальнейшем.

Фильм «расконсервировали», ведь теперь это была экранизация ставшей популярной повести, а не картина по оригинальному сценарию. Риск студии — а будет ли фильм успешным? — резко уменьшился. Однако, проблема с исполнителем главной роли осталась. Рязанову пришла в голову мысль занять в фильме Иннокентия Смоктуновского. Пожалуй, никто другой не мог быть в роли Деточкина и странным и естественным одновременно. Дальше начались очередные трудности. Сначала со стороны Госкино: Романову показалось возмутительным, что исполнитель роли Владимира Ильича Ленина в двух фильмах в следующем сыграет жулика. Рязанов пытался объяснить, что тот будет играть в другом гриме, но, на самом деле, спасло то, что Романов уходил в отпуск и ему уже было не до Смоктуновского.

Но тут съемочная группа получает телеграмму от Иннокентия Михайловича: «К сожалению, сниматься не могу. Болею». Рязанов пробует других замечательных актеров: Леонида Быкова, Леонида Куравлева, Олега Ефремова, но режиссер видит в главной роли только Смоктуновского. Тогда он едет в Ленинград, находит на даче болеющего Иннокентия Михайловича, уговаривает его согласиться на съемки и даже берет с него расписку с обещанием сыграть Деточкина. В итоге получается один из лучших фильмов Рязанова, который выходит на экраны страны в 1966 году.

Тот год был удачным для Эльдара Александровича. На даче Дика был телефон, а аппараты на его даче и на даче соседа — дирижера Кирилла Петровича Кондрашина — стояли параллельные. Кто первым поднимал трубку, тот просил перезвонить еще раз, если приглашали к телефону кого-то с другой дачи.

Однажды, подняв трубку своего аппарата, Рязанов услышал голос Нины Леонидовны, жены Кирилла Петровича.

— Эльдар Александрович, мы собираемся продавать нашу дачу. Я знаю, что вы хотели купить дом в поселке.

У Кондрашиных был небольшой финский домик, поэтому цену за него они хотели вполне подъемную. Вскоре Рязанов стал полноправным членом ДСК, а его семья, жена с дочерью, въехали в дом на Средней аллее. Их соседями стали Эмиль Гилельс и Александр Твардовский.

Помимо семьи Матусовских, которые и привели Рязанова в поселок, из соседей он дружил с Зиновием Гердтом, Орестом Верейским. Близкие отношения были с Григорием Баклановым, Владимиром Тендряковым. Орест Григорьевич Верейский был прекрасным художником, очень добрым и даже беззащитным человеком, поэтому и пользовался огромной симпатией многих жителей Пахры, которые ласково звали его Ориком. Однажды у него был день рождений, а Рязанов с женой уехали и не могли присутствовать. Зато Эльдар Александрович отправил ему поздравительную телеграмму из маленького заштатного городка, текст которой помнит до настоящего времени: «Без тебя, Орик, хлеб горек, водка сладкая, а жизнь гадкая». Больше всего Рязанова удивило, что текст на почте приняли без возражений.

Однажды осенью они с Гердтом съездили на машине в тульскую область. Домработница Гердтов была родом из тех краев, вот они и решили по сходной цене приобрести по мешку картошки у сельских жителей, ее родственников. Привезли мешки в Пахру, заехали на участок к Рязановым и начали автомобиль разгружать. Вынули с трудом из багажника мешок весом килограммов пятьдесят, оттащили метра на три, устали, решили передохнуть. Два интеллигентных человека, к тому же один из них хромой. Эту картину увидел с соседнего участка Александр Трифонович Твардовский, зашел к Рязанову, посмотрел на мучения двух дачников. Потом, ни слова не говоря, подошел к лежащему на земле мешку с картошкой, забросил его на плечо:

— Куда нести?

Показал физическое превосходство сельского жителя над городскими.

Вскоре Рязанов с женой разошелся. Уходя, он оставил ей с дочкой Ольгой все, включая и дачный дом. Однако поселок Красная Пахра уже настолько пленил Эльдара Александрови-

ча, что уехать из него сил не хватило. Со своей второй женой Ниной Скуйбиной, редактором «Мосфильма», они стали снимать в поселке дом, снимали у Льва Шейнина.

Через три года друзья Рязанова, писатель Василий Аксенов со своей женой Майей Овчинниковой, которая оставила Романа Кармена и вышла за него замуж, уехали надолго, а тогда казалось, что навсегда, в Соединенные Штаты Америки. Аксенов впал в немилость у Советской власти, и его буквально выкинули из страны. Они предложили Эльдару Рязанову жить в даче, которая раньше принадлежала Кармену, а теперь осталась бесхозной. Долгие десять лет Эльдар Александрович пользовался этой возможностью. Денег они с него никаких не брали, он платил только за эксплуатационные и коммунальные услуги, как и все другие члены ДСК.

Тем временем творческая жизнь Эльдара Александровича успешно продолжалась. С фильмом «Служебный роман» святана еще одна грань таланта Эльдара Рязанова. В нем впервые с экрана прозвучала песня композитора Андрея Петрова на стихи Рязанова «У природы нет плохой погоды». Петров, тогда постоянный композитор в картинах Эльдара Александровича, очень придирчиво относился к стихам, на которые писал песни. Рязанов отсылал стихи в Ленинград, где жил композитор. Если тот говорил: «Мне нравится», то писал на них музыку. Иногда говорил: «Мне не нравится. Ищите дальше». Рязанов не мог послать ему стихи под своим именем, чтобы не поставить композитора и своего друга в неловкое положение. Тогда он попросту обманул Петрова, написав, что нашел стихотворение Уильяма Блейка, да еще в новом переводе. Петрову стихи понравились, он написал песню, которая стала шлягером. Эта анекдотическая история способствовала рождению поэта Эльдара Рязанова. Сейчас у него уже вышли из печати несколько сборников стихотворений, а фильм «Музыка жизни» весь построен на его стихах и песнях.

Рязанов частенько ходил в соседний лес за грибами, был страстным грибником. В лесу он сочинил многие из своих стихотворений. Стихи писались и на реке Десне, особенно до того, пока специально завезенный земснаряд не изуродовал ее островки и берега. Речка стала «цвести», начиная с середины июня. Купаться в ней стало невозможно.

Эльдар Александрович всегда писал по старинке, ручкой. На пишущей машинке печатать не умел, на компьютере работать не хочет и не может. Впрочем, это ему не мешает, он

отдает написанный текст машинистке, потом правит ручкой по напечатанному.

До конца 1980-х годов постоянным соавтором Рязанова был Эмиль Вениаминович Брагинский, начиная с «Берегись автомобиля» и заканчивая «Забытой мелодией для флейты». Соавторами они были равными и даже выработали своеобразный кодекс. Если один день писали на квартире Рязанова, то на второй день обязательно у Брагинского. Если по каким-то причинам у одного соавтора писали два дня подряд, то следующие два творческих дня проходили у другого соавтора. На даче соавторы практически не писали. Если нужно было уединиться, уезжали в какой-нибудь Дом творчества. В рекордный срок, за 12 дней, был написан сценарий фильма «Ирония судьбы». Особый случай связан с фильмом «Гараж». Эльдар Александрович заканчивал фильм «Служебный роман», приехала в Москву на озвучку исполнительница главной роли Алиса Фрейндлих. Он пригласил ее домой в гости, а жене сказал, что на полчаса заедет в гаражный кооператив на Мосфильмовской улице, а потом сразу вернется домой, к ней и Алисе. На заседании кооператива Рязанов провел три с половиной часа, зато приехал домой с готовой идеей сценария. Сценарий они с Брагинским написали за 24 дня, то есть точно за длительность путевки в Дом творчества кинематографистов в Болшево. Сели за него в первый же день, а в день отъезда сценарий был готов. Сняли фильм, кстати, тоже за 24 дня.

Несмотря на все свои замечательные картины и эпизодические роли в них, у Рязанова не было бы такой популярности и узнаваемости, если бы не телевидение. Силу телевидения он почувствовал в самом начале 1976 года в связи с фильмом «Ирония судьбы». По ряду причин ленту снимали в Объединении телевизионных фильмов и должны были показать 1 января 1976 года. За несколько дней до Нового года Рязанов записал обращение к телезрителям, которое должно было предшествовать показу фильма, чтобы объяснить советским телезрителям, что так напиваться можно только в Новый год. Вечером 31 января ему позвонили с телевидения и пригласили переписать обращение. Причин было две: Эльдар Александрович благодарил телевидение за возможность показа фильма 1 января и отнес фильм к жанру рождественской сказки. Первое выглядело издевательством, а название жанра надлежало заменить на новогоднюю сказку. Режиссер спорить не стал, а послушно

появился в пустом здании телецентра, где за три часа до показа фильма и переписал свое небольшое выступление. Картину показали в то время, которое теперь называется «прайм-тайм»: с шести вечера и до информационной программы «Время». Посмотрело ее тогда сразу около 80 миллионов телезрителей. Масштаб Рязанова потряс. Лидеры советского проката за весь год собирают до 50 миллионов зрителей, а тут 80 миллионов и в один день. Пресса откликнулась на следующий день вместе с тысячами писем и телеграмм, которые приходили на студию в адрес создателей фильма. Рязанов был потрясен. Хорошо, что фильм понравился, а если бы нет?

Серьезная работа Эльдара Рязанова на телевидении началась в январе 1979 году, когда его пригласили вести «Кинопанораму». Дело для него было новое, но Рязанов всегда с удовольствием берется за эксперименты. Эльдар Александрович оказался достоин своих замечательных предшественников — ведущих «Кинопанорамы» Гердта и Каплера. Манера была совсем иной, частенько из него вылезал режиссер, который вступал в полемику с гостями телепередачи, но естественность поведения на экране принесла ему толпы поклонников. Постепенно он понял, что лучше всего у него получаются передачи, в которых он снимается усталым, расстроенным. К передачам Рязанов специально не готовился, если не считать изучения биографии и фильмографии своих героев. Передача рождалась прямо под объективами камер, и это ценили телезрители, более капризные, чем зритель в кино или в театре.

Помимо «Кинопанорамы» Рязанов делал для телевидения и специальные передачи, например, «Четыре вечера с Владимиром Высоцким». Однако телевизионное начальство все чаще вмешивалось в тот материал, который снимал Рязанов. Постепенно у режиссера накопились претензии к телевидению, вылившиеся в критическую статью в журнале «Огонек» в апреле 1988 года, после чего путь на «голубой экран» для него был закрыт на долгих три года. Потом сменилось очередное телевизионное начальство, да и страна развалилась, и талант Рязанова снова стал востребован. «Парижские тайны Эльдара Рязанова», «Поговорим о странностях любви», «Разговоры на свежем воздухе», «Восемь девок, один я» — вот далеко не полный перечень телевизионных циклов мастера. Рязанов стоял у истоков создания REN-TV, всячески помогая Ирэн Лесневской. Здесь он делал передачи «Шесть вечеров с Юрием Никулиным»,

«Частная жизнь Александра Анатольевича» про своего друга Ширвиндта, но главное, за ним потянулись на новый канал и другие популярные ведущие.

Особую роль сыграли в росте его популярности две передачи с первым Президентом России Борисом Ельциным и его супругой Наиной Иосифовной: «День в семье президента» и «Мужской разговор». Первая делалась 8 марта и вышла как раз перед референдумом, что принесло Ельцину немало дополнительных голосов. Несмотря на все трудности, передачи вышли естественными, не наигранными, возможно потому, что Рязанову от Ельцина ничего лично для себя не было нужно, и это почувствовала страна, глядя на экран.

У больших художников есть и еще одно свойство: умение разглядеть в актере характер, даже предвидеть будущее. В замечательном фильме «Вокзал для двоих» он смог рассмотреть, что под обаятельной внешностью Никиты Михалкова таится настоящий хам, готовый для достижения своих целей пройти по головам окружающих его людей. В фильме 1982 года Рязанов смог заглянуть в 2009 год, когда Михалков захотел приватизировать Союз кинематографистов. Более того, гражданская позиция Рязанова буквально заставила его выйти из Союза и стать одним из учредителей КиноСоюза, объединившего всех тех, кто не захотел терпеть диктат Никиты Сергеевича.

С фильмом «Вокзал для двоих» для Рязанова связана еще одна дачная история. Снимать эпизоды в колонии для заключенных Эльдар Александрович с женой уехали с дачи. Дом заперли, свет выключили и отсутствовали две-три недели. На дачу Карменов вернулись поздно, уже было темно. Открыли дверь. Свет не включался, чиркали спичками. Но самое ужасное, что в доме пахло трупом, что после общения с уголовниками казалось вполне реальным и страшным. Телефон, к счастью, работал, поэтому позвонили Верейскому, и тот, несмотря на поздний час, быстро прибыл на подмогу. Выяснилось, что пробки вывернуты, а когда свет восстановили, поняли, что воняет из холодильника. Там в морозилке стух большой кусок мяса, распространяя омерзительный запах. Мясо выкинули, но обнаружили, что дача ограблена. Среди громадного количества жуликов и воров, делающих набеги на дома поселка Красная Пахра, был один, которого можно назвать «благородный». Этот жулик, залезая в очередную дачу, крал очень избирательно. Например, если на предыдущей даче ему попался магнитофон

или джинсы, то в следующей он уже их не брал. Очень любил книги, брал их в большом количестве. Ограбленные писатели потом обижались, если их книги жулик оставлял без внимания. У Рязанова он утащил большое количество книг с дарственными надписями. Особенно было жалко томика Беллы Ахмадулиной с очень теплым посвящением.

Из отделения милиции города Троицка позвонили довольно быстро. Грабитель задержан, и Рязанову надлежит прибыть в здание исполкома на опознание своих украденных вещей. Грабителем оказался житель Троицка, обремененный несколькими детьми. Писателям стало его жалко, и Эльдар Александрович был в числе подписавших письмо с просьбой проявить к преступнику снисхождение. Свои книги Рязанов нашел, но из них были вырваны все страницы с посвящениями, чтобы их труднее было опознать. Очень обидно!

Весь ДСК знал, что Рязанов стоит первым в списке очередников на покупку дачи в поселке. Как-то ему позвонила Людмила Зыкина и сказала, что хочет продать свою дачу. На это Нина, жена Рязанова, сказала:

– Она о тебе очень хорошего мнения, – Нина имела в виду материальное положение Эльдара Александровича. Самый большой дом в поселке с концертным залом он вряд ли мог себе позволить. Тем не менее семья отправилась посмотреть легендарную дачу и укрепились в своем мнении. Купить ее было нереально, такими деньгами знаменитый режиссер не располагал.

Новый этап жизни, связанный с поселком Красная Пахра, начался для Рязанова в 1988 году. В конце года ему позвонила дочка покойного Михаила Ромма, Наташа, и предложила купить дачу у нее. Эльдар Александрович был крайне удивлен, попытался сказать Наташе, что грядет чудовищная инфляция, деньги ничего стоить не будут, но та настаивала на своем:

– Дачу я все равно буду продавать, у меня с ней связаны крайне неприятные воспоминания. Я в нее больше не войду.

Рязанов понял, что если он откажется, то дом она в любом случае продаст, если не ему, то другому, и согласился. Он собрал все деньги, какие были, остальное занял у друзей, поехал по стране с творческими вечерами, чтобы заработать деньги. Требуемую сумму Эльдар Александрович собрал, но потом пришлось еще два года выступать перед зрителями, чтобы отдать занятые деньги и собрать средства на ремонт.

Дача была в полной разрухе. В ней жило много дачников, Наташа дом сдавала. В одной комнате жила старушка с пятью кошками, запах стоял жуткий. В другой жили два офицера. Когда Рязанов въехал в дом, из него пришлось выкинуть четырнадцать (!) кроватей. К счастью, нашелся мастер, Виктор Некрасов, полный тезка писателя, который взялся сделать ремонт. Его Рязанову в свое время порекомендовал литературовед Владимир Жданов, который когда-то тоже жил в поселке. Мастер поселился в доме и восемь месяцев в нем хозяйничал. Перепланировки не намечалось, но ремонт действительно был грандиозным. Только комнатку на втором этаже, которую Ромм использовал как фотолабораторию, мастер переделал в туалет. В конце 1989 года семья Рязанова въехала в восстановленную дачу. В ту самую, в которой он впервые побывал тридцать один год назад.

В собственном доме Рязанов смог себе позволить реализовать свою мечту — завел милейшего пса-ризеншнауцера по кличке Чонкин. Чонкина любил весь поселок. В одном из интервью Эльдар Александрович рассказал: «Один мой ученик признался, что хотел бы быть собакой Рязанова. Я на это ответил, что тоже предпочел бы быть собакой Рязанова, а не самим Рязановым, потому что Чонкин не знает многого плохого, что знает Рязанов».

Рязанову еще пришлось пережить смерть любимой жены в 1994 году. По счастью, он встретил журналистку Эмму Валериановну Абайдуллину, которая и стала его третьей женой.

Эльдар Александрович обладает таким количеством титулов, что его мало с кем можно сравнить. Народным артистом СССР он стал в 1984 году. Два его фильма удостоены Государственных премий. Первый, «Ирония судьбы», проходил комитет по госпремиям долго и трудно. Тем приятнее стала победа. Второй, «Служебный роман», получил Государственную премию РСФСР имени братьев Васильевых, кажется, без всяких усилий со стороны съёмочного коллектива, более того, сам Рязанов тогда был за границей и узнал о награде только по приезду. У него имеется Французский Орден изящных искусств и литературы, Орден Чести из Грузии, три премии НИКА за режиссуру, за лучший игровой фильм и в номинации «Честь и достоинство» и другие.

ГЕНРИХ БОРОВИК
(1929)
И АРТЕМ БОРОВИК
(1961–2000)

Генрих Аверьянович Боровик — баловень судьбы, заплативший за это слишком высокую цену. Он, пожалуй, остается единственным из советских людей, который лично знал такое количество русских и зарубежных политиков и деятелей культуры: Эрнеста Хемингуэя, Грэма Грина, Габриеля Гарсия Маркеса, Фиделя Кастро, Эрнеста Че Гевару, Ахмеда Сукарно, Отто Скорцени, Александра Керенского. Его пьесы шли в театрах крупнейших городов мира: в Нью-Йорке, Париже, Мадриде, Стокгольме, Праге, Варшаве, Токио, Каракасе... Его книги издавались миллионными тиражами. А на другой чаше весов — безвременная трагическая смерть его сына Артема, когда тому еще не было и сорока лет.

Генрих Боровик родился в Минске в театральной семье. Его отец Авиэзер Абрамович окончил Московскую консерваторию, был симфоническим и театральным дирижером, мать Мария Васильевна Матвеева была известной актрисой музыкальных театров. Во второй половине тридцатых годов они стали работать вместе — в Театре музыкальной комедии города Иваново, — отец главным дирижером, мать каскадной актрисой.

С театром была связана вся последующая жизнь Генриха. В 1939 году семья переезжает на Северный Кавказ для участия в основании Пятигорского тетра музыкальной комедии. Отец в должности главного дирижера, мама — каскадной актрисы. Театр создавался не только для жителей Пятигорска, но и для городов Кавказских Минеральных Вод — Кисловодска, Ессентуков,

Железноводска. В них ежегодно приезжали десятки тысяч курортников из всех городов страны. И театр музыкальной комедии, можно сказать, был очень важной частью их лечения и отдыха – он создавал людям хорошее настроение. Кроме того, театр ежегодно с большим успехом гастролировал на курортах Черного моря – в Сочи и Ялте. Так что актеров Пятигорского театра музыкальной комедии знали тысячи и тысячи людей, живших по всей стране и приезжавших на курорты отдохнуть.

Ну а потом – война. Осенью 1942 года северный Кавказ захватили гитлеровские войска. В том числе, конечно, и город Пятигорск. Часть труппы успели эвакуировать. Артисты и члены их семей – где пешком, где на грузовике – добрались до Махачкалы, потом – до Фрунзе (ныне Бишкек). Здесь артисты успешно работали и доказали, что являются цельной творческой группой. Правда, все музыкальные спектакли шли не в сопровождении оркестра, а под аккомпанемент рояля, на котором прекрасно играл отец Генриха. Спектакли пользовались большим успехом в столице Киргизии, и скоро всю маленькую, но талантливую труппу отправили на Дальний Восток для обслуживания личного состава Тихоокеанского военно-морского флота. Ситуация там была тревожной – в любой день Япония могла начать войну против СССР. Труппа давала спектакли почти во всех городах дальнего Востока – от Владивостока и острова Русский до Находки, Сучана, Унаши. Генриху – он учился в шестом классе – пришлось сменить несколько школ, но везде он оставался отличником.

После разгрома гитлеровцев под Сталинградом немцы бежали с Северного Кавказа, и весной 1943 года вся театральная труппа вернулась из эвакуации в родной Пятигорск.

Генрих продолжал учебу в школе, но одновременно работал в театре помощником электромонтера и даже иногда выходил на сцену статистом. Там он подружился с молодыми артистами, которые вскоре стали известными во всем Советском Союзе. И дружил с ними долгие годы. Это выдающийся танцор Махмуд Эсамбаев и Михаил Водяной. Они тогда только еще начинали свою замечательную сценическую карьеру.

Школу Генрих окончил в 1947 году с золотой медалью. Пора было выбирать ВУЗ для продолжения образования. Сам он наметил для себя два варианта. Основным был – МГИМО. Генрих хотел стать журналистом-международником. Во вре-

мя войны он восхищался газетными очерками и репортажами Константина Симонова, публицистикой Ильи Эренбурга, документальными фильмами военных кинооператоров, прежде всего Романа Кармена. Мечтал идти в жизни их путем.

Ну а «запасным» вариантом был ГИТИС. Любовь к театру была с ним всегда.

Сказать, что в Московский Государственный Институт Международных Отношений поступить было сложно, значит не сказать ничего. Даже фронтовики, даже Герои Советского Союза выходили после вступительных экзаменов с бледными лицами. Что же говорить о парнишке из Пятигорска...

Но Боровик был обладателем золотой медали, значит, он мог не сдавать вступительных экзаменов, кроме иностранного языка, и еще требовалось пройти собеседование. Генрих вполне прилично для школьника знал два языка: немецкий, который он изучал в школе, и английский, которым занимался самостоятельно. Первый барьер — языковой — был преодолен успешно. Но дальше — страшное собеседование, о котором ходили необыкновенные слухи. Вопросы там могли задаваться самые неожиданные, например, «сколько колонн у Большого театра?»

Генрих побаивался собеседования. На всякий случай даже пошел и сосчитал колонны у Большого. Оказалось — восемь. Но о колоннах его не спросили.

Беседовал с ним сам ректор института Георгий Павлович Францев. Он спросил, читал ли Боровик книгу Тарле «Наполеон». Генрих ответил утвердительно и даже с облегчением: книгу он прочитал совсем недавно.

— А вы случайно не помните, как начинается это произведение? — с легкой усмешкой поинтересовался ректор.

Боровик процитировал очень близко к тексту. Францев был удовлетворен. Но собеседование на этом не закончилось.

— Чем вы еще интересуетесь в жизни?

— Музыкой. Театром.

— Почему именно театром?

— Родители работают в театре. Отец — дирижер.

— Ну, о музыке я вас спрашивать не буду. *Wir sind gute Leute aber schlechte Musikanten.* Кстати, что я сказал? Переведите. У вас в документах написано, что вы знаете и немецкий...

— Немного знаю.

- Так что я сказал?
- «Мы хорошие люди, но плохие музыканты».
- Неплохо. А если я вас спрошу, откуда эта фраза? Ответите?

И снова повезло абитуриенту из Пятигорска. Он обожал Чехова. И не было никакого труда вспомнить, что слова эти произносит в «Вишневом саде» гувернантка Шарлотта Ивановна, немка по происхождению.

Францев был не только доволен, но даже и несколько удивлен. Произнес добрые напутственные слова. Так Генрих Боровик был принят в МГИМО.

В 1952 году был покорен и МГИМО: Генриху вручили красный диплом. На практику он попал в редакцию газеты «Комсомольская правда». Его приятель Борис Стрельников работал в международном отделе газеты и предложил отправить заявку в ЦК КПСС на перевод Боровика в штат газеты на постоянную работу. Но тут всплыл дедушка, умерший в лагере, в результате чего штаты газеты оказались заполненными и места для еще одного литсотрудника не нашлось. Зато ему повезло с редакцией журнала «Огонек»: там решили не задавать молодому журналисту лишних вопросов и взяли Генриха техническим секретарем международного отдела. Не слишком заманчивая должность, но, как потом выяснилось, отличный плацдарм для дальнейшего профессионального роста.

Главным редактором журнала тогда был поэт Алексей Сурков, лауреат двух Сталинских премий, который, впрочем, вскоре был избран первым секретарем Союза писателей СССР. Понятно, что непосредственной журналистской работой он не занимался, все дела вел его заместитель Борис Сергеевич Бурков. Бурков был высоко профессиональным журналистом. Всю войну он бесценно работал главным редактором «Комсомолки». Ну а после «Огонька» — главным редактором газеты «Труд», а затем в течение 10 лет председателем правления АПН.

В редакцию «Огонька» по-свойски заходили замечательные писатели: Симонов, Полевой, Михалков, Андроников.

Коллеги очень тепло отнеслись к самому молодому журналисту своего отдела. Потом Боровик говорил, что с местом первой работы ему повезло. «У “Огонька” было несколько преимуществ перед газетами, что я осознал позже. Во-первых, там не было новостей. В нем господствовал очерковый жанр,

а это — уже почти литература. Кроме того, официально он не считался органом ЦК КПСС. И ему позволялось не столь казенно, как в газетах, писать, в частности, о международных делах». Генрих стал печататься в журнале. Вначале сочинял расширенные подписи под фотографиями, потом вместе с замечательным мастером фотографии Дмитрием Бальтерманцем сделал несколько интересных фотоочерков. Вскоре Боровик становится литературным сотрудником, а потом и спецкором международного отдела «Огонька». С 1954 года молодого журналиста начали отправлять в международные командировки. Боровик сразу же проявил интерес к «горячим» точкам, видимо, сказалось его восхищение военными корреспондентами и кинооператорами. Оглядываясь назад, Генрих Аверьянович с гордостью говорит, что «горячие точки» стали его «основной специализацией». Его тянуло туда, где было горячо, рискованно, но и безумно интересно. Именно там на его глазах творилась живая история XX века!

Быстро выявилась и вторая особенность таланта молодого журналиста: он писал не о политике, а о людях, попавших в определенные обстоятельства благодаря этой политике. Этим его очерки резко отличались от стандартного журналистского стиля середины 1950-х годов.

На пятилетие КНР он приехал вместе с Бальтерманцем, они первыми показали Китай в жанре фотоочерков. Потом из них получился большой альбом «Сто дней в Китае». На следующий год Генриха отправили во Вьетнам. Страна только начала приходить в себя после кровопролитной, но победоносной войны с Францией.

С той поры Боровик влюбился в эту страну, а его впечатления легли в основу его первой книги очерков «Далеко...далеко...», вышедшей в библиотеке «Огонька» в 1956 году.

Этой поездке предшествовала одна встреча, которая в дальнейшем Боровику очень пригодилась и в творческом, и в жизненном плане. Он познакомился с Романом Лазаревичем Карменом. В Доме кино тот демонстрировал свой последний фильм — о Вьетнамской войне, потом очень интересно рассказывал о своих впечатлениях. Поскольку Генрих должен был и сам ехать в эту страну, он набрался храбрости и подошел к знаменитому фронтовому кинооператору с просьбой об интервью. Роман Лазаревич согласился. Интервью перешло в разговор по

душам, выявивший множество точек соприкосновения и даже общность взглядов.

Генриху часто предлагали поехать в какую-нибудь спокойную страну на длительный срок в качестве постоянного корреспондента, но он неизменно отказывался в пользу коротких и по большей части опасных поездок в «горячие» точки планеты. Самой «горячей» точкой в конце 1950-х была Куба. Местные повстанцы, «барбудос» (по-русски «бородачи»), свергли жестокого диктатора Батисту и установили там собственный режим. В Советском Союзе поначалу не знали, как к этому относиться. Кубинские коммунисты характеризовали победителей не самым лучшим образом.

В начале 1960 года Боровика вызвал в Кремль Анастас Иванович Микоян, член Политбюро КПСС. Он познакомился с Генрихом, когда тот в группе других журналистов сопровождал его в поездке в Мексику в 1959 году. Боровик был «экономически выгодным» журналистом для «Огонька»: в одном лице был и корреспондентом и фотографом. Фотографировал он вполне профессионально. Микояну понравились очерки и фотографии Боровика, сделанные в Мексике. В своем кабинете Микоян сказал журналисту, что скоро поедет на Кубу с официальным визитом. Но поскольку четкого представления о Кубинской революции у него нет, он предлагает Боровику поехать на Кубу за месяц до его визита, поговорить с простыми людьми, чтобы понять, поддерживает ли народ революцию или нет.

Генрих Аверьянович отправился в командировку. И там, на Кубе, решил повторить весь путь Фиделя Кастро от его высадки на берегу в провинции Ориенте, в горы Сьерра-Маэстра и дальше через всю страну — до Гаваны. Переговорил с сотнями людей — рыбаками, крестьянами. Познакомился с Фиделем Кастро и буквально влюбился в него, а также в Че Гевару. Убедился, что любовь к Фиделю, вера в него, в «сандинистов» (так называли кубинских революционеров), ненависть к кровавому диктатору Батисте — эти чувства были общими для кубинцев. «Это была поразительная поездка!» — потом скажет он.

Через месяц на Кубу прилетел Микоян с официальным визитом. И на следующий день после прилета в Гавану вызвал к себе Боровика: «Ну, рассказывай!» Полчаса Генрих ему рассказывал о своих впечатлениях от Кубы, преодолев начальное волнение и смущение. Потом увидел, что Микояну нравится

его рассказ, и обрел уверенность, может быть, даже излишнюю. Вот как описал конец их разговора сам Боровик.

— Что-то я Микояну рассказал, какой-то эпизод, уж и не помню какой. А он вдруг говорит: «Ну нет, этого не может быть...» Я ему: «Как не может быть!? Я же там был, я сам видел!» А он: «Может быть и видел... Но не разобрался». А я продолжаю отстаивать свою позицию. И тогда он остановил меня и говорит: «Слушай, Боровик, я тебе совет дам. Хочешь со мной разговаривать — помолчи, а...» Но по-доброму сказал, глаза смеялись...

Видимо, рассказ и выводы молодого журналиста пришлись Микояну по душе. Он очень своеобразно вознаграждал Боровика. В плане визита Микояна значилась встреча с Эрнестом Хемингуэем, который жил под Гаваной и после победы революции сразу с Кубы не уехал. Более того, громогласно объявил всему миру: «К власти на Кубе пришло первое в ее истории честное правительство». Все журналисты, которые сопровождали Микояна — а их было человек семь или восемь, — очень хотели увидеть Хемингуэя.

Но накануне визита Микояну позвонила жена Хемингуэя и сказала, что ее муж журналистов не очень любит и просит Микояна взять с собой не более одного журналиста. Микоян выбрал Боровика. В результате тот не только познакомился с кумиром молодого поколения всего мира, но и получил от «Папы Хема» приглашение порыбачить с ним вдвоем на легендарной шхуне «Пилар».

Появившиеся в «Огоньке» после возвращения Генриха Аверьяновича в Москву очерки о визите Микояна, о самой Кубе, о рыбалке с Хемингуэем сделали Боровика очень популярным в Советском Союзе. Публикация очерков имела и еще одно последствие. Очерки еще в рукописи прочитал Роман Кармен и тут же предложил молодому журналисту снова лететь на Кубу, чтобы делать там вместе с ним документальный фильм о кубинской революции. Договоренность была достигнута, авторы назвали фильм «Пылающий остров».

В самом удачном для Генриха году произошло еще одно событие: родился сын Артем. Но Генриху разрешили увидеть сына только через закрытую стеклянную дверь в родильном доме. А обнять жену и сына, встретить их при выходе из родильного дома он не смог. На второй день после рождения Артема Генрих Боровик улетел в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею

ООН, где произошел известный казус: Хрущев грозил своим политическим противникам ботинком, снятым с ноги. А оттуда Боровик отправился на Кубу, где должен был встретиться с Карменом и его киногруппой.

Встреча Боровика с Карменом действительно вскоре произошла, более того, она ознаменовалась незабываемым событием. Роман Лазаревич, или, как его звали ближайшие друзья, Рима, продемонстрировал Генриху фильм... о выходе его жены Гали со свертком из роддома. Боровик: «Рима снял, проявил, смонтировал и привез в Гавану самый выдающийся на свете, высокохудожественный, документальный, цветной, только вот очень уж короткометражный (5 минут) фильм под названием “Выход Гали Боровик с сыном из роддома”».

Генрих был потрясен до глубины души этим поступком. Он лучше других знал, каких усилий стоило достать пленку, отснять эпизод, организовать проявку и монтаж, собрать подписи начальства и оформить это в бухгалтерии. Но Рима в дружбе перед такими пустяками не останавливался.

Под влиянием постоянных мыслей о сыне Генрих предложил Кармену сделать центральной фигурой фильма кубинского мальчишку, который открывает для себя свою родину. «Ну, конечно, раз у тебя родился сын, значит, он должен быть героем картины! — засмеялся Кармен. — Что, лилипут, любишь снимать своих родственников в моих фильмах!»

Однако идея ему понравилась, был найден кубинский мальчуган по имени Буэнавентура, что означало «светлое будущее», и он стал героем фильма «Пылающий остров», который прошел по экранам всего мира.

В 1960 году, еще до поездки на Кубу, семья Боровика получила шестнадцатиметровую комнату в трехкомнатной коммунальной (еще две семьи!) квартире, правда, на Кутузовском проспекте. Въехали они туда втроем: Генрих, жена Галя и маленькая дочка Маришка, но очень быстро их стало четверо: появился Темочка. Для работы у Генриха никаких возможностей не было, разве что стучать на пишущей машинке, сидя на абажуре. Кармен знал о трудных квартирных условиях своего молодого соавтора и при первой возможности решил ему помочь. Такая возможность вскоре подвернулась. Как-то раздался звонок от Романа Лазаревича:

— Слушай, Генришок, в нашем поселке сдается дача. Есть такой писатель Волков. Нормальная дачка, маленький фин-

ский домик. Сейчас эту дачу снимает Драгунский, но он подыскал что-то другое. Короче, переезжай туда всем семейством.

Поначалу Боровик засомневался: от Москвы далековато, а ему каждый день ездить в редакцию. Но машина у него уже была, да и Кармен привел аргументы, против которых устоять было невозможно.

— Мы с тобой будем ходить по аллежке, снежок будет под ногами поскрипывать, будем думать о сценарии. Потом зайдем ко мне, нальем по рюмочке, выпьем. Снова выйдем на аллежку, опять снежок поскрипит. Зайдем к тебе, снова выпьем по рюмочке и на аллежку!

Перед такой идиллической картиной Боровик устоять не смог и согласился. Он переехал в Пахру со всей семьей в самом начале 1961 года. Самое интересное, что так все и случилось, как обещал Кармен. Снежок падал, поскрипывал под ногами. Содержимое для рюмочки находилось и у Рима, и у Генриха.

Однако владелец дачи вскоре заявил Генриху:

— Либо выметайтесь из моей дачи, либо покупайте.

У него изменились обстоятельства, и сдавать дачу ему стало невыгодно.

Генрих пошел к Кармену и сообщил ему о новых условиях проживания в Пахре.

Тот среагировал быстро и категорично:

— Покупай немедленно. Даже не раздумывай!

Волков хотел получить за домик тринадцать тысяч рублей. Такой суммы у Боровика, конечно, не было. Кармена это не смутило:

— Сколько денег у тебя есть?

— Ну, тысяч пять-шесть.

— А у тебя есть 7-8 друзей, которые могли бы одолжить тебе каждый по тысяче?

— Сомневаюсь...

— А по пятьсот?

— По пятьсот, может быть, найду.

— Занимай у них. Я тебе тоже подкину.

Так Боровик стал полноценным членом ДСК «Советский писатель». Его очень вдохновляло, что он теперь живет по соседству с Симоновым, Карменом, Розовым и с другими писателями, которых он любил.

Симонов сам однажды подошел к нему на аллее, вспомнил Генриха после встреч в редакции. Он прочитал в «Огоньке»

очерки Боровика о Хемингуэе, о Кубе, они ему понравилось, о чем он не преминул сказать молодому журналисту. Боровик был, пожалуй, самым молодым в поселке, его старались поддерживать, относились к нему очень доброжелательно. Розов тепло отозвался о первой пьесе Генриха «Мятеж неизвестных», написанной по впечатлениям поездок в Бирму и Индонезию. Пьеса была поставлена на сцене Драматического театра на Малой Бронной Андреем Гончаровым.

Симонов часто заходил к Боровику и всегда задавал один и тот же вопрос:

– Ну что, старик Боровик, сколько страничек накопал ты сегодня? Только серьезно!

В силу специфики работы Генрих Аверьянович не мог находиться на даче целыми днями. Он не был свободной птицей: работал в журнале, а это требовало каждодневного присутствия. Но на выходные дни он неизменно выезжал на дачу.

Если у него образовывался какой-нибудь перерыв в журналистской работе, он, конечно же, ехал в Пахру. Здесь вставал в семь утра, завтракал и писал до часа или до двух дня. Примером для Генриха был «папа» Хемингуэй, который тоже работал с семи до двух, правда не за письменным столом, а стоя за конторкой. У него побаливал позвоночник.

Вскоре Боровик повторил подвиг Романа Кармена: теперь уже сам привел в Красную Пахру своего друга. Звали друга Юлиан Семенов. Они были давними друзьями. Генрих помог Семенову с первой публикацией, которая состоялась на страницах все того же журнала «Огонек» в начале пятидесятых. Да и в Москве они были соседями. Как только Боровик узнал, что его соседи по Пахре, кинорежиссеры Березко и Дзиган, продают дачу, он известил об этом Юлиана Семенова и настоял на быстрой покупке пая, как когда-то проделал Кармен с ним самим.

К своему домику Боровик пристроил гараж, а над ним комнату, которая теперь служила ему кабинетом. Когда соседом Боровика стал Юлиан Семенов, который умел работать чуть ли не круглые сутки, с Генрихом произошла забавная история. Как-то солнечным летним утром он проснулся раньше обычного, взглянул на часы – они показывали шесть – и поразился, услышав за открытым окном неторопливый, но твердый стук пишущей машинки.

«Надо же, работает в такую рань, а я все еще валяюсь в постели», — подумал Боровик.

Вскоре он уже сидел за письменным столом перед своей пишущей машинкой. Но после первых ударов по клавишам к своему удивлению он услышал, что звук от пишущей машинки Семенова прервался. И возобновился только минут через десять. Но стал несколько другим. Заинтригованный этим обстоятельством, Генрих выглянул в окно и обнаружил, что стук производит дятел, который пристроился на толстой соседней елке и с энтузиазмом завтракал жучками, прячущимися под корой...

На даче Боровик написал довольно много, старался максимально использовать любую возможность для писательского труда. Как журналист он уже был хорошо известен. Сам Боровик понял, что стал популярным, после своих очерков о Бирме и Индонезии, еще в середине пятидесятых. В кроссворде «Вечерки» было загадано слово из семи букв «По горизонтали: молодой талантливый журналист, автор очерков об Индонезии в журнале “Огонек”». С этой «горизонталью» его поздравляла вся редакция.

Но ему хотелось соединить журналистику с настоящей литературой.

Творческая атмосфера поселка действовала на Генриха Аверьяновича. Перед ним были яркие примеры редкостной работоспособности соседей, их остроумия, доброжелательности. И это при том, что Боровик был уже сложившимся человеком. Особенно сильно, как потом понял Генрих Аверьянович, магия атмосферы Красной Пахры подействовала на Артема. Даже простые бытовые вещи на него влияли. Тот был еще совсем маленьким, но уже отличился некоторыми оригинальными суждениями и необыкновенными вопросами. Напротив Боровика жил писатель Сергей Петрович Антонов. Однажды пятилетний Артем пришел домой с огрызком яблока в руке и огорошил родителей вопросом:

— Почему все говорят, что антоновские яблоки самые лучшие? У Солодаря тоже хорошие!..

В 1966 году недавно созданное Агентство Печати Новости (главой которого был назначен Борис Сергеевич Бурков, бывший зам. Главного редактора «Огонька») предложило Генриху Боровику поработать несколько лет в США собственным корреспондентом. Боровик долго раздумывал, но наконец согласился.

Командирован он был от АПН, а договоренность печатать очерки была у него с «Литературной газетой». Это были годы войны США во Вьетнаме, и очерки Боровика отличались резким осуждением американской агрессии, впрочем, такие настроения царили и в самой Америке, особенно в кругах молодежи и интеллигенции: постоянные митинги, манифестации, осуждающие войну, призывы вывести войска из Вьетнама.

Еще в аэропорту Джона Кеннеди пятилетний Артем впервые увидел и услышал множество людей, говорящих на незнакомом ему языке:

— На каком языке они говорят? — поинтересовался Тема у родителей.

— На английском.

После недолгого размышления сын сказал:

— А кто их заставляет говорить по-английски? Ведь по-русски же легче!

В Нью-Йорке они с сестрой Маришей учились в школе советской миссии при ООН. Учителя и программы были советскими, но погружение в англоязычную жизнь позволило Артему в совершенстве овладеть языком, что ему очень пригодилось впоследствии.

Однажды Генрих Аверьянович с Артемом подошли к одному из участников митинга против войны во Вьетнаме, и журналист спросил: «Вы действительно верите, что сможете этим плакатом что-то изменить?» Человек ответил: «Я хожу сюда не только для этого, но и для того, чтобы никому не удалось заставить меня изменить самому себе...» Артему было тогда уже лет десять. Когда они отошли, он спросил отца: «А что имел в виду тот человек?» Генрих объяснил. Как оказалось, Артем навсегда запомнил этот короткий разговор на Таймс-сквере. И всю свою журналистскую жизнь старался прожить так, чтобы никто не мог заставить его изменить самому себе, потерять самого себя.

Еще в детстве у Артема проявилось противоречие между его привлекательной внешностью и твердым не по возрасту, мужским характером. У него были длинные густые ресницы, придававшие мальчику особое очарование. Однажды кто-то из школьных друзей сказал Теме, что ресницы у него «девчачьи». Тема пришел домой, взял ножницы и к ужасу мамы под корень подстриг свои ресницы. К счастью, через несколько месяцев

ресницы отросли, такие же длинные и загнутые кверху, как и были.

Впечатления от поездок в «горячие» точки неизменно ложились в основу новых пьес, книг, сценариев Генриха Аверьяновича. Его лучшей и самой популярной стала пьеса «Интервью в Буэнос-Айресе» о военном перевороте в Чили. Ее поставили больше сотни советских театров и несколько десятков зарубежных. Пьеса шла в Нью-Йорке, Париже, Мадриде, Токио и во многих других столицах. За нее Боровик был удостоен своей первой Государственной премии СССР. Журналистская и писательская карьера развивались вполне успешно.

А далее с Боровиком происходит нечто трудно объяснимое, если учитывать его статус журналиста-международника. В феврале 1980 года Генрих Аверьянович едет в Афганистан, куда в самом конце 1970 года были введены наши войска, чтобы защитить законное правительство Афганистана от повстанцев. Брежнев поначалу очень сомневался — нужно ли принимать такое решение, но генералы его уговорили. Обещали, что никакой гражданской войны там не будет, стоит только поставить в трех-четырёх крупных городах по нашему гарнизону:

— Что вы, Леонид Ильич! Мы поставим четыре гарнизона в главных городах, и туда никто не сунется!

Однако все произошло совсем не так, как обещали генералы. Не только сунулись, но и втянули нашу страну в настоящую кровопролитную войну.

Перед командировкой студия «Мосфильм» попросила Боровика быть автором сценария художественного фильма, действие которого должно было разворачиваться в Афганистане в условиях войны. Уже был назначен режиссер фильма — Евгений Матвеев, тот самый, который сыграл молодого Леонида Ильича. С Генрихом Аверьяновичем студия заключила договор и даже выплатила аванс. Его на «Мосфильме» знали и верили в него. Еще и намекнули, что за такой фильм будет светить Государственная премия.

Проведя несколько месяцев в Афгане, Боровик понял, что не только не будет писать сценарий, но и вообще не сможет написать из Афганистана ни одной строчки того содержания, которого от него ждали. С ним откровенно говорили многие наши офицеры. Открывшаяся правда потрясла журналиста. Мы оказались совершенно не готовы к этой войне, допускали глупейшие ошибки из-за незнания особенностей ведения боевых действий в

мусульманской стране, из-за незнания менталитета афганцев и условий горной войны. С нашей стороны гибло очень много людей. При этом начальство не рисковало докладывать в Москву о реальном положении дел, скрывало истинное число погибших и раненных, не решалось заказывать необходимое количество медикаментов и перевязочных материалов. Обстановка была безобразная.

В мае 1980-го Боровика вызывают в Москву в связи со смертью отца. Он прилетает и через несколько дней, похоронив отца, которого очень любил, сообщает «Мосфильму», что сценарий для фильма он писать не будет, потому что в Афгане происходит совсем не то, чего он ожидал. До отлета в Кабул у него оставалось несколько дней, и он решает идти в Кремль, чтобы там рассказать правду об Афгане. Как потом скажет сам Боровик: «Наверное, я был немного идеалистом. Полагал, что если я с чистыми намерениями, с уверенностью, что меня поймут, расскажу «наверху» правду, то ничего плохого мне за это не сделают. Наоборот — будут благодарны». Он хотел донести информацию об увиденном и собственные выводы до высшего руководства страны. Два друга Генриха Аверьяновича тогда работали в ЦК КПСС, Евгений Самотейкин — референтом самого Леонида Ильича и Николай Шишлин — консультантом ЦК КПСС. Брежнев в те времена все чаще болел, встретиться с ним никакой возможности не было. Друзья порекомендовали Боровику идти на прием к генералу армии Алексею Епишеву, начальнику Главного политического управления Советской армии. Принял Генриха Аверьяновича его заместитель, произвел на Боровика вполне неплохое впечатление, внимательно слушал, в чем-то соглашался, кивал головой. Боровик с фактами в руках доказывал, что наша страна повторяет в Афгане в некоторой степени те же ошибки, что и армия США во Вьетнаме. Сказал, что война бессмысленна и преступна, что ведение боевых действий в Афганистане не по плечу нашей армии.

Друзья позвонили Боровику на следующий день. Когда он к ним приехал, выглядели встревоженными:

— Ты что наделал? Епишев требует твоей крови!

Генрих Аверьянович в один миг понял, что журналистская деятельность с этого момента для него закрыта. Друзья стали искать выход из положения и сошлись на том, что ему нужно срочно вернуться в Афганистан, скрыться на время от бдительного ока ГлавПУРа. Пересидеть там, пока страсти не улягутся.

Правда, через день ситуация снова поменялась. Друзья сумели поговорить с Константином Черненко, который вскоре стал Генеральным секретарем КПСС, а в то время работал начальником общего отдела ЦК КПСС, то есть был вторым человеком в партии.

Друзья ему объяснили, что честный журналист, которого они хорошо знают, рассказал то, что ему говорили люди в Афганистане. Высказал свою точку зрения. А Епишев хочет его прикончить. Черненко при них позвонил Епишеву:

– Ты что? К тебе пришел человек. Не пошел на площадь с криками, а пришел к тебе. Может быть, он в чем-то ошибся, но хотел как лучше.

Тот залебезил:

– Конечно, конечно.

Конфликт был исчерпан, но на всякий случай друзья посоветовали Боровику на некоторое время отойти от журналистики. Так он и поступил: написал новую пьесу, сценарии к ряду документальных фильмов, начал работать главным редактором журнала «Театр». Видимо, театр продолжал манить его. За три года работы Боровика главным редактором тираж журнала вырос вдвое.

В 1984 году вышла из печати его книга «Пролог» о США в 1968 году. Это был критический год – год выборов, год убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, год войны во Вьетнаме, год особого подъема антивоенного движения. Общий тираж этой книги только у нас в стране перевалил за пять миллионов экземпляров. Хотя книга не была беллетристической, приключенческой по жанру, она несла в себе такую мощную внутреннюю интригу, что и колоссальный тираж не смог удовлетворить необыкновенного спроса читателей на нее. Она принесла писателю вторую Государственную премию СССР.

Боровик стал, без сомнения, самым уважаемым журналистом-международником в Советском Союзе.

Тем временем в 1982 году Артем окончил ставший уже «семейным» факультет журналистики МГИМО. Студенческую практику он проходил в советском посольстве в Перу, откуда на него пришел отличный отзыв. Он был распределен по «первому разряду», в Министерство иностранных дел, хотя оканчивал институт как журналист. Другой бы радовался, но младший Боровик отказался от заманчивого распределения и пошел работать литературным сотрудником в международный отдел

газеты «Советская Россия», хотя прекрасно понимал, что ему не избежать обвинений в том, что отец составляет ему протекцию. В течение пяти лет он работал корреспондентом в «горячих точках» сначала в СССР: был в Чернобыле после взрыва реактора, был на севере, позже — в Никарагуа и Афганистане.

В 1987 году Артем перешел в журнал «Огонек», так как в «Советской России» сменился не только главный редактор, Михаил Ненашев, но и направленность. Острые материалы младшего Боровика либо шли в печать с купюрами, либо вообще не публиковались.

Тем временем с приходом к власти Михаила Горбачева в стране начинается перестройка. Это время полностью раскрыло способности Генриха Боровика не только как журналиста, писателя и драматурга, но и как общественного деятеля.

В 1985–1987 годах Боровик работает секретарем Союза писателей СССР по международным делам. Именно в эти годы приезжают к нам в страну по приглашению Союза писателей давние друзья Генриха Аверьяновича — выдающиеся писатели и деятели культуры разных стран: Грэм Грин, Габриэль Гарсиа Маркес, Норман Мейлер, Питер Устинов и др. Это способствовало росту популярности нашей страны за рубежом и распространению правды о перестройке, которая тогда только начиналась. Прежде всего благодаря Боровику, Секретариат ЦК КПСС прекратил осуществлять полную изоляцию советских писателей от крупнейших международных писательских организаций, в частности от Пен-клуба. В 1987 году Генриха Аверьяновича избирают председателем Советского комитета защиты мира и вице-президентом Всемирного совета мира. При нем Советский комитет защиты мира стал заметной общественной организацией, твердо стоявшей на позициях демократических преобразований в стране.

Он продолжает мотаться по «горячим точкам», которые теперь возникают в его собственной стране: Нагорный Карабах, Северная Осетия и Ингушетия, Приднестровье. Богатейший опыт позволяет ему видеть всю опасность «местных» конфликтов, он не стесняется предупреждать об этом всю страну. Этому способствует и то, что он становится не только политическим обозревателем Гостелерадио СССР, но автором и ведущим популярной телепрограммы «Позиция». Он не боится разоблачать деятельность шовинистических организаций в СССР, за что одна из таких организаций поставила его на первое место в

списке на физическое уничтожение в случае захвата ею власти в стране.

Михаил Сергеевич Горбачев не совершал практически ни одной своей международной поездки без Боровика в качестве одного из экспертов. Наконец, в 1989 году, его избирают народным депутатом СССР, назначают членом постоянного комитета Верховного Совета СССР по международным делам.

Тем временем Артем Боровик стремительно идет по стопам отца. Сначала он сообщает отцу, что едет в Афганистан. Они вместе договариваются не говорить об этом матери. Галина Михайловна и так выговаривала Генриху Аверьяновичу: «Ты уже испортил мне жизнь тем, что носился, кажется, на все войны, на все революции, а теперь хочешь, чтобы по тем же дорогам ходил Тема! Пожалейте меня! Зачем мне снова такие испытания!»

Старший Боровик понимал, что ему не удержать Артема от этой командировки, только просил лишний раз не рисковать и не лезть в самое пекло, однако один обман порождает другой. Артем добился приема у начальника Генерального штаба маршала Сергея Ахромеева и попросил у него официального разрешения на участие в боевых действиях, чего журналистам обычно не полагалось.

– А отец знает? – спросил маршал.

– Ну конечно, знает, – заверил его Артем.

Сергей Федорович подписал бумагу. Так Артем использовал имя отца «в своих интересах». Генрих Аверьянович узнал об этом только после возвращения Артема в Москву. А в Афганистане тот «оттянулся» по полной программе: ходил с разведчиками в тыл к «душманам», сидел в засадах, высаживался с вертолета на территории противника. Вернулся домой почерневшим и похудевшим, два дня отсыпался, потом начал писать. Писал неистово, часто засиживался за столом до рассвета. В результате на свет появились очерки об Афганистане и первая книга Артема «Встретимся у трех журавлей». Очерки вызвали бурю. Он фактически рассказал читателям все то, что увидел отец еще в 1980-м, только с подробностями, примерами, характеристиками. У него сразу же появились почитатели и недруги, что свидетельствовало о точном попадании его произведений в цель. Быстро стало ясно, что книга Артема имеет не только публицистическую и фактическую ценность, она является подлинной литературой. Она была издана, как и первая книга

отца, в Библиотеке «Огонька», и ее сразу же смели с прилавков магазинов и киосков. Оказалось и много других совпадений с первой книгой Генриха Аверьяновича: и сыну и отцу было по 27 лет, когда вышли их первые печатные издания, даже номера выпусков, которые повторялись из года в год, также совпали.

Одну из рекомендаций Артему в Союз писателей СССР дал Юрий Нагибин, написал не по-соседски, не из-за дружбы с его отцом, а потому что книга ему действительно понравилась: «Признаться, не часто я рекомендую кого-либо в члены Союза писателей: и так уж принимали сверх всякой меры! Но когда вижу, что молодой писатель может своими литературными и человеческими достоинствами благотворно повлиять на климат нашего Союза, радуюсь и рекомендую от всей души. Так и с Артемом Боровиком...»

И еще один отзыв о книге, пришедший на адрес «Огонька»: «Среди всего того, что мне приходилось читать про войну в Афганистане, я не встречал ничего, что можно было бы сравнить с этим рассказом очевидца о солдатских буднях, рассказом без примеси пропаганды. Словом, это уже не журналистика, а литература». Под этими словами стояла подпись: Грэм Грин.

В 1988 году Артем Боровик придумал немислмый для Советского Союза эксперимент: американский журналист должен был приехать на месяц в советскую армию, а советский корреспондент – в американскую. От СССР поехал сам Артем – молодой, не раз принимавший участие в боевых действиях, популярный, талантливый, отлично подготовленный физически, наконец, с идеальным английским.

Перед тем как начать печатать очерки Артема о его пребывании в армии США, главный редактор журнала «Огонек» Виктор Коротич в кратком вступлении написал, чем известен Артем. После публикации тот уже не нуждался ни в каких представлениях. Вскоре вышла из печати и вторая книга Артема «Как я был солдатом армии США». Его растущей известности способствовало и то, что в течение трех лет он был одним из ведущих программы «Взгляд» на Центральном телевидении. В конце 1980-х это была самая популярная программа, ее ожидали с нетерпением и воспринимали как глоток свободы.

В 1989 году Артем приходит в газету «Совершенно секретно», детище Юлиана Семенова и первую частную газету в Советском Союзе. Он быстро становится замом главного редакто-

ра, а после тяжелого инсульта Юлиана Семеновича и главным редактором.

19 августа 1991 года в Москве произошла попытка антиконституционного переворота, совершенного ГКЧП. Чем кончится дело, тогда было еще не ясно. Но в первый же день восстания ГКЧП Советский комитет защиты мира принял официальное заявление с резким осуждением ГКЧП, которое было опубликовано в газетах утром следующего дня. Сам Генрих Боровик все три переломных дня выступал из Москвы по каналу CNN, рассказывая всему миру, как люди из руководства КПСС предали своего Генерального секретаря, как нарушили Конституцию страны. А в это время по центральным каналам ТВ шло «Лебединое озеро»...

Артем все эти три дня и три ночи находился со своей женой и коллегой Вероникой в «Белом доме» на Краснопресненской набережной, готовясь отбить возможную атаку войск. К счастью, атаки так и не последовало.

Девяностые годы теснейшим образом связаны для Генриха Боровика с телевидением. В 1994 году он создает на телеканале «Останкино» сериал «За девять лет до конца войны». В нем впервые была сказана правда о том, как в 1979 году принималось печально известное решение о вводе войск в Афганистан и как оно осуществлялось.

В том же году с экрана первого канала он предупреждает руководство страны о недопустимости и опасности ведения боевых действий в Чечне. В очередной раз его не послушались, зато закрыли ему доступ на этот канал.

На следующий год Генрих Боровик как автор проекта и один из авторов сценария работает над десятисерийным фильмом «Россия в войне — кровь на снегу». В нем была показана и та правда о войне, которую Роман Кармен по понятным причинам не мог донести до зрителей в своей знаменитой киноэпопее «Великая Отечественная».

Колоссальный творческий вклад внес Генрих Аверьянович и в становление канала «Культура». Его авторская программа «Завещание XX века» постоянно имела самый высокий рейтинг среди передач этого телеканала. В ней он смог рассказать о своих встречах с выдающимися людьми XX века: Александром Керенским, Эрнестом Хемингуэем, Кимом Филби, Грэмом Грином, матерью Терезой и многими другими.

Тем временем Артем Генрихович быстро доказывает, что

он не только подхватил флаг из рук Юлиана Семенова, но и смог поднять его еще выше. Он делает передачу «Совершенно секретно» на телеканале «Россия», преобразует газету «Совершенно секретно» в информационно-издательскую группу, а затем и в холдинг. С 1998 года он становится и главным редактором популярной газеты «Версия».

За годы работы в холдинге он был лауреатом премии «Общественное признание», премии ТЭФИ, премии «Золотые перья России». Артем Боровик единственный журналист в мире, дважды награжденный престижной американской премией в области журналистики «Edward Murrow Award».

Его издания публиковали самые острые материалы. Можно сказать, он работал на грани дозволенного, а иногда и переступал через эту грань. Газеты «Совершенно секретно», «Версия» неоднократно раскапывали и публиковали взрывоопасные материалы. Это приносило Артему не только популярность, но и уважение читателей. Он превращался в самостоятельную политическую фигуру. Кажется, начинали сбываться пророческие слова его отца, Генриха Аверьяновича. На заре своей журналистской деятельности Артем пожаловался, что всю жизнь ему в спину будут говорить: «Вон идет сын самого Боровика». На это Генрих Аверьянович ответил: «Пройдет немного времени, и обо мне будут говорить: “Смотрите, вот идет отец самого Боровика”»...

Блистательная карьера и жизнь Артема, сына, мужа, отца двух маленьких детей, оборвались неожиданно и трагически — 9 марта 2000 года. Самолет, на котором летел Артем, разбился на взлете. Лайнер принадлежал его другу крупному чеченскому предпринимателю Зие Бажаеву, который тоже погиб в этой авиакатастрофе. Версий причин трагедии было множество. Официальная состояла в том, что из-за неоправданной спешки экипажа самолет не прошел обработку противообледенительной жидкостью. Родственники, сотрудники холдинга «Совершенно секретно» этой версии не верят. Слишком много людей были заинтересованы в гибели Боровика и Бажаева. Выдвигались версии. Многие считали, что в организации катастрофы были замешаны наши доблестные спецслужбы, заинтересованные в том, чтобы пресечь публикацию некоторых сенсационных материалов. Вряд ли в ближайшее время мир узнает о настоящих причинах трагедии.

Генрих Аверьянович в который раз в своей жизни подтвер-

дил, что он может держать удары судьбы. Даже самые тяжелые, казалось бы невыносимые. Генрих Аверьянович стал инициатором учреждения Благотворительного фонда имени Артема Боровика, который ежегодно вручает премии за выдающиеся творческие достижения в области независимой журналистики и журналистских расследований. Многие газеты на своих страницах называют ее «премией совести». А официальным девизом премии служат три слова: «Честь. Мужество. Мастерство». В нынешней России журналистам очень нелегко соответствовать этим трем понятиям и оставаться при этом живыми.

АЛЕКСЕЙ КАПЛЕР
(1904–1979)
И ЮЛИЯ ДРУНИНА
(1924–1991)

Самая романтическая и самая трагическая пара поселка. Даже если у кого-то в Красной Пахре и были причины не любить ее, то восхищались ею все без исключения. Об их любви ходили легенды. Иногда правдивые, иногда невероятные.

Когда Юлия Друнина впервые поехала в заграничную командировку в Германию, Алексей Каплер не стал ее встречать на Белорусском вокзале, а помчался ей навстречу в Брест. Когда он отправлял ее на поезде по Советскому Союзу, то, проводив с цветами на вокзале, отбивал восторженные телеграммы, которые ей вручали на всех крупных станциях, а на последней он уже встречал ее опять-таки с охапкой цветов. Благо, «Аэрофлот» приглашал летать своими самолетами в самые отдаленные города нашей Родины. Из телеграмм, которые он ей отправлял, когда они расставались, можно было написать роман. Взять хотя бы такую: «Джанкой тчк поезд тридцать первый зпт вышедший из Москвы двадцать четвертого декабря тчк вагон тринадцатый зпт место двадцать пятое зпт пассажиру друниной тчк доброе утро тчк каплер». Разница в возрасте между ними была двадцать лет...

Лазарь Каплер родился в 1904 году в семье киевского купца первой гильдии Якова Нафталиевича Каплера. Торговая карьера маленького Лазаря ни капельки не привлекала. Революции, гражданская война, новые виды искусства определили его жизнь на много лет вперед. Театр, кино – вот истинное признание Каплера. С шестнадцати лет он актер в киевских театрах.

Режиссер эстрадного театра, опасаясь предсказуемой реакции местных антисемитов, предложил актерам взять псевдонимы:

— Номер-то годится, но фамилии, фамилии... Ни к чёрту не годятся ваши фамилии! Представляете афишу — Винтер и Каплер. Каплер — это для портновской фирмы, а не для эстрады.

Но его возмущения хватило только на то, что Каплер стал Алексеем, да и то все знакомые звали его сначала Алешей, а потом Люсей.

Алексей Каплер не вылезает из залов киевских кинотеатров. По многу раз смотрит фильмы с участием Веры Холодной. Пятьдесят лет спустя он напишет: «В анкетах, которые мне доводилось заполнять, стояли разные вопросы, но ни в одной из них не было вопроса о первой любви. А если бы он стоял, я должен был бы честно ответить: Вера Холодная. Да что я!.. Вся Россия была в нее влюблена!»

Вскоре Алексей познакомился с будущими знаменитыми кинорежиссерами Григорием Козинцевым и Сергеем Юткевичем, создал с ними вместе молодежный киевский театр «Арлекин». Когда Григорий Козинцев с Леонидом Траубергом организовали в Петербурге знаменитую ФЭКС, «Фабрику эксцентричного актера», он перебрался в Питер и стал одним из ее актеров. Здесь он сыграл свои роли в кино: норвежского моряка в «Чертовом колесе», Значительное лицо из гоголевской «Шинели». К счастью, сам Алексей Яковлевич быстро понял, что актерство на экране — это не его дело.

Он вернулся в Киев, поработал у самого Александра Довженко ассистентом режиссера на фильме «Арсенал», потом поставил пару фильмов самостоятельно, но на экраны они не вышли. Видимо, лучшие сценаристы и драматурги получают из неудавшихся актеров. Так случилось и с Алексеем Каплером. Хотя сцена его еще долго к себе тянула. Он успел поиграть в Одессе, где очень успешно читал юмористические рассказы собственного сочинения. Послушать их приехал сам Исаак Бабель и остался в восторге.

Первые же сценарии Каплера к фильмам оказались очень удачными. Сценарий к фильму «Три товарища», который был поставлен в 1935 году, создал Алексею Яковлевичу имя в кинематографическом мире. А главное, он дал ему возможность участвовать в конкурсе на лучший сценарий о жизни Ленина, который курировал сам Вячеслав Михайлович Молотов. Близились двадцатилетний юбилей Революции.

Неожиданно победителем конкурса был признан сценарий Алексея Каплера и его постоянного соавтора и жены Татьяны Златогоровой под названием «Восстание». Был найден режиссер Михаил Ромм, который согласился поставить фильм точно к годовщине Октябрьской революции и, более того, сдержал свое слово. Фильм «Ленин в 1918 году» сделал Каплера и Ромма знаменитыми, принес им Сталинскую премию 1941 года, но не уберег от репрессий Златогорову. Выяснилось, что ее настоящее имя Таисия Гольдберг и самое место ей в лагере.

Сегодня Алексея Яковлевича обозвали бы «плейбоем», тогда такого слова не знали. Он был красавцем с неистощимым мужским обаянием, очень остроумным. А главное, он не просто любил женщин, а возносил их на высокий пьедестал. Они это в нем неизменно чувствовали, ценили, влюблялись в него всерьез и надолго. Он рано стал сесть, но это только прибавило ему обаяния. С 1938 года Каплер преподает во ВГИКе с восторгу многочисленных студенток.

С началом войны Каплер не поехал в эвакуацию в Алма-Ату вместе с институтом, правда, отдал на Алма-Атинскую студию сценарий своего нового приключенческого фильма «Котовский», который вышел на экраны в 1942 году. А сам Алексей Яковлевич добился, чтобы его забросили к партизанам в качестве военного корреспондента. Результатом его военных впечатлений, помимо многочисленных репортажей, становится сценарий к фильму «Она защищает родину», который был поставлен режиссером Фридрихом Эрмлером в 1943 году, прошел по экранам с громадным успехом и был удостоен Сталинской премии в 1946 году, но, увы, без автора сценария. В этот промежуток произошли события, помешавшие отметить Алексея Каплера, зато вооружившие Владимира Высоцкого прекрасным стихотворным определением для одной из его песен: «пострадавший от Сталина Каплер».

В конце октября 1942 года Василий, сын Сталина, привез на дачу вождя в Зубалово Алексея Каплера. Там и произошла встреча Светланы Аллилуевой, тогда еще Сталиной, с киносценаристом. Потом Каплер приезжал туда в гости неоднократно. Привозил с собой фильмы. Светлане очень понравилась «Королева Христина» с Гретой Гарбо в главной роли. Встречи, разговоры, прогулки. Ей было 16 лет, а ему – почти сорок. Дело дошло до Иосифа Виссарионовича. Впрочем, об этом романе написаны тонны литературы. Каплеру позвонил

полковник Румянцев, помощник всесильного генерала Власика, начальника охраны Сталина, попробовал образумить. «Люся» с ходу послал его, бросил трубку. Потом произошел разговор Сталина с дочерью. Вождь кричал, что «Каплер — английский шпион». «Уж не могла себе русского найти!» — особенно его возмутило, что Алексей Яковлевич еврей. Разговор закончился двумя пощечинами, которые дочь получила от папочки, заявив тому, что она Люсю любит!

Каплера без промедления доставили на Лубянку. Правосудие тогда вершилось быстро. Он получил немного, «всего» четыре года. Да и в ссылке Алексей Яковлевич умудрился устроиться фотографом. Ему даже выделили комнатку, где он проявлял пленки, печатал карточки и встречался с женщинами! Одной из них стала Валентина Токарская, знаменитая тогда актриса московского мюзик-холла, которая, к несчастью, будучи в одной прифронтовой актерской бригаде, попала в фашистский плен. Немецкий лагерь ей при случае быстро заменили на советский. Сначала она работала санитаркой, а потом на нее пришла разнарядка из воркутинского лагерного театра, где она и сыграла лучшие роли драматического репертуара. Женщиной она была красивой, поэтому нет ничего удивительного, что ей довелось стать второй официальной женой Алексея Каплера.

Когда у осужденного кончился срок, его отпустили с предписанием не посещать крупные города. Он сразу же его нарушил — заехал в Москву, что ссылкой категорически запрещалось. Второй свой срок Каплер отбывал уже в Инте в гораздо более суровых условиях. Токарской рядом не было, свобода, казавшаяся совсем близкой, исчезла на неопределенный срок. От тяжелейшей работы на каменоломне он дошел до крайней степени дистрофии. Его спасли письма Токарской, полные любви и нежности, которые буквально заставили его снова полюбить жизнь.

Вторично от ссылки его освободила смерть Сталина. В 1953 году он вернулся в Москву, вернулся к жизни. Более того, не растраченные гонорары за последние очень успешные фильмы позволили ему вступить в члены ДСК «Советский писатель».

На участке быстро появился небольшой щитовой домик, самый скромный вариант пахринских строений. Вторым строением стал гараж. Алексей Яковлевич был заядлым автомобилистом, одним из первых в поселке. К гаражу с ямой для

обслуживания машины были пристроены две небольшие комнаты. В них жила пожилая чета, Павел Андрианович и Агриппина Осиповна, которая присматривала за дачей, топила котел углем, иногда даже готовила какую-то простую еду. Павел Андрианович был попом-расстригой, редкостным красавцем, несмотря на возраст и трудную жизнь. Он сполна отсидел в Соловках, а появившись в Пахре, завел в дальнем углу участка небольшую пасеку на четыре улья.

Каплер тем временем вернулся к преподавательской деятельности во ВГИКе. Именно она в очередной раз перевернула его жизнь...

Через двадцать лет после рождения Лазаря Каплера в Москве появилась на свет девочка, которую родители назвали Юлия. Ее отец Владимир Павлович Друнин был учителем истории в спецшколе ВВС, мать Матильда Борисовна работала в ней же библиотекарем. У редкой фамилии Друнин было исконно русское происхождение. Друня – сокращенное название «дружины», то есть Друнин означало состоящий в дружине.

С дочерью у Матильды Борисовны отношения не складывались. Дочка скорее напоминала сорванца в юбке, что расходилось с материнскими представлениями о правилах поведения девочки из приличной семьи. Правда, она рано начала писать стихи и уже с детства мечтала стать литератором. Юля очень много читала. Первые стихи Друниной были опубликованы в «Учительской газете», пожалуй, только из-за юности автора, а не из-за нехватки мастерства.

На момент начала войны ей было семнадцать лет, не хватало года, чтобы отправиться на фронт законным образом. По совету отца она устроилась работать санитаркой в глазной госпиталь неподалеку от дома. Это ее не устраивало, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, она рвалась на фронт, а, во-вторых, выяснилось, что она боится вида крови, чуть ли не падает от этого в обморок. Этих двух причин хватило для того, чтобы она напросилась на рытье окопов под Можайском.

Ее расчет оправдался. Девушку взяли к себе санитаркой оборонявшиеся там пехотинцы.

Первый бой, первые раненые и убитые рядом, первое окружение, первая любовь. Комбат был молодым учителем из Минска, заботился о солдатах, как о детях. Он и стал постоянным героем ее стихов, которые Юля упорно продолжала писать, естественно, в корне изменив их тематику. Выходя из окружения, им пришлось пройти по минному полю. К сча-

стью, большинство мин было противотанковыми, но на беду комбата и двух его солдат нашлись все-таки и противопехотные.

Появившись в Москве, Юля была огорошена тем, что родители должны поехать в эвакуацию вместе со школой. Несмотря на все ее сопротивление, ей пришлось отправиться в Сибирь вместе с ними. Отец еще не оправился от первого инсульта, и она понимала, что если с ним не уедет, то очень быстро его похоронит.

Под Тюменью, куда была эвакуирована спецшкола, она оканчивает двухмесячные курсы медсестер и снова забрасывает военкомат письмами с просьбой отправить ее на фронт. Но восемнадцати лет Юле еще не исполнилось, поэтому в военкомате находят способ хоть на время избавиться от настырной девчонки. Ее отправляют в Хабаровск в школу младших авиаспециалистов. Фронт становится все дальше.

В 1943 умер Владимир Друнин. Командир дал Юле несколько дней отпуска, чтобы та простилась с отцом хоть на кладбище. Сама она потом вспоминала: «Выйдя из поезда, я прежде всего выбросила свой железнодорожный билет. Потом, не заходя домой, пошла на кладбище». Далее Друнина добирается до Москвы и добивается назначения санитаркой в часть на Второй Белорусский фронт.

Она попадает в санитарный взвод лейтенанта Леонида Кривошекова, будущего поэта. Тот отлично запомнил бесстрашную девчонку, которая его поразила презрением к смерти и любопытством ко всему происходящему вокруг. Но в начале 1944 года Юлия Друнина получает ранение осколком в шею. Вначале даже не осознает его тяжести, просто перематывает кровоточащую рану бинтом.

Потом госпиталь, врачи цокают языками: несколько миллиметров в сторону и оперировать было бы некого. Было больно, было трудно, было стыдно: раненая санитарка лежала в мужской палате, других просто не было. Хорошо, что раненые мужики старались при ней меньше материться да отворачивались, когда ей делали перевязку. Здесь она написала о своих фронтовых впечатлениях, потом долго работала над строчками, пока не появились те, что ее прославили:

Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву и сотни раз – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Выписавшись из госпиталя, Друнина едет в Литературный институт, находит там парторга, Славу Владимировну Шири-ну, дает ей почитать свои стихи. Вот чем кончилась та встреча: «Отнеслась она ко мне очень сердечно. Да и кого могла не рас-положить к себе и забинтованная ещё голова, и пообтрёпан-ная, пообгоревшая шинелька, вроде бы случайно распахнутая так, чтобы видна была медаль “За отвагу”, и весь юный возраст худушего, бледнющего солдатика? Но... Слава Владимировна была человеком предельно честным. А стихи мои ей не понра-вились. Они и впрямь были слабыми, хотя в них попадались отдельные удачные строки.

– У тебя есть искренность, теплота.

Но у кого из девушек, пишущих стихи, нет этих качеств? По-давленная или, точнее, раздавленная, ушла я из Дома Герцена. И через несколько дней отправилась в военкомат со слёзной просьбой опять отправить меня на фронт. Я-то знала, как нуж-ны там сёстры и санитарки. А кому я нужна здесь? Я, бездарь, невесть что возомнившая о себе».

Потом бои за Ригу, орден Красной Звезды, тяжелая контузия. В декабре 1944 года, хотя вступительные экзамены уже прош-ли, комиссованная по контузии Юлия Друнина в шинельке и кирзовых сапогах пришла на занятия в группу первокурсников. Никто фронтовику с ранениями и наградами отказать не смог. Так и началась ее учеба. Как к ней подступиться, сокурсники не знали. Самым смелым оказался Николай Старшинов, тоже москвич, тоже фронтовик, тоже с ранениями. Выяснилось, что в детстве они ходили в одну художественную студию при Доме пионеров, даже спектакль «Том Кенти» в Театре юного зрителя был у них обоих любимым. Стипендию она получала сто сорок рублей, еще и военную пенсию первые полгода, сто пять ру-блей. Было и голодно и холодно, иной раз в аудиториях замер-зали чернила. Но настроение было победным, уже было ясно, что до конца войны остались считанные месяцы, да и учились поэты отчаянно, словно на фронте.

В 1945 году в журнале «Знамя» вышла подборка стихотво-рений Юлии Друниной. Больше всего она жалела, что отец не дожил до этого дня.

Потом она вышла замуж за поэта Николая Старшинова, ро-дилась дочка Лена. Та первое время часто болела, потом вы-правилась. Правда из института Юле на время пришлось уйти, позже она в него вернулась, чудом сохранив жизнь и здоровье

своим близким, едва не потеряв поэтический дар в жестокой схватке с голодным послевоенным бытом: хозяйством заниматься Юля не умела, семья жила по-фронтовому.

Друнина была очень красивой, загадочной, по-девичьи худенькой, но под лирической внешностью таилась подлинный кремень, что лишь осложняло ее жизнь. Маститые поэты, как говорится, «липли» к ней, но получали решительный и очень обидный отпор. Первым был ее преподаватель Павел Антокольский, который вообще очень любил заигрывать со студентками и с молодыми поэтессами, красавцем не был, не обижался, если его ухаживания отвергали. Но здесь получилось все очень серьезно и с далеко идущими последствиями. Отказ последовал на виду у всех, а такое не прощается — на вечеринке, посвященной выходу в свет первой книги стихов Вероники Тушновой, которая пригласила и Друнину со Старшиновым. Они еще не были семейной парой, но все знали, что дело к этому идет. Вот что вспоминает Николай Старшинов: «Где-то между тостами Юля вышла в коридор. Вышел и Антокольский. Вскоре я услышал шум и возню в коридоре и, когда вышел туда, увидел, как Павел Георгиевич тащит упирающуюся Юлю в ванную. Я попытался помешать ему. Он расшвырялся — какой-то мальчишка смеет ему перечить! — обматюгал меня. Впрочем, я ему ответил тем же, но настоял на своем». В результате Антокольский объявил, что Друнина лишена способностей и предложил исключить ее из института. Друниной позволили перевестись в другой семинар, тогда тот стал придираться к Старшинову буквально на каждом занятии.

Через четыре года на собрании в Союзе писателей, посвященном борьбе с космополитами, Юлия Владимировна резко выступила против Антокольского. Из Литинститута того уволили, а ее обвинили чуть ли не в антисемитизме. Когда в 1979 году Антокольский умер, то на панихиде в ЦДЛ Григорий Поженян не преминул в своем выступлении ей об этом напомнить.

Похожая история произошла у нее и с поэтом Степаном Шипачевым. Автор строк «любовь не вздохи на скамейке и не прогулки под луной» пригласил ее в свой кабинет и обещал напечатать ее стихи в подконтрольных ему журналах «Красноармеец» и «Октябрь», если она будет более уступчивой. Говорил он неразборчиво, неправильно выговаривая половину

букв алфавита, но Друнина поняла смысл речи и убежала из кабинета классика.

Несговорчивость Юлии Владимировны привела к тому, что в Союз писателей СССР ее приняли поздно, только в 1947 году. Говорят, что к этой задержке приложил руку по каким-то причинам и сам Константин Симонов, а вот Александр Твардовский говорил, что ей уже давно пора быть в Союзе.

В 1954 году с Юлией Друниной произошло событие, изменившее ее жизнь хоть и не сразу, но коренным образом. Она пошла учиться на сценарные курсы при Союзе кинематографистов, которые вел Алексей Каплер.

Любовь вспыхнула почти сразу. Каплер ухаживал красиво, он не умел по-другому. Приглашал на дачу в Пахру. Уже в 1955 году появилось стихотворение Друниной «Верность» с такими строками:

Вы останетесь в памяти — эти спокойные сосны,
И ночная Пахра, и дымок над далёким плотом.
Вы останетесь в сердце, мои подмосковные вёсны,
Что б с тобой ни случилось, что со мной ни случится потом.

Но Каплер был женат, она была замужем, так что понадобилось еще целых пять лет, чтобы пара сочеталась браком. Это произошло в 1960 году. По-другому быть просто не могло. Даже ее бывший муж Старшинов оставил такие строки: «Я знаю, что Алексей Яковлевич Каплер относился к Юле очень трогательно — заменял ей и мамку, и няньку, и отца. Все заботы по быту брал на себя. Он уладил ее отношения с П. Антокольским и К. Симоновым. Он помогал ей выйти к широкому читателю. При выходе ее книг он даже объезжал книжные магазины, договаривался о том, чтобы они делали побольше заказы на них, обязуясь, в случае если они будут залеживаться, немедленно выкупить. Так, во всяком случае, мне сказали в магазине “Поэзия”»...

А поэт Марк Соболев сказал Юлии короче и точнее: «Он стянул с тебя солдатские сапоги и переобул в хрустальные туфельки!»

Сошлись две противоположности. Алексей Яковлевич, остроумный, душа компаний, доброжелательный, мягкий, любвеобильный, и Юлия Друнина, нелюдимая, предельно закрытая, жесткая. Только необыкновенная любовь позволила им сплавить воедино два несовпадающих характера. Вернее сказать, позволила Друниной переделать характер Каплера. По-

степенно шумные компании Алексея Яковлевича остались в прошлом, гостей в их доме бывало все меньше и меньше. Все свое время они посвящали друг другу. На даче они очень много работали. Каплер сидел за большим дубовым столом, писал и правил ручкой. Свои сценарии он начал называть киноповестями. Написанное отдавал в печать, правил уже по напечатанному. Юлия Владимировна работала, казалось, незаметно, но постоянно. Могла лежать на участке на раскладушке и писать стихи.

У Каплера появились две машины. Скромный «Запорожец», который он очень любил, и 21-я «Волга» салатового цвета. Друнина почему-то в «Запорожце» ездить стеснялась, Каплер предпочитал с ней не спорить, а возил неизменно в «Волге». Раньше он вел исключительно сидячий образ жизни, ходил очень мало, предпочитал ездить на автомобилях. Юлия это поломала со свойственной ей решительностью. Она буквально заставила Каплера ходить все больше и больше, порой дневная норма достигала двадцати километров.

Дважды в году пара уезжала в Коктебель в Дом творчества. Весной, в апреле-мае, и осенью, в сентябре-октябре, иногда и часть ноября прихватывали. Вот там и отдыхали и работали. Помногу ходили. Часто от Коктебеля доходили до городка Старый Крым через горы и долины, были буквально влюблены в те места.

Друнина регулярно отказывалась от заграничных командировок, если они приходились на то время, когда она ездила в Крым. Говорила при случае: «Какая, к черту, граница! У нас прекрасная страна. У нас есть все: и Север, и Юг, и Запад, и Восток!»

Жизнь неоднократно убеждала ее в собственной правоте. Как-то летом долго гостила у них на даче одна известная пара — писатель Митчелл Уилсон с супругой. Писатель он был довольно известный, очень популярный в Советском Союзе. Его перу принадлежали книги «Встреча на далеком меридиане», «Брат мой, враг мой» об изобретении телевидения, он был автором нескольких сценариев по своим романам. Каплер стоял тогда у истоков образования Союза кинематографистов, был обладателем членского билета под номером пять, возглавлял международную кинематографическую организацию, поэтому и пригласил американского коллегу к себе. Организационные

тяготы этого приглашения легли на плечи Юлии Владимировны. Со свойственным ей мужеством она в течение двух недель обеспечивала быт американской пары: еду, уборку, прогулки, развлечения, то есть занималась вещами, которые по жизни искренне ненавидела. Но выдержала. Через некоторое время Каплера пригласили в Штаты. Информация о его визите была, казалось, во всех средствах массовой информации, были организованы встречи с десятками заинтересованных людей. Среди немногих, кто не «отметился» у Каплера в Америке, была семья Уилсонов.

Дачная жизнь Каплера и Друниной имела много особенностей. Прежде всего, никакого садоводства, овощеводства, разведения цветов. Друнина категорически препятствовала вырубке любой дикой березки на своем участке. Весь участок был в зарослях тоненьких березок, висели кормушки для птиц и белок. На участке было много грибов – по грибы в лес ходить не надо было. Из спортивных развлечений Юлия Владимировна предпочитала лыжные прогулки. В другие времена года далеко уходила в лес по вырубленной просеке, дальше деревни Фоминское. Однажды в марте во время прогулки по лесу провалилась в ручей по пояс. Выручила дочка Лена. Она отдала ей свое сухое белье, отжала воду из мокрого белья, натянула его на себя, и обе бегом бросились домой. Здоровьем обе похвастаться не могли, часто болели, простуживались, но в тот раз Богомилловал. Обе остались целыми и невредимыми.

Еще одним увлечением Юлии Владимировны, правда не дачным, были лошади.

Она всерьез занималась конным спортом, получила второй разряд по конкуру, но времени не хватало. Зато своей дочке она в полной мере передала любовь к лошадям. В девятилетнем возрасте привела ее в Академию имени Тимирязева. Потом были разные конные клубы. Елена чемпионка зимнего первенства Москвы по конкуру 1963 года, кандидат в мастера спорта. Лошади и определили ее профессию. Елена окончила Ветеринарную академию, работала на Центральном Московском ипподроме. Стала судьей Всесоюзной категории по рысистым испытаниям, вышла замуж за мастера-наездника.

Характерно, что с Каплером Елена общалась больше, чем с матерью. Это началось почти с первых дней знакомства. Алексей Яковлевич подарил ей велосипед «Прогресс», мощный, крепкий. Он жив до сих пор, хотя ездить ему приходится по лесу

и по полю, а не по асфальтированным дорожкам. А в Крыму на прогулках Алексей Яковлевич рассказывал ей о своей прежней жизни, о времени, проведенном в лагере, в ссылке. Она полностью попала под обаяние личности Алексея Яковлевича.

Алексей Каплер был киносценаристом с огромным творческим диапазоном — от сценария искрометного «Полосатого рейса», написанного в соавторстве с Виктором Конечким, до трагического фильма «Две жизни» — о судьбах русской интеллигенции на вынужденной чужбине.

Его необыкновенной популярности способствовало также телевидение. С 1966 года он начал вести передачу «Кинопанорама» вместо Зиновия Гердта. Во время эфира улицы советских городов пустели — все стремились увидеть обаятельного ведущего, блестящего знатока мирового кинематографа. Осталась память о том, что в одной передаче, а тогда это был исключительно «прямой эфир» и «живой звук», Алексей Яковлевич вдруг забыл какую-то подробность, запнулся, попытался что-то вспомнить, но не смог. Тогда, ничуть не смущаясь, он обратился к телезрителям: «Подождите минуту, я сейчас вспомню!» И сидел, спокойно помешивая ложечкой чай в стакане. Вся страна его ждала!

А ведь в годы застоя советское телевидение неоднократно пыталось прекратить «каплеровскую вольницу». Подыскивали ему замену, начальство вело с ним душеспасительные беседы, но ничего не помогало. Громадный опыт, знания и остроумие позволяли ему «раскручивать» самых неразговорчивых кинематографистов, добиваться от них свежих, порой острых высказываний. Когда научились делать записи передачи, то многие выпуски «Кинопанорамы» стали выходить в эфир в урезанном виде. И тогда Алексей Яковлевич вовсе отказался ее вести. После этого он был предан забвению — его новые сценарии остались незамеченными.

Поэтому лишь после смерти Каплер стал числиться в авторах сценария, как, скажем, в фильме «Возвращение броненосца», снятом в Белоруссии в 1994 году режиссером Геннадием Полокой по одноименной повести Каплера. К таким фильмам относится и картина «Сошедшие с небес» по киноповести Алексея Яковлевича «Двое из двадцати миллионов», где блестяще сыграли Александр Абдулов и Вера Глаголева.

Но и творческая жизнь Юлии заметно обогатилась. Она стала работать гораздо больше, расширился круг ее жанров: она

обратилась к прозе, к публицистике. Исследователи ее творчества даже подсчитали, основываясь на ее двухтомнике, вышедшем в 1989 году, что «производительность» Друниной в браке с Каплером в четыре-пять раз выше, чем до него. В 1975 году за книгу стихов «Не бывает любви несчастливой» она получила Государственную премию РСФСР им. М. Горького.

По-другому и быть не могло, если рядом был человек, о котором она не уставала говорить:

Ты — рядом, и всё прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

В стихотворении «Кто говорит, что умер Дон Кихот?», а позже в статье с тем же названием Юлия Друнина бьется за его доброе имя, говорит о его благородстве, рыцарстве, любви к человечеству — говорит о Алексее Яковлевиче Каплере.

Счастливая сказка кончилась в сентябре 1979 года, таком горьком для всей истории Красной Пахры. Для Юлии рухнул весь мир. Умер не просто любимый человек. Умер защитник, ценитель, вдохновитель. Исчезла жизненная опора. Говорят, что она понесла двойную утрату: потеряла и мужа, и отца. Ее лучшие строки написаны рядом с ним, посвящены ему. Но Друнина по жизни боец. Нужно было жить дальше.

До какой-то степени она находит себя в общественной и творческой работе. Продолжает много писать. Выходят из печати ее сборники стихов «Бабье лето», «Солнце — на лето». Но пропало душевное спокойствие, добивала вечная бессонница. В ее жизни еще будет мужчина, но никто не сможет сравниться с Алексеем Каплером.

В 1990 году ее избирают в Верховный Совет СССР. Она страстно берется за дело, хотя ненавидит публичные выступления. Каждый раз выходит на трибуну, как будто идет в бой. Страна на рубеже распада. Ей часто задавали вопрос, зачем она пришла работать в Верховный Совет, наконец Друнина ответила: «Единственное, что меня побудило это сделать, — желание защитить нашу армию, интересы и права участников Великой отечественной войны и войны в Афганистане». Поняв, что ничего существенного она сделать не может, Друнина вышла из депутатского корпуса. А через несколько месяцев исчезла великая страна, умер Советский Союз.

Это было последней каплей, это событие замечательный

поэт и гражданин страны Советов Юлия Друнина перенести не смогла. 20 ноября 1991 года она покончила с собой в своем гараже в Красной Пахре.

На Старокрымском кладбище есть две могилы. В одной похоронен писатель Александр Грин со своей женой Ниной, в другой – Алексей Каплер и Юлия Друнина. Алексей Каплер хотел быть похороненным здесь, а Юлия Друнина, выполняя его последнюю волю, оставила там место и для себя. Здесь они встретились через долгих двенадцать лет, чтобы уже не расставаться.

ЮЛИАН СЕМЕНОВ (1931–1993)

Основоположник жанров политического детектива и журналистского расследования в Советском Союзе, отец Штирлица, главного героя анекдотов конца XX века, писатель и сценарист Юлиан Семенов родился в Москве 8 октября 1931 года. Его отец Семен Александрович Ляндрес работал заместителем Николая Бухарина в газете «Известия». Мама Галина Николаевна, в девичестве Ноздрина, преподавала историю в школе. Родители мальчика, естественно, были атеистами, но стоило им отлучиться из дома, как бабушка отнесла внука в храм, где его крестил батюшка и дал ему имя Степан. Пришедшие домой родители узнали об этом, доставили новорожденного в ЗАГС и зарегистрировали Юлианом в честь римского императора Юлиана, получившего прозвище Отступник за гонения на христиан в IV веке нашей эры. Так у будущего писателя появилось экзотическое имя.

Когда Бухарина арестовали, а потом расстреляли, Семена Александровича из редакции уволили, исключили из партии, но, как это ни странно, не посадили. Зато арестовали его брата Илью, работника НКВД. Правда, после расстрела Ежова и прихода Лаврентия Берия брата неожиданно выпустили: новый глава НКВД создавал себе имидж борца за справедливость. Семен Ляндрес тогда зарабатывал на жизнь мытьем машин и каждую ночь ожидал, что за ним придут. Однако случилось это только пятнадцать лет спустя, в 1952 году.

К тому времени Юлиан уже успел очень многое: пытался бежать на фронт в 1944-м, окончил школу, начал писать стихи, проявил большие способности к иностранным языкам.

При выборе дальнейшего пути долго мучился: то хотел стать дирижером, то актером, но в итоге выбрал Институт востоковедения, объединивший в себе его тягу к языкам и романтику дальних стран, интерес к культуре и истории восточных народов. Учился он с Евгением Примаковым, будущим директором службы внешней разведки и премьером России, Олегом Присыпкиным, будущим послом в ближневосточных странах, Владимиром Цветовым, впоследствии известным журналистом-международником, и многими другими студентами, составлявшими тогда веселую компанию со странным названием «Потуги». С большинством из них Семенов дружил до самой смерти.

На третьем курсе Семенов отлично говорил и писал на пушту мелкой арабской вязью. Можно было отметить еще его английский с характерным оксфордским произношением. Но Юлик, как его ласково звали друзья, не замыкался только на учебе. Он начал всерьез заниматься боксом у Виталия Островерхова в «Спартаке», делал обнадеживающие успехи. Впоследствии бокс его не раз выручал в жизни. Он даже участвовал в платных боях, где ему и сломали нос. Еще во время учебы в институте поздно вечером к нему привязалась подвыпившая компания человек в шесть. Юлиан прижался спиной к стене и начал отбиваться, пуская в ход свой излюбленный удар снизу, но силы были уж слишком неравными. Вдруг он почувствовал, что напор противников ослаб, и увидел, что сбоку от него с ними бьется высокий худой парень. Тот оказался тоже не робкого десятка, и вдвоем они обратили хулиганов в бегство.

— Меня зовут Юлиан Ляндрес, — он протянул незнакомцу руку.

— А меня Василий Ливанов, — с улыбкой ответил тот хрипловатым голосом, с которым много лет спустя все население Советского Союза стало ассоциировать Шерлока Холмса. Потом они поддерживали приятельские отношения много лет, Ливанов снялся в фильме «Жизнь и смерть Фердинанда Люса» по сценарию Семенова, и они вдвоем были организаторами первого советского антрепризного театра «Детектив».

В апреле 1952 года арестовали Семена Александровича. Он был объявлен «врагом народа» и пособником «троцкистского диверсанта» Бухарина. Его жену перевели с должности директора школы учителем в школу вечерней молодежи, подселили в

квартиру инвалида-пьяницу с женой. Юлиан встречался тогда с дочкой номенклатурного руководителя. Узнав об аресте отца Юлиана, тот запретил ей даже смотреть в сторону сына врага народа и к тому же еврея. Юлиана вызвали в соответствующие органы, потребовали, чтобы он публично, в письменном виде отрекся от отца. Тот не только не стал этого делать, но и забросал все возможные инстанции письмами о его невиновности. Это привело к тому, что Юлиана исключили из института и из комсомола. Он продолжал посещать лекции вольным слушателем, вечером занимался боксом, ночью разгружал вагоны, чтобы было на что жить.

К счастью для семьи Ляндреса и для миллионов других советских семей, «друг молодежи» вскоре умер. Страна захлебывалась в рыданиях, а Юлиан скакал на диване и орал во весь голос, не обращая внимания на соседей: «Сдох! Сдох!» Отца выпустили ровно через два года после ареста, в апреле 1954 года. Юлиан пригласил в гости своего друга Примакова, и тот стал первым, кроме родственников, кто увидел Семена Александровича после освобождения. Тот превратился в старика и инвалида с отбитыми печенью и почками, с парализованной правой рукой. При этом искренней веры в торжество социализма на земле он не утратил.

В том же году Юлиан окончил свой институт и поступил в аспирантуру исторического факультета МГУ, в котором одновременно начал преподавать пушту, один из официальных языков Афганистана. История всегда притягивала к себе будущего писателя. Ему даже приписывают характерный афоризм: «Кто контролирует прошлое — не растеряется в настоящем, не заблудится в будущем».

1954 год оказался для Юлиана судьбоносным во всех смыслах. В том году он познакомился со своей будущей женой. Катя была родной дочерью Наталии Павловны Кончаловской и приемной дочерью Сергея Владимировича Михалкова. В ней текла кровь знаменитых художников — Сурикова и Кончаловского. На дачу Михалковых в известном поселке Николина гора Юлика пригласил Андрей Кончаловский, у которого был дар находить ярких личностей и интересных людей. Молодой остроумный историк вполне отвечал этим требованиям. В нем чувствовался громадный потенциал, чем он очень понравился Наталии Павловне. Катя его привлекла своей красотой и архайчностью: не пользовалась косметикой, не курила, не пила

крепких спиртных напитков, прекрасно готовила, рукодельничала. В тот день, чтобы ей понравиться, Юлиан превзошел самого себя в остроумии, шутках, веселых рассказов, продемонстрировал и свои актерские способности. Весной 1955 года сыграли свадьбу, поселились в квартире Семена Александровича и Галины Николаевны на Можайском шоссе, потом ее разменяли, и Юлиан с Катей переехали поближе к центру, на Кутузовский проспект.

Главной работой Юлиана стала журналистика, он много писал для «Огонька», куда его привел друг Генрих Боровик. Он писал рассказы, репортажи из тех мест, куда ездил в командировки: Таджикистан, Уссурийск, побережье Северного моря, отдаленные уголки Сибири. Первые серьезные рассказы, написанные в 1957-58 годах, были опубликованы в одном из «толстых» литературных журналов. Тогда и появился на свет псевдоним «Семенов» в честь отца. Гораздо позже писатель Лев Аннинский напишет, что псевдоним Юлиан Ноздрин по фамилии матери звучал бы гораздо ярче, но к тому времени нейтральная фамилия Семенов отдельно уже не воспринималась, все в СССР знали Юлиана Семенова. Начинающего писателя поддерживали тогда два известнейших классика советской литературы — Борис Полевой и Вадим Кожевников.

В 1959 году вышла первая книга Юлиана Семенова «Дипломатический агент» о жизни первого российского посла в Афганистане Ивана Виткевича. Материал Семенов знал блестяще, неоднократно бывал в Афганистане, много работал в архивах, да и изложена она была простым легким языком, сюжет был прекрасно выстроен, то есть книга носила все признаки «фирменного» семеновского стиля. Ее расхватали с прилавком магазинов, серьезная критика ее одобрила, но были и отдельные нападки, что ясно даже из названия критической статьи, опубликованной в журнале «Знамя»: «Как писать исторические романы. Краткое пособие для халтурщиков». Семенов на нападки не реагировал. В 1960 году его приняли в Союз писателей, правда, со второй попытки. Первая провалилась из-за обвинения Семенова «в отбеливании царской политики в Средней Азии, в идеализации реакционного царского генерала и в наличии разнузданно-интимной сцены». Через полгода советские писатели свою ошибку исправили.

В начале 1960-х Юлиан Семенов начал всерьез задумываться о покупке дачи в Подмоскowie: появились деньги, подрастала

дочь Даша, для которой летом все равно снимали дачу на Николиной горе. Рассматривали варианты в Тарусе, Уборах, на Николиной горе, но все перевесила Красная Пахра. Вот одно из первых впечатлений Юлиана Семенова от поселка: «А позавчера я поехал к Генриху Боровику в Красную Пахру. Мы с ним прекрасно зажарили три отбивных, съели их, макая черный хлеб в жир, оставшийся на сковородке, выпили крепкого чая, хорошо поработали (без водки), а потом пошли гулять по ночной Пахре, и снег скрипел под ногами, и луна была дьявольская и холодная, и где-то вдали тревожно разносились слова радио, и было это в разгар весны, и все равно трещал двадцатиградусный мороз».

В 1965 году писатель Георгий Березко решил продать свою дачу в Пахре. По счастью, он жил рядом с Генрихом Боровиком, с которым Семенов очень дружил. Тот позвонил Юлиану и обрисовал ему ситуацию, добавив, что решение нужно принимать быстро, потому что охотников на дачу в Пахре больше, чем достаточно. Семенов был человеком решительным, даже резким. Жена в тот момент отдыхала в санатории в Крыму, поэтому он принял решение самостоятельно: в тот же день собрал все имеющиеся в наличии деньги, а недостающие занял у Сергея Владимировича и Галины Николаевны. Вернуть обещал через год, что скрупулезно и выполнил. Далее Семенов встретился с Березко и уладил с ним все денежные вопросы. Вот что он написал Кате в Крым: «То, что мы покупаем, — это сказка, которая вдохновит меня на работу, тебя — тоже на кое-что — безразлично, мужского ли, женского ли пола. Будем жить в райском, волшебном доме. Будем вкалывать от пуза. Тогда через год сможем шиковать, как хотим, без долгов, с прекрасным особняком. Тогда займемся его вылизыванием». Это знаменательное событие пришлось на десятилетний юбилей их свадьбы.

В первый же день после приезда на дачу Юлиан Семенов обошел всех своих соседей. Запросто здоровался, представлялся тем, кто его не знал, и приглашал вечером на шашлык. Завершив обход, он сообщил Екатерине Сергеевне о грядущих гостях за полчаса до их прихода. Она пришла в ужас:

— У нас же нет ни кусочка мяса!

— Ничего, зато есть колбаса! — ответил Семенов.

Потом она долго не могла забыть пережитого позора, когда Константин Симонов, Виктор Розов, Роман Кармен, Орест

Верейский, Лев Шейнин сидели на корточках перед костром и целовко жарили кусочки любительской колбасы и хлеба, наколотые на веточки. В этом не было ни малейшей доли неуважения к гостям, напротив, Семенов перед ними преклонялся. Просто он считал, что в застолье главное общение друг с другом, а не изысканная кухня или хрустальные бокалы. Он был прекрасным рассказчиком и мог объединить и увлечь любую компанию.

Новосел всерьез взялся за благоустройство дачи. Стены обшил свежей вагонкой, из которой еще выступали капельки смолы, в кабинете приглашенные специалисты выложили камин из серого гранита с решеткой и дверками из латуни, красивый, но нещадно дымивший. Видно, что-то напутали с пропорциями. Окно кабинета выходило на север, на густой лес, возле него стоял громадный стол из мореного дуба, всегда заваленный рукописями. По стенам соорудили стеллажи до потолка, на которых громоздились бесконечные книги. По воспоминаниям дочери писателя, Ольги, «в кабинете царил удивительный запах — табачного дыма, пропыленных рукописей и книг (но попробуй только зайти с тряпкой — крик: «Не трогайте ничего, девочки. Разве не видите? У меня здесь идеальный порядок!»), и горьковатый запах обгоревших поленьев в камине, и еле уловимый запах металла и пороха — так пахли папины ружья, хранившиеся в узком деревянном шкафу со стеклянной дверью. Его гордостью было ружье знаменитой фирмы “Голанд-Голанд” с серебряной инкрустацией».

Семенов был страстным охотником, осенью ходил на лосей, кабанов, даже на медведей. Для охоты на уток писатель привез из Венгрии рыжего короткошерстного охотничьего пса по кличке Томми. Первое время даже команды ему подавал на венгерском языке, потом Томми обрусел, стал понимать и по-русски, но скучал, потому что на уток Семенов охотился редко. Томми делал стойки на ворон и галок. Однажды жиденский заборчик, обращенный к лесу, перемахнул громадный лось с ветвистыми рогами. Томми и московская сторожевая Долли зашлись в истеричном лае. Юлиан Семенович выбежал на участок, на ходу заряжая ружье, но время было упущено, лось легко взял забор на соседский участок и затерялся в зелени. После этого происшествия Семенов еще несколько дней держал заряженное ружье рядом с письменным столом, но оно не понадобилось.

С охотой связана и одна из трагических страниц в жизни писателя. Юлиан Семенович поехал с большой компанией на охоту на лося в Рузу, прихватив с собой и Екатерину Сергеевну. На месте их встретил егерь по имени Николай. Екатерину, как не способную стрелять по зверю, поставили вместе с Николаем в загон: нужно было идти в определенном направлении и производить как можно больше шума. Когда испуганная лосиха выскочила из леса, раздались частые выстрелы. В нее не попали, а вот егеря ранили. Он скончался по дороге в больницу. Следствие установило, что попасть в него могли двое: Семенов или актер Столяров. Семенов, не дожидаясь судебного заседания, сказал: «Независимо от решения суда беру на себя заботу о вдове и сыне», даже начал выплачивать им деньги. Это и послужило аргументом для признания его виновным: выплачивает, значит признал свою вину. Дали год условно, отобрали охотничью лицензию на два года. Потом он снова ездил на охоту, но, пожалуй, только для того, чтобы доказать себе, что он может. Удовольствия от этого занятия он уже не получал.

На крыльце, обращенном к калитке, была массивная деревянная дверь с полукружьем наверху: неотъемлемая часть всех пахринских домов большого размера. Сделаны эти двери были с потрясающей степенью унификации. Когда у Симуковых уже после смерти Семенова сторела дача, то родственники Юлиана Семеновича отдали им дверь, которая лежала в сарае за ненадобностью: при очередном ремонте дачи вход переделали. Она идеально подошла к дверному проему крыльца Симуковых, даже подгонять не потребовалось.

Гостей принимали в самой большой дачной комнате – столовой. В центре стоял большой стол из светлой сосны, по бокам были длинные скамейки, сделанные из такого же дерева. Мебели в столовой было мало, только самое необходимое, выполненное на заказ местными умельцами по рисункам Семенова. В углу был высокий бар-стойка с хорошим выбором спиртного, напротив – угловой открытый буфет. Интерьер украшала картина Оскара Рабина, яркого представителя советского андеграунда, под названием «Христос в Лианозово». В характерной скрюченной позе на ней сидит пригорюнившийся Христос среди пустых бутылок и вскрытых консервных банок и смотрит с невыразимой печалью и добротой.

Юлиан Семенович обладал потрясающей работоспособностью, которая, как водится, породила слухи, что на него рабо-

тают «литературные негры». Творческий процесс у него проходил в несколько обязательных этапов. Вначале он работал в архивах, изучал документы, очень много читал на выбранную тему, делал выписки. Потом набрасывал план очередной книги, продумывал сюжетные ходы, записывал имена и фамилии героев, связывал их друг с другом стрелками. На полях рисовал замысловатые геометрические фигуры, понятные только ему одному. Так рождался «скелет» произведения. Эту работу он проделывал, сидя за столом в клубах сигаретного дыма, курил очень много — до трех пачек в день. Затем на письменный стол водружалась пишущая машинка, на которой он порой мог работать с шести утра до полуночи. По свидетельству дочери Ольги: «Сидел папа в своем высоком кресле карельской березы (я его в детстве называла тронem) на редкость красиво: широченная спина по-балетному пряма, лопатки сведены.

Однажды спросила:

— Трудно тебе писать?

— Трудно бывает первые 30-40 страниц — раскрутка.

— А потом легко?

— Начинают «показывать кино», все вижу, как на экране, остается только записывать».

В день Семенов мог написать 10-15 страниц машинописного текста, не ждал вдохновения, просто садился за машинку, и оно приходило. Его изнутри сжигал творческий огонь, не давая успокоиться, пока в произведении не поставлена последняя точка. Сам он как-то сказал: «У каждого писателя — свой стиль работы. Вот Юра Бондарев сам мне рассказывал, что пишет в день одну-две страницы, зато уж он их отшлифует, отредактирует и к написанному больше не возвращается, а мне, кровь из носу, надо довести вещь до конца. Закончу, отложу на пару дней и потом правлю». Он знал о своей многословности и ввел железное правило — сокращать каждую страницу на семь строк. Оля Семенова: «Поля пестрели правками, разобрать которые могли только старенькая машинистка Нина Тюрина и мама: его почерк — в молодости широкий, с наклоном вправо, пережил с годами метаморфозу — выпрямился, «подсох» и стал походить на арабскую вязь, освоенную в институте...»

Юлиан Семенов был помешан на спорте, считал, что тренировками человек может себя преодолеть. Он придумал рассказ о хилом и болезненном мальчике, которого мама привязывала на длинной веревке к велосипеду и медленно ехала. Вначале

мальчик еле успевал за ней, задышался, потом стал ее обгонять, превратился в настоящего спортсмена. Эту историю Семенов включил в роман «Майор Вихрь». Сам он железно следовал своим выдуманным правилам, бегал по поселку почти каждый день, уговаривал дочек составить ему компанию. Летом регулярно ходил купаться на речку Десну, на песочный пляж, усыпанный в жаркие дни телами загорающих, окурками и пустыми бутылками. Пляжный песок заканчивался в воде в двух метрах от берега, где начиналось илистое дно. Ступать по нему было неприятно, но зато в иле обитало громадное количество мелких пресноводных мидий. Семенов нырял и в мутной воде на ощупь хватал двустворчатую раковину, бросал ее на берег и нырял за следующей. Заинтересованные мальчишки закидали странного бородатого дядьку вопросами, зачем ему нужны раковины. Он на полном серьезе ответил:

– Я их ем. Это очень вкусно.

На предложение попробовать ребята дружно отказались, но стали помогать Юлиану Семеновичу добывать местных моллюсков. Домой он каждый день уходил с пакетом мидий. Он был поклонником экзотической пищи, морепродуктов и действительно с удовольствием съедал дома деснинские мидии.

В саду на участке Семеновых без особого порядка росли садовые и экзотические деревья и кусты: яблони, китайская береза, смородина, множество цветов, весной подснежники, осенью золотые шары. Тень создавали громадные ели, попадались тоненькие клены, веранда заросла диким виноградом, летом зеленым, а к осени необыкновенного красного цвета. За забором начинался густой лес, в котором по деревьям бегали белки, пели птицы и куковали кукушки. На участке стоял настоящий индейский вигвам, который Семенов привез дочкам из Латинской Америки. В нем они укрывались вместе со своими друзьями и подружками: Темой и Мариной Боровик, Машей Червинской. Там очень хорошо мечталось о далеких путешествиях.

К детям, а потом и внукам, Юлиан Семенович относился своеобразно. До двух-трехлетнего возраста особого внимания не обращал, считал, что «младенчество – это для матери, детство – для отца». На вопрос: «Ну, как там наша Олечка? Что делает?», отвечал не очень ласково: «Писает и какает, что ей еще делать?» Зато потом все менялось с точностью до «наоборот». Готов был возиться с детьми сколько угодно. Им позволялось

практически все. Даже когда он работал в своем кабинете, гнал очередную рукопись к сдаче к определенному сроку, дочерям разрешалось к нему войти с любой просьбой или вопросом, он тут же отодвигал машинку и всерьез старался помочь. На дочек он никогда не кричал, только однажды дал старшей по попе, когда она в шестилетнем возрасте в игре в ладушки слишком сильно ударила свою няню по лицу.

Однажды на прогулке по поселку с Машей Червинской и ее родителями Оля Семенова умудрилась попасть под машину, как она потом писала, по собственной вине. За рулем была Наташа, дочь писателя Дмитрия Холендро, рядом восседал Юрий Нагибин, оба были изрядно пьяные, по словам Оли. Нагибин, открыв дверь, спросил у взрослых чуть заплетающимся языком:

– Она жива?

После утвердительного ответа дверь закрылась, и парочка поехала дальше, а Олю отвезли в больницу и заковали ногу в гипс. Юлиан Семенов, который спешно прилетел с Кубы, чтобы навестить младшую дочку, с Юрием Марковичем не разговаривал потом много лет.

Не раздумывая Семенов дал отпор пятерке подвыпивших юнцов, которые попытались его задирать на берегу Десны. Обе дочки были рядом, и он счел необходимым оградить их от юношеского мата. Бывший боксер встал в стойку, сжал кулаки, и от его коренастой фигуры повеяло такой силой и уверенностью, что молодые хулиганы даже не стали пробовать на него напасть.

Вот какой эпизод вспомнил Генрих Боровик: «Мы отдыхали семьями в Коктебеле. Он с женой и двумя дочерьми и я с женой, Маришей и Артемом. Там есть безлюдная бухта – Лягушачья. Посередине скала. Женщины остались на берегу, а мы, мужчины, поплыли к камню. Доплыли, забрались с Юликом на скалу, говорим о чем-то, а Темка плавает вокруг нас – в ластах и маске. Ему лет шесть было. Все вокруг залито солнцем, вода прозрачная, как стекло. Когда Темка поворачивался лицом вверх, я видел, как он улыбается. Ему было приятно плескаться в воде. И тогда мы с Юлькой решили: “Это и есть счастье...”»

Юлиан Семенов был необыкновенно общительным человеком, обладал таким обаянием, что после нескольких минут разговора с ним многие уже считали его своим другом. На самом деле он к выбору друзей подходил достаточно избирательно.

Со студенческой скамьи его близким другом был Евгений Примаков, который очень точно называл Семенова «маленьким бульдозером». Примаков старался поддержать друга, когда арестовали его отца, а его самого исключили из института, он первым радовался возвращению Семена Александровича из лагерей. Однажды Семенову довелось ответить ему добрым делом. Примаков со своей первой женой Лаурой Харадзе были прописаны в Тбилиси, а в Москве снимали комнату. Она была такой маленькой, что прописать в ней по действующим правилам могли только одного человека. Что делать? «Мы пошли на хитрость, — вспоминал Евгений Максимович, — сначала в милицию с моим и хозяйкиным паспортом отправился я и благополучно прописался. Следом, в надежде, что милиционер не заметит подвоха, пошла Лаура и попалась. Паспорта страж порядка конфисковал! Я сразу позвонил Юлику, он тут же примчался, влетел в кабинет к начальнику отделения и через десять минут вышел с победным видом, держа в руках паспорта хозяйки и Лаурин — с пропиской».

Из соседей по поселку, пожалуй, самые близкие отношения были у Семенова с Романом Карменом. Кармен был легендой документального кино, героем не только Великой Отечественной войны, но и всех многочисленных войн, в которые влезал Советский Союз, всех горячих точек на планете. Он присутствовал на Нюрнбергском процессе. С той поры у него сохранилась фотография: на переднем плане на скамье подсудимых Герман Геринг, сзади в новенькой форме молодой Роман Кармен. Эту фотографию он подарил Семенову с надписью: «Юльке от Штирлица. Кличка “Рима”». Он был на двадцать лет старше Юлиана, поэтому их отношения напоминали скорее отношения отца и сына. Он помог Семенову с выбором кадров хроники для фильма «Семнадцать мгновений весны», одним из первых читал его рукописи, поддерживал его в трудные минуты. Кармен умер за две недели до премьеры своего выдающегося документального фильма «Великая Отечественная», перевернувшего представление людей всего мира о той страшной и великой войне. Тогда Семенов написал: «Нет ничего горше, чем память о тех, что был с тобой, подле, кто знал тебя, как себя, и кого никогда более не будет».

Из зарубежных коллег Юлиан Семенов больше всех мечтал встретиться с Эрнестом Хемингуэем. Тем более, что его друзья Кармен и Боровик рассказывали о своих встречах с самым

популярным писателем 30-40-х годов прошлого века. Боровик даже привез Семенову в подарок книгу Хема с дарственной надписью «Моему другу – Юлиану Семенову». Самому Юлиану Семеновичу увидеть Хемингуэя так и не довелось. Зато он подружился с его вдовой, Мэри, и с капитаном шхуны Хема «Пилар» по имени Грегорио, написал про него рассказ «Грегорио – друг Эрнесто».

А вот с классиком французской детективной литературы Жоржем Сименоном Юлиан Семенов действительно встречался и дружил. Они встретились впервые в 1979 году в Лозанне, где жил «отец» комиссара Мегре. Сименон уже был в почтенном возрасте, в Москву приехать не мог. Но он прочитал переводы на французский язык всех книг Семенова, написанных к тому времени, и «Семнадцать мгновений весны», и «Петровка, 38». Вот что он написал Семенову по поводу первого из романов: «Ощущение невыдуманности истории было настолько сильно, что мне снова пришлось посмотреть обложку Вашей книги, чтобы увидеть слово “роман”. Теперь я понимаю, почему Ваша книга стала бестселлером и по ней был снят сериал».

Если бы Семенов не написал ничего, кроме «Семнадцати мгновений весны», он бы и тогда навсегда остался в истории советской литературы и советского кинематографа.

Увидев фильм «Семнадцать мгновений весны», Леонид Ильич Брежнев немедленно распорядился наградить Штирлица званием Герой Советского Союза. Когда же ему робко объяснили, что Штирлиц – герой вымышленный, никогда не существовавший, он расстроился, но велел наградить артиста Вячеслава Тихонова. Тихонов тут же получил звание Героя, правда, не Советского Союза, а Социалистического Труда, что тоже было неплохо. Говорят, что Семенов пустил о нем шутку. Он якобы спросил у Тихонова:

– Славочка, как тебе удастся так гениально думать в кадре?

На что Герой Социалистического Труда ему ответил:

– Очень просто, Юлик, – прокручиваю в голове таблицу умножения.

Когда Тихонову доброжелатели рассказали этот анекдот, тот был очень недоволен.

После демонстрации на экранах фильма «Семнадцать мгновений весны» творческая группа фильма – режиссер, оператор, основные актеры – были удостоены Государственной премии СССР. В списке награжденных автор сценария и вообще соз-

датель образа Штирлица отсутствовал. Сейчас уже невозможно установить точную причину такой несправедливости. Долго ходил слух о доносе на Семенова, о временной немилости к нему властей. Юлиан Семенович был крайне расстроен. Между прочим, авторы музыки и слов Микаэл Таривердиев и Роберт Рождественский тоже не удостоились заслуженной награды. Также впали в немилость? Вскоре, кстати, все они получили те или иные премии: Таривердиев и Рождественский Государственные премии СССР в 1977 и 1979 годах, а Семенов – Государственную премию РСФСР имени братьев Васильевых в 1976 году именно за сценарий к знаменитому сериалу.

В 1979 году Семенова отправляют в Западную Европу в качестве спецкора «Литературной газеты». Помимо своих прямых обязанностей в этой командировке, он ведет большую работу по возвращению в СССР культурных и исторических ценностей. В этом громадную помощь ему оказывают два человека: Альберт Штайн и барон Фальц-Файн. Первый, бывший немецкий солдат, жил с убеждением в виновности нацистов в хищении громадного количества ценностей из России. Он собирает документы, подтверждающие принадлежность СССР множества вывезенных картин и икон, тратит на их покупку собственные средства, для чего закладывает свой дом. На все вырученные таким образом средства он возвращает в Советский Союз партию уникальных икон. Его просьба к советскому правительству компенсировать понесенные затраты осталась, естественно, без внимания. Его дом со всей мебелью уходит с молотка, обездоленный и оскорбленный Штайн кончает жизнь самоубийством.

Деятельность и жизнь барона Фальц-Файна, выходца из России, сложилась гораздо удачнее. Вначале они с Семеновым добиваются перезахоронения праха Федора Шаляпина с парижского кладбища Бутиньоль на Новодевичье кладбище в Москве. Для этого пришлось преодолеть колоссальные бюрократические препятствия во Франции, но они оказались смешными по-сравнению с теми, что ждали энтузиастов в СССР. Возникло даже «мнение», что прах «предателя Родины» приникать нецелесообразно. В итоге Семенов все-таки победил чиновничью машину Советского Союза, для чего понадобилось его личное обращение к Андропову. Тот дал согласие. Ни Семенова, ни барона на перезахоронение не пригласили. Впрочем, энтузиастов это не слишком остудило, они

вместе еще долго занимались поисками Янтарной комнаты, барон даже назначил награду в полмиллиона долларов из собственных средств тому, кто найдет комнату. Это не помогло, раритет так и не был найден, но зато в Ленинграде была изготовлена ее точная копия.

В 1980-х Юлиан Семенович ведет большую общественную работу. Он становится секретарем правления СП СССР, вице-президентом общества дружбы «СССР-Аргентина», членом Советского комитета солидарности со странами Латинской Америки. В 1982 году ему присуждают звание заслуженного деятеля искусств СССР, его избирают действительным членом Академии наук США.

В 1986 году Юлиан Семенов становится Президентом Международной ассоциации писателей детективного и политического романа и главным редактором издания «Детектив и политика». Возможности перестройки в Советском Союзе он использует на сто процентов. В 1989 году им была учреждена первая частная газета в Советском Союзе, знаменитая и ныне, — «Совершенно секретно». Помимо писательской известности, Семенов начал зарабатывать и большие деньги. Это позволило ему делать громадные пожертвования: по 100 тысяч рублей Детскому фонду, Армении, пострадавшей от землетрясения, фонду «Мемориал». То была вершина жизненного пути Юлиана Семеновича.

Наверное, он переоценил возможности своего организма. Он писал, тащил на себе издательство, газету, общественные организации, мотался по всему свету. Только в 1989 году он принимает участие в авиационной трансатлантической экспедиции Москва — остров Кинг Джордан — Москва, проводит съезды Международной ассоциации писателей детективного и политического романа в Ялте и Акапульке, в Мексике, посещает Германию и США. Писатель чудовищно много курил. Свои любимые сигареты он заменил на сигары, утверждая, что они менее вредны для здоровья. В мае 1990 года у писателя произошел тяжелый инсульт. Его парализовало. Разумеется, его лечили лучшие специалисты в России и Австрии, происходило временное улучшение, но потом следовали очередные инсульты, и положение ухудшалось. Три года он жил на даче в Пахре, пытался заниматься какой-то работой, но это было выше человеческих сил. Все это время за ним ухаживала жена Екатерина Сергеевна, с которой у Семенова в разные периоды

жизни бывали сложные отношения, но когда с ним произошло несчастье, она ни на миг не сомневалась, где ее место. Своим заместителем в газете «Совершенно секретно» он назначил Артема Боровика, и это был безошибочный выбор.

Писателя не стало 15 сентября 1993 года. Согласно его завещанию его прах был развеян над Черным морем в районе местечка Мухалатка, где у него была дача. На Новодевичьем кладбище ему установлен кенотаф.

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА (1937)

Виктория Токарева – женщина до мозга костей, как бы банально это ни звучало. Если бы женская проза не возникла в середине XIX века, Виктория Самойловна ее бы придумала.

Вика родилась в Ленинграде, окончила там школу и музыкальное училище. С тринадцати лет ее тянуло писать, причем в крупных формах, не менее романа. Романы случались и в ее жизни. Один из них привел к браку, когда девушке было восемнадцать лет. Муж был инженером, окончил Московский институт стали и сплавов, а главное, он был красавцем – таким, какие особенно нравились Вике: худым, высоким, с большими синими глазами. Виктория переехала к мужу в Москву и взяла его фамилию – Токарева. Вика и Виктор чудесным образом подходили друг другу, влюблены были друг в друга безумно. В Москве Вика три года проработала преподавателем в музыкальной школе, но литература пересилила, и в 1964 году она отнесла документы и свои первые рассказы в Литературный институт. Фамилию писателя, который ее не принял в институт, Токарева не помнит, настолько он был и остался неизвестным. Литературная горячка оставила ей небольшой выбор: факультет журналистики МГУ или сценарный факультет ВГИКа. Она выбрала кинематографию и, несмотря на высоты, достигнутые в этой специальности, до сих пор считает, что это не ее стезя. Тем не менее готовили в институте хорошо, и она быстро освоила немой этюд, звуковой этюд, диалог, киноновеллу, сценарий. Токарева начала писать и рассказы. Она много читала и постепенно поняла, что ее жанр – это короткий

рассказ с юмором, ироничной интонацией, с грустной концовкой. Особое впечатление произвели на нее ранние произведения Владимира Войновича: рассказ «Хочу быть честным» и повесть «Мы здесь живем», опубликованные в журнале «Новый мир». Токарева считает, что именно Войнович окончательно подтолкнул ее к писательскому труду. Потом она скажет о первом впечатлении от рассказа «Хочу быть честным»: «Меня как будто толкнули двумя руками в грудь, и я еле-еле не упала». Вскоре появился ее рассказ «День без вранья». Название для него придумал Войнович, которому она рассказ показала, а тому он очень понравился. Рассказ был нарочито простым по форме: короткие фразы, практически отсутствовали описания, красоты, но он оставлял какое-то пронзительное впечатление. Вскоре его напечатали в журнале «Молодая гвардия» с предисловием Константина Симонова, в котором он написал: «Нет писателя начинающего и завершающего. Писатель или есть или его нет». После выхода журнала с ее рассказом произошло маленькое чудо: Токареву пригласили в Союз писателей, предложили написать книгу рассказов и сценарий к фильму под названием «Урок литературы» по ее рассказу «День без вранья». Фильм был снят на киностудии «Мосфильм» и в 1968 году вышел на экраны. Режиссером был Алексей Коренев, продюсером Эльдар Рязанов, а «доработчиком» сценария — Георгий Данелия, которому доверили молодого, способного, но неопытного сценариста. Эта работа с Георгием Николаевичем на всю жизнь оставила у Токаревой ощущение яркого солнечного дня.

Поезд жизни Виктории Токаревой набирал ход. Потом она любила вспоминать слова, сказанные ей великим Феллини: «“Я никогда ничего не делал для того, чтобы все случилось так, как случилось: я просто ехал на поезде от одной станции к другой, а вокзалы уже стояли”. Мои вокзалы тоже стояли. Значит, все зависит от того, какие вокзалы тебе уготованы».

В тот же период на пути Токаревой возник и еще один вокзал, встречавшийся ей потом много раз и занимавший в ее жизни все больше места. Это был поселок Красная Пахра. Она очень хорошо помнит, как впервые туда попала. Дело было зимой. В Доме отдыха Минспецмонтажстроя проходил слет молодых талантов, к которым вполне заслуженно была причислена и Виктория Токарева. Руководителем писательского семинара был Георгий Семенов. Он-то и повел Victорию в соседний поселок

познакомить ее с Юрием Нагибиным, которого он попросил написать предисловие к первой книге рассказов Токаревой. Поселок сначала потряс Викторию своей архаичностью. По заснеженным аллеям шла деревенская лошадь, запряженная в телегу. Навоз от нее падал на дорогу, смешивался со снегом и придавал ему рыжий оттенок. До дачи Нагибина идти было совсем недалеко. Юрий Маркович впустил гостей и пригласил за стол. Его жена Белла Ахмадулина, похожая на худенькую девочку, делала бутерброды. Что особенно поразило Токареву, каждый бутерброд она украшала сверху кружком свежего огурчика. Это было стильно и красиво, резко отличалось от обычной московской жизни того времени, которую Токарева называла «некрасивой». Она включала однокомнатную квартиру с большой кухней, под потолком которой были натянута веревки. На веревках сушились пеленки, рубашечки и ползунки маленькой дочки, было не до изысков. У Нагибина за большим столом сидели практически все его бывшие жены, к столу подходили собаки, которые протягивали свои длинные морды и аккуратно брали с тарелки бутерброды, словно полноценные члены веселой компании. Токареву обстановка потрясла своей нереальностью. Было видно, что все присутствующие женщины любят Нагибина. Их чувства после развода не угасли, они жили. Он был красавцем, аристократом, эмиром в восточном гареме, но почему жены всё ему позволяли, Токаревой было непонятно. Все выглядело очень естественно и одновременно безнравственно. Такая жизнь молодую писательницу несколько шокировала и вместе с тем манила к себе. После общих застольных разговоров нашлось время и для обсуждения произведений Токаревой. Перед уходом гостей Юрий Маркович сказал Семенову о Виктории: «Пишут все, а она — писатель. Пишет она зрело и мастерски». Он отдал Токаревой печатную страничку, которую написал в качестве предисловия к ее будущей книге. Она украдкой прочитала и поняла, что в ее руках одностраничный шедевр, и что Нагибин не только гениальный писатель, но и гениальный читатель. Юрий Маркович предложил выпить за нового писателя и, не слушая возражений, налил себе, Семенову и Токаревой по стакану водки. Виктория водки и даже вина не пила, но тут ее охватил безумный кураж, и она махнула стакан водки вместе с мужчинами.

Нагибин вышел на крыльцо проводить гостей и сказал Токаревой:

— А когда же любовь?

Токарева испуганно ответила, что мужу не изменяет. На что Юрий Маркович уточнил:

— Я не говорю про измену, я говорю про любовь.

Гораздо позже Виктория поняла, что для него это прекрасное чувство даже без конкретных поступков не имело никакого отношения к измене, он его ценил как саму жизнь, как салют в ночном небе.

Обратная дорога к Дому отдыха запомнилась навсегда. Ее от водки развезло, она шла по рыжей от навоза аллее, сжимала в руке нагибинский листок и смеялась. Ей казалось, что она схватила Бога за бороду.

Вскоре Виктория Самойловна оканчивает ВГИК и начинает работать по специальности. В 1970 году Георгий Данелия приглашает Токареву соавтором сценария фильма, вскоре ставшего любимым зрителями и знаменитым на всю страну — «Джентльмены удачи». Режиссером картины должен был работать Александр Серый, друг Данелия, который только что вышел из заключения, так что тюремный жаргон в фильм он привнес с полным знанием дела. Работа над сценарием шла очень энергично. Стоило одному из соавторов предложить какой-нибудь интересный ход, как второй его подхватывал и развивал. Так родились крылатые фразы из этого фильма: «Да кто ж его посадит? Он же памятник!», «На свободу с чистой совестью!», «Такая хорошая девушка, а отец — барыга!»

Непьющая молодая и талантливая Токарева являла столь явный контраст с прежними соавторами Данелии: Шпаликовым, Ежовым, Конечким, что ее на ура приняла не только его мама, но и жена Любовь Соколова. Мама говорила Георгию: «Работать с Викой — это хорошо!», — считая, что та отвлекает Данелию от стакана.

После завершения сценария начались съемки. Виктория вернулась к своим любимым рассказам, а Данелия с Серым сняли потрясающий фильм. В титрах режиссером значился Серый, а свою роль Георгий Николаевич оценил как «художественный руководитель».

Тем временем Виктория вспомнила, сколь яркое впечатление произвел на нее поселок писателей несколько лет назад, вернулась туда и сняла там дачу. Сначала это была дача вдовы писателя Виктора Драгунского Аллы, затем Вадима Сикорского. Потом она говорила, что дом Сикорского был мрачный,

абсолютно некрасивый, но она его очень любила, потому что этот период жизни в Красной Пахре связан для Токаревой со сплошным праздником. Работает она в Москве, а сюда приезжает только на выходные дни и на праздники. Отрывается от городских будней: отдыхает, гуляет, общается с друзьями. Виктор отчетливо понимает, что для нее главное в жизни — это ее работа, творчество, а вовсе не муж, и позволяет ей жить так, как ей удобно. Кроме того, и Виктор, и Виктория переносят свою любовь на дочку Наташу, которая после рождения становится для каждого из них объектом главного почитания.

Всю жизнь Токарева не может оторваться от образа своего мужа. Все ее поклонники чем-то неуловимо похожи на него. Токарева настолько влюбляется в поселок, что несколько раз пишет в Правление ДСК заявления с просьбой поставить ее в очередь на покупку дачи. Но пай в Красной Пахре продается редко, а то, что ей предлагают, ей не нравится и стоит абсолютно нереальные деньги.

В конце 1970-х — начале 1980-х Токарева пишет свои самые знаменитые сценарии: к картинам «Мимино», «Шла собака по роялю», «Шляпа», «Талисман», «Совсем пропаший». Самым успешным был фильм «Мимино», занявший первое место на Московском международном кинофестивале 1977 года и удостоенный в 1978 году Государственной премии. Сценарий к нему Виктория Самойловна написала в соавторстве с Георгием Данелия и Резо Габриадзе, который разработал всю грузинскую часть.

Казалось бы, оглушительный успех сценариста, хорошие деньги, известность, но Токарева не устает повторять, что для нее литература — это образ жизни, а кино — времяпрепровождение, возможность заработка. Она соглашается с Динарой Асановой, которая как-то сказала: «Сценарий умирает — рождается кино», и с Василием Шукшиным, утверждавшим: «Чем хуже литература, тем лучше кино». В кино ее ироническая интонация не нужна, она только частично доходит до зрителя через диалоги. Действительно, кино — это весело, грубо, зримо, но в нем сценарий вовсе не на первом месте.

На вопрос, как писательнице удалось прожить годы перестройки и развала Союза, она отвечает, что ей помогла за граница. Ее книги много и часто печатают за рубежом. В середине 1980-х Виктория Токарева увидела на Франкфуртской ярмарке

переводы своих книг: яркие, блестящие, в суперобложках. Их хотелось взять в руки.

— Где мои деньги? — спросила она у немецкого издателя.

— Их забрало ваше Всесоюзное агентство по авторским правам, — ответил тот.

По приезду в Москву Токарева позвонила в ВААП. Там ей открыли глаза:

— У нас действует прогрессивный налог, с вашей прибыли он составляет 80 процентов. Но вы должны радоваться, потому что с братьев Стругацких мы вообще берем 102 процента.

Токарева повесила трубку, радуясь, что она не Стругацкие, иначе ей пришлось бы еще и доплачивать честному социально ориентированному государству.

Потом грянула перестройка, и в этом процессе было и хорошее, и плохое. ВААП исчез, и за издание своих книг в Швейцарии она получила весомый гонорар. Это позволило не только пережить лихие годы, но и отложить изрядную сумму на реализацию ее мечты.

В 1993 году поезд Виктории Самойловны, наконец, приходит к вокзалу «Собственная дача». В том году наследники Павла Антокольского завершают трехлетнюю борьбу за наследство и делят дачу на три части. Ту часть, что достается его внуку Андрею Тоому, Андрей Леонович и его жена Аня соглашаются продать Токаревой, потому что решают навсегда уехать в США. Трем семьям в одном доме жить проблематично, если вообще возможно, поэтому Виктория Самойловна с радостью меняет свои две комнаты в большом доме Антокольских на кусок земли. Это позволило рационально разделить участок, и на той части, что досталась ей, выстроить солидный двухэтажный дом. Возле дома — времянка, которую раньше использовали как художественную студию для дочки Антокольского Наталии Павловны. После ее смерти какое-то время в ней жили Андрей с Анной. Знаменитая Мария Владимировна Миронова прозвала это строение бензоколонкой, видимо потому, что дом больше напоминал ларек. Прихожей в доме нет, раздеваться негде, сразу попадаешь за обеденный стол. Еще есть кабинет и чулан, где стоит кровать для гостей.

Но, как оказалось, самое главное — это участок. Размером не велик, меньше двадцати соток, но с прекрасными деревьями: сорок елей, сорок березок, восемь сосен. Заводить грядки

или клумбы писательница не желает принципиально, ведь для этого нужно вырубить часть ее леса!

А этот лес полон сюрпризов. Однажды утром Виктория вышла на полянку между временкой и большим домом. Каково же было ее удивление, когда она нашла там девять белых грибов. Они были разные – от совсем маленьких до серьезных гигантов. У всех были замшевые коричневые шляпки и толстые ножки, причем, было видно, что черви еще не начали в них свою разрушительную работу. Словом, такие грибы бывают только на картинке. Токарева решила, что все эти красавцы ложные, и уже собиралась сшибить их ногой, как вдруг открылась калитка и на участок по-соседски заглянул Владимир Войнович, прогуливавшийся по Восточной аллее.

– Мне кажется, что они настоящие, – попытался развеять сомнения Токаревой писатель.

– Берите, если нравятся, – Виктория продолжала сомневаться в грибах.

Войнович срезал боровики, сложил их в полиэтиленовый пакет и понес неожиданную добычу домой. Дома они с женой Светланой пожарили грибы, поставили сковороду на стол и сели в некотором сомнении. Может быть, Токарева права, и грибы ядовитые? Потом Владимир Николаевич положил по порции грибов Светлане и себе, они попробовали. Грибы оказались вкуснейшими, о чем Войнович не преминул сообщить соседке. Токарева была приятно удивлена. Участок оказался не только красивым, но и плодородным.

На участке свила гнездо сойка. Она прилетает туда каждую весну, выводит птенцов. В этот период Виктория не может подойти к забору: сойка пикирует на бредущем полете чуть ли не на макушку, защищает вылупившихся птенцов. Мало того, что построила свой дом на участке писательницы, так еще ей же не дает спокойно пройти мимо.

Есть у Виктории и собственная ворона. Когда псу Фомке дают еду, она сидит на крыше и внимательно смотрит на его миску. Стоит тому на секунду отвлечься, как ворона пикирует на миску, мгновенно хватая лучший кусок и отпрыгивает в сторону. Оскорбленный Фомка бросается на нее, но та мгновенно взлетает, оставляя пса в дураках. Он не понимает, как это случается, а ворона нарочно сидит на крыше и ест добычу на глазах Фомки, получая особое наслаждение от его лая.

Фомочка, дворняга с примесью терьера, первая собака Токаревой, с которой у нее сложились длительные доверительные

отношения. Она говорит, что Фомка — поразительный пес, ласковый и преданный, правда, он очень грязный, потому что живет во дворе и валяется в грязи. Виктория Самойловна его не гладит по этой причине, а ему явно не хватает ласки, поэтому он старается потереться о колено любого встречного.

Участок позволил раскрыть и совершенно неожиданные способности Виктории: умение проектировать и строить дачные дома. Она находит в этом процессе много общего с писательским трудом. Вначале возникает замысел, потом возводятся стены, кровля и, наконец, наступает время внутренней и внешней отделки, шлифовки созданного. Токаревой нравится, что в литературе и в строительстве результат виден практически сразу по завершению, и он ни от кого, кроме автора, не зависит. Этим результатом может быть дом или рукопись, для его получения не нужно множество соавторов, как в кино или в конструкторском бюро. Виктория Самойловна вспоминает, как однажды посетила какую-то научную организацию и была потрясена тоннами бумаг, чертежей, отчетов, под которыми прогибались полки, и совсем не поняла ответа на свой вопрос «зачем»:

— Придет гений и все осмыслит!

Токарева выстраивает свои жизненные приоритеты в такой последовательности: дети и внуки, профессия, дом. Участок позволил ей добиться и последней составляющей ее жизненного счастья: дома, ею задуманного и ею построенного. Ради него она полностью изменила привычный образ жизни: переехала жить из московской квартиры во времянку, чтобы все время наблюдать за ходом строительства. Дом получился солидный, кирпичный, двухэтажный, потом она пристроила к нему еще две комнаты, сделала все так, как хотела. В доме целых два кабинета. Один на втором этаже, второй — внизу. Токарева больше любит работать в нижнем кабинете. Отсюда открывается совершенно сказочный вид: переплетенные кусты, деревья, диковая природа, чуть дальше видна крыша соседского дома. Все вместе напоминает картинку из сказки «Маша и медведи». Пейзаж успокаивает и настраивает на творческий лад.

Многие большие художники признавались, что иногда они чувствуют, будто их кистью водят не они сами, а нечто божественное, иначе бы они не смогли бы создать свои шедевры. Токарева тоже верит, что ее рукой управляет нечто из космоса. Она пишет только ручкой с тонким золотым пером. Процесс

фиксации мыслей не должен ее отвлекать. Бумага, на которой она пишет, тоже высшего качества, швейцарская, с водяными знаками. На такой приятно писать. Работает писательница не долго, всего часа три в день. За это время она успевает написать и напечатать две-три странички. Ей кажется, что в это время в ней открываются некие каналы — связь с космосом, по которым энергия перетекает на лист бумаги. Долго эти каналы открытыми не бывают. Через три часа она физически ощущает, что рука останавливается, это для нее сигнал к окончанию работы. Токарева не приемлет никаких железных предметов между ней и листом бумаги: они не пропускают энергию из космоса. Она не может сразу печатать на машинке или, тем более, на компьютере, ведь они экранируют космос. Токарева убеждена в своей правоте и часто приводит примеры из опыта других писателей. Как-то она спросила у одного замечательного писателя, почему его роман «Поселок кентавров» интересен, а роман «Онлирия» мало того, что с дурацким названием, его еще и читать невозможно. Тот ответил, что первый роман написал от руки, а второй — набрал на компьютере. Виктория Самойловна еще раз убедилась в своей правоте.

Токарева развила в себе способность определять, был ли связан с космосом тот или иной писатель, когда работал над конкретным произведением. Например, прочитав роман «Живи и помни» Валентина Распутина, она не сомневалась, что писатель — ошеломительно талантливый, причем, он явно выходит на связь с космосом. А вот Юлиан Семенов, по ее мнению, с космосом не дружил. Его произведения словно кастрюля под крышкой: внутри все кипит, бурлит, пар просачивается из-под крышки, но настоящего выхода этому вареву нет.

Однако нельзя думать, что Виктория Самойловна вообще не признает машинопись. После того как она выплеснула свои мысли и эмоции на бумагу, она перепечатывает написанный фрагмент. При этом она его и правит. Если в какой-то части ей все нравится, она печатается практически без изменений. Если же писательница ощущает, что нужно что-то переделать, она отодвигает машинку и снова пишет неудавшуюся часть ручкой, добываясь ее совершенства. В конце концов, Виктория Самойловна еще раз перепечатывает произведение, занимаясь его окончательной отделкой.

Токарева ведет очень размеренную жизнь. Просыпается тогда, когда ей хочется. Обычно ей хочется проснуться где-то в

десять утра. Она считает, что совершенно неважно, когда человек встает. Если встал поздно, то можно и не ложиться допоздна, то есть длительность дня при этом не изменяется. Встает она уже готовая к творческим подвигам, к погружению в работу. При этом она ни с кем не разговаривает, чтобы не расплескать себя, не отвлекаться. Говорить ей и не требуется. Домашняя работница, которая до тонкостей изучила привычки и характер писательницы, уже приготовила ей завтрак: кофе, кашу или яйцо, стакан апельсинового сока. После завтрака она устремляется к столу на свою каждодневную рабочую смену. Закончив работать, она обедает, потом идет на прогулку, иногда очень далеко в лес, на несколько километров. Второй раз она гуляет вечером, когда уже стемнеет, на этот раз по аллеям поселка. Когда скользко, берет в руки спортивные палки и двигается с ними очень уверенно.

Такой образ жизни ужасно затягивает. В Москву Токарева выбирается только по каким-то особым событиям: презентация очередной книги, просмотр картины по ее произведению, приглашение на какое-либо творческое мероприятие. Она не любит возвращаться к своим прежним работам, даже не любит перечитывать свои книги. Относится к ним, как к прошедшей любви, когда не можешь понять, а за что человека любила. Сценарии она не пишет: после перестройки кино обмелело. Она предпочитает продавать права на экранизацию своих рассказов. Иногда доверяет написать сценарий своей дочке, Наташе, которая тоже окончила сценарный факультет ВГИКа. По сценарию Наташи снят фильм «Ты есть», хотя в нем и значится Виктория Токарева как автор сценария. Зато Наташа — автор сценариев нескольких фильмов телевизионного сериала «Каменская» и «Я сыщик».

Виктория Токарева живет в Пахре по принципу «спокойствие дороже денег». Она и свой литературный труд больше всего ценит за его автономность, полную независимость. Токарева любит повторять фразу Григория Горина: «Можно жить жадно, а можно жить скромно». Горин прожил свою жизнь скромно, и она живет скромно, не знает вкуса больших денег и не стремится его узнать. Она зарабатывает ровно столько денег, сколько ей нужно для жизни, потому что считает, что бедность унижает человека, мешает ему быть самим собой.

Ее отшельническое существование нарушает муж — Виктор Токарев. Он приезжает в Красную Пахру, живет там какое-то

время, потом возвращается в Москву. У него дела. Без дел ему скучно. Их долгий брак представляет собой, может быть, немного кособокую, но очень прочную конструкцию: она не рушится и не падает. Они никогда свои проблемы не обсуждают. Потому что оба считают: что не сказано, того не существует. Если проблему не вытаскивать на свет божий, она со временем уходит, как будто ее и не было. А если начать говорить, то после этого нужно вставать и разводиться. Виктор до сих пор красавец с благородной сединой и прежними синими глазами. С возрастом он не стал хуже. И предпочтения его остались прежние: книги, уединение, покой. Писательница свой образ жизни ему не навязывает.

Одним из близких друзей по Красной Пахре Виктория Токарева считает поэта и музыканта Олега Митяева, который живет в соседнем поселке «Комфорт». Сначала она увидела его по телевизору на вечере авторской песни. Он вызвал у нее ассоциации с капитаном из песни «Бригантина» — «обветренный, как скалы».

Потом Токареву пригласили в Штутгарт по творческим делам и поселили в доме одной немецкой пары славистов: жену звали Гудрун, а мужа — Вальгер. Гудрун ей осторожно сказала:

— У моего мужа депрессия, психическое обострение. Он сейчас на втором этаже, так что вы, пожалуйста, туда не поднимайтесь.

Все время пребывания в Германии Виктория Самойловна ходила по первому этажу с опасением, что сверху может спуститься сумасшедший немец. С этим чувством она и уехала.

Спустя некоторое время в ее даче на Пахре зазвонил звонок, она открыла калитку, и на участок вошла Гунрун, ее немецкий муж, который оказался вполне вменяемым человеком, а за ними — Митяев. Оказалось, немецкие слависты приехали в гости к Олегу, спросили о Токаревой, а тот им сказал, что она живет неподалеку. Есть люди, обладающие талантом общения. Таким оказался и Митяев. Он очень уважает людей, которые чего-то в своей жизни добились, которые могут делать то, что он не умеет. Так и началась эта дружба.

Олег читает ей свои новые стихи, спрашивает ее мнение о новых песнях, Токарева отвечает начистоту, что контрастирует с комплиментами его поклонников.

Она вспоминает, как Митяев пришел на площадку ее строящегося дома и пел для рабочих. Ему нравится окунаться в гущу жизни.

Митяев основал фонд «Светлое прошлое» и каждый год приглашает известных людей в родной город. Там он вручает им памятные статуэтки. Первая церемония состоялась в 2004 году. Лауреатами премии за эти годы стали Виктор Христенко и Александр Градский, Анатолий Кролл и Владимир Пресняков, Галина Ненашева и Александр Пороховщиков, Леонид Броневой и Махмут Гареев.

Митяев вытаскивал на церемонию награждения и Викторю Токареву в качестве специального гостя.

Было время, когда Токарева работала на свое имя. Теперь имя работает на нее. Читатели ее знают и любят. Издатели воспринимают ее имя как некий знак качества: издавая ее новую книгу, они ничем не рискуют, ее очередное произведение будет иметь коммерческий успех. Как-то на шумном «Кинотавре» в Сочи она столкнулась с Георгием Данелия в лифте гостиницы, и он вдруг произнес:

– Ты хотела быть знаменитой и стала. И что?

– Но ведь это лучше, чем хотела и не стала!

Конечно, она довольна, хотя это уже не то всепоглощающее чувство, как прежде. Токарева вспоминает случай, как на фестивале в Ереване объявили, что приз за фильм «Мимино» получает Виктория Токарева. Она замешкалась, потому что у нее были тесные туфли армянского производства, и она незаметно их сняла под стулом. Чиновница с «Мосфильма», увидев, что за наградой никто не идет, решила, что произошла какая-то накладка, и отправилась получать ее сама. В Токаревой по молодости взыграли амбиции. В момент она засунула ноги в туфли, выскочила на сцену и практически отобрала у дамы хрустальную вазу. Теперь-то она вряд ли повторила бы тот подвиг. Порой ей даже кажется, что она достигла всего, чего хотела.

Когда Токареву спрашивают, не жалеет ли она, что литературные критики не присуждают ей престижных премий, того же «Русского Букера», она отвечает, что по полученным гонорарам любая ее книжка это тот же «Букер». Так что лауреатам премий она не завидует. В 1993 году Викторю Самойловну приняли в члены очень престижного «Пен-клуба», международной писательской организации, включающей членство в аналогичных объединениях. Пришлось Токаревой покинуть стройные ряды Союза писателей России.

Виктории Самойловне интересны люди. Это и человеческий и профессиональный интерес. При общении с новым че-

ловеком в ней просыпается любопытство. Это любопытство ее провоцирует. Она начинает задавать ему вопросы, вызывать на откровенность. Один знакомый из Дании как-то сказал ей после довольно длительного разговора:

— Я рассказал тебе то, что не говорю даже близким друзьям!

Может быть, в этом есть какой-то профессионализм: она по особому задает вопросы. В каждом человеке есть какой-то секрет, код, который ей хочется вскрыть.

Фазиль Искандер сказал: «Творчество — это инстинкт передачи информации». Этот инстинкт у Токаревой очень сильный.

Мнение Токаревой о писателях, классиках и коллегах, очень часто диаметрально отличается от общепринятого. Любит она Чехова, Куприна, Алексея Толстого, Войновича, Довлатова, Володина — писателей, пишущих с юмором.

Фредерико Феллини, прочитав несколько рассказов Токаревой, сказал о ней: «Какой добрый талант, она воспринимает жизнь не как испытание, а как благо».

АГОНИЯ (1985–2011)

В конце XX века в Советском Союзе стартовали два процесса, которые не могли не сказаться на всем облике страны и, естественно, повлияли и на жизнь поселка.

Первый процесс – экономико-политический. Была реставрирована частная собственность, устранена диктатура одной партии, в результате социалистическая империя в старых рамках не выдержала и разлетелась на пятнадцать осколков. Собственность СССР была срочно и варварски приватизирована. В связи с этим в стране появилось множество состоятельных и богатых людей. Сначала это были «новые русские» в комичных малиновых пиджаках и бандиты в черных кожаных куртках, потом олигархи и бизнесмены в строгих итальянских костюмах и белых английских рубашках.

Оказалось, что земля и ее недра могут быть не только государственными или кооперативными, но и, о ужас, частными. После этого пропали практически все ограничения на продажу земли. Продать ее можно когда угодно и кому угодно.

Именно в этот момент ДСК «Советский писатель» сделал несколько точных и даже удачных ходов. Во-первых, поселок сменил административную принадлежность. Дело в том, что из ближайшего городка физиков под названием Троицк, в который поселок формально входил, зачастую начальство. Городские головы неспешно прогуливались по Красной Пахре и алчно присматривались к дачам за солидными заборами, видимо представляя себя и своих домочадцев за ними. Намеки были поняты с полуслова, и Правление начало искать варианты выхода из этой ситуации. Вскоре выход был найден. Поль-

зуюсь тем, что поселок находился на самой границе двух подмосковных районов: Ленинского и Наро-Фоминского, удалось перевести Красную Пахру в Наро-Фоминский район. Правда, пришлось смириться со всеми недостатками периферийного расположения. Милиция, пожарники, скорая помощь должны были ехать из Наро-Фоминска за двадцать с лишним километров. Так что их приезд часто оказывался слишком поздним. Со временем поселок заключил договор с Троицким отделением милиции, а скорую помощь стали присылать из соседней больницы им. Семашко, но пожарники так и остались за тридевять земель.

Во-вторых, было получено разрешение от администрации Наро-Фоминского района на бесплатную приватизацию пятнадцати соток земли под дачными строениями. Поскольку участки в поселке составляли и сорок, и пятьдесят соток, то оставшуюся часть разрешалось взять в аренду на пресловутые 49 лет. Это уже было неплохо, но хотелось большего. Правление собрало в путь Эльдара Рязанова. Он чаще других поселковых жителей появлялся на экранах телевизоров, его «личико», как он сам говорил, было известно всему советскому, а потом и урезанному российскому народу. Личико Рязанова было приведено в порядок, он вооружился несколькими экземплярами своей только что вышедшей из печати книжки и был доставлен в администрацию Наро-Фоминского района. Там его появление произвело настоящий фурор. Вся администрация сбежала в кабинет главы, Рязанов час рассказывал восторженным чиновникам забавные истории из своей киношной жизни, из жизни снимавшихся в его картинах звезд, подписывал и дарил на память книги. Администрация была увлечена так, что даже забыла о цели приезда киноклассика, на столе даже появилась бутылка редкого тогда французского коньяка. Когда же Рязанов робко напомнил о приватизации земли по пятнадцать соток на каждого члена ДСК, ему тут же было сказано: «Нет, мы дадим разрешение на бесплатную приватизацию всей земли, находящейся под дачами писателей!» Так и получилось. Вскоре, в рекордно короткие сроки, оформили свидетельства о приватизации земли. Честь и хвала Эльдару Александровичу!

Второй процесс, отразившийся в полной мере на поселке, но не слишком заметный для населения страны, — это смена образа «властителей дум». Если до перестройки эту роль

выполняли писатели, драматурги, сценаристы, то очень быстро они сдали свои полномочия другим — телевидению и Интернету. С рекордных многомиллионных упали тиражи газет: люди стали меньше читать. Зачем себя утруждать, когда можно посмотреть новости по «ящику» или залезть в Интернет? На прилавках магазинов появились какие душе угодно книги. Если раньше проблема была в том, чтобы нужное издание купить, вернее, достать, то теперь она трансформировалась в задачу для авторов, издателей и продавцов: как бы выгоднее и быстрее продать. Прилавки завалены умопомрачительными книгами для детей, иллюстрированными энциклопедиями и всевозможными справочниками, их захлестнули грязные потоки детективов, триллеров и любовно-сексуальной прозы. Упали тиражи не только газет, но и книг. Теперь издательства боятся вкладывать большие деньги в тираж новой книги, а вдруг она не пойдет?

В результате писатели стали меньше получать и, как следствие, намного хуже жить. Сливки с продажи книг стали снимать издатели и продавцы, да и то не слишком жирные. На телевидении та же проблема. Конечно, сценаристы с хорошо набитой рукой могут здесь заработать на хлеб с маслом, но большая часть денег уходит продюсерам.

В Красной Пахре появились удачливые деятели с телевидения. Первым стал Антон Златопольский. Он женился на Маше Ждановой, дочери писателя Владимира Жданова.

Он только что окончил юридический факультет МГУ, пришел на работу в качестве юрисконсульта Ассоциации «Авторское телевидение (АТВ)». Парнем он оказался толковым. Через два года он уже генеральный директор Компании АТВ, кандидат юридических наук. Компания АТВ в те годы была очень популярна на российском телевидении: она делала умные нестандартные передачи. Затем последовал резкий карьерный рост Антона Андреевича. Он становится исполнительным директором Государственной телекомпании «Россия», а затем первым заместителем председателя Всероссийской Государственной телерадиокомпании и генеральным директором телекомпании «Россия», то есть фактическим хозяином второй кнопки на миллионах телевизоров. Его достижения отмечены премией «Медиаменеджер России» в 2004 году.

Валерий Тодоровский — это второй пример. Талантливый сценарист и режиссер, поставивший такие фильмы, как «Лю-

бовь», «Страна глухих», «Мой сводный брат Франкенштейн», «Стиляги», наибольших успехов, включая материальные блага, добился в качестве продюсера телекомпании «Россия». На его счету в этой области многосерийные фильмы «Каменская», «Идиот», «Человек-амфибия», «Мастер и Маргарита». Он, пожалуй, единственный представитель нового поколения поселка, который смог своими достижениями сравняться со своим отцом, Петром Ефимовичем Тодоровским, а кое в чем его и превзойти. Правда, Петра Ефимовича нельзя отнести к старожилам Красной Пахры, он живет здесь только с 1994 года.

Председателем Правления ДСК в течение семи лет был поэт Андрей Дементьев. Может быть, что-то полезное он для поселка сделал, но вреда было больше. Конечно, в какой-то мере его можно было понять. У него произошло несчастье – сгорела дача. Да еще так неудачно, что жена была вынуждена прыгать со второго этажа, сломала ногу, а собака заживо сгорела. Как восстановить помещение, он сообразил довольно быстро. Продал часть участка известному галерейщику, проживающему постоянно во Франции, Володе Царенкову. Продал на условиях, что тот построит не только дом для себя, но и дачу пошкарней прежней для самого Дементьева. Ударили по рукам. Инфляция в тот период была чудовищная, доллар стоил дорого, а рубль не стоил ничего. Поскольку Володя располагал валютой, стройматериалы ему обошлись в сущие американские копейки. Вскоре на участке Дементьева красовались два громадных дома. Продали их почти одновременно. Володя купил часть участка у наследников Романа Кармена, а Андрей Дмитриевич уехал из поселка навсегда. Он первым показал, что из поселковой земли можно делать деньги, и деньги немалые. А до того он внес в жизнь поселка еще одну «свежую» струю.

С самого рождения поселка труднее всего находилась земля для общепоселковых нужд: для строительства конторы, спортивной площадки, продовольственной палатки, поэтому многое из запланированного так и не было воплощено в жизнь. В Пахре оставалась одна свободная от дач площадка в начале Центральной аллеи. Во-первых, через нее могли проехать пожарные машины из поселка Моссовета, во-вторых, там можно было гостям оставить автомобили, а не загромождать ими обочины. Видимо, такое применение площадки показалось Председателю ДСК не вполне удачным, особенно, когда к нему обратился тогдашний Председатель Олимпийского комитета

СССР Виталий Георгиевич Смирнов. Крупный спортивный функционер частенько возил на Олимпийские игры нужных ему людей за государственный счет. В поселке образовалась целая команда, рвущаяся бесплатно поехать на очередные Олимпийские игры. Однако известно, что «бесплатных пирожных не бывает». После очередной поездки группы активистов во главе с Андреем Дмитриевичем Смирнов начал прозрачно намекать, что пришло время расплачиваться: предоставить ему на льготных условиях участок в Красной Пахре. Тут-то и подвернулась та самая свободная площадка. Путем нескольких продуманных ходов она оказалась принадлежащей Виталию Георгиевичу. Бесплатно. Так Дементьев расплатился за поездки из общего кооперативного кармана. Потом он помог организатору наших спортивных побед купить несколько соток земли у соседа, Оскара Фельцмана. Главную трудность комбинации — перекрытие аварийного проезда — тоже решили. Смирнов сделал в заборах пару ворот напротив друг друга, которые теоретически можно было открыть и пропустить пожарные машины в случае необходимости. Правда, жители поселка так ни разу эти ворота открытыми не видели. Может быть, к счастью.

Хорошо ли использовать то место, в котором живешь, для бизнеса? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Сценарист Александр Червинский, сын Владимира Абрамовича, считал, что Красная Пахра должна быть заповедником, свободным от городских реалий начала 1990-х годов с их беспределом, наездами, рэкетом, бандитской приватизацией. Убедившись, что в поселке нельзя отгородиться от процессов, происходящих в стране, Александр решил, что проще сменить страну, и благополучно переехал в США. А те, кто остались, стали свидетелями риэлтерского бизнеса за соседними заборами. Лидером в этой области стал, безусловно, зять писателя Юлиана Семенова Алексей Бегак.

Сначала помог случай. Жители поселка, занимающие участки по северной стороне Восточной аллеи, вдруг поняли, что они могут без труда прирезать часть «бесхозной» лесной земли к тыловым заборам своих угодий. Выигрыш получился разный: у кого десять, у кого двадцать соток. При приватизации земли случившийся раньше захват получил законную силу, принеся своим хозяевам с учетом цен на землю в поселке немалое состояние. Помимо того, открылась возможность построить на дополнительной земле домик и выгодно продать образовав-

шийся участок вместе со строением. Алексей первым реализовал эту идею.

Но, говорят, аппетит приходит во время еды. Обретя начальный капитал, он начал последовательно выкупать земельные участки, строить на них дома и продавать с хорошей прибылью. Нужно отдать ему должное, строительство Бегак поставил на поток, стал применять современные материалы и методы строительства. Таким образом, он смог реализовать целых семь участков.

Немного отстала от него Катя Гердт. В качестве кинорежиссера она не слишком преуспела, но занялась продажей французской мебели, дизайном интерьеров и риэлтерской деятельностью. На ее счету три удачно перепроданных участка.

Нужно заметить, что все заборы в поселке заклеены объявлениями риэлтерских фирм с предложениями купить в Красной Пахре участок или часть участка, однако у бизнесменов, выросших здесь, есть громадные преимущества перед дельцами со стороны. Обитатели поселка их знают, принимают за своих и безоговорочно им доверяют. А кто его знает, чего ждать от пришлых риэлтерских контор. Ведь речь идет о больших деньгах. Да и сами «внутренние» риэлтеры гораздо лучше знают, с кем нужно вести переговоры. Получается удачно и к всеобщей выгоде.

Сейчас уже кажутся сказками воспоминания о том, что первые поселковые дома были построены двумя-тремя строителями, а то и в одиночку. Методы возведения дач применялись доморощенные, трудоемкие, но зато тихие, не наносящие ущерба поселковым дорогам, окружающей природе, не тревожащие соседей шумом и вибрацией. Разумеется, с приходом реалий технического прогресса все изменилось. По аллеям поселка поехали панелевозы, подъемные краны, большегрузные автомобили, громадные самосвалы. На участках бодро зашумели бетономешалки, циркулярные плиты, отбойные молотки, компрессоры. Новые методы в десятки раз сократили сроки возведения зданий. Без них было бы невозможно строить трехэтажные монстры, которые порой занимают всю землю участка новых обитателей поселка. Но эти же методы превратили жизнь остальных жителей Красной Пахры в ад. Шум, стук, запах сторовенной солянки, пинотекса и прочих вонючих красителей и пропиток не добавляют приятности в пребывание на

постоянной стройке. Потому что, стоит одному соседу завершить строительство, как тут же в дело включается другой сосед.

Впрочем, в развитии и строительстве поселка за последние несколько лет есть и одна абсолютная удача: построена, наконец, своя собственная трансформаторная подстанция. Она питается током высокого напряжения от двух независимых линий. Это делает ее практически неуязвимой для внешних аварий. Если беда на одной высоковольтной линии, то подстанцию можно переключить на другую. Мощности подстанции хватает не только для самого поселка, ее даже продают соседям. Это позволило впервые за пятьдесят лет жизни поселка безболезненно подключать к электросети многочисленные бани, бассейны и полы с подогревом, не опасаясь, что поселок останется вообще без тока. Приборы постоянно показывают напряжение в сети 220–230 вольт. До ввода в действие подстанции удачей было увидеть на вольтметре значение 180 вольт. Но и такое напряжение частенько куда-то пропадало: то ветка падала на провода, то они касались друг друга от сильного ветра. Тогда включались десятки миниатюрных электростанций, работающих на бензине или мазуте, создавая невообразимый шум и портя атмосферу запахом сгоревших нефтепродуктов.

Наконец, осуществилась многолетняя мечта жителей поселка: на въезде поставлена сторожка с охранниками, а все входы и въезды в Красную Пахру контролируются охранными видеосистемами. Правда, они частенько ломаются, а их обслуживание стоит чуть ли не дороже, чем сами охранные системы.

В этот период завершился нелегкий, но короткий жизненный путь детей Пахры, о которых можно прочитать в главе «Застой». Их драма органично перешла в трагедию. Неумеренное желание утопить все свои неудачи в водке и наркотиках привели к серии смертей еще совсем не старых потомков первых абorigенов поселка.

У Гоши Андреева, когда он пришел в независимую телевизионную компанию, появилась возможность снимать за хорошие деньги документальное кино. Он сколотил отличную команду, мог пользоваться по тем временам супераппаратурой. Он вдруг почувствовал, что стал нормально жить. Они стали много снимать и столкнулись с тем, что перешли дорогу АПН. Гоша сделал репортаж о каком-то то ли симпозиуме, то ли чемпионате. АПН сделал то же, но хуже и на полгода позже. В АПН была только одна камера нужного качества, а у Гоши — сколько

угодно, расписывайся и получай для работы. Гошиных ребят вместе с ним взяли в АПН на оклад. Работать им там не дали. Гоша спился и вскоре умер.

Леша Кеменов после развода и неудач на службе долго ходил по поселку с зеленоватым цветом лица и в том состоянии, когда уже невозможно определить то ли человек с похмелья, то ли уже пьяный. На встречи со знакомыми реагировал вяло, о своих делах не рассказывал.

Володя Котов после окончания технического института сменил за шесть лет шесть мест работы. Мешало ему то, что он рассматривал любую работу по специальности как временную. Своим призванием он считал композиторство, но нот не знал и учиться этому делу не хотел. Он неплохо играл на гитаре, сочинял приятные песенки, которые в студенчестве исполняла рок-группа, в которой он состоял. Но с течением времени становилось ясным, что этого не достаточно для выхода на серьезный уровень. Как писателю необходимо, по меньшей мере, знать азбуку, так композитору — ноты. Эта простая истина в голове у Володи не укладывалась. А дальше депрессия и водка сделали свое черное дело. Умер от алкоголя Сергей Воробьев.

В некоторых случаях было сложно сказать, что первично — рак или водка с наркотиками. Так погибли Алексей Сикорский и Саша Симонова.

Артем Боровик был счастливым исключением из череды неудачников — детей Пахры. Он много работал, проявил недюжинные способности в качестве военного корреспондента, подхватил выпавший из рук Юлиана Семенова журнал «Совершенно секретно», словом, был тем исключением, которые подтверждают правило. Его тоже настигла ранняя и незаслуженная смерть в подозрительной авиакатастрофе в Шереметьево.

Спустя двадцать лет после памятного постановления Правления о запрещении верховой езды по аллеям поселка в Красной Пахре снова застучали копыта. Это Лена Липатникова, дочь двух поэтов Юлии Друниной и Николая Старшинова, работавшая на Центральном московском ипподроме зоотехником и судьей, уволилась с работы и забрала с собой любимую лошадь по кличке Маня. Способностей Маня была далеко не выдающихся, зато она обладала омерзительным характером: кусалась и лягалась всеми четырьмя ногами. Получалось, что иного пути у Мани, кроме как на скотобойню, не было. Лена

пожалела кобылу и взяла ее с собой. Гараж был срочно переоборудован в конюшню, куда и поселили Маню. Ее местопребывание на Восточной аллее можно было без труда определить по характерному запаху навоза, сена и конского пота. Лошадь, чтобы она не застоялась, нужно было, как говорят конники, ежедневно «работать». В любую погоду Лена седлала кобылу, проезжала по аллеям и углублялась на ней в лес. Маня выглядела очень эффектно: серая в яблоках, среднего роста, хорошего телосложения. Но характер ее с выходом на пенсию лучше не стал. Лене постоянно приходилось заботиться, чтобы люди или собаки не подходили к кобыле слишком близко: могла укусить, а то и убить ударом копыта. Впрочем, собак отгонял ее пес по кличке Джек: крупный рыжий дворняга, над рождением которого явно потрудились питбультерьер. Морда Джека была в шрамах, по характеру он был бойцовым псом, поэтому местные собаки предпочитали близко к суровой парочке не подходить. Во время прогулок Джек неизменно сопровождал хозяйку и кобылу. Жители поселка относятся к наличию в нем лошади по-разному, но, в основном, радуются достопримечательности. Маня любит арбузные корки, и многие соседи после расправы с красной мякотью арбуза складывают вкусные корки в пакет и вешают его на забор дачи, где живут Лена и Маня.

Другой масштаб приняло и дачное воровство. Если раньше этим занимались подростки с Троицкой фабрики или из соседних деревушек, солдатики и матросы ближайшего гарнизона, то ныне дело в свои твердые руки взяли профессионалы. Прежние злоумышленники полагались на случай, лезли в те дачи, в которых не было света, значит, хозяева в этот момент отсутствовали. Влезали в дачи, как правило, разбив оконное стекло на втором этаже. Добыча их была невелика: в лучшем случае телевизор или какие-нибудь сувениры, чаще они довольствовались водкой и элементарной закуской, правда, могли нагадить на ковер посередине комнаты или разбить вазу. Это было проявлением классовой борьбы, открытой еще известными деятелями марксизма-ленинизма, но ущерб все равно был невелик.

Жители поселка пытались с этим бороться: ставили решетки на окна, оснащали дома датчиками и ревунами, даже заключали договоры с соседним отделением милиции и выводили сигналы от своих охранных систем на милицейские пульта. Но

и новые воров были подготовлены гораздо лучше прежних дилетантов. Они не полагались на случай. Они действовали по наводке и наверняка, применяли технические средства для взлома и автомобили для вывоза похищенного. Поэтому и добыча их была гораздо существеннее. Только у одной Марии Александровны Мироновой похитили коллекцию уникальных икон на запредельную сумму. Похитили и шикарный джип у Леши Бегака, пока он открывал ворота на свой участок. Может быть, с кем-то не поделился, или кто-то остался недоволен его бизнесом. Он успел позвонить на проходную, чтобы охрана задержала похищенный автомобиль, но мощный джип, сбив хлипкий шлагбаум, вылетел на оперативный простор и скрылся.

Весной 2002 года история поселка обогатилась качественно новым происшествием: заказным убийством. У вдовы Александра Дементьева снял дачу на Восточной аллее генеральный директор страховой компании «Согаз», дочерней структуры «Газпрома», Андрей Петухов. Как потом оказалось, личностью он был известной в банковских кругах. Он успел поработать в Инкомбанке, занимаясь срочным выводом активов. После чего, работая в «Росгосстрахе», господин Петухов активно играл на фондовом рынке, принимал участие в банкротстве ряда крупных предприятий в регионах. Кроме того, в его компании велась борьба за передел сфер влияния. Так что недостатка в версиях у прокуратуры Наро-Фоминского района не было. Вот только дело оказалось ей не по зубам. Доблестные милиционеры выяснили, что убийц, по крайней мере, было двое. Они ждали Андрея Петухова и его охранника-водителя Марата Статретдинова на участке. Те не успели выйти от машины до дачи. Тела убитых были изрешечены пулями, охранник свое оружие даже не успел достать. Меткость стрелков убеждала в их профессионализме: почти все пули попали в головы. При этом стрельбы никто в поселке не слышал, видимо, пистолеты были с глушителями. Убийство было признано заказным, но убийц и заказчиков убийства так и не нашли. Жители поселка некоторое время побурлили, да и затихли.

Пожары на поселковых дачах случались всегда. Трудно назвать дачу, которая за почти шестидесятилетнюю историю не горела. Зато дача Воробьевых горела дважды. После второго пожара ее владельцы решили дом не восстанавливать, а продали участок вместе с пожарищем. Основными причинами возгорания дачных домов всегда были неисправности элек-

трической проводки, соседство бань и саун, открытый огонь от конфорок газовых плит. В последний период жизни поселка работа пожарных машин и бригад только ухудшилась. Она и раньше-то была далеко не идеальной, достаточно сложно назвать хоть один случай, когда доблестные огнеборцы спасали хотя бы часть строения, но они все же быстро приезжали.

У Крепсов загорелась времянка, строение небольшое и ветхое. Произошло это короткой летней ночью. К счастью, в этот момент в ней никого не было. Соседи почувствовали запах дыма и вышли на крылечко посмотреть на участок. От временки поднимался небольшой столбик дыма. Тут же побежали будить Крепсов, которые мирно спали в основной даче. Соседи понемногу прибывали и кучковались у ворот, выходящих на Центральную аллею. В пожарную часть, похоже, позвонили все, но машин пока не было. Наконец, бойцы приехали, но быстро выяснили, что с Центральной аллеи проехать к времянке невозможно, а длины шлангов для тушения не хватает. Пришлось идти на переговоры с соседями на Малой аллее, чтобы они пропустили машину через свой участок. Переговоры были долгими, но под угрозой того, что пламя может перекинуться и на их дачу, согласие было получено. Пожарная бочка въехала на участок, по дороге сломав забор, по поводу чего на следующий день разразился скандал. Но это было впереди. Сейчас же доблестные пожарные, как оказалось, в дымину пьяные, развернули свои шланги и начали поливать горящее строение. Бригадир предупредил бойца, чтобы тот не лил на электрический щиток, объяснив свою мысль коротко, но доходчиво: «Еб...т!» Тот не послушал, а, может быть, рука дрогнула, мощная струя попала точно на оголенные провода, возникла электрическая дуга, высветившаяся красивым и грозным голубым пламенем. Она отбросила незадачливого огнеборца метра на три от пожарного рукава, который тот держал в руках. К счастью, пожарный пострадал несильно, потому что встал на ноги и раздумчиво протянул: «И правда, еб...ло». Строение, естественно, сгорело до фундамента.

В последний период к такой высокопрофессиональной работе прибавились и объективные сложности: пожарникам приходилось ехать за двадцать с лишним километров из Апрелевки, в связи с чем они приезжали точно к тому моменту, когда нужно было полить головешки, чтобы они не тлели.

Когда идешь по аллеям поселка, со всех сторон тянутся вы-

сокие сплошные заборы, над которыми возвышаются трех-четырехэтажные строения. Они занимают почти всю площадь участков, которые раньше казались невероятно большими, а сейчас кажутся маленькими. Многие обочины засажены газонной травой и экзотическими деревьями, местами поселок напоминает маленький швейцарский городок, особенно зимой. По аллеям со свистом проносятся «Мерседесы» и «Лексусы», на худой конец «Порше Кайен».

Но главное достояние поселка – его дух, его атмосфера – мертво, потому что нет уже в нем тех замечательных творцов, которые его прославили. Почти не осталось в нем писателей, потому что писательским трудом сейчас практически невозможно заработать себе на жизнь. Есть всего несколько жителей, которые являются тем самым исключением, что подтверждает правило: Виктория Токарева, Анна Масс, Ирина Радунская да Владимир Войнович.

Популярные, известные в стране люди в поселке появились, но их популярность совсем другого рода: телевидение, попса, бизнес: Ирина Аллегрова, Рената Литвинова, Земфира Рамазанова, Антон Златопольский, Рубен Варданян из «Тройки Диалог».

На общем собрании в июне 1995 года встал вопрос о членах ДСК, отказывающихся платить деньги на восстановление дороги. Среди злостных неплательщиков оказалась и популярная певица Ирина Аллегрова, хотя сумма для нее была пустяковой – эквивалентной 400 долларам США. На собрания популярная певица не ходила ни разу, но прислала своего представителя, оказавшегося по совместительству мужем примы, танцором Игорем Капустой. Браком счастливая пара сочеталась в церкви всего год назад, и молодой муж рвался в бой, чтобы защитить поруганную честь супруги. Он говорит, что не видит оснований платить, так как дом они строят за свой счет. Ему пытаются объяснить, что это деньги на ремонт дороги, которой они пользуются из-за временного отсутствия у звездной пары вертолета, но танцор упорствует в своем непонимании. При этом он ведет себя так, что члены кооператива требуют удалить его с общего собрания. Он уходит своей танцующей походкой, высокий, красивый и полный презрения к окружающим. Мстительные писатели требуют отключить у Аллегровой электричество и прекратить пропускать грузовики к ней на стройку до тех пор, пока она не погасит долг. На следующий день один

из работников кооператива лезет на столб, пытаясь выполнить постановление общего собрания. С участка любимой народом певицы выходит человек в камуфляже и с автоматом Калашникова в мозолистых руках. Этот аргумент принимается как основательный для временного сохранения подачи электроэнергии в дом Ирины Александровны. Работник конторы кубарем скатывается со столба. Но победа вооруженной охраны оказывается пирровой. Грузовики певицы прекращают пропускать на территорию поселка. В итоге прима вынуждена погасить долг. Кстати, вооруженная охрана, сигнализация и прожекторы, включающиеся при приближении любого существа к забору усадьбы певицы, не спасают последнюю от крупной кражи ее драгоценностей спустя несколько лет. Как супостаты это проделали, осталось загадкой по настоящее время.

Одну из дач в Пахре купил сам Борис Березовский. Тогда еще не секретарь Совета безопасности России и не личный враг самого Владимира Владимировича, еще не организатор всех террористических актов в России и не заказчик большинства громких убийств, а простой олигарх. Его самого в поселке никто не видел, приезжала для знакомства с членами правления какая-то из жен, на даче жили то ли прихлебатели, то ли просто бандиты.

На другой даче живет еще один простой российский олигарх, Рубен Варданян, владелец и руководитель инвестиционной компании «Тройка Диалог». Его предпринимательская жилка заметна не сразу, но вдумчивый исследователь ее обнаружит. Он купил не только участок в поселке «Советский писатель», но и солидный кусок земли в соседнем поселке Мосстрой, да так удачно, что эта земля примыкает к заднему забору усадьбы Варданяна. Теперь у него свыше гектара земли с несколькими строениями, которые видны только с изнаночной части участка. Территория обнесена частоколом, так что напоминает форт времен освоения Дикого Запада в Северной Америке, построенный для защиты от индейцев, правда, накладка вышла — у нас индейцев нет.

Впервые с момента основания поселка писатели перестали стремиться купить в нем дачу, а наоборот, стали продавать дачи и уезжать из Красной Пахры. Продал дачу Эдуард Володарский, не выдержав раздражающего соседства, гуляющим по поселку «мордovorотов» в камуфляжной форме. Впрочем, уехал он недалеко: купил дачу на берегу Десны. Сомнительно, чтобы там ему не встретились местные «мордovorоты».

Доступ в лес и на речку Десну жителям поселка практически закрыт. Собственно говоря, леса-то и нет. В нем настроили дачных поселков, разрезали заборами, проложили дороги. Грибы практически исчезли. Лесников не видно, зато видны горы строительного и бытового мусора, который жители новых поселков выбрасывают по обочинам дорог. Страна – временщик и ее граждане тоже временщики. Рядом вырос за высоким забором, мило украшенным колючей проволокой, новый солидный поселок. Здесь охрана, площадка для машин, постороннему въехать и войти невозможно. Называется эта крепость «Творчество». Здесь, как ни странно, в основном тоже живут писатели. Правда, почему-то красно-коричневого типа.

Дом отдыха Минспецмонтажстроя в результате развала СССР и ликвидации такого министерства благополучно перешел к главному заказчику этого Министерства: Федеральной службе безопасности. Территория Дома отдыха обросла привычным для отдыхающих из этого ведомства забором из железобетонных плит высотой пять метров с контрольно-пропускным пунктом со стороны дороги. Оба более или менее приличных песочных пляжа остались на территории Дома отдыха, но стали недоступными для всех, кроме горсти законно отдыхающих там. Раньше в погожий летний денек к пляжам тянулись наивные жители военного городка, поселка Госстроя, поселка Академии наук, поселка писателей, окрестных деревень Жуковки и Богородского, теперь порядок наведен. Металлические конструкции уходят в воду Десны, препятствуя попаданию на секретную территорию не только со стороны суши, но и со стороны реки. По территории ходят патрули из двух-трех бойцов невидимого фронта, могут проверить документы у подозрительных личностей, попавших-таки на их территорию. Зимой это возможно по льду замерзшей реки. Когда случайно забредших сюда людей останавливают строгим окриком, становится тревожно: то ли их арестуют, вернее, на юридическом языке, задержат, то ли застрелят на месте. Под шумок Дом отдыха ФСБ оттяпал себе значительную часть берега Десны, который никогда раньше Минспецмонтажстрою не принадлежал. Однако, с серьезным ведомством никакие местные власти разбираться не собираются, учитывая профессиональную к ним принадлежность нашего национального лидера. На заборе периодически появляется надпись: «Сидихин (мэр Троицка), отдай народу то, что украли генералы ФСБ».

Жители поселка по-разному реагируют на ущемление их прав. Кто-то перестал ходить гулять в ту сторону, кто-то выхлопотал себе именной пропуск с фотографией, пользуясь общенародной известностью. Но и им приходится обходить половину периметра территории Дома отдыха, чтобы войти на нее через КПП. Лучше всех устроился буфет-магазин на территории Дома отдыха – в нем сделали две двери: в одну входят отдыхающие, в другую прочий люд. У магазина двойная выручка. Причем, учитывая пристрастия отдыхающих, витрины доступны только прочим покупателям. Отдыхающие из ФСБ обычно говорят просто: «Водочки!» или «Коньячку!» Для этого им не нужно изучать прочий ассортимент магазина.

Сейчас в ДСК «Советский писатель» 104 члена, с момента рождения поселка произошло более чем двукратное увеличение. А количество членов Союза писателей России уменьшилось всего до 9 %. Из тех, первых, осталось только три человека: Юрий Бондарев, Генрих Боровик и Эльдар Рязанов.

Послесловие

В 2011 году исполнилось пятьдесят лет с той поры, как я попал в поселок Красная Пахра. Был я тогда еще маленьким мальчиком, учился во втором классе. Поразили меня размеры: участков, садов и огородов, домов, а вот жители поселка не удивили. Тогда я еще не знал, что рядом живут и здороваются со мной настоящие классики советской литературы, музыки, кино. Роман Лазаревич Кармен настоял, чтобы я звал его Римой. Генрих Авиэзерович Боровик, тогда просто Генрих, давал мне пострелять из своего охотничьего арбалета, который он привез откуда-то из Юго-Восточной Азии. Орест Георгиевич Верейский подарил свою акварель, которую он нарисовал для нас с братом в качестве задника для диарамы, которую мы с ним задумали делать. Познакомился я и со своими одногодками, которые жили по соседству: с Ниной и Андреем Антоновыми, Сереей Розовым, Олей Трифоновой, Леной Бондаревой. Их отцами были знаменитые писатели, но в детской дружбе не это было главным.

Даже в сознательном возрасте я был далек от идеи написать об истории поселка и о людях, которые в нем жили. Такие мысли начали посещать меня только ближе к шестидесяти. Кстати, примерно в этом возрасте обратились к воспоминаниям о Красной Пахре мои соседи Денис Драгунский и Дмитрий Симуков. Отличие этой книги от их воспоминаний и от книг Анны Масс о поселке в том, что я пытался зафиксировать более или менее объективную и широкую картину истории поселка, не полагаясь только на свои воспоминания. Как только я начал работу над этой книгой, я понял, что сильно с ней опоздал. Лет десять-пятнадцать назад она бы в значительно

большей степени опиралась на воспоминания самих ее героев. Ныне же мне удалось поговорить только с четырьмя моими героями-жителями поселка. Об остальных мне рассказали их родственники или их книги.

Сначала мне казалось, что достаточно рассказать только о жизни обитателей поселка на дачах, об их увлечениях, друзьях, о том, как им работалось вдалеке от городской суеты. Чуть позже, поговорив со своими знакомыми молодого поколения, я понял, что многие из них и не знают о людях, которые когда-то жили в Красной Пахре. Так пришла в голову мысль, что значительную часть материала нужно посвятить самим писателям, композиторам, кинорежиссерам, которые жили в поселке, напомним молодежи, кто такие Симонов, Кармен, Ромм. Мне и самому стало очень интересно собрать о них информацию, узнать с другой, не дачной стороны. Особое удовольствие мне доставляло, когда я находил дневники или рассказы писателей, в которых они сами вспоминали о Красной Пахре. Я довольно много цитирую эти отрывки, совершенно потрясенный силой описаний природы и быта поселка. Я имею в виду записи Александра Твардовского, Юрия Трифонова, Юрия Нагибина, Виктора Розова, Михаила Матусовского. Понимая, что так писать никогда не смогу, я стремился хотя бы немного приобщить читателя к их мастерству. Я старался отдать написанные главы на редактирование их героям или родственникам, чтобы устранить возможные неточности и передать по возможности их литературные стили.

А теперь самая приятная часть работы: раздать благодарности. Я искренне признателен жителям поселка, которые не пожалели своего времени на разговоры со мной: Юрию Бондареву, Генриху Боровику, Виктории Токаревой, Эльдару Рязанову. Хотелось бы продлить этот список, но время неумолимо. Мне очень помогли в работе над книгой воспоминания и доброе отношение Натальи Асмоловой, Ольги Аллилуевой, Эльги Баклановой, Марии Кабалевской, Александра Кармена, Елены Котовой, Татьяны Правдиной, Елены Липатниковой, Аллы Нагибиной, Сергея Розова, Ольги Тангян, Георгия Матусовского, Александра Сикорского, Аракела Саядянца. Я очень признателен работникам дирекции ДСК «Советский писатель», которые содержат архивы поселка в идеальном состоянии, прежде всего, Валентине Пясецкой.

Что из всего этого получилось, судить читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О ПОСЕЛКЕ КРАСНАЯ ПАХРА

- О. Семенова.* Юлиан Семенов. ЖЗЛ, М.: Молодая гвардия, 2006.
- А. Твардовский.* Новомирский дневник. В 2 т. М.: ПРОЗАиК, 2009.
- Д. Симуков.* Обратный отсчет. Записки инязовца. М.: Аграф, 2010.
- Э. Бакланова.* Мой муж Григорий Бакланов. Журнал «Знамя» №1, 2011.
- Е. Кузьмина.* О том, что помню. М.: Искусство, 1989.
- М. Ромм.* Как в кино. М.: ДЕКОМ, 2003.
- А. Масс.* Вахтанговские дети. Серия «Символы времени». М.: Аграф, 2005.
- В. Розов.* Поселок. Собр. соч. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2011.
- Д. Драгунский.* Нет такого слова. М.: Рипол-Классик, 2009.
- Мой режиссер Ромм. М.: Искусство, 1993.
- Ю. Трифонов.* Записки соседа. М.: 2011.
- Ю. Нагибин.* Дневник. М.: Рипол-Классик, 2009.
- А. Кармен.* Неизвестные войны Романа Кармена. Новосибирск.: Приобские ведомости, 2008
- А. Масс.* Писательские дачи. Серия «Символы времени». М.: Аграф, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение (1952–1961)	5
Константин Симонов (1915–1979)	25
Роман Кармен (1906–1978)	38
Михаил Ромм (1901–1971)	51
Виктор Розов (1913–2004)	66
Дмитрий Кабалевский (1904–1987)	81
Павел Антокольский (1896–1978)	96
Юрий Нагибин (1920–1994)	111
Александр Котов (1913–1981)	127
Михаил Матусовский (1915–1990)	142
Расцвет (1961–1970)	155
Александр Твардовский (1910–1971)	176
Юрий Бондарев (1924)	191
Юрий Трифонов (1925–1981)	202
Владимир Тендряков (1923–1984)	217
Григорий Бакланов (1923–2009)	232
Застой (1972–1985)	246
Зиновий Гердт (1916–1996)	267
Эльдар Рязанов (1927)	283
Генрих Боровик (1929) и Артем Боровик (1961–2000)	299
Алексей Каплер (1904–1979) и Юлия Друнина (1924–1991)	320
Юлиан Семенов (1931–1993)	334
Виктория Токарева (1937)	349
Агония (1985–2011)	362
Послесловие	377
<i>Список литературы о поселке Красная Пахра</i>	379

Серия «Символы времени»

Ганулич Александр Анатольевич

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ»

На обложке: картина *Николая Крымова*
«Женская фигура в красном»

На титуле: картина *Николая Крымова*
«Пейзаж с грозой»

Редактор *И. Парина*
Компьютерная верстка *Т. Носовой*

Подписано в печать 25.02.13. Формат 84х108/32
Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС»
Усл.-печ. л. 20,16. Тираж 1000 экз. Заказ № 1343.

Издательство «Аграф»
e-mail: post@agrafbooks.ru
<http://www.website.ru/agraf>

9 785778 404434

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Первая Образцовая
типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53 53 80, 62 10 36
<http://www.gipp.kirov.ru>
e-mail: order@gipp.kirov.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Илья Басс

ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ ГЕРТРУДЫ СТАЙН

Это первая биография «великой и ужасной» Гертруды Стайн (1874–1946) на русском языке. Знаменитая американская писательница, прожившая большую часть жизни во Франции, стояла у истоков модернизма в литературе и явилась крестной матерью многих художников и писателей первой половины XX века. Ее собственные книги с трудом находили путь к читательским сердцам, но постепенно стали неотъемлемой частью мировой литературы.

Книга Ильи Басса основана на тщательно изученных документах и свидетельствах современников.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

**Бернгард Рубен
КАЗАКЕВИЧ**

Эммануил Казакевич (1913–1962) вошел в историю русской литературы как автор правдивых свидетельств о Великой Отечественной войне – повестей «Звезда», «Двое в степи», романа «Весна на Одере». Ему было дано познать славу и признание, он дважды удостоивался Сталинской премии. Как выглядят его жизнь и творчество сегодня, когда система координат изменилась? Видный российский литератор Б. Рубен нашел точную, объективную, непредвзятую интонацию и сумел раскрыть трагический конфликт между талантом Казакевича и системой советских ценностей. Перед нами биография Казакевича, написанная с сердечным сочувствием и документалистской проницательностью, биография, способная увлечь сегодняшнего, критически мыслящего читателя.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АГРАФ»

Александр Колмогоров

МНЕ ДОСТАВШЕЕСЯ.

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ НАДЕЖДЫ ЛУХМАНОВОЙ

В книге правнука ныне забытой русской писательницы Н.А. Лухмановой (1841–1907) и праправнука главного сибирского кожевенника Ф.С. Колмогорова (1824–1893) представлена увлекательная история семейных хроник, уходящих корнями в XI–XVI века.

Рассказы о бурной, почти авантюрной жизни «неистовой Надежды», приведшей ее на русско-японскую войну, о судьбах ее незаконнорожденных детей, а затем и внуков, среди которых немало людей известных и чрезвычайно интересных, их дневники, письма, стихи, воспоминания – все это читается на одном дыхании. На страницах книги читатель найдет и малоизвестные факты биографии музы Н. Гумилева – Татьяны Адамович, а также ее брата – поэта Георгия Адамовича.

Впервые представлены не публиковавшиеся ранее материалы из центральных и региональных архивов, музеев, семейного архива автора и других источников.

Александр Ганулич

Поселок писателей Красная Пахра явление уникальное, прежде всего потому, что там жили замечательные люди: писатели, поэты, драматурги, художники, композиторы, музыканты, кинорежиссеры. Их имена в свое время знала вся страна.

Константин Симонов и Александр Твардовский, Роман Кармен и Михаил Ромм, Зиновий Гердт и Эльдар Рязанов, Генрих и Артем Боровики – вот некоторые из героев этой книги.